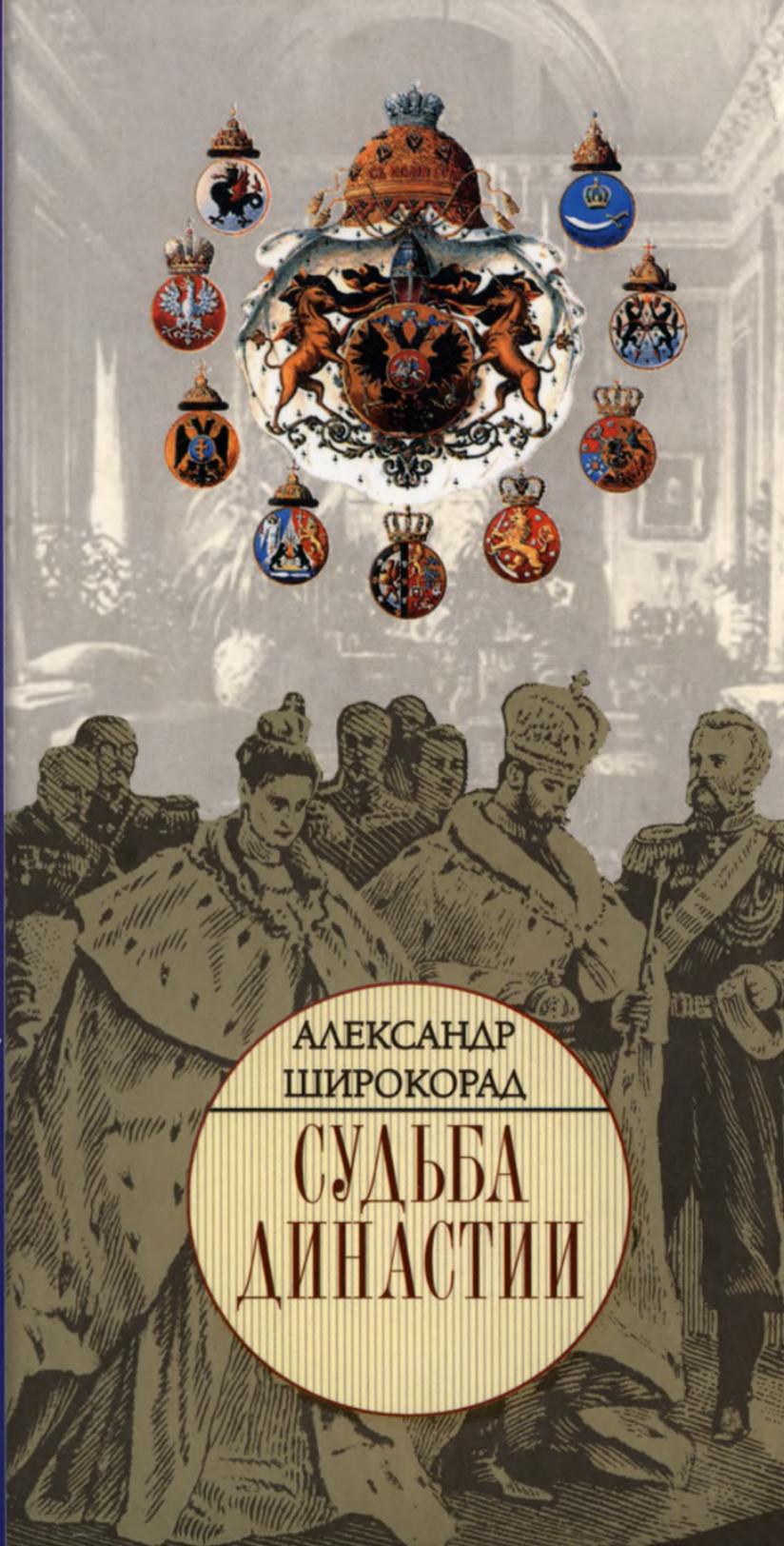

Историческая библиотека

АЛЕКСАНДР
ШИРОКОРАД

СУДЬБА
ДИНАСТИИ

Александр Широкоград

Александр Широкоград

СУДЬБА ДИНАСТИИ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 94(47)092

ББК 63.3(2)-8

Ш 64

Широкоград, А. Б.

Ш 64 Судьба династии / Александр Широкоград. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — 469, [11] с.: ил.

ISBN 978-5-17-058878-7 (АСТ) (Романовы)

ISBN 978-5-271-23585-6 (Астрель)

Оформление *В. И. Харламова*

ISBN 978-5-17-058883-1 (АСТ) (Ист. библиотека)

ISBN 978-5-271-23586-3 (Астрель)

Оформление *В. А. Воронина*

Новая книга современного писателя-историка А. Широграда дает ответы на многие вопросы, связанные с членами императорского дома Романовых. Как сложились их судьбы в эмиграции? На чьей стороне они были в годы Второй мировой войны? И, наконец, главный вопрос: возможна ли в XXI веке реставрация монархии в России?

УДК 94(47)092

ББК 63.3(2)-8

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 25.02.2009.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Школьная».

Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,4.

Тираж 2000 экз. Заказ 850.

Тираж 2000 экз. Заказ 851.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

ISBN 978-985-16-7024-2

(ООО «Харвест») (Романовы)

ISBN 978-985-16-7025-9

(ООО «Харвест») (Ист. библиотека)

© Широкоград А. В., 2009

© ООО «Издательство Астрель», 2009

Александр Широкоград

СУДЬБА ДИНАСТИИ

Глава 1

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ — МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

«В начале января 1598 года со смертью царя Федора Иоанновича прекратилась династия Рюриковичей, потомков Ивана Калиты. Ближайшими родственниками московских государей были бояре Романовы: первая жена Ивана Грозного происходила из этого рода. Глава семьи боярин Федор Никитич Романов приходился царю двоюродным братом».

Как вы думаете, откуда взята эта цитата? Из какой-нибудь брошюрки, изданной на казенный счет к 300-летию юбилею династии Романовых? Увы, нет. Сие написано в середине 90-х годов XX века в 623-страничном издании «Монархи Европы»¹, над которым славно потрудились три доктора и десять кандидатов исторических наук.

На самом же деле Романовы не имели никакого отношения к династии Рюриковичей, в том числе и к ее ветви — потомкам Ивана Калиты — правящей в Москве до января 1598 года.

Норманский конунг Рюрик стал первым русским князем в 862 году, а в дальнейшем страной правили его прямые потомки по мужской линии.

Князья периодически воевали между собой, потом мирились и пировали, иногда ослепляли, а бывало, и живота лишали своего же брата Рюриковича. Тем не менее в управлении страной был какой-то (пусть плохой), но порядок. Во всех княжествах с IX века и до начала XVI века правили только князья — прямые потомки Рюрика. Не было ни одного исключения, если, конечно, не рассматривать два особых случая — Новгородскую и Псковскую республики.

В этот период (в отличие от XVIII–XIX веков) в князья не удалось затесаться ни одному лакею, истопнику или торговцу пирогами с зайчатинной. Князья обычно вступали в брак с княжнами из соседних княжеств, с боярскими дочерьми, даже были браки с половецкими, а потом и татарскими княжнами. Боярская дочь, став женой Рюриковича, получала титул княгини, но никогда и ни при каких обстоятельствах ее родичи не становились князьями и уж подавно не могли претендовать на княжеский престол. То же можно сказать и о половецких и татарских князьях (ханах).

Московские правители Иван III, Василий III и Иван IV старательно вырезали своих родственников, и к 1598 году на Руси не осталось ни одного потомка Ивана Калиты. Зато были десятки князей Рюриковичей и Гедиминовичей, имевших законное право на престол в соответствии с обычаями Руси и Западной Европы. Речь идет о князьях Шуйских, Воротынских, Лобановых-Ростовских и других потомках великий князей² суздальских, тверских, рязанских, смоленских и т. д. Кстати, и у князя Дмитрия Михайловича Пожарского прапрадед был независимым князем Стародубским.

Любопытно, что во второй половине XIX века диссиденты князья Рюриковичи Петр Владимиро-

вич Долгоруков и Петр Алексеевич Кропоткин шутили, что у них больше прав на престол, чем у Романовых. И, замечу, формально они были правы — оба являлись прямыми наследниками великих князей смоленских.

Тогда как же оказался на московском престоле Михаил Романов? Родство по женской линии, повторяю, не давало никаких прав на престолонаследие. Десятки боярских родов³ и до, и после Смуты сумели породниться с московскими владыками. Так, тот же род Годуновых-Сабуровых дал в XVI веке три невесты в Дом Калиты.

Бояре же Романовы были на редкость беспородны. Родоначальником их считается дружинник московского князя Симеона Гордого Андрей Кобыла. Сей персонаж в первый и последний раз появляется в летописи в 1346 году — он вместе с другими дружинниками ездил за невестой князя в Тверь, а далее навсегда исчезает из поля зрения историков. Позже Кобылу объявили своим родоначальником не менее двадцати дворянских родов.

Род Кошкиных-Захарьиных-Романовых в XV—XVI веках не проявил себя ни славными делами, ни страшными заговорами. Они всегда были на вторых ролях, тем не менее сумели накопить огромные богатства, в первую очередь во времена разгрома Новгорода Иваном III и при казнях и конфискациях Ивана Грозного.

В Смутное время Филарет (в миру Федор Никитич Романов) стал патриархом при Тушинском воре, а его родня Романовы, Сицкие и Черкасские⁴ контролировали Боярскую думу (имеется в виду Тушинская дума, в Москве у царя Василия Шуйского была своя Дума).

После изгнания поляков из Москвы в конце 1612 года тушинские бояре устроили мятеж ту-

шинских казаков в Москве и захватили власть. Фактически в Москве и не было правомочного Земского собора. По официальной версии, 14 апреля 1613 года собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании царем Михаила Романова. Об этой грамоте хорошо сказал профессор Р.Г. Скрынников: *«За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывали в уста Михаила слова Бориса к собору, заставляли иноку Марфу Романову повторять речи иноки Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенесли ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову. Старая ложь возведена была теперь в ранг официальной доктрины»⁵.*

Чтобы убедиться, что избирательная грамота является фальшивкой, достаточно взглянуть на подписи под ней. Грамота помечена маем 1613 года, но в грамоте боярами названы Дмитрий Пожарский, И.Б. Черкасский, И.Н. Одоевский и Б.М. Салтыков, а между тем первые два получили боярство 11 июля 1613 года, а два последних — в декабре 1613 года. Формально грамоту подписали представители от 50 городов и уездов, многие города подписаны одним человеком, хорошо еще, если дворянином, а то и посадским человеком. Кузьма Минин — исключение в XVII веке, в то время ни один город не послал бы от себя выбирать царя одного посадского человека.

Так в Москве воцарилась династия Романовых. Одним из первых деяний нового царя была публичная казнь пятилетнего ребенка. Сына Марины Мнишек, в короновании которого участвовали все Рома-

новы, силой оторвали от матери и в одной рубашке по морозу потащили к месту казни.

Вот хороший пример «объективности» наших историков. Сколько слюней выпущено по «невинно убиенным отрокам» Димитрию в Угличе и Алексею в Екатеринбурге. А кто помнит повешенного царевича Ивана или его тезку императора Ивана Антоновича, которого с младенчества держали в крепости в одиночном заключении по приказу императрицы Елизаветы, а затем зверски убили в 1764 году по приказу Екатерины II.

Петр I, внук Михаила Федоровича, был первым браком женат на Евдокии Лопухиной и имел от нее сына Алексея. Но вскоре царь упек жену в монастырь, причем без всяких на то оснований. Сам же царь уже в начале 90-х годов XVII века, как говорится, пустился во все тяжкие. Ложе с царем делили сотни женщин, а по мнению многих историков, и мужчин, включая Алексашку Меншикова.

Впоследствии Петр стал отдавать предпочтение некой Марте. Первоначально ее именовали то Трубачовой, то Василевской, а позже — Скавронской. На самом же деле ее родители были простые чухонские крестьяне и не имели фамилии вообще. Родители отдали девочку в услужение лютеранскому пастору Глюку. По другой версии, родители ее умерли от чумы, и пастор взял сироту на воспитание. Пастор выдал Марту за немецкого солдата Иоганна Крузе, служившего трубачом в гарнизоне Мариенбурга. Оттуда и одна из ее фамилий-прозвищ — Трубачова. Солдат ушел в поход. А вскоре, 25 августа 1702 года, в Мариенбург вошли русские войска фельдмаршала Б.П. Шереметева. Марта стала добычей русских драгун, а затем шестнадцатилетняя солдатка оказалась в постели пятидесятилетнего фельдмаршала. Через некоторое время Шереметев подарил Марту

Александрю Меншикову. В следующем 1703 году Марту у Меншикова отобрал сам Петр Алексеевич. Вскоре Марта родила Петру двух близнецов Петра и Павла. Однако они вскоре скончались.

В 1705 году Марта принимает православие и становится Екатериной Алексеевной. 27 января 1708 года у Екатерины рождается дочь Анна, а 18 ноября 1709 года — Елизавета. Лишь в феврале 1711 года, и то в строжайшей тайне, Петр I обвенчался с Екатериной. Интересно, что Марта до конца жизни так и не развелась официально со своим первым мужем Иоганном Крузе. Наконец, в мае 1724 года Петр устроил коронавание Екатерины, и ей был присвоен титул императрицы.

В июне 1718 года по приказу Петра был убит его сын Алексей. 28 января 1725 года скончался Петр Великий.

Петр своим указом от 5 февраля 1722 года отменил тысячелетнее феодальное право, по которому наследником престола автоматически становился старший сын монарха. По новому закону царь мог назначить своим наследником кого угодно.

28 января 1725 года умер Петр Великий, так и не назначив своего преемника. По преданию, Петр не сумел дописать завещание. Как сказал поэт Максимилиан Волошин:

Петр написал костенеющей рукой — «Отдайте все...»

Судьба же дописала — распутным бабам с хахалями их.

Формально имелся законный наследник — десятилетний Петр Алексеевич, сын убитого царевича и внук Петра и Евдокии Лопухиной. Кроме него среди претендентов — дочери Петра Анна и Елизавета и две дочери слабоумного царя Ивана Алексеевича Екатерина и Анна. Из этой дамской компа-

нии Анна Петровна была в 1724 году помолвлена с Голштинским Карлом-Фридрихом, герцогом Гольштейн-Готорпским. Екатерина Ивановна успела побывать замужем за Леопольдом Мекленбургским и родила дочь Елизавету (после перехода в православие она получила имя Анна). В 1722 году Екатерина Ивановна бежала от мужа и поселилась с дочкой в Петербурге. Анна Ивановна вышла замуж за Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндского. Герцог умер через два месяца после свадьбы, и бездетная Анна тихо поживала в далекой Митаве.

Народ и большая часть дворянства ожидали увидеть на престоле законного наследника Петра Алексеевича. Но, увы, с 1725 года ровно на 100 лет монархия стала выборной, а выборщиками — гвардейские полки. Шефы гвардейских полков Меншиков и Бутурлин подкупили офицеров, и оба полка с барабанным боем подошли к царскому дворцу, где несколько часов назад скончался Петр Великий.

Бутурлин гордо заявил, что на престол вступает жена Петра Екатерина. Так на русском престоле оказалась Екатерина I, чухонка сомнительного поведения, которая, по словам Ф. Вальбуа, не умела ни читать, ни писать. Правил за нее тот же Алексашка Меншиков.

В нашу задачу не входит давать историю царствовавшего Дома Романовых. Поэтому скажем, что в ходе серии переворотов на престоле побывали Петр Алексеевич (1727–1730) и Анна Иоанновна (1730–1740). Петр II умер бездетным, а Анна, будучи не замужем, не могла иметь законных детей. Поэтому Анна назначает наследником своего внучатого племянника Ивана, сына племянницы Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха, герцога Брауншвейгского. По законам России и всей Европы Иван дол-

жен быть Брауншвейгским, а никак не Романовым. Но Брауншвейгская династия просуществовала в России около года. Младенец Иван VI был свергнут в 1741 году гвардейцами, посадившими на престол Елизавету Петровну. Младенец со всей Брауншвейгской родней был отправлен в крепость.

Елизавета была любвеобильна и имела массу фаворитов, но, как и Анна Иоанновна, не могла иметь законных детей. Елизавета, подобно Анне, подыскивает себе наследника. Здесь стоит отметить, что даже дамы, не имевшие семи пядей во лбу, как Анна и Елизавета, прекрасно понимали, что наличие дееспособного наследника необходимое, хотя и не достаточное условие существования монархии.

Наследником Елизаветы стал Петр Федорович, сын Анны Петровны и Карла-Фридриха Голштейн-Готорпского. Тетка женила племянника на принцессе Софии-Фридерике Ангальт-Цербской, получившей при переходе в православие имя Екатерина.

Замечу, что нас не должны вводить в заблуждение звучные немецкие титулы и фамилии. В те годы в Германии существовали десятки мелких государств. Иной русский боярин имел гораздо больше земель и крепостных, чем какой-либо немецкий принц или герцог. Тот же отец Екатерины князь Христиан-Август Ангальт-Цербский служил офицером в армии Фридриха Великого и жил довольно скромно, хотя и был буквально по уши в долгах.

В августе 1744 года состоялась свадьба Петра и Екатерины. Но нормальных супружеских (интимных) отношений у них не сложилось. Боясь грозной Елизаветы, Петр и Екатерина делали вид, что они муж и жена. После смерти императрицы оба супруга будут утверждать, что интимной близости у них не было. Вскоре Петр завел любовницу Екатерину Воронцову. Не отставала от мужа и Екатерина.

В мае 1746 года ее застали с камер-лакеем ее мужа Андреем Чернышевым, за что Чернышев был отправлен Елизаветой в крепость. Юная Фике особенно не расстроилась и увлеклась камергером мужа Сергеем Васильевичем Салтыковым.

В декабре 1752 года у Екатерины случился выкидыш. Петр Федорович заподозрил жену в неверности, поскольку беременность была для него полной неожиданностью.

Разобравшись в отношениях супругов, Елизавета плюнула на мораль и стала сквозь пальцы смотреть на связь Екатерины с Салтыковым — ей нужен был наследник престола.

Когда венценосные особы ждут какого-либо события, они не заставляют себя долго ждать. Так было и на этот раз — 20 сентября 1754 года Екатерина родила мальчика, названного Павлом. Позже ходили слухи, что родилась девочка, но ее подменили новорожденным чухонским мальчиком. Однако, поскольку достоверных доказательств этого нет, мы отбросим такую версию.

Петр, страхась тетки, официально признал сына. Но в своем кругу он откровенно говорил: «Я не знаю, откуда берет детей моя жена». После рождения Павла Сергей Салтыков был немедленно отправлен Елизаветой послом в Швецию.

Позже Петр застал Екатерину с польским послом Станиславом Понятовским, но пока царила Елизавета, о скандале нечего было и думать.

25 декабря 1761 года умерла императрица Елизавета. На престол вступил Петр III. Современников поразило, что в Манифесте о вступлении на престол Петр III не только не назначил сына Павла наследником престола, но и вообще не упомянул о нем.

Не будем гадать о дальнейших планах Петра III. 28 июня 1762 года он был низложен гвардейскими

полками. На престол взошла Екатерина II. 6 июля Петр III, сосланный в Ропшу, был убит гвардейскими офицерами (по одной версии, его удавили шарфом, по другой — ткнули вилкой в горло). Официально Петр III скончался от «геморроидальных коллик».

Таким образом, династия Романовых закончилась в 1730 году со смертью Петра II. Новый наследник, Павел Петрович, формально по всем правилам генеалогии относится к Голштейн-Готторпской династии. На самом же деле историки могут только гадать, кто был настоящим отцом Павла — Салтыков или безвестный гвардейский офицер, а может, чухонец?

Однако российские цари по-прежнему считали себя потомками бояр Романовых, как будто бы ничего не произошло. Правда, в левую часть герба Его Императорского Величества был внесен герб Голштейн-Готторпского дома.

За рубежом правящую в России династию считали Голштейн-Готторпской, и лишь потом прибавляли — Романовы. Из-за этого царица Александра Федоровна просила Николая II запретить распространение в России «Готского альманаха». Большого труда стоило придворным убедить ее, что такая акция серьезно подорвет престиж династии и государства.

Не будет преувеличением сказать, что династия держалась на лжи. Нагло ввали преподаватели — гимназистам, офицеры — солдатам, попы — крестьянским детям. Филарет Романов, мол, не был Тушинским патриархом, весь собор как один человек единогласно в 1613 году избрал Михаила, Петр III тихо скончался от геморроидальных коллик, а Павел I — от апоплексического удара и т. п. Во всех учебниках истории рисовалось генеалогическое древо Рюриковичей, плавно переходившее в древо Романовых. Кста-

ти, такое древо недавно восстановлено на потолке первого зала Исторического музея в Москве.

Нормальное наследование престола в России началось с Павла I, если не считать его смерть от «апоплексического удара».

Павел четко определил порядок наследования российского престола, согласно которому наследование велось исключительно по мужской линии, и лишь после смерти всех наследников по мужской линии престол могла наследовать женщина.

Павел регламентировал и статус членов семьи Романовых, некоторые изменения в него внес и Александр III в конце XIX века. По законам Российской империи титул великого князя автоматически присваивался при рождении сына и внука императора, а дочери императора получали титул великой княжны. Если великий князь вступал в брак с представительницей царственного рода, то его супруга получала титул великая княгиня. Если же великий князь вступал в неравноправный (морганатический) брак, то император был волен дать ей какой-нибудь выдуманный титул, например княгиня Палей, княгиня Юрьевская и т. д., либо вообще не признать этот брак.

Все же правнуки императора по мужской линии и внуки по женской линии получали титул князей и княжон императорской крови, но никогда не могли стать великими князьями и княжнами.

В зарубежной и отечественной литературе стало традицией делить великих князей и великих княжон династии Романовых на четыре группы — Александровичи, Константиновичи, Николаевичи и Михайловичи. Родоначальниками этих ветвей были сыновья императора Николая I Александр II (1818–1881), Константин (1827–1892), Николай (1831–1891) и Михаил (1832–1909).

Глава 2

АЛЕКСАНДРОВИЧИ

У Александра II от императрицы Марии Александровны было шесть сыновей: Николай (1843–1865), Александр (1845–1894), Владимир (1847–1909), Алексей (1850–1908), Сергей (1857–1905) и Павел (1860–1919).

Николай рано умер, не успев жениться. Александр в 1881 году стал императором Александром III. От жены Марии Федоровны он имел четверых сыновей: Николая (1868–1918), Александра (1869–1870), Георгия (1871–1899) и Михаила (1878–1918), а также двух дочерей — Ксению (1875–1960) и Ольгу (1882–1960).

В равнородный брак вступил лишь один сын Александра III — Николай, последний русский император.

Четвертый и пятый сыновья Александра II не имели законных детей. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович был гомосексуалистом и, как уверяют некоторые историки, педофилом, а генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович, имевший массу скандальных связей и внебрачных детей, официально женат не был.

Великий князь Александр Михайлович в воспоминаниях дал портрет последнего русского генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, *«который пользовался репутацией самого красивого члена императорской семьи, хотя его колоссальный вес послужил бы значительным препятствием к успеху у современных женщин. Светский человек с головы до ног, Beau Brummell⁶ и бонвиван, которого баловали женщины, Алексей Александрович много путешествовал. Одна мысль о возможности провести год вдали от Парижа заставила бы его по-*

дать в отставку. Но он состоял на государственной службе и занимал, как это ни странно, должность генерал-адмирала Российского Императорского флота. Трудно было себе представить более скромные познания по морским делам, чем у этого адмирала могущественной державы. Одно только упоминание о современных преобразованиях в военном флоте вызывало болезненную гримасу на его красивом лице. Не интересуясь решительно ничем, что бы не относилось к женщинам или же напиткам, он изобрел чрезвычайно удобный способ для устройства заседаний Адмиралтейств-совета. Он приглашал его членов к себе во дворец на обед, и после того как наполеоновский коньяк попадал в желудок его гостей, радушный хозяин открывал заседание совета традиционным рассказом об одном случае из истории русского парусного военного флота. Каждый раз, когда я сидел на этих обедах, я слышал из уст великого князя повторение рассказа о гибели фрегата "Александр Невский", происшедшей много лет тому назад на скалах датского побережья вблизи Скагена. Я выучил наизусть все подробности этого запутанного повествования и всегда из предосторожности отодвигался немного со стулом от стола в тот момент, когда, следуя сценарию, дядя Алексей должен был ударить кулаком по столу и воскликнуть громовым голосом:

— И только тогда, друзья мои, узнал этот суровый командир очертания скал Скагена.

Его повар был настоящим артистом, и адмиралы ничего не имели против того, чтобы ограничить дебаты совета пределами случая с "Александром Македонским"»¹.

Третий сын императора Александра II Владимир в 1874 году женился на Мекленбург-Шверинской принцессе Марии-Александрине-Елизавете-Элеоно-

ре. В семье Романовых это длинное имя выговорить не могли и ее просто звали Михень.

Вступив в брак, Михень долго оставалась лютеранкой и перешла в православие лишь в 1908 году, когда ее дети стали взрослыми. После принятия православия ее стали величать Марией Павловной старшей, дабы не путать с Марией Павловной младшей, дочерью великого князя Павла Александровича. Время перехода в православие для современного читателя может представляться мелочью, не столь важной для нашего повествования. Но, увы, тогда оно имело огромное значение. Вступив в брак с лютеранкой, великий князь Владимир Александрович нарушил статью 185-ю Основных Законов: «Брак мужеского лица Императорского Дома, могущего иметь право на наследование Престола, с особой другой веры совершается не иначе, как по восприятию ею православного исповедания».

У Владимира и Михень родилось четверо сыновей: Александр (1875–1877), Кирилл (1876–1938), Борис (1877–1943) и Андрей (1879–1956), а также дочь Елена (1882–1957). Эту подветвь мы далее будем называть Владимировичами. Отец обожал своих детей, но воспитанием их практически не занимался. Владимир мог погулять на стороне, но в доме доминировала Михень. Ее мнение имело огромное значение для детей.

Шестой сын императора Александра II великий князь Павел в 1889 году женился на племяннице императрицы Марии Федоровны — девятнадцатилетней принцессе Александре, дочери греческого короля Георга I, ставшей великой княгиней Александрой Георгиевной. Вскоре у них появилось двое малышей: Мария (1890–1958) и Дмитрий (1891–1942). Последние роды были очень тяжелыми, и на следующий день после рождения сына Александра

Георгиевна скончалась, не дожив и до двадцати двух лет.

Вскоре Павел Александрович утешился с женой адъютанта своего брата великого князя Владимира Александровича — полковника Эрика Пистолькорса. Собственно, с Ольгой Валерьяновной своего дядю в 1893 году познакомил цесаревич Николай, называвшей ее позже «мамой Лёлей». В декабре 1896 года у любовников родился сын Владимир. Осенью 1901 года Ольга Пистолькорс развелась с мужем, а через год в Италии обвенчалась с великим князем Павлом Александровичем.

Николай II буквально расвирепел, ведь он сам, будучи цесаревичем, танцевал с «мамой Лёлей» и писал ей игривые записочки, но чтоб жениться!

По приказу царя великий князь Павел был лишен всех должностей, ему воспрещался въезд в Россию. Мало того, он был лишен детей от первого брака — семилетнюю Марию и шестилетнего Дмитрия передали на воспитание в бездетную семью великого князя Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны, родной сестры императрицы.

Супруги поселились под Парижем, где у них в 1903 году родилась дочь Ирина, а в 1905 году — Наталья. Баварский король дал Ольге Валерьяновне титул графини Гогенфельзен.

Вернуться на родину и увидеть детей Павлу Александровичу помог эсер Каляев, чья бомба на куски разнесла Сергея Александровича. Москвичи по поводу этого покушения шутили, что великому князю впервые пришлось пораскинуть мозгами. Однако Ольге Валерьяновне въезд в Россию был запрещен.

Только в 1912 году Павел и Ольга добыли разрешение жить в Петербурге. В январе 1914 года Ольга познакомилась со старцем Григорием и уже через несколько дней была принята при дворе. А в 1915

году она и ее дети от Павла — Владимир, Ирина и Наталья — получили титул князей Палей.

Почему Палей? Николай II любил давать титулы, отдававшие стариной, но, увы, он слишком плохо знал историю. В конце XVII — начале XVIII века в Правобережной Малороссии прославился лихой полковник Семен Палий. Замечу, что настоящая его фамилия была Гурко, а Палий — просто прозвище, в переводе с малороссийского «поджигатель». И действительно, Палий в этом ремесле мог дать фору самому Стеньке Разину.

Глава 3

КОНСТАНТИНОВИЧИ

Сын императора Николая I Константин был большим либералом и одним из инициаторов отмены крепостного права. Будучи генерал-адмиралом Российского флота, он много сделал для становления нашего парового и броненосного флота.

Великий князь Константин Николаевич женился на Александре-Фредерике, принцессе Саксен-Альтенбургской, получившей при переходе в православие имя Александра Иосифовна. У них родилось шестеро детей — Николай (1850–1918), Ольга (1851–1926), Вера (1854–1912), Константин (1858–1915), Дмитрий (1860–1919) и Вячеслав (1862–1879).

Старший сын великого князя Николай Константинович стал русской «железной маской». В 1874 году он внезапно исчез из придворной хроники, календарей, где перечислялись августейшие особы, и т. д. В печати было запрещено даже упоминать его имя. И всё, собственно, из-за ерунды — он подарил своей любовнице американской актрисе Фанни Лир

кое-что из фамильных драгоценностей, да еще и проявил строптивый характер: не захотел каяться и унижаться. Николая Константиновича лишили титула и отправили по тюрьмам и ссылкам.

Второй сын Константина Николаевича, тоже Константин, в апреле 1884 года женился на принцессе Елизавете-Августе-Марии-Агнессе Саксен-Альтенбургской (1865–1927), получившей в России имя Елизавета Маврикиевна. Великий князь Константин Константинович занимался поэзией и драматургией и подписывался «К. Р.» — Константин Романов. Как-то литературный критик едко посмеялся над стихами К. Р., не подозревая о его августейшем происхождении. Критика вызвали в полицию и объяснили, что знать, кто такой К. Р., ему не положено, но в следующий раз за подобную критику его отправят в Сибирь.

К. Р. оказался более плодовит как отец, нежели как поэт. У него родилось девять детей: Иоанн, Гавриил, Татьяна, Константин, Олег, Игорь, Георгий, Наталья и Вера.

Третий и четвертый сыновья великого князя Константина Николаевича Дмитрий и Вячеслав, а также дочь Вера детей не имели. Наталья умерла через два месяца после рождения. А вот Ольга (1851–1926) в 1867 году вышла замуж за греческого короля Георга I и родила ему шестерых сыновей и двух дочерей. Из них: Константин (1868–1923) стал греческим королем, а Николай (1872–1938) женился на княжне Елене Владимировне, дочери великого князя Владимира Александровича. Николай был глуповатым повесой, именно он вместе с тезкой цесаревичем кидался шишками на крыше дворца в Ливадии, где на первом этаже умирал император Александр III. Зато его дочь Мария вышла замуж за Георга, герцога Кентского, брата британского короля Эдуарда VIII.

Младший сын Ольги Константиновны Андрей женился на Алисе Баттенберг. А их сын Филипп Маунтбэттен женился в ноябре 1947 года на принцессе Елизавете. В связи с этим Филиппу был пожалован титул герцога Эдинбургского. Через год у них родился принц Чарлз, затем принцесса Анна и принцы Эндрю и Эдвард. После смерти в 1952 году отца короля Георга VI Елизавета стала королевой Елизаветой II, но Филипп так и остался герцогом Эдинбургским.

Глава 4

МИХАЙЛОВИЧИ

Великий князь Михаил Николаевич был четвертым сыном императора Николая I. Михаил родился 13 октября 1832 года. В тринадцать лет его произвели в первый офицерский чин, а в пятнадцать лет он поступил на действительную службу в 3-ю батарею 2-й лейб-гвардейской артиллерийской бригады. В двадцать лет Михаил был произведен в генерал-майоры и назначен генерал-фельдцейхмейстером.

Замечу, что генерал-фельдцейхмейстер подчинялся императору, но не подчинялся военному министру, причем власть обеих тоже не была разграничена. Так, управление армией и флотом в России в XIX веке осуществлялось не по закону, а, как сейчас говорят, «по понятиям». Причем «понятия» эти определялись лично императором, генерал-фельдцейхмейстером и военным министром.

Самым приятным в должности генерал-фельдцейхмейстера была полная безответственность в закупках вооружения. Таким образом, эта должность стала самой «хлебной» в империи.

25 января 1856 года двадцатичетырехлетний Михаил вступил в исполнение обязанностей гене-

рал-фельдцейхмейстера и был назначен генерал-адъютантом⁸. 25 августа 1860 года великий князь Михаил Николаевич был произведен в генералы от артиллерии, а 6 декабря 1862 года назначен наместником Кавказским и командующим Кавказской армией.

Как можно было управлять артиллерией империи из Тифлиса, не имея ни железной дороги, ни телеграфной связи с Петербургом, понять невозможно. Но, увы, в многострадальной России и не такое бывало.

В 1852 году Михаил Николаевич женился на принцессе Цецилии-Августе Баденской, получившей при переходе в православие имя Ольга Федоровна. В то время Великое герцогство Баденское было независимым государством. Оно располагалось на правом берегу Рейна и представляло собой полосу длиной в 265 верст и шириной в 17–135 верст.

14 апреля 1859 года в семье великого князя родился первенец. При крещении младенца в честь деда императора Николая I нарекли Николаем. Его крестными и воспитателями были сплошь высокородные, царственные особы. Со стороны отца: дядя — император Александр II, вдовствующая императрица — бабушка Александра Федоровна, а со стороны матери — ее брат, Баденский герцог Вильгельм-Людвиг, и ее сестра, принцесса Мария Лейнингенская.

Через год в семье Михаила Николаевича родилась первая дочь Анастасия, а затем вновь пошли сыновья. В 1861 году родился Михаил, в 1863 году — Георгий, в 1866 году — Александр, в 1869 году — Сергей и, наконец, в 1875 году — Алексей.

В 1879 году Анастасия вышла замуж за Фридриха-Франца герцога Мекленбург-Шверинского. Брак этот не был политическим, герцогство входило в состав Германской империи, просто ничего лучшего

для Анастасии не нашли. В 1897 году герцог умер, а его вдова, как говорили в Германии, «забросила чепец за мельницу». Анастасию Михайловну постоянно видели в самых дорогих казино и отелях. Ей неизменно сопутствовала компания молодых плебеев. В конце концов Вильгельм II не выдержал и публично назвал герцогиню «нашей Мессалиной». Кайзер имел в виду жену римского императора Клавдия I, прославившуюся своим распутством и оргиями с мальчиками-подростками.

Любопытно, что младший брат мужа Анастасии Адольф Фридрих Мекленбург-Шверинский (1873–1969) был назначен Вильгельмом II правителем Соединенного герцогства Балтийского, в которое вошли Эстляндия и Курляндия (современные Эстония и Латвия). Однако герцогство просуществовало всего лишь несколько месяцев 1918 года. Ноябрьская революция в Германии перечеркнула планы кайзера.

Последние свои годы Анастасия Михайловна провела на своей вилле «Фантазия» в местечке Эзе на Лазурном Берегу. Там она тихо скончалась 11 марта 1922 года и была захоронена в фамильном склепе в Мекленбурге.

У Алексея Михайловича было трое детей. Старшая дочь Александрина (1879–1952) вышла замуж за датского короля Христиана X. Ее внучка Маргрете II по сей день царствует в Датском королевстве.

Младшая дочь Цецилия (1886–1954) вышла замуж за наследника германского престола кронпринца Вильгельма (1882–1951). Старший сын Цецилии Вильгельм, принц Прусский, стал офицером вермахта и 25 мая 1940 года был смертельно ранен в бою во Франции. Второй сын Цецилии Луи-Фердинанд в 1938 году женился на Кире, дочери великого князя Кирилла Владимировича.

О месте, занимаемом братьями Михайловичами

в августейшей семье, неплохо сказал великий князь Александр Михайлович: «За исключением наследника и его трех сыновей, наиболее близких к трону, остальные мужские представители императорской семьи стремились сделать карьеру в армии и на флоте и соперничали друг с другом. Отсюда существование в императорской семье нескольких партий и, несмотря на близкое родство, некоторая взаимная враждебность. Вначале мы, “кавказцы”, держались несколько особняком от “северян”: считалось, что мы пользовались особыми привилегиями у нашего дяди — царя. У нас пятерых были свои любимцы и враги. Мы все любили будущего императора Николая II и его брата Георгия и не доверяли Николаю Николаевичу. Вражда между моим старшим братом Николаем Михайловичем и будущим главнокомандующим русской армии Николаем Николаевичем — вражда, начавшаяся со дня их первой встречи еще в детские годы, — внесла острую струю раздора в отношения молодых членов императорской семьи: им приходилось выбирать, кого они поддерживают и с кем дружат — с высоким Николашей или с начитанным Николаем Михайловичем.

Хотя я и был новичком в области придворных взаимоотношений, еще задолго до нашей встречи, которая произошла в 1879 году, я начал относиться неприязненно к врагу моего старшего брата. Когда же я его увидел впервые на одном из воскресных семейных обедов в Зимнем дворце, то не нашел причины изменить свое отношение к нему. Все мои родные без исключения сидели за большим столом, уставленным хрусталем и золотой посудой: император Александр II, мягкость доброй души которого отражалась в его больших, полных нежности глазах; наследник цесаревич — мрачный и властный, с крупным телом, которое делало его значительно

старше своих тридцати четырех лет; суровый, но изящный великий князь Владимир; великий князь Алексей — общепризнанный повеса императорской семьи и кумир красавиц Вашингтона, куда он имел обыкновение ездить постоянно; великий князь Сергей, сноб, который отталкивал всех скукой и презрением, написанным на его юном лице; великий князь Павел — самый красивый и самый демократичный из всех сыновей государя.

Четыре Константиновича группировались вокруг своего отца великого князя Константина Николаевича, который из-за своих либеральных политических взглядов был очень непопулярен у старших членов семьи.

И наконец, наш “враг” Николаша. Самый высокий мужчина в Зимнем дворце, и это действительно было так, ибо средний рост представителей царской династии был шесть футов с лишком. В нем же было без сапог шесть футов пять дюймов, так как даже мой отец выглядел значительно ниже его. В течение всего обеда Николаша сидел так прямо, словно каждую минуту ожидал исполнения национального гимна. Время от времени он бросал холодный взгляд в сторону “кавказцев” и потом быстро опускал глаза, так как мы все как один встречали его враждебными взглядами».

Как и у всех членов династии Романовых, у братьев Михайловичей была возможна лишь одна карьера — военная. И вот старший сын великого князя Михаила Николаевича Николай, которого в семье прозвали Бимбо, к 1901 году дослужился до чина генерал-лейтенанта. Однако его больше манила наука — история, география, ботаника. Личная жизнь у Николая Михайловича не сложилась. Впервые, еще в юности, он надолго и пылко влюбился в свою двоюродную сестру принцессу Викторию Баден-

скую. Император Александр II был категорически против этого брака, и в 1881 году Викторину выдали замуж за шведского наследного принца. В 1907 году он вступит на престол под именем Густава V Адольфа, а Виктория станет королевой.

Бимбо и Виктория встречались несколько раз в Италии, даже в бытность ее королевой, но с годами пылкость чувства угасла и осталась только теплая дружеская привязанность с ее стороны.

В Париже Николай Михайлович влюбился в Амалию, правнучку герцога Филиппа Орлеанского. Но, увы, противодействие отца и Александра III вновь помешали вступить ему в брак. Любопытно, что и до этой любовной интриги Николая Михайловича в русской гвардии прозвали «Филипп Эгалитэ». Дело в том, что Филипп, герцог Орлеанский, был родным братом короля Луи XVI и в 1789 году вместо эмиграции решил стать революционером. Он отказался от титула и принял фамилию Эгалитэ (что по-французски значит «равенство»). Но, увы, новая фамилия не спасла Филиппа от якобинского террора. В 1793 году его голова попала под нож гильотины.

В начале Первой мировой войны Николай II отправил Николая Михайловича в штаб командующего Юго-Западным фронтом. Конкретной задачи он там не получил, зато вскоре накатыл докладную записку императору: *«К чему затеяли эту убийственную войну, каковы будут ее конечные результаты? Одно для меня ясно, что во всех странах произойдут громадные перевороты, мне мнится конец многих монархий и триумф всемирного социализма, который должен взять верх, ибо всегда высказывался против войны. У нас на Руси не обойдется без крупных волнений и беспорядков, когда самые страсти уже улягутся, а вероятий на это предположение много, особенно, если правительство бу-*

дет по-прежнему бессмысленно лхнуть в сторону произвола и реакции».

Третий сын великого князя Михаила Николаевича Георгий был во многом бледной копией Николая Михайловича. Он также отдал дань военной службе, но вскоре занялся живописью. Формально он имел оправдание — болезнь колена, что поставило крест на его карьере кавалериста. В 1900 году Георгия Михайловича женили на греческой принцессе Марии, дочери короля Георга I и Ольги Константиновны. Таким образом, Мария приходилась жениху двоюродной племянницей. Поди разберись в казуистике церковных марьяжных разрешений и запретов!

Мария не любила мужа, хотя и родила ему двух дочерей. Весной 1914 года она отправилась в Англию, а начавшаяся мировая война стала для нее хорошим поводом не возвращаться к мужу в Россию.

Узнав о смерти мужа, Мария Георгиевна в 1922 году вышла замуж за греческого офицера Перикла Иоаннидеса. Умерла она в Афинах в 1940 году. Ее дочери от Георгия Михайловича — Нина и Ксения — жили в США и умерли: Нина в 1974 году, а Ксения в 1965 году. Нина Георгиевна была замужем за грузинским князем Павлом Чавчавадзе. Их сын Давид Чавчавадзе дослужился до капитана армии США, а затем работал в ЦРУ. Он хорошо говорил по-русски. Давид был трижды женат, у него три дочери и сын.

В 1970-х годах в США Давид водил знакомство со Светланой Аллилуевой. Поговаривали даже об их помолвке. Был бы презабавный казус — внук великого князя породнился бы с дочерью Сталина.

Второй сын Михаила Николаевича, тоже Михаил, получил в семье прозвище Миш-Миш. Он стал гвардейским офицером, но вскоре его карьера оборвалась. В начале 1891 года в городке Сен-Реми в Италии

Миш-Миш обвенчался с графиней Софьей Николаевной Меренберг. Софья была дочерью принца Николая Вильгельма Нассауского и Натальи Александровны Пушкиной. Дочь «солнца нашей поэзии» развелась с мужем и вторично вышла замуж за принца Николая Вильгельма Нассауского. Их брак был признан неравноправным, а Наталье и ее детям запретили носить фамилию мужа. Взамен ей тестем герцогом Нассауским был дан титул графини Меренберг.

Женитьба Миш-Миша на внучке Пушкина вызвала большой скандал в Петербурге. Больше всего негодовали сиятельные дамы от императрицы Марии Федоровны до великой княгини Ольги Федоровны. В конце концов Александр III не признал этого брака, а Михаила Михайловича лишил всех чинов и званий и специальным указом запретил ему въезд в империю.

Миш-Миш к царскому указу отнесся спокойно. Молодожены в качестве основного местожительства выбрали Англию. Королева Виктория присвоила им титул графов де Торби. В России графы де Торби ни разу не побывали, не желая иметь дело ни с царями, ни с коммунистами, хотя в 1909 году император Николай даровал Миш-Мишу прощение и произвел его во флигель-адъютанты.

На Западе Михаил Михайлович известен как основатель знаменитого Каннского гольф-клуба. Открытый 17 марта 1892 года, клуб существует и поныне. В свое время в нем играли Ллойд-Джордж, Эйзенхауэр и Черчилль.

У Михаила и Софьи родилось трое детей: Анастасия, Надежда (Нада) и Михаил. Нада стала женой принца Джорджа Маунтбеттена, а сестра Джорджа, Алиса, вышла замуж за греческого принца Андрея. Именно в семье Алисы воспитывался нынешний герцог Эдинбургский, муж королевы Елизаветы Фи-

липп. А Надежда Михайловна (Нада) — его русская тетка.

Четвертый сын великого князя Михаила Николаевича Александр, прозванный в семье Сандро, еще подростком подружился с цесаревичем Николаем, благо, имение великого князя Михаила Ай-Тодор граничило с царской резиденцией Ливадией. Александр Михайлович выбрал морскую карьеру.

О своей первой встрече с цесаревичем Николаем и своей будущей женой Ксенией великий князь Александр Михайлович вспоминал: *«Длинная лестница вела от дворца прямо к Черному морю. В день нашего приезда, прыгая по мраморным ступенькам, полный радостных впечатлений, я налетел на улыбавшегося мальчика моего возраста, который гулял с няней, державшей ребенка на руках. Мы внимательно осмотрели друг друга. Мальчик протянул мне руку и сказал:*

— Ты, должно быть, мой кузен Сандро? Я не видел тебя в прошлом году в Петербурге. Твои братья говорили мне, что у тебя скарлатина. Ты не знаешь меня? Я твой кузен Ники, а это моя маленькая сестра Ксения.

Его добрые глаза и милая манера обращения удивительно располагали к нему. Мое предубеждение в отношении всего, что было с севера, внезапно сменилось желанием подружиться именно с ним. По видимому, я тоже понравился ему, потому что наша дружба, начавшись с этого момента, длилась сорок два года».

Глядя на очаровательную девочку, сидевшую на руках няни, Сандро не мог и представить себе, что через семнадцать лет Ксения станет его женой.

Летом 1894 года Сандро женился на великой княгине Ксении, дочери императора Александра III и родной сестре цесаревича Николая.

Александр Михайлович, бесспорно, был самым умным и прозорливым членом семейства Романовых. Он первым в России предложил строить броненосцы дредноутного типа и в целом реформировать русский флот накануне русско-японской войны. Он предсказал ход русско-японской войны. Александр Михайлович первым из августейшей фамилии оценил возможности «летающих этажерок». Недаром до 1917 года его называли «отцом русской авиации».

Но, увы, завершить все начинания ему мешал любимый кузен Ники. Он откровенно боялся аналитического ума Сандро. Кроме того, Александра Михайловича люто возненавидела Александра Федоровна. За что? — спросит читатель. Ведь именно Сандро и Ксения сделали так много для ее брака с Ники. Увы, летом 1900 года Николай серьезно заболел тифом. Более месяца он находился между жизнью и смертью в своей резиденции в Ливадии. Естественно, что возник вопрос о преемнике Николая. Согласно российским законам о престолонаследии, право наследования предоставлялось только мужчинам, а женщины могли взойти на трон лишь после смерти всех мужчин из августейшей фамилии Романовых.

У Николая II же были только дочери, и законным наследником являлся его брат цесаревич Михаил Александрович. Однако царь ненавидел брата, хотя внешне соблюдал приличия.

Тут следует обратить внимание на то, что Ливадия — не Санкт-Петербург, где династические споры в XVIII веке решала исключительно гвардия. Спору нет, рядом с Ливадией дислоцировались гвардейские части силою не более полка. Но сухим путем в Ливадию тогда попадали только через Севастополь. (Троллейбусного сообщения Симферополь — Ялта тогда, увы, не было, ну а горные тропы

не в счет.) Ливадийский дворец и все окрестные постройки расположены приблизительно в версте от моря и великолепно просматриваются даже с борта прогулочного катера — сам смотрел. А в хорошую оптику с марса броненосца видны и различия на погонах.

Таким образом, ситуация в Ливадии в случае смерти Николая полностью попала бы под контроль командования Черноморского флота.

Замечу, что позицию Черноморского флота в ходе династического кризиса определял не столько командующий флотом вице-адмирал С.П. Тыртов, сколько командир броненосца «Ростислав» капитан 1 ранга А.М. Романов. На службе капитан Романов вытягивался перед Тыртовым, а вне службы вице-адмирал вставал на вытяжку перед 34-летним великим князем и не имел права первым начать с ним разговор.

Александр Михайлович занял резко отрицательную позицию по отношению к попытке государственного переворота. В случае коронации Татьяны Александр Михайлович и его три брата могли слишком много потерять. Нетрудно догадаться, что в случае смерти царя Черноморский флот взял бы под контроль всех заговорщиков. А по законам Российской империи даже попытка изменить порядок престолонаследия каралась смертной казнью.

В 1915–1916 годах у великого князя была возможность поднять по тревоге войска и повторить события 1762 и 1801 годов, и, как показал февраль 1917 года, защищать кузена Ники никто бы не стал. Но, увы, у Сандро на это не хватило силы воли.

Пятый сын великого князя Михаила Николаевича Сергей получил в наследство от отца... русскую артиллерию. Правда, звание генерал-фельдцейхмейстера он не унаследовал, но, став генерал-ин-

спектором артиллерии, он творил в Военном ведомстве, что хотел. Михаил Николаевич до 1882 года проживал на Кавказе, а затем большую часть времени проводил в Париже и на Лазурном Берегу, где и умер в 1909 году. Генерал-фельдцейхмейстер не особенно вмешивался в артиллерийские дела, где управляли талантливые специалисты из Артиллерийского комитета Главного Артиллерийского управления (ГАУ). До 1894 года русская артиллерия была ориентирована на фирму Круппа, благодаря чему делила с артиллерией германской армии первое место в мире.

Сергей также не менее половины своего времени проводил во Франции, но зато взял под свой контроль все артиллерийские заказы. Вместе со своей сожительницей балериной Матильдой Кшесинской он организовал преступное сообщество с французской фирмой Шнейдера и зависимым от нее правлением Путиловского завода. Формально на Волковом поле (полигоне под Петербургом) проводились конкурсные испытания орудий различных заводов — Круппа, Шнейдера, Армстронга, «Шкоды», Обуховского и других. Почти всегда лучшими орудиями оказывались системы Круппа, но, по указанию Сергея, принимались на вооружение орудия Шнейдера.

В отличие от Круппа, Шнейдер в контрактах требовал, чтобы принятые на вооружение пушки заказывались только французским заводам и частному Путиловскому заводу. В результате орудийные заводы — Обуховский и Пермский — оставались без заказов Военного ведомства.

Мало того, французы определяли и военную стратегию России. Три императора — Николай I, Александр II и Александр III — построили самую мощную в мире оборонную систему на западе империи, состоявшую из трех линий крепостей. А вот

Николай II с подачи Сергея и К^о довел эту систему до полнейшего упадка, и все русские крепости, кроме Осовца, в 1914–1915 годах были захвачены немцами в течение нескольких дней.

Франции был нужен русский «паровой каток», и с подачи союзников наши не шибко грамотные генералы приняли доктрину «молниеносной войны» — «к ноябрю будем в Берлине». Если Шнейдер и Путиловский завод худо-бедно выполняли заказы по полевой артиллерии, то все без исключения заказы по тяжелой артиллерии были умышленно сорваны. К 1 августа 1914 года Россия не имела ни одного современного тяжелого орудия.

Зато Матильда Кшесинская построила себе три роскошных дворца, точнее, дворцовых комплекса: на Кронверкской набережной в Петербурге, в Стрельне и на Лазурном Берегу. Скромная мать-одиночка стала богатейшей женщиной в России.

И наконец, шестой сын великого князя Михаила Николаевича Алексей умер в 1895 году в возрасте всего двадцати лет.

Глава 5

НИКОЛАЕВИЧИ

Четвертый сын императора Николая I великий князь Николай Николаевич родился 27 июля 1831 года. Он сделал блестящую военную карьеру и дослужился до звания генерал-фельдмаршала. Увы, военными талантами он явно не блистал, одна Плевна чего стоила.

Николай Николаевич в 1856 году женился на Александре, принцессе Ольденбургской (1838–1900). В том же году у них родился сын Николай, а в 1864 году — Петр.

Вскоре Николай Николаевич фактически разошелся с женой и стал открыто жить с балериной Екатериной Числовой. От него у Числовой родилось пятеро детей, получивших фамилию Николаевы.

Великий князь Николай Николаевич в войне с турками в 1877–1878 годах был главнокомандующим русской армии на Балканах, и Числова, совершенно обнаглев, приехала к нему в ставку. Бездарный полководец, он стал героем офицерских анекдотов типа: «Вещий Олег взял Константинополь и прибил щит к его вратам, а Николай Николаевич хотел прибить к вратам Стамбула панталончики Числовой, да турки не дали» и др.

Великие князья Николай и Петр Николаевичи начали свою карьеру в гвардии. В 1895 году Николай Николаевич младший⁹ стал генерал-инспектором (главой) русской кавалерии, а Петр Николаевич в 1904 году стал генерал-инспектором инженерных войск. Любопытно, что именно Петр Николаевич первым, еще до великого князя Александра Михайловича, заинтересовался аэропланами и попытался завести военные аэропланы в Инженерном ведомстве. Однако в 1908 году Петр Николаевич по состоянию здоровья был освобожден от должности генерал-инспектора инженерных войск. Это соответствовало истине — великий князь страдал туберкулезом.

Как ни странно, личная жизнь братьев Николаевичей повлияла на историю России больше, чем их военная деятельность. Их обоих угораздило жениться на дочерях черногорского князя, а с 1910 года — короля Николы Негоша. Две его дочери — Милица (1866–1951) и Станислава (1867–1935) были отправлены учиться в Петербург в Смольный институт. Окончив Смольный в числе лучших учениц, сестры в один год и в один месяц — в августе 1889 года — вышли замуж.

Милица стала женой великого князя Петра Николаевича. У них родилось четверо детей: Марина (1892), Роман (1896), Надежда (1898) и Софья (1898). Последняя девочка умерла во время родов, а остальные дети оказались долгожителями.

Станислава же вышла замуж за герцога Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского (1852–1912). Сам герцог не желал вступать в брак с черногоркой, но его принудил к этому Александр III из политических соображений — Черногория была верной союзницей России на Балканах и дорого обходилась бюджету России.

Через год у герцога появился сын Сергей (1890–1977), а еще через два года родилась дочь Елена (1892–1976). Тем не менее отношения между супругами были крайне натянутыми.

Анастасия с большим удовольствием играла роль мученицы. Замечу, что еще в Смольном Станислава сменила имя на Анастасию. Обе черногорки родились в православной вере, но имя Станислава было слишком польским и резало русским ухо. Ну а для близких Анастасия осталась Станой. К «несчастной Стане» прониклась сочувствием молодая императрица Александра Федоровна.

Обе черногорки увлекались мистицизмом и черной магией. Сын Милицы Роман страдал эпилепсией, и на почве лечения сына она познакомилась во Франции с шарлатаном Низье-Вашоль Филиппом, которого сейчас называли бы «целителем». Милица пригласила его в Россию. Во время своих приездов в Петербург он жил в имении великого князя Николая Николаевича младшего Знаменке в 15 километрах от столицы. Там Милица познакомила Филиппа с царской четой. Оба венценосца были в восторге от целителя. В августе 1901 года императрица Александра Федоровна писала Николаю II: «Как богата

стала жизнь с тех пор, как мы его узнали, и, кажется, все стало легче переносить».

По воле императора в ознаменование «врачебных заслуг» петербургская Военно-медицинская академия в 1901 году присвоила Филиппу звание доктора медицины. Кстати, во Франции это звание так и не признали.

Филипп устраивал для царя с царицей спиритические сеансы. В частности, он вызывал дух покойно императора Александра III, который давал соответствующие наставления своему сыну в области внешней и внутренней политики. В 1905 году Филипп умер, но незадолго до этого предсказал Николаю и Александре, что вскоре к ним явится новый провидец.

Об этом опять позаботились Милица и Стана. Еще при жизни Филиппа, в 1903 году, в Михайловском монастыре в Киеве они познакомились со старцем Григорием Распутиным. Историк Боханов писал: *«К тому времени слава Григория еще не достигла Петербурга. Черногорки устроили ему столичную “премьеру”. В усадьбах Знаменка и Сергеевка под Петергофом, принадлежавших Милице и Анастасии, Григорий стал частым и желанным гостем. Посещал он сестер и в их петербургских дворцах. Петр Николаевич и Николай Николаевич целиком разделяли душевные привязанности своих ненаглядных...»*

Обе великокняжеские пары были очарованы «старцем Григорием», с упоением слушали его «духовные откровения», находя для себя много важного, необычного, «захватывающего». Даже «бесстрашный вояка», командующий гвардией великий князь Николай Николаевич, был «пленен» Распутиным»¹⁰.

Милица и Стана свели Николая и Александру со старцем. Впервые царская чета встретилась с Распу-

тиным 1 ноября 1905 года в Петергофе. Царь записал в дневнике: *«Пили чай с Милицей и Станой. Познакомилась с человеком Божьим — Григорием из Тобольской губернии»*.

Видимо, под влиянием старца Николай II отступил от своих жестких правил в семейной жизни. Понятно, речь идет о родственниках, сам же император творил, что хотел. Николай II дал разрешение на развод Анастасии с герцогом Лейхтенбергским. А в 1907 году был заключен ее брак с великим князем Николаем Николаевичем младшим.

Черногорки торжествовали и... зарвались, стали поучать царственную чету. Но теперь Распутин не нуждался в них. Мало того, сестры начали мешать старцу. В 1910–1914 годах наметилось постепенное отдаление черногорок от императорской семьи.

С началом войны 1914 года Николай Николаевич младший стал верховным главнокомандующим русской армии. За время своего царствования Николай II ухитрился развалить аппарат управления империей, и чтобы хотя бы минимально обеспечивать снабжение армии боеприпасами и продовольствием, Николаю Николаевичу и его генералам волей-неволей приходилось брать на себя управление транспортом, связью, различными тыловыми организациями и т. д.

Императрица и Распутин были страшно этим обеспокоены и постоянно внушали царю, что его дядя желает стать Николаем III. В 1915 году царь упек дядюшку командовать Кавказской армией, а главнокомандующим назначил самого себя к ужасу всех министров и генералов. Так в России образовались два полюса власти — один в Могилеве в ставке главнокомандующего русской армии, а другой в Петрограде. Законы Российской империи ограничивали деятельность императрицы чисто представительскими функциями. Но Александра Федоров-

на в отсутствие супруга в Петрограде принимала доклады министров и отдавала различные распоряжения, являвшиеся прерогативой исключительно императора. Естественно, что все делалось с одобрения старца.

В Могилев в ставку царица ежедневно слала многочисленные указания Распутина. Александра требует от Николая: *«Слушайся нашего Друга, верь Ему...»* *«Бог недаром послал Его нам, только мы должны больше обращать внимание на Его слова, они не говорятя на ветер. Как важно для нас иметь не только Его молитвы, но и советы».* *«Думай больше о Григории, мой дорогой... Каждый раз, когда ты стоишь перед трудным решением, проси Его походатайствовать за тебя перед Богом, дабы Бог наставил тебя на путь истинный...»* *«Не слушайся других, слушайся только нашего Друга».* *«Григорий просил этого не делать — все делается наперекор его желаниям, и мое сердце обливается кровью от страха и тревоги...»* *«Надо делать всегда то, что Он говорит, Его слово имеет глубокое значение...»* *«Наш Друг за тебя, значит все будет хорошо...»* *«Я знаю, что будет фатальным для нас и для страны, если Его желания не будут исполняться...»* *«Кто не выказывает послушания Божьему человеку, не может ни в чем преуспеть, и мысли его не могут быть правильными».*

«Дорогой мой ангел, я очень хотела бы задать тебе много-много вопросов, касающихся твоих планов относительно Румынии. Все это крайне интересуется нашего Друга» (7 ноября 1915 г.).

«А теперь совершенно конфиденциально... Если в этот момент, когда начнется наше наступление, немцы через Румынию нанесут удар в наш тыл, какими силами тыл будет прикрываться? Будет ли послана гвардия к югу от группы Келлера

и для защиты направления на Одессу?.. И если немцы пробьются через Румынию и обрушатся на наш левый фланг, какие будут силы, способные защитить нашу границу?.. А какие существуют у нас теперь на Кавказе планы после того, как взят Эрзерум?.. Извини меня, если надоедаю тебе, но такие вопросы как-то сами собой лезут в голову... Интересно было бы знать, годится ли противогазная маска Алека?» (4 февраля 1916 г.)

«Григорий кашляет и волнуется в связи с положением вокруг греческого вопроса... Очень встревожен и просит тебя (в связи с создавшимся положением) послать телеграмму сербскому королю; к существу же дела — прилагаю Его бумажку, по которой ты и составишь свою телеграмму: смысл ее изложи своими словами». (6 ноября 1915 г.)

«А сейчас ОН считает, что было бы целесообразно не слишком настойчиво наступать на западном участке фронта... Можно вести наступление очертя голову и в два месяца закончить войну, но в таком случае будут принесены в жертву тысячи людей, если же проявить терпение, тоже дойдешь до цели, не пролив при этом так много крови». (Лето 1916 г.)

Николай спешит докладывать царице и Другу:

«Теперь на фронте временное затишье, которое прекратится только числа 7-го; гвардия тоже должна принять участие, потому что пора прорвать неприятельскую линию и взять Ковель». (2 июля 1916 г.)

«Завтра начинается наше второе наступление вдоль всего Брусиловского фронта. Гвардия продвигается к Ковелю». (14 июля 1916 г.)

Теперь начнем с чисто формальной стороны. О чем думал царь, направляя жене сверхсекретную информацию? Ведь разведка немцев могла перехватить ее. Да и зачем испытывать терпение собствен-

ных сановников и генералов? Ведь ни для кого не было секретом, что родной брат царицы Эрни, с которым до войны она постоянно находилась в переписке, в войну стал одним из руководителей германского генштаба.

А вообще, что понимает в «греческом вопросе», в устройстве противогаза системы Алека и т. п. вся честная компания в составе Алисы и Григория? А вот германскую разведку безумно интересовало, может ли защитить противогаз Алека от фосгена или иприта, удобно ли его ношение, какое время может провести в нем солдат.

А что касается планов продвижения русских войск после взятия Эрзерума, то за них много тысяч долларов отвалила бы любая разведка мира. Причем англичане и французы заплатили бы гораздо больше, чем немцы или турки. Благо, тут была замешана не столько военная стратегия, сколько послевоенная политика. Одно дело, если Кавказская армия пойдет в Месопотамию на соединение с англичанами, и совсем другое, если двинется к Черноморским проливам.

Давайте теперь представим малограмотного мужика из далекого сибирского села Покровское. Да на фига, простите за выражение, ему «планы относительно Румынии», как он мог составлять телеграмму сербскому королю? Он достиг положения у престола своими мистическими пророчествами, лечением наследника и царицы, возможно, своей мужской силой. Более высокого положения ему не достичь никакими советами по военному делу, внешней политике и экономике. Удачные или бездарные, его советы в любом случае вызовут лишь озлобление генералов и сановников. Григорий Ефимович был достаточно умен, чтобы не понимать этого, и все-таки полез с советами. Почему? Ведь пара безграмотных советов се-

рзезно подорвет его влияние на царскую чету. Но, вопреки всему, Распутин лезет буквально во все дырки и, вопреки здравому смыслу, дает дельные советы. Сейчас промонархистские историки любят превозносить отдельные факты, когда царь не послушал Распутина. Но им хорошо ответила сама царица в 1916 г.: *«Когда Он советует воздержаться от какого-либо действия и Его не слушаются, позднее всегда убеждаются, что Он был прав».*

Как такое могло случиться? Или нужно признать, что Распутин был каким-то сверхъестественным существом, через которое царю передавалась информация от какого-либо божества, инопланетян, дьявола и прочая. При исключении этого варианта автоматически следует второй — у Гришки были опытные кукловоды.

Такой вывод ужасает апологетов Николая II, и они всячески втирают очки неподготовленному читателю. Вот тот же Боханов: *«В последние годы монархии размышления и предположения о том, кто же действительно стоял “за этим Гришкой”, стали любимой шарадой в различных кругах общества. В наше время, когда очень многое уже прояснилось, можно со всей определенностью заключить, что Распутина никто не направлял и никакой заговор за ним не стоял».*

Вот так! И ни больше, и ни меньше. Ночи без сна проводил Гришка в думах о «греческом вопросе»; на «Вилле-Роде» слушал цыганок, а в мозгу сверлило, как же действует противогаз Алека?

Распутин быстро менял покровителей. В 1907 г. он порвал с черносотенцами типа Вострогова, в 1909 г. — с великим князем Николаем Николаевичем и сестрами-черногорками Милицей и Станой.

В 1914–1916 гг. наиболее близкими его «друзьями» становятся Арон Симанович и Манасевич-Ма-

нуйлов, а финансируют старца банкиры Гинсбург и Рубинштейн. Маловероятно, что эти лица были кукловодами Распутина (в русской прессе в 1915–1917 гг. кукловодов называли «темными силами»).

То, что «темные силы» существовали, сомнения нет. Это подтверждается и перепиской царицы с царем, и всей деятельностью Распутина. Но, увы, проследить дальнейшие связи за Симановичем и Рубинштейном пока никому не удалось. И это неудивительно. О деятельности английской, германской, русской (советской) разведки в XX веке мы сейчас знаем не более 10 %. А все остальное скрыто в дебрях архивов. Но и из того, что уже опубликовано, мы видим, как успешно проникали разведчики в окружение министров, премьеров, королей и королев.

Лично я верю, что в недрах отечественных архивов, в первую очередь президента, таится много секретов Николая II и Гришки Распутина. Не следует также забывать, что в 1945 г. НКВД захватило значительную часть архивов германской разведки. Только вопрос — где сейчас те архивы? Может быть, пора допустить к ним независимых отечественных историков, не ожидая, пока «добрые дяди» отправят эти архивы в Берлин «в порядке реституции».

Глава 6

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Победа «демократии» в России внесла полнейшую сумятицу в головы отечественных историков. Одни, изменив убеждения на 180 градусов, предают анафеме Февральскую и Октябрьскую революции, а другие умиляются демократическим февралем и проклинаят большевистский переворот. Создает-

ся впечатление, что на исторических кафедрах наших университетов собрались исключительно неучи, не имеющие представления о Великой французской революции, Гражданской войне в США и других подобных явлениях мировой истории.

Ах, репрессии! Ах, из страны уехал цвет нации, исчез дух нации, и прочие «ахи» да «охи». Так во Франции в 1792–1793 годах было казнено в процентном отношении больше людей, чем в России в 1918–1920 годах. Аналогично, из Франции эмигрировал гораздо больший процент образованной части общества, чем из России. Ну и что? За 10 последних лет наука и культура Франции продвинулись куда больше, чем за многие десятилетия правления всяких там Луи. Через 10 лет после революции Франция стала хозяйкой всей Европы, за исключением России и Англии.

А чем бы были сейчас США, если бы Северные штаты не начали жестокую и кровопролитную войну с Югом?

Чтобы понять, что произошло в России в целом и с семейством Романовых в частности, надо ответить на простой вроде бы вопрос — кто и когда развязал Гражданскую войну в России?

Ответ на эти два вопроса очевиден всем — и коммунистам, и либералам. Первые утверждают, что после Великой Октябрьской социалистической революции и «триумфального шествия советской власти» белые и интервенты начали Гражданскую войну, ну а время ее начала варьируется от конца 1917 года (мятеж Каледина) до июня 1918 года (мятеж чехословаков). Либералы же придерживаются мнения, что Гражданскую войну устроили большевики, ну а даты ее начала оставляют прежними.

И тем, и другим все ясно и понятно, а мне одному — нет. Я утверждаю, что началом Гражданской

войны в России следует считать день отречения императора Николая II, а Гражданскую войну начали не белые и не красные, а местные сепаратисты и интервенты — армии обоих противодействующих блоков.

Начну с того, что в Первой мировой войне оба блока — Антанта и Тройственный союз — ставили своей конечной целью расчленение Российской империи. Причем союзники — Англия, Франция — желали отторгнуть большой объем территорий (Привисленский край, Прибалтику, Украину и Кавказ), чем Германия и Австро-Венгрия.

Формально страны Антанты заключили соглашение с Россией о передаче ей после войны Черноморских проливов, но одновременно Англия и Франция заключили секретное соглашение о том, что проливы ни в каком случае не должны попасть в руки России. Таким образом Россия впервые в своей истории воевала не за приобретение новых земель, а за собственное расчленение.

Летом 1917 года лишь отдельные армейские части и корабли сохранили относительную боеспособность и могли вести активные действия. Остальная же масса войск воевать не желала и практически не подчинялась командирам, как старым, так и назначенным Временным правительством.

Временное правительство не могло решить аграрный вопрос. Немедленно дать землю крестьянам? Министры-масоны боялись обидеть помещиков. Послать в деревню карательные отряды огнем и мечом навести порядок? Тоже нельзя: нет частей, способных выполнить этот приказ. Единственный выход — пообещать, что вот, мол, в конце года соберем Учредительное собрание, оно и решит вопрос о земле. Но сеять надо весной. А кто будет сеять, боронить и т. д., когда неизвестно, кому достанется урожаем осенью?

В марте—июне 1917 года только в Европейской России произошло 2944 крестьянских выступления. К осени 1917 года в Тамбовской губернии были захвачены и разгромлены 105 помещичьих имений, в Орловской губернии — 30 и т. д. Размах крестьянских восстаний был больше, чем во времена Разина и Пугачева, но те выступления крестьян историки называют крестьянскими войнами, а в марте—октябре 1917 года в России вроде бы гражданской войны и не было.

Главное же, что с марта 1917 года по всей Российской империи подняли головы сепаратисты. К октябрю 1917 года под ружье было поставлено несколько сот тысяч военнослужащих «незаконных вооруженных формирований», созданных сепаратистами в Финляндии, Прибалтике, Украине, Бессарабии, Крыму (татары), на Кавказе и в Средней Азии. Эти формирования (армии) подчинялись исключительно властным гособразованиям сепаратистов.

Замечу, что отделяться от России желали не только самозваные лидеры «инородцев», но и верхушка казачества на Кубани, «областники» (леволиберальная буржуазия) в Сибири и т. п. Поначалу они говорили лишь о федеративном устройстве России, а затем — и напрямую об отделении от центра, что советского, что белогвардейского.

Важно отметить, что сепаратисты всех мастей претендовали не только на земли, заселенные их народностями, но и на обширные регионы, где преобладали лица других национальностей. Так, поляки требовали возрождения Речи Посполитой «от можа до можа», то есть от Балтики до Черного моря. Финны претендовали на Кольский полуостров, Архангельскую и Вологодскую губернии, а также на всю Карелию. Территориальные претензии сепаратистов многократно перекрывались. Так, на Одессу пре-

тендовали поляки, украинцы и румыны. Понятно, что без большой гражданской войны решить эти территориальные споры было невозможно.

Предположим на секунду, что большевики в середине октября 1917 года решили отказаться от захвата власти, а их руководители отправились бы обратно в Швейцарию, США, сибирскую ссылку и т. п. Неужели вожди сепаратистов отказались бы от своих планов и распустили бы свои бандформирования? Неужели германское командование отказалось бы от удара по развалившейся русской армии и не пошло бы на сговор с прибалтийскими и украинскими националистами?

Весной—летом 1918 года неминуемо произошло бы германское вторжение. Союзники также высадились бы на Севере и на Дальнем Востоке России. Вялотекущая гражданская война перешла бы в тотальную гражданскую войну, но без участия большевиков.

Возникает вопрос — сумело бы никого не представлявшее Временное правительство во главе с Керенским выиграть эту войну? Ответ однозначный — нет!

Катастрофа России была неизбежна, и это понимали в 1915–1916 годах почти все члены семейства Романовых. Никто, включая императрицу-мать, не поддерживал политику Николая II и Александры Федоровны. В ночь с 16 на 17 декабря 1916 года князь Феликс Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович убили в Юсуповском дворце на Мойке Гришку Распутина. Позже Дмитрий Павлович будет хранить молчание о своем участии, а Феликс Юсупов представит его отдельным терактом четырех наивных людей, решивших спасти Россию от старца.

Увы, заговорщики не были наивными дилетантами. Просто убийство Распутина было удавшейся операцией большого неудачного заговора.

Вот что записал в дневнике 5 января 1917 года (24 декабря 1916 года по старому стилю) посол Франции: «В тот же день вечером (день погребения Распутина) крупный промышленник Богданов давал у себя обед, на котором присутствовали члены императорской фамилии, князь Гавриил Константинович, несколько офицеров, в том числе граф Капнист, адъютант военного министра, член Государственного совета Озеров и несколько представителей крупного финансового капитала, в том числе Путилов.

За обедом, который был очень оживлен, только и было разговоров, что о внутреннем положении. Под влиянием шампанского его изображали в самых мрачных красках с любезным русскому воображению чрезмерным пессимизмом.

Обращаясь к князю Гавриилу, Озеров и Путилов говорили, что, по их мнению, единственное средство спасти царствующую династию и монархический режим — это собрать всех членов императорской фамилии, лидеров партий Государственного совета и Думы, а также представителей дворянства и армии и торжественно объявить императора ослабевшим, не справляющимся со своей задачей, неспособным дольше царствовать и возвестить воцарение наследника под регентством одного из великих князей.

Нисколько не протестуя, князь Гавриил ограничился тем, что сформулировал несколько возражений практического характера; тем не менее, он обещал передать своим дядюшкам и двоюродным братьям то, что ему сказали.

Вечер закончился тостом “за царя, умного, со знающего свой долг и достойного своего народа...”

Вечером я узнал, что в семье Романовых великие тревоги и волнение.

Несколько великих князей, в числе которых мне называют трех сыновей великой княгини Марии

Павловны: Кирилла, Бориса и Андрея, говорят ни больше ни меньше как о том, чтобы спасти царизм путем дворцового переворота. С помощью четырех гвардейских полков, преданность которых уже поколеблена, они двинутся ночью на Царское Село; захватят царя и царицу; императору докажут необходимость отречься от престола; императрицу заточат в монастырь; затем объявят царем наследника Алексея под регентством великого князя Николая Николаевича.

Инициаторы этого плана полагают, что великого князя Дмитрия его участие в убийстве Распутина делает самым подходящим исполнителем, способным увлечь войска. Его двоюродные братья, Кирилл и Андрей Владимировичи, пришли к нему в его дворец на Невском проспекте и изо всех сил убеждали его “довести до конца дело народного спасения”. После долгой борьбы со своей совестью Дмитрий Павлович, в конце концов, отказался “поднять руку на императора”; его последним словом было: “Я не нарушу своей присяги в верности”.

Гвардейские части, в которых организаторы успели завязать сношения: Павловский полк, расквартированный в казармах на Марсовом поле, Преображенский полк, в казармах у Зимнего дворца, Измайловский полк, в казармах у Обводного канала, гвардейские казаки, в казармах за Александр-Невской лаврой, и, наконец, один эскадрон императорского гусарского полка, входящего в состав гарнизона Царского Села.

Все происходившее в казармах почти тотчас стало известно охранке, и Белецкому поручено было начать расследование в связи со следствием, которое он производит по делу Распутина; главным его сотрудником в его розысках является жандармский полковник Невданов, начальник собственной

его величества охраны, недавно заменивший генерала Спиридовича».

Частично это подтверждает и Ф.Ф. Юсупов: «Несмотря на то, что лишь члены императорской семьи имели право входа во дворец великого князя [Дмитрия Павловича], мы потихоньку принимали и других. Таким образом, многие офицеры явились уверить нас, что их полки готовы нас защищать. Они доходили до того, что предлагали Дмитрию поддержать возможное политическое выступление. Некоторые из великих князей считали, что следует попытаться спасти царизм, сменив царствование. С несколькими гвардейскими полками хотели идти ночью в Царское Село. Император будет вынужден отречься, императрица заключена в монастырь, а царевич объявлен императором при регентстве великого князя Николая Николаевича. Надеялись, что участие великого князя Дмитрия в убийстве Распутина прямо предназначало его возглавить это движение, и его упрашивали довести до конца дело национального спасения. Лояльность великого князя царю и царице не позволяла ему согласиться на подобные предложения».

О масштабах заговора свидетельствует и перехваченное МВД письмо княгини Зинаиды Юсуповой, адресованное великой княгине Ксении Александровне с сожалением, что «в тот день (17 декабря) не довели дела до конца и не убрали всех, кого следует...».

30 декабря (12 января по новому стилю) посол Палеолог записывает в дневнике: «Позавчера было совершено покушение на императрицу во время обхода госпиталя в Царском Селе, и виновник покушения — офицер — был вчера утром повешен. О мотивах и обстоятельствах этого акта — абсолютная тайна».

В своем дневнике Палеолог обязательно указывал на записанную ранее неверную информацию после получения достоверных данных. Однако к этому эпизоду он больше не возвращается. Достоверного подтверждения этого покушения мне найти не удалось, но это покушение очень вписывается в сложившуюся ситуацию после убийства Распутина.

Ф.Ф. Юсупов, расписывая в мемуарах свою версию убийства Распутина, частенько проговаривается, например: *«Великие князья и некоторые аристократы составили заговор, стремясь устранить императрицу от власти и добиться ее удаления в монастырь. Распутин должен быть сослан в Сибирь, император смещен, а царевич коронован. В заговорах участвовали все, вплоть до генералов. Связи, которые английский посол сэра Джордж Бьюкенен поддерживал с либеральными партиями, вызывали подозрения, что он тайно работает на революцию».*

На следующий день после убийства Распутина Юсупов заявил своему дяде, председателю Государственной думы Родзянко: *«С сегодняшнего дня мы все будем держаться в стороне от событий и представим другим заканчивать наше дело».*

Наконец, великая княгиня Елизавета, сестра царицы и вдова великого князя Сергея Александровича, сказала Юсупову: *«Не твоя вина, что последствия не соответствовали твоим ожиданиям. Это вина тех, кто не захотел понять, в чем состоит их долг».*

Почему же сорвался «великокняжеский заговор»? Тут опять концы были спрятаны всеми заинтересованными сторонами. Скорее всего, у исполнителей не хватило духу «убрать всех, кого следует». Ведь за 300 лет правления Романовых деликатная фраза «Государь должен отречься» означала «геморроидальные колики» или «апоплексический удар». Этого хотели очень многие, но не хотели лично пачкать руки.

Возможно, важную роль сыграла и быстрая реакция царя и царицы.

Утром 18 декабря 1916 года в Ставке идет обсуждение весенней кампании 1917 года. Внезапно в зал входит дворцовый комендант Воейков и подает царю телеграмму от императрицы — убит Распутин. Николай молча встает и покидает совещание. Через час два поезда, царский и свитский, мчатся на север. Назавтра, в 6 часов утра на перроне вокзала в Царском Селе Николая ждала Александра с дочерьми.

Царь немедленно начинает перестановки в правительстве. Причем критерием годности считается не компетентность, а личная преданность монарху. Вместо А.Ф. Трепова был назначен новый премьер-министр старец князь Н.Д. Голицын, сменил военный министр, министры юстиции, просвещения. Из членов Государственного совета исключены («переведены в разряд присутствующих») 16 человек, взамен назначены 18 новых преданных людей. Заменен и председатель Госсовета И.Г. Щегловитов.

Из Петрограда началась массовая высылка... великих князей! Первыми под конвоем специально назначенных офицеров отправились в «места не столь отдаленные» убийца Распутина князь Юсупов в свое имение Ракитное Курской губернии, а великий князь Дмитрий Павлович — на Персидский фронт. Из сосланных второй волны великих князей — Николай Михайлович в свое имение Грушевку (Херсонской губернии), Кирилл Владимирович командирован в Мурманск, Борис Владимирович — на Кавказ.

Если учесть, что великие князья Михаил Александрович (брат царя) и Николай Николаевич (бывший главнокомандующий) находились вне Петрограда, то великокняжеская группировка была обезглавлена.

Фактически Николай II в конце декабря 1916 года произвел контрпереворот. Тем не менее царь остается в Петрограде еще на два месяца, и только 22 декабря отправляется в Ставку в Могилев.

В конце 1916 года масоны из «Верховного Совета Народов России» сформировали правительство во главе с князем Львовым. Именно это теневое правительство станет «временным правительством».

Масонское руководство до последнего момента не могло решить вопрос о форме правления — быть России республикой или конституционной монархией. Прорабатывались оба варианта. С фронта в Петроград срочно вызван великий князь Михаил Александрович, где он вступает в переговоры с заговорщиками. Отрабатывается вариант с императором Алексеем II и регентом Михаилом Александровичем. Но часть руководителей масонов Михаил не устраивает — он мало популярен в генеральской среде, а главное, находится под сильным влиянием жены Натальи, умной, энергичной и очень честолюбивой дамы.

Поэтому в декабре 1916 года в особняке князя Львова было проведено собрание «братьев высоких степеней», среди которых был масон 33-й степени городской голова Тифлиса, член партии кадетов А.И. Хатисов. На собрании прорабатывали один из вариантов дворцового переворота. Николай II должен был «отречься» (тут уже все давно решено), великий князь Николай Николаевич должен быть объявлен императором Николаем III, существующее правительство немедленно разогнано, а его место займет уже сформированное правительство князя Львова.

На переговоры с Николаем Николаевичем выехал Хатисов. Львов и Хатисов условились, что при получении согласия Николая Николаевича на не-

медленные действия Хатисов вышлет в Петроград телеграммы: «Госпиталь открыт приезжайте». Напомню, что Николай Николаевич был в то время командующим Кавказской армией и находился в Тифлисе.

30 декабря 1916 года в Тифлис разными поездами приезжают Хатисов и масон великий князь Николай Михайлович. Первым посещает командующего Кавказской армией великий князь Николай Михайлович. Он сообщает, что шестнадцать великих князей дали согласие на смещение с трона Николая II и обещали полную поддержку Николаю Николаевичу. В тот же день (30 декабря) Николая Николаевича посещает Хатисов. Выслушав Хатисова, великий князь перешел к обсуждению практических вопросов, в первую очередь «как отнесется к отречению царя армия». В конце беседы Николай Николаевич попросил два дня на размышления. Два дня великий князь советовался с начальником штаба Кавказской армии генералом Янушкевичем.

Где-то в эти дни из Севастополя к берегам Кавказа тридцатиузловым ходом рванулся эсминец с командующим Черноморским флотом адмиралом Колчаком. Короткая встреча с великим князем, и эсминец мчит адмирала назад. Официальное объяснение таинственной встречи — решение проблем, связанных со снабжением Кавказской армии.

Однако великий князь Николай Николаевич с первых дней прибытия на Кавказ в 1915 году был под колпаком у охраны. О переговорах Хатисова с Николаем Николаевичем было доложено Николаю II. Царь решил сместить Николая Николаевича с поста командующего Кавказской армией и направить на Дальний Восток. Это мгновенно стало известно Хатисову и Николаю Николаевичу. Возможно, это известие поколебало великого князя, и он ушел от прямого

ответа. Телеграмма об «открытии госпиталя» в Петроград не пошла.

23 февраля (8 марта) 1917 года в Петрограде начались беспорядки, а к 28 февраля большая часть гарнизона Петрограда перешла на сторону восставших. Рано утром 1 марта великий князь Кирилл Владимирович снял свой Гвардейский экипаж с охраны царской семьи и привел его к Таврическому дворцу. Сам великий князь с большим красным бантом гордо вышагивал впереди матросов.

Великий князь Кирилл охотно давал интервью и смело обличал самодержавие. Так, журналисту «Биржевых новостей» он заявил: «Разве я, великий князь, был спокоен хоть минуту, что, разговаривая с близким человеком, меня не подслушивают?» Над дворцом Кирилла в Петрограде был вывешен красный флаг. А тем временем фактический главнокомандующий русской армией генерал Алексеев решился на беспрецедентный шаг — устроить «генеральский референдум» об отречении Николая II. 2 марта в 10 часа 15 минут командующим фронтами и флотами из Ставки была разослана телеграмма.

Через два часа в Псков Николаю II пришли телеграммы от: великого князя Николая Николаевича (Кавказский фронт), генерала Брусилова (Юго-Западный фронт), генерала Эверта (Западный фронт), генерала Сахарова (Румынский фронт), генерала Рузского (Северный фронт), адмирала Непенина (командующего Балтийским флотом). Все они во внешне вежливой, но категоричной по сути форме высказались за немедленное отречение царя в пользу Алексея.

Командующий Черноморским флотом адмирал Колчак воздержался от посылки телеграммы царю, но поддержал идею отречения.

Единодушный вердикт командующих фронтами и флотами — это вам не беспорядки в Петрограде, которые мог легко подавить один корпус, а в крайнем случае — неделя жесткой блокады столицы топливом и продовольствием, и все «деятели февраля» поползли бы на брюхе к царю-батюшке. Ну а «деятели октября» еще находились на берегах Женевского озера, писали статейки в Нью-Йорке, а большинство сидело «во глубине сибирских руд».

2 марта Николай II подписал отречение. К этому времени царский поезд почти сутки находился на железнодорожной станции Псков, блокированный частями генерала Н.А. Рузского. В манифесте об отречении говорилось: *«Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу, благословляя его на вступление на престол государства Российского. Заповедаем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательном единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу горячо любимой Родине».*

Любопытно, что в конце манифеста Николай надписал: «15 часов», хотя «часы показывали начало двенадцатого ночи».

Император Михаил Александрович процарствовал всего один день, и 3 марта тоже подписал отречение: *«Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных.»*

Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять Вер-

ховную власть, если такова будет воля народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые Основные Законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

*Петроград. Михаил
3 марта 1917 г.»¹¹.*

Сразу же после него великий князь Кирилл Владимирович тоже отказался от своих прав на престол: «Относительно прав наших и в частности и моего на Престолонаследие, я, горячо любя свою Родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа Великого Князя Михаила Александровича.

Великий Князь Кирилл Владимирович»¹².

Дальнейшее хорошо известно: масоны Временного правительства решили обойтись без членов августейшей семьи, и все они были уволены с военной службы, а на статской службе, как уже говорилось, никто из них не состоял. Царь с семейством был арестован по указанию Временного правительства, причем сам арест производил не кто иной, как сам генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов.

Временное правительство к октябрю 1917 года фактически потеряло власть, и ее взяли, а точнее, подняли из грязи большевики.

Кто и когда затеял Гражданскую войну, уже говорилось. Сейчас же я остановлюсь на другом любопытном факте — в России были красные, но не было «белых». В самом деле, ни в одном названии антибольшевистских сил нет прилагательного «белый», «белая».

Во время Великой французской революции «белыми» называли роялистов, сторонников династии Бурбонов, имевших белое знамя с лилиями. Но в России ни одно антибольшевистское движение не ставило перед собой цель восстановление монархии хоть с Романовыми, хоть с новой династией. В армиях Колчака, Деникина, Юденича и Миллера был официально провозглашен принцип «непредрешенности», мол, возьмем Москву, повесим большевиков, а тогда подумаем о форме государственности, границах России, распределении земли и т. д.

Командующие белыми армиями категорически отказывались принимать в свои ряды не только великих князей, но и даже отдаленных родственников Романовых. Официально это, равно как и принцип «непредрешенности», объяснялось командованием антибольшевистских армий тем, что они хотят объединения под своими знаменами наиболее широкого спектра недовольных Советской властью. Замечу, что это объяснение не очень убедительно. Армии Колчака, Деникина, Юденича и Миллера народ все равно называл «белыми», и все понимали, что после их победы придется возвращать помещикам как землю, так и все награбленное. Кстати, Добровольческая армия требовала в ряде мест производить подобную реституцию. Поэтому пропаганда красных «белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон» в среде рабочих и крестьян воспринималась как аксиома.

Однако Врангель, Деникин и Колчак прекрасно знали, что Романовы всегда ненавидели талантли-

вых генералов, и опала не миновала ни Суворова, ни Кутузова, ни Скобелева. Особенно боялись талантливых и умных приближенных Николай II и его жена. Вопрос, кому из белых командующих хотелось взять Москву, восстановить монархию, а затем отправиться в какое-либо Кончанское, или их больше устраивала судьба Маннергейма и Пилсудского? Лишь ответив на этот вопрос, мы сможет правильно понять взаимоотношения лидеров белого движения и членов августейшего семейства как во время, так и после Гражданской войны.

Летом 1918 года интервентам и белым сепаратистам удалось добиться существенных успехов в борьбе с советской властью. Красная армия повсеместно отступала. В ночь с 12 на 13 июля местные большевики без санкции центра схватили в Перми сосланного туда великого князя Михаила Александровича и расстреляли его вместе с секретарем англичанином Брайаном Джонсоном. Убийство было совершено при таинственных обстоятельствах. Тела убитых впоследствии так и не нашли. В 1920-х годах смерть Михаила не подвергалась сомнению ни в СССР, ни среди эмигрантов. И лишь в конце XX века появилась версия, что де Михаил спасся и стал Серафимом Поздняковым — архиепископом Катакомбной церкви: *«Михаил Романов был только ранен. Какая-то женщина выходила его. Из Перми для него начался новый путь преображения. Расстрельные пули стали концом прежнего периода его жизни. По сути, завершила свое существование династия Романовых. Монархия перестала существовать. Вторым этапом пути для Михаила Романова стал монашеский постриг.*

Несколько дней тайно, по ночам добирался он в Белогорский монастырь, который находился в 90 километрах от Перми. Царская семья знала об

этом монастыре, поскольку там находились многие святыни из Иерусалима, иконы и таинственный праведник Николай. Там беглеца приняли, дали документы и биографию умершего монаха, удмурта Михаила Поздеева.

Еще раз расстреливали бывшего великого князя уже как монаха Михаила Поздеева. Тогда в Белогорском монастыре расстреляли почти всех монахов. Но Михаил опять остался жив. Он пустился в странствия, вплоть до 1925 года, пока наконец не попал на Соловки.

Тридцать девять лет провел последний русский царь на Соловках, отпевал умерших узников, поддерживал живых. Верующие поклонялись ему, политические перед ним заискивали, а на урок и вохру его личность наводила ужас. Владыка Серафим, патриарх Соловецкий времен ГУЛАГа, заключил в себе венец полноты всех печатей истинного православия: печальник, мученик, страстотерпец, молитвенник, патриарх, святитель, чудотворец, отец, столпник»¹³.

Есть и другие «свидетельства очевидцев»: «Людмила Садаева, 88-летняя старушка из Нижнего Новгорода, перед смертью просила позвать священника, чтобы рассказать ему о тайне, которую хранила всю жизнь. Она открыла, что бывший архиепископ Серафим Соловецкий, умерший в 1971 году, является великим князем Михаилом Романовым и младшим братом последнего русского царя Николая II. Перед смертью старец открыл эту тайну своим духовным чадам, принеся клятву на Святых Дарах. При этом присутствовала Людмила, которая была келейницей отца Серафима.

После похищения из «Королёвских номеров» г. Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 года начинается новый путь Михаила Александровича Романова.

В 80 километрах от Перми на берегу Камы стоит Белогорский мужской монастырь. По свидетельству монахов, в это время туда пришел человек, истекая кровью. В нем узнали великого князя Михаила Романова и выносили его. Он прожил в монастыре несколько лет под именем Михаила Поздеева. Настоятель Белогорского монастыря отец Фиколай был духовником российского патриарха Тихона. Поэтому Михаил стал посредником между ними, доставляя письма настоятеля монастыря патриарху Тихону в Москву. В 1925 году, за три дня до своей смерти, патриарх Всея Руси рукоположил Михаила в священники с именем Серафим. Вскоре после смерти патриарха отца Серафима выследили и сослали в Соловецкий лагерь особого назначения, впоследствии переименованный в Соловецкую тюрьму особого назначения.

В течение 39 лет отбывал старец Серафим срок и на Соловках, и в других лагерях ГУЛАГа. Лишь после войны его амнистировали. Он еще долгое время продолжал служить и в возрасте 88 лет умер»¹⁴.

В ночь на 4 июля в Екатеринбурге в подвале дома купца Ипатьева была расстреляна царская чета, их пятеро детей и четверо приближенных. С начала 1920-х годов появилось несколько десятков самозванцев, выдававших себя за Николая II, его дочь Анастасию или сына Алексея.

В ночь на 18 июля в Алапаевске в 150 километрах к северо-востоку от Екатеринбурга были убиты великая княгиня Елизавета Федоровна, жена Сергея Александровича, великие князья Сергей Михайлович, братья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи и князь Владимир Палей, сын великого князя Павла Александровича в морганатическом браке.

28 января 1919 года в Петропавловской крепости были расстреляны великие князья Дмитрий Кон-

стантинович, Николай и Георгий Михайловичи. Последняя акция не была направлена конкретно против семейства Романовых. Великих князей расстреляли в ходе массового террора против явных и потенциальных противников Советской власти.

Полемика по поводу убийства членов династии Романовых идет уже 90 лет. Прокоммунистические историки утверждают, что убийства в Перми, Екатеринбурге и Алапаевске были необходимы, чтобы не дать в руки белых знамя, ведь в том же 1918 году эти города были захвачены Колчаком. По мнению советских историков, заполучив в свои руки бывшего царя или кого-либо из его родственников, белые-де могли придать себе больше легитимности и, соответственно, увеличился бы масштаб Гражданской войны и число ее жертв. Эмигрантские и нынешние «демократические» историки на эти аргументы ничего не отвечают по существу, а лишь ограничиваются стенаниями о невинно убиенных святых мучениках. Кстати, действительно, зарубежная православная церковь причислила к лику святых великомучеников всех членов династии Романовых, убитых во время революции и Гражданской войны.

Всех, кроме великого князя Николая Михайловича, который-де был социалистом и масоном. Тут иерархи церкви противоречат сами себе. Признать Николая II святым за его дела язык не поворачивается, назвать мучеником за веру — тоже, ведь ни его, ни других Романовых большевики не призывали отречься от православной веры. Тогда их объявили страсотерпцами, то есть просто мучениками, но тогда и Николай Михайлович был таковым.

Между прочим, если бы Николай II, Александра Федоровна и великий князь Сергей Михайлович натворили то же самое в 1914–1917 годах, но не в России, а, скажем, во Франции, то у военного суда не

было бы ни малейших сомнений при вынесении им смертного приговора.

Но вернемся к вопросу, столь обходимому современными историками: что было бы, если бы царская семья попала в руки белых? На мой взгляд, белые вожди получили бы не зная, а большие проблемы. Другой вопрос, что большевики об этом не могли знать. Логично предположить, что Колчак не стал бы держать членов царской семьи у себя в Ставке. Связи с Миллером и Добрармией у него не было, и Романовым оставался единственный путь по Транссибирской магистрали. И на ее восточном отрезке Романовы неизбежно попали бы в руки японцев как непосредственно, так и через атамана Семенова. А уж тут без вариантов — в начале 1920-х годов мы получили бы Дальвосточное-Го с каким-либо марионеточным императором Николаем, Алексеем или Анастасией в роли Пу-И.

Кроме убитых в Перми, Екатеринбурге и Алапаевске династия Романовых в 1918 году лишилась еще одного великого князя. Дождливый февральским днем 1918 года по ташкентским улицам двигалась большая похоронная процессия. За гробом шел отряд красногвардейцев, кумачовые знамена были увиты черными лентами. Оркестр выводил: «Вы жертвою пали...» На тротуарах толпились тысячи горожан, и никто не спрашивал «кого хоронят». Все знали: Ташкент прощается со своим князем — великим князем Николаем Константиновичем, внуком Николая I. Разумеется, большевики отдавали почести не великому князю, а старейшему в России узнику самодержавия. Николай Константинович сидел при Александре Освободителе, при Александре Миротворце, при Николае Кровавом, и лишь министр юстиции А.Ф. Керенский освободил его из бессрочной ссылки. Великий князь провел в тюрь-

мах и ссылках 43 (!) года, а декабристы — всего 31. Когда в тюрьмы стали поступать первые народо-вольцы, великий князь «мотал» уже 6-й год.

Глава 7

ОТ КИЕВА ДО ДЮЛЬБЕРА

С началом войны взаимоотношения между вдовствующей императрицей Марией Федоровной и Александрой Федоровной еще более обострились. Императрица Мария терпеть не могла Распутина, и в ее салоне великие князья и княгини допускали неприязненные высказывания о царствующей императрице. В итоге в 1915 году Марии Федоровне пришлось уехать из Петрограда в Киев. Фактически это была ссылка.

4 ноября 1915 года Алиса пишет Николаю: *«Я очень сожалею, что твоя матушка вернулась в город [то есть Петроград. — А.Ш.]. Боюсь, что прожужжат ей, бедной, уши нехорошими сплетнями»*. А вот письмо от 1 ноября 1916 года: *«Это гораздо лучше, что дорогая матушка остается в Киеве, где более мягкий климат, где она может жить более согласно своим вкусам и слышать меньше сплетен»*.

Нашелся и повод — в Киеве-де Марии Федоровне удобнее было заниматься делами Красного Креста. Кроме того, вдовствующая императрица принимала участие в инспекции военнопленных. Особое внимание она оказывала немецким пленным — уроженцам Шлезвига, на который по-прежнему претендовала Дания.

В Киев к Марии Федоровне приехала и ее младшая дочь Ольга. В 1901 году девятнадцатилетняя Ольга была выдана замуж за тридцатитрехлетнего принца Петра Ольденбургского. Ольденбургское се-

мейство уже целый век жило в России, так что никакого политического значения сей брак не имел. Как писал историк семьи Романовых Стаффан Скотт: Петр Ольденбургский «был известен как страстный игрок и кутила, и к тому же, как о нем тактично говорилось, “не интересовался дамами”»¹⁵.

Мотивы, которыми руководствовались Николай II и Мария Федоровна, выдавая Ольгу за принца, не поддаются логическому объяснению. Можно лишь предположить, что Ольга что-то натворила или хотела натворить, и брак был единственным средством ее остановить. Что же произошло на самом деле, мы никогда не узнаем.

Но и в браке Ольга вела себя достаточно вольно, разумеется, относительно тогдашнего этикета. В апреле 1903 года брат Михаил, служивший в лейб-гвардейском полку синих кирасир, взял ее с собой на полевой праздник. Там она познакомилась с двадцатидвухлетним ротмистром Николаем Александровичем Куликовским.

Великая княгиня влюбилась в ротмистра и, не мудрствуя лукаво, заявила принцу, что любит другого и желает развода. Принц испугался скандала и отказался дать развод. Но Ольга была непреклонна, и супруги пришли к компромиссному решению. Принц добился назначения ротмистра своим личным адъютантом и повелел ему поселиться во дворце Ольденбургских. Далее Петр пообещал не вмешиваться в личные дела Ольги и не досаждать служебными делами адъютанту.

А как на такой «брак втроем» смотрел император? Ведь все августейшее семейство жило под колпаком охранки, которая периодически направляла отчеты царю, перлюстрировала всю переписку семейства Романовых, причем Николай лично читал копии писем. Но тут Николай II хранил молча-

ние — пусть творят, что хотят, лишь бы не было огласки.

В 1950-х годах, уже проживая в Канаде, Ольга утверждала, что до 1916 года состояла в чисто платонических отношениях с Кукушкиным, так она шутя называла Куликовского. Ну что ж, безумно влюбленная женщина могла теоретически прожить с предметом своего обожания под одной крышей 13 лет без плотской любви, но практически в это верится с трудом.

С началом войны Куликовского отправили на фронт, и Ольга тоже решила идти на войну в качестве сестры милосердия. Пару раз она даже оказалась вблизи позиций войск, и однажды даже где-то недалеко разорвалась пара австрийских снарядов. За сей подвиг Ольга была удостоена Георгиевской медали. Большую же часть времени Ольга провела в Киеве.

Там же, в Киеве, осел и великий князь Александр Михайлович. В годы войны функции его были крайне неопределенными. Формально он командовал всем воздушным флотом, но из его ведома была исключена эскадра воздушных кораблей. Кроме того, Александр Михайлович командовал авиацией Южного фронта. Авиацией Северного фронта командовал генерал Каульбарс, который чисто формально подчинялся Александру Михайловичу.

Пятидесятилетний плейбой всегда оставался верен себе и завел в Киеве походную жену. Заметим, что Александр Михайлович в воспоминаниях никогда не приводит имен и фамилий своих зарубежных метресс, ну а с русскими — совсем другое дело: *«Если бы не она [великая княгиня Ольга. — А.Ш.] и не молодая сестра милосердия по фамилии Васильева, я был бы самым одиноким человеком в мире в критические дни войны. Васильева*

сейчас замужем за господином Чириковым, они живут в Каннах. Я часто ее навещаю, и мы вновь и вновь вспоминаем печальную и полную событий зиму 1916/1917 г.»¹⁶.

С конца 1915 года Ольга стала требовать от матери и брата разрешения на развод с Петром Ольденбургским и на брак с Куликовским. В марте 1916 года императрица Мария Федоровна писала Николаю II в Ставку: *«Я все понимаю и не упрекаю ее за ее стремление прежде всего к свободе, а затем к счастью, но она вынуждает тебя идти против законов семьи, — когда это касается самых близких, это еще больнее. Она — дочь и сестра Государя! Перед всей страной, в такое время, когда династия переживает такие тяжелые испытания и борется против революционных течений, — это грустно. Общество нравственно распадается, и наша семья показывает пример... Может быть, это нехорошо, но я надеюсь, что Петя не даст развода...»*

В октябре 1916 года Ольге удалось уговорить брата. Но Николай II дал устное согласие на брак, а принца вообще никто не спрашивал. Ольга мотивировала отсутствие развода тем, что таинство брака, как церковь именует супружеские отношения, не состоялось, его можно было просто-напросто признать недействительным.

Петр Ольденбургский после революции уехал во Францию. В 1922 году он вторично женился, а через два года умер на Лазурном Берегу.

4 ноября 1916 года в киевской церкви Святого Николая состоялось венчание Ольги и Куликовского. Свадьба прошла на редкость просто, без соблюдения каких-либо церемониалов. На ней присутствовали императрица Мария Федоровна, великий князь Александр Михайлович с женой Ксенией, а также несколько офицеров Ахтырского полка.

Вместо свадебного платья на Ольге была униформа сестры милосердия.

Узнав об отречении Николая II, императрица-мать и великий князь Александр Михайлович 4 (16) марта прибыли в Ставку в Могилев, где в последний раз встретились с Николаем II. В тот же день оба отбыли в Киев.

Первую неделю ситуация в городе была относительно спокойной, но уже 20 марта 1917 года в Киеве собрались представители националистических групп со всей Украины и провозгласили «Украинскую Центральную Раду». Начались беспорядки. Великий князь Александр Михайлович едко высмеивал украинских националистов: *«В составе Российской империи Украина процветала, и русские монархи приложили все усилия, чтобы развить ее сельское хозяйство и промышленность. 99% населения Украины говорило, читало и писало по-русски, и лишь небольшая группа фанатиков требовала равноправия для украинского языка. Их вышучивали, на них рисовали карикатуры. Жители Кентуккских холмов, которые стали бы требовать, чтобы Луисвилльские учителя употребляли их сленг, казались бы менее нелепыми»*.

Тем не менее здравый смысл подсказывал великому князю, что из Киева надо уносить ноги, пока еще не поздно. Он через великую княгиню Ольгу пытался несколько раз убедить семидесятилетнюю вдовствующую императрицу уехать в Крым.

«По всей вероятности, некоторым из наших добрых друзей, — пишет Александр Михайлович, — тронутых нашим положением, удалось повлиять на Временное правительство, и в один прекрасный день к нам явился комиссар и передал приказ отправиться немедленно в Крым. Местный совет всецело одобрил этот план, так как считал, что “пребыва-

ние врагов народа так близко от Германского фронта представляет собою большую опасность для революционной России”.

Нам пришлось почти что нести императрицу на вокзал. Она боролась до последней минуты, желая остаться и заявляя, что предпочитает, чтобы ее арестовали и бросили в тюрьму».

23 марта 1917 года Мария Федоровна, Александр Михайлович, Ольга Александровна и ее муж ротмистр Куликовский на специальном поезде убыли из Киева. Через два дня великая княгиня Ксения Александровна с детьми и фрейлиной С.Д. Евреиновой в сопровождении нескольких офицеров на поезде отправились из Петрограда в Крым. Вслед за ними выехали князь Феликс Феликсович и княгиня Зинаида Николаевна Юсуповы. Их сын Феликс пока остался в Петрограде.

12 апреля, сразу после приезда в Кореиз, Зинаида Николаевна написала сыну письмо, описав все свои мытарства: *«Подъезжая к Синельниково, стали набираться серые шинели во все вагоны нашего поезда, и наш вагон был переполнен. На крыше 16 человек, которые шумели, топотали, орали, как сумасшедшие, на буфетах, в проходах, в коридорах, все было переполнено, что проводник боялся крушения и ничего поделывать не мог. Так же и на станциях, все молчали и боялись этой дикой орды! — Из купе нельзя было выходить. Ночью они лежали, как мертвые там, и днем прохода не давали, кричали, пели, курили махорку, от которой трудно было дышать! — Когда проводник запер двери на ключ, то они ломали окна и лезли через окно!»¹⁷*

Княгиня не пишет, куда и зачем ехали солдаты. А это были дезертиры с фронта. Сейчас либеральные историки нагло врут, что это большевики разложили армию. Откуда они могли взяться в окопах в кон-

це марта — начале апреля 1917 года? Между тем великий князь Александр Михайлович еще 6 марта 1917 года написал жене в Петроград: «Начало разврата в армии положено». Позже он скажет: *«К ранней осени [1917 года] процесс революционного разложения достиг своего апогея. Дивизии, бригады и полки перестали существовать, и толпы грабителей, убийц и дезертиров наводнили тыл».*

Так что вопреки басням советских и антисоветских историков большевики не захватывали власть 25 октября 1917 года, а нашли ее в большой куче дерьма, отмыли и начали строить новое государство.

Но вернемся к нашим путешественникам. Из Севастополя, куда пришел поезд с Александром Михайловичем, Марией Федоровной и их спутниками, их доставили на автомобилях в имение Ай-Тодор под конвоем революционных матросов.

Рассказать о жизни в Ай-Тодоре предоставлю Александру Михайловичу, благо, теперь ему нечего скрывать: *«По приезде в Ай-Тодор мы получили длинный список того, что мы не должны были делать, от некоего господина, носившего громкий титул “Особый комиссар Временного правительства”.*

Мы состояли под домашним арестом и могли свободно передвигаться лишь в пределах Ай-Тодорского имения, на полутора десятинах между горами и берегом моря. Это условие было довольно приятным. Зато другие...

Охраняющие нас вооруженные моряки, отобранные за свои радикальные взгляды, имели право входить в наши комнаты в любое время дня и ночи. Без разрешения комиссара мы не могли ни получать, ни отправлять письма и телеграммы. Комиссар присутствовал при всех наших трапезах; рядом с ним находился его переводчик — на тот случай, если мы перейдем в разговоре на иностранные

языки. Всех, кто захотел бы нас видеть, обыскивали и при входе, и на выходе.

Каждый день проверялось, сколько мы израсходовали свечей и керосина. Я попытался уверить комиссара, что мы не владеем искусством изготовления бомб!

— Не в том дело, — ответил он смутившись. — Это для того, чтобы успокоить местный Совет. Они там думают, что вы можете посылать сигналы турецкому флоту.

Какую же свечу надо было иметь, чтобы подавать сигналы кораблям, стоящим в Босфоре, в четырёхстах милях от Крыма! Зато это идиотское объяснение открыло мне глаза на то, сколь неустойчиво положение нашего комиссара.

Он являлся представителем Временного правительства, матросы же действовали по уполномочию местного Совета, и обе эти революционные власти находились в постоянной вражде. Матросы не доверяли комиссару, комиссар же с ужасом смотрел на ручные гранаты, заткнутые за пояс революционных матросов. Будучи ранее членом Государственной Думы и происходя из богатой семьи, комиссар Временного правительства надеялся, что революционная буря скоро уляжется, страна заживет вновь нормальной жизнью и власть останется в руках его единомышленников.

Как все безответственные представители либеральных партий того времени, он попал, так сказать, между двух огней, и его крайняя неискренность не могла ввести циничных матросов в заблуждение. Они не скрывали своего презрения к нему, не слушались его приказаний и даже отказывались вставать при его появлении»¹⁸.

В конце апреля в Ай-Тодор приехал Феликс Юсупов. Одновременно Временное правительство дало

санкцию Севастопольскому совету на обыск в великокняжеских имениях на Южном берегу Крыма. На автомобилях и морем на военных транспортах «Дакия» и «Карл» в Ялту прибыли несколько сот человек специальной команды и 250 матросов-черноморцев. Для обыска женщин были привлечены представительницы севастопольского профсоюза дамских служащих. Обыски начались на рассвете 27 апреля.

21 июня 1917 года вдовствующая императрица написала своему брату принцу Вальдемару в Данию: *«На прошлой неделе во время домашнего обыска с нами обращались очень грубо и непристойно. Половина шестого утра: я была разбужена морским офицером, вошедшим в мою комнату, которая не была заперта. Он заявил, что прибыл из Севастополя от имени правительства, чтобы произвести у меня и в других помещениях обыск. Прямо у моей кровати он поставил часового и сказал, что я должна встать. Когда я начала протестовать, что не могу сделать это в их присутствии, он вызвал отвратительную караульную, которая встала у моей постели. Я была вне себя от гнева и возмущения. Я даже не могла выйти в туалет... Офицер вернулся, но уже с часовым, двумя рабочими и 10–12 матросами, которые заполнили всю мою спальню. Он сел за мой письменный стол и стал брать все: мои письма, записки, трогать каждый лист бумаги, лишь бы найти компрометирующие меня документы»*¹⁹.

Княгиня Ирина, дочь Александра Михайловича, в письме к своему дяде великому князю Николаю Михайловичу рассказала об обысках и произволе, чинимых их тюремщиками. Тот по простоте душевной как интеллигент к интеллигенту, как масон высокого градуса к такому же брату пришел к А.Ф. Керенскому. Увы, результат был совсем противоположный. По приказу министра юстиции Керенского

в Ай-Тодоре были проведены новые обыски, а режим арестованных еще более ужесточен.

В декабре 1917 года в имение Ай-Тодор прибыл представитель Севастопольского совета прапорщик Задорожный. Он сбъясил Александру Михайловичу, что «по стратегическим соображениям» узники Ай-Тодора будут переведены в соседнее имение Дюльбер, принадлежавшее великому князю Петру Николаевичу. Великий князь попробовал пошутить:

— Какие могут быть «стратегические соображения»? Разве ожидается турецкий десант?

Задорожный усмехнулся:

— Нет, дело обстоит гораздо хуже, чем вы думаете. Ялтинские товарищи настаивают на вашем немедленном расстреле, но Севастопольский совет велел мне защищать вас до получения особого приказа от товарища Ленина. Я не сомневаюсь, что Ялтинский совет попытается захватить вас силой, и поэтому приходится ожидать нападения из Ялты. Дюльбер, с его высокими стенами, легче защищать, чем Ай-Тодор, — здесь местность открыта со всех сторон.

Задорожный достал план Дюльбера, на котором красными чернилами были отмечены крестиками места для расстановки пулеметов. Сандро никогда и не задумывался над тем, как много преимуществ с чисто военной точки зрения имеет прекрасная вилла великого князя Петра Николаевича.

В 1897 году архитектор П.Н. Краснов закончил строительство дворцового комплекса «Дюльбер», что в переводе с арабского значит «прекрасный». Осмотрев дворец, братья Михайловичи смеялись над чрезмерной высотой толстых стен и высказывали предположение, что Петр Николаевич, вероятно, собирается начать жизнь «Синей Бороды». В ответ он отшучивался:

— Нельзя никогда знать, что готовит нам грядущее.

Александр Михайлович вспоминал: «События последующих пяти месяцев подтвердили справедливость опасений новых тюремщиков. Каждую вторую неделю Ялтинский совет посылал своих представителей в Дюльбер, чтобы вести переговоры с нашими неожиданными защитниками.

Тяжелые подводы, нагруженные солдатами и пулеметами, останавливались у стен Дюльбера. Прибывшие требовали, чтобы к ним вышел комиссар Севастопольского совета товарищ Задорожный. Товарищ Задорожный, здоровенный парень двух метров росту, приближался к воротам и расспрашивал новоприбывших о целях их визита. Мы же, которым в таких случаях было положено не выходить из дома, слышали через открытые окна обычно следующий диалог:

— Задорожный, довольно разговаривать! Надоело! Ялтинский совет предъявляет свои права на Романовых, которых Севастопольский совет держит за собою незаконно. Мы даем пять минут на размышление.

— Пошел к черту Ялтинский совет! Вы мне надоели. Убирайтесь, а не то я дам отведать севастопольского свинцу!

— Сколько вам заплатили эти аристократишки, товарищ Задорожный?

— Достаточно, чтобы хватило на ваши похороны.

— Председатель Ялтинского совета донесет о вашей контрреволюционной деятельности товарищу Ленину. Мы вам не советуем шутить с правительством рабочего класса.

— Покажите мне ордер товарища Ленина, и я выдам вам заключенных. И не говорите мне ничего о рабочем классе. Я сам старый большевик. Я уже был в партии, еще когда вы сидели в тюрьме за кражу.

— Товарищ Задорожный, вы об этом пожалеете!

— Убирайтесь к черту!..

...Каждый вечер, перед тем как идти ко сну, я по-лушутя задавал Задорожному один и тот же во-прос: “Ну что, пристрелите вы нас сегодня ночью?” Его обычное обещание не принимать никаких “ре-шительных мер” до получения телеграммы с севера меня до известной степени успокаивало.

По-видимому, моя доверчивость ему нравилась, и он спрашивал у меня часто совета в самых сек-ретных делах. В дополнение к возведенным укрыти-ям для пулеметов я помог ему возвести еще несколь-ко укреплений вокруг нашего дома, а по вечерам ре-дактировал его рапорты Севастопольскому совету о поведении бывших великих князей и их семейств.

Однажды он явился ко мне по очень деликатно-му вопросу:

— Послушайте, — неловко начал он, — товари-щи в Севастополе боятся, что контрреволюцион-ные генералы пошлют за вами подводную лодку.

— Что за глупости, Задорожный. Вы же служи-ли во флоте и отлично понимаете, что подводная лодка здесь пристать не может. Обратите внима-ние на скалистый берег, на приливы и глубину бух-ты. Подводная лодка могла бы пристать в Ялте или в Севастополе, но не в Дюльбере.

— Я им обо всем этом говорил, но что они пони-мают в подводных лодках! Они посылают сегодня сюда два прожектора, но вся беда заключается в том, что никто из здешних товарищей не умеет с ними обращаться. Не поможете ли вы нам?

Я с готовностью согласился помогать им в борь-бе с мифической подводной лодкой, которая должна была нас спасти. Моя семья терялась в догадках по поводу нашего мирного сотрудничества с Задорож-ным. Когда прожекторы были установлены, мы

пригласили всех полюбоваться их действием. Моя жена решила, что Задорожный, вероятно, потребует, чтобы я помог нашему караулу зарядить винтовки перед нашим расстрелом»²⁰.

Узники Дюльбера практически не получали информации извне. Поэтому Александр Михайлович считал, что от ялтинских комитетчиков их спасло появление немцев. На самом же деле 20–30 апреля на Южном берегу Крыма шли ожесточенные бои между татарами — с одной стороны и матросами и красногвардейцами — с другой. А 30 апреля 1918 г. в Севастополь вошли германские войска.

1 мая в 6 часов утра в Дюльбере зазвонил телефон. Александр Михайлович услышал громкий голос Задорожного, который взволнованно говорил: «Да, да... Я сделаю, как вы прикажете...».

Задорожный вышел на веранду, впервые за пять месяцев он выглядел растерянным.

— Ваше императорское высочество! — сказал он, опустив глаза. — Немецкий генерал прибудет сюда через час.

— Немецкий генерал? Вы с ума сошли, Задорожный. Что с вами случилось?

— Пока еще ничего, — ответил он. — Но боюсь, что случится, если вы не примете меня под свою защиту.

— Как могу я вас защищать? Я вами арестован.

— Вы свободны. Два часа тому назад немцы заняли Ялту. Они только что звонили сюда и грозили меня повесить, если с вами что-нибудь случится.

Ксения Александровна, присутствовавшая при разговоре, удивленно смотрела на Задорожного в полной уверенности, что тот сошел с ума.

— Слушайте, Задорожный, не говорите глупостей! — возмутился Александр Михайлович. — Немцы находятся еще в тысяче верст от Крыма!

— Мне удалось сохранить в тайне от вас передвижение немецких войск. Немцы захватили Киев еще в прошлом месяце и с тех пор делали ежедневно на восток от двадцати до тридцати верст. Но, ради Бога, Ваше императорское высочество, не забывайте, что я не причинил вам никаких ненужных страданий! Я исполнял только приказы!

Александр Михайлович с удивлением наблюдал, как этот двухметровый великан дрожал при приближении немцев и молил о пощаде. Великому князю стало жаль его, и он, похлопывая Задорожного по плечу, сказал:

— Не волнуйтесь. Вы очень хорошо относились ко мне. Я против вас ничего не имею.

— А их высочества великий князь Николай и Петр Николаевич? — растерянно пробубнил Задорожный.

Александр Николаевич и Ксения не смогли сдержать смеха, а затем Ксения успокоила Задорожного и пообещала, что ни один из старших великих князей не будет жаловаться на него немцам.

Ровно в 7 часов утра в Дюльбер прибыл немецкий генерал. Немец держался вежливо и предупредительно. Тем не менее императрица Мария Федоровна отказалась его принять. Переговоры вел великий князь Александр Михайлович. Для начала Сандро предложил оставить весь отряд революционных матросов во главе с Задорожным для охраны Дюльбера и Ай-Тодора. Немецкий генерал, вероятно, решил, что великий князь сошел с ума.

— Но ведь это же совершенно невозможно! — воскликнул он по-немецки, возмущенной этой нелогичностью.

Ведь, по мнению генерала, император Вильгельм II и племянник Александра Михайловича кронпринц никогда не простят ему, если он разрешит оставить

на свободе и около родственников русского императора этих «ужасных убийц». И Александр Михайлович вынужден был дать слово генералу, что обязательно напишет об этом его начальству и что он берет всецело на свою ответственность эту «безумную идею».

После этого императрица Мария Федоровна с дочерью великой княгиней Ольгой Александровной, ее мужем и недавно родившимся внуком переехали в имение Харакс, а Александр Михайлович с семьей вернулись в свое имение Ай-Тодор. Великий князь Николай Николаевич с женой поселились в Кичкине.

В течение почти полугодовой германской оккупации Крыма ни великий князь Николай Николаевич, ни Мария Федоровна так и не пожелали принять представителей германского командования. Немцы быстро раскусили незатейливую хитрость Романовых и соблюдали правила игры.

15 ноября 1918 года германские войска начали эвакуацию Севастополя. Пребывание в Крыму разложило германские войска. Князь В.А. Оболенский писал, что германцы вступили в Севастополь церемониальным маршем, а уходили, «лузгая семечки».

Свято место пусто не бывает, и уже 23 ноября в виду Севастополя показался флот Антанты, куда входили британские, французские и итальянские корабли.

Британский адмирал Кэльторп предложил от имени короля Георга V и его матери королевы Александры, родной сестры Марии Федоровны, всему семейству Романовых переехать в Англию. Мария Федоровна отказалась, что же касается Александра Михайловича, то, желая увидеть глав союзных правительств, собравшихся тогда в Париже, чтобы представить им доклад о положении в России, он об-

ратился к адмиралу Кэльторпу с письмом, в котором просил его оказать содействие его отъезду из Крыма до отъезда его семьи.

Английский миноносец доставил великого князя и его старшего сына Андрея из Ялты в Севастополь. «Странно было видеть севастопольский рейд, пестревший американскими, английскими, французскими и итальянскими флагами, — пишет наш герой. — Я напрасно искал среди этой массы флагов русский флаг или же русское военное судно».

Дело в том, что brave союзнички вовсе не собирались помогать белым в борьбе с «кровожадными большевиками». Наоборот, они воспрепятствовали белым офицерам захватить корабли Черноморского флота, стоявшие в Севастополе. Наоборот, когда в апреле 1919 года части Красной армии приблизятся к Севастополю, англичане угонят наиболее боеспособные русские корабли в Турцию, подводные лодки затопят недалеко от Севастополя, а на старых броненосцах взорвут машины. Город, порт и крепость Севастополь будут очищены интервентами до нитки.

Но всего этого Сандро не увидит. 11 декабря 1918 года на британском крейсере «Форсайт» великий князь навсегда покинет Россию. Замечу, что в воспоминаниях наш герой лукавит даже в мелочах: «Мы [он и британский командующий флотом] условились, что я покину Россию... на корабле его величества «Форсайт»». На самом же деле «Форсайт» был старым (постройки 1903–1905 годов) маленьким судном полным водоизмещением 2860 тонн и относившимся скорее к классу эсминцев, нежели крейсеров.

Остававшиеся на Южном берегу Крыма Романовы и Юсуповы продолжали жить в своих имениях до апреля 1919 года. Приведу запись из дневника Зинаиды Юсуповой от 17 января 1919 года: «В газетах

пишут о скором освобождении Петрограда эстляндскими и финляндскими войсками. Дай-то Бог!»²¹

Нечаянная радость великой патриотки — чухонцы берут Петроград! Думаю, она бы еще больше обрадовалась, узнав, что за взятие Петрограда генерал Юденич — «борец за единую и неделимую» — пообещал своему старому знакомому генералу Маннергейму Кольский полуостров и Восточную Карелию.

Но, увы, увы... Петроград не пал, зато красные вошли в Крым.

По приказу короля линкор «Мальборо» бросил якорь на внешнем рейде Ялты. На борт дредноута поднялись императрица Мария Федоровна, Ксения Александровна с младшими детьми, великий князь Николай Николаевич, Феликс Юсупов с женой и родственниками, а также несколько их придворных.

Утром 28 марта (11 апреля) 1919 года «Мальборо» поднял якорь и направился к Босфору. Старая императрица молча стояла на корме корабля, и из ее глаз текли слезы. Ни она, ни ее спутники больше никогда не увидят Россию.

Глава 8

МАРИЯ ФЕДОРОВНА НА РОДИНЕ

13 апреля 1919 года линкор «Мальборо» прибыл в Константинополь. Там Мария Федоровна и ее спутники пересели на пароход «Бермудион» и отправились на Мальту, где провели месяц в роскошном особняке в Ла-Валетте, предоставленном британскими властями. Вдовствующая императрица осматривала достопримечательности острова и посещала Слимские казармы, куда англичане поместили большую часть русских беженцев. 10 мая она села на пароход «Нильсон», направлявшийся в Англию.

В Англию Мария Федоровна прибыла тайно. Княгиня Мария Павловна младшая, находившаяся в числе встречавших ее, писала: «В каком-то порту она сошла с корабля, по-моему, тогда же встретилась с сестрой, королевой Александрой, и обе отправились поездом в Лондон. О времени прибытия поезда нас известили в последнюю минуту. По пути на платформу офицеры полиции останавливали нас на каждом углу, мы называли себя и после препирательств шли дальше. На платформу мы поспели прямо к поезду. Встреча напомнила прежние времена, но какая же была разница! И в помине не было блеска и суеты, ни хотя бы формального радушия. Впереди стояли король и королева с семейством, чуть поодаль приближенные. А мы вообще держались в тени. Не было людской толпы, на платформе было пусто и тихо. Мягко подкатили вагоны. В одном окне первого вагона стояла королева Александра, в другом — императрица Мария Федоровна. Поезд остановился. Королевская семья с сопровождающими прошла вперед, и вскоре из вагона спустились обе престарелые сестры. Обменялись приветствиями, и возглавляемая обеими королевами и императрицей группа пошла вдоль платформы. Потом мы присоединились к ним, поцеловали императрице руку, и она сказала нам несколько слов.

Она не сильно изменилась за те два с половиной года, что я не видела ее. На ней был строгого покроя костюм и отделанная блестками шляпка, вокруг шеи горжетка, схваченная на горле булавкой. Она не казалась нервной или расстроенной, была совершенно спокойна, выдержанна и даже улыбалась. Сравнивала она нынешнюю встречу с прежними? Отметила, что вокзал пуст, а окружающие растеряны? Ощутила, с какими смешанными чувствами

ее принимают? Неизвестно, а мы отметили и почувствовали, и нам было горько.

Королева Александра отвезла сестру в свою резиденцию, в Мальборо-хаус, где предполагала жить с нею. Сестры, одной за семьдесят, другая чуть моложе, еще со времен детства в родительском доме питали друг к другу девичью привязанность. На протяжении многих лет ежедневно обменивались письмами и телеграммами, мучились, потеряв связь в войну и особенно в революцию, когда королева теряла голову, переживая за сестру. И вот они снова вместе. Обе выглядели моложе своих лет, сохранили цвет волос — королева блондинка, императрица шатенка, у обеих ясные глаза; обе невысокого роста, гибкие, подвижные. На удивление бойкие, быстрые в движениях, всем вокруг интересующиеся. За исключением политических интриганов, все нормальные люди удовлетворились мыслью, что любящие сестры счастливы быть вместе. Но прошли недели, потом месяцы, и мало-помалу положение менялось. День за днем оставаясь с глазу на глаз, две дамы почтенных лет не могли не понимать, что, даже побеждая возраст и не позволяя себе выглядеть дряхлыми, они — старые, измученные жизнью женщины и общего у них очень мало, только возраст. Более полувека они жили каждая своей жизнью, и у каждой в жизни были свои, отличные от другой, интересы, отчего и взгляды у них развились разные. Положим, в прошлом они часто виделись, но то были краткие, по-светски суматошные встречи, они могли прийти, когда им заблагорассудится, и так же уйти, а тут они были привязаны друг к другу. Императрицу утомляла глухота королевы, королеву раздражало, что в ее упорядоченное хозяйство лезет свита императрицы. С оглядкой обе жаловались друг на друга, вина во всем испор-

тившийся характер сестры. Им не хватало прежнего согласия во всем, и они не могли понять, что их развело, если они так же привязаны друг к другу»²².

В итоге Мария Федоровна 19 августа 1919 года поднялась на борт рейсового парохода «Фиония», следовавшего в Копенгаген. Ее сопровождал брат — датский принц Вальдемар и двое казаков охраны, оставшиеся ей верными до самого конца.

Первые несколько месяцев после прибытия в Данию Мария Федоровна жила в королевском дворце Амалиенбург в Копенгагене. Она разместилась в той части здания, где раньше жил ее отец король Кристиан IX. В правом крыле дворца раньше жила ее мать — королева Луиза-Вильгельмина, а напротив, через площадь, была резиденция короля Кристиана X.

Тихон Николаевич Куликовский-Романов, внук Марии Федоровны, вспоминал о бабушке: *«Сколько я себя помню, я всегда питал глубокое уважение к Амама, как мы ее называли в семье. Она, мне казалось, была “всех главней”. Дом, сад, автомобиль, шофер Аксель, два камер-казака, при кинжалах и револьверах, дежуривших в прихожей, и даже датские гвардейцы, бравшие на караул у своих красных будок, — вообще все, все, все было бабушкино и существовало для нее. Все остальные, включая и меня самого, были “ничто”! Так мне казалось, и так, до известной степени, оно и было».*

Увы, вскоре у Марии Федоровны начались конфликты с королем Кристианом X. Тетушка все еще воображала себя императрицей великой страны, а племянник был до предела мелочен и скуп. Так, у них возникла война за экономию электроэнергии в королевском дворце. Однажды вечером к Марии Федоровне пришел слуга и передал настойчивую просьбу короля погасить часть ламп, поскольку последний счет за электроэнергию оказался слишком

большим. В присутствии королевского слуги императрица послала за своим камердинером и приказала ему зажечь все лампы во флигеле, от подвала до чердака.

Историк Стаффан Скотт отметил, что эта сцена сделала бы честь Шекспиру, а я, грешный, вспомнил Васисуалия Лоханкина, которого выпороли в «Вороньей слободке» из-за непогашенных лампочек в местах общего пользования.

Слухи о скандалах и склоках в Датском королевстве перешли в прессу. В конце концов, британский король Георг V назначил Марии Федоровне ежегодную пенсию в 10 тысяч фунтов стерлингов, и к огромной радости Кристиана X она тут же переехала из Амалиенборга в небольшой дворец Видёре, принадлежавший ей и ее двум сестрам. Дворец располагался на берегу моря в 10 километрах к северу от центра Копенгагена, рядом с ипподромом Клампенборг.

Но и с переездом в Видёре конфликты Марии Федоровны с Кристианом X не закончились. Так, во время визита итальянского короля Виктора-Эммануила с королевой Еленой в Данию Кристиан X заявил, что королевская чета будет принята вдовствующей императрицей в ее дворце в Видёре. А когда итальянские гости прибыли туда, Мария Федоровна даже не соизволила выйти к ним. Якобы вдовствующая императрица обиделась за то, что 7 февраля 1924 года Италия установила дипломатические отношения с Советской Россией, а затем итальянская эскадра посетила Ленинград, а советские эсминцы — Неаполь.

В 1921 году в курортном городе Рейхенгале в Баварии состоялся общероссийский монархический съезд, на котором присутствовали 150 человек. Съезд избрал Высший монархический совет в составе бывшего члена Государственной думы Н.Е. Маркова, А.А. Ши-

ринского-Шихматова и А.Н. Масленникова. Представители монархической эмиграции занялись поисками кандидата на пост «временного блюстителя престола до окончательного решения вопроса о его замене законным государем Императором». Митрополит Антоний (Храповицкий), генерал-адъютант В.М. Безобразов и Н.Е. Марков обратились с этим вопросом к Марии Федоровне, но она уклонилась от того, чтобы возглавить монархическое объединение.

«5 марта Высший Монархический Совет в Копенгагене по вызову Марии Федоровны послал графа Палена. Его командировка связана с предстоящей поездкой к генералу Врангелю для переговоров о привлечении армии на сторону монархистов. По поручению Марии Федоровны граф Пален должен быть на аудиенции у Сербского короля и от имени Марии Федоровны просить короля воздействовать на Врангеля для монархического выступления»²³.

Осенью 1922 года датское правительство начало переговоры с СССР об установлении дипломатических отношений. Мария Федоровна интриговала как могла, но остановить дипломатический процесс было невозможно. В итоге вдовствующая императрица в конце ноября 1922 года покинула Данию и отправилась в Англию, чтобы обосноваться там навсегда.

В декабре 1922 года датское правительство объявило о закрытии старой русской миссии в Копенгагене и через находящегося в Лондоне на конференции Г.В. Чичерина обратилось к советскому правительству с предложением об урегулировании советско-датских отношений. 23 апреля 1923 года было подписано предварительное соглашение, которое вскоре было одобрено ригсдагом и королем Кристианом X. 15 июня 1923 года состоялся обмен ратификационными грамотами.

Но, увы, в Англии опять начались конфликты с сестрой и другими родственниками. Мария Федоровна стала подумывать о возвращении в родную Данию. И тут ей оказало серьезную материальную помощь «Большое северное телеграфное общество». В апреле 1923 года руководство общества провело сбор денег в пользу Марии Федоровны, собрав при этом 20 тысяч крон. В конце августа 1923 года императрица вернулась в Данию и вновь вселилась в Виддере. Кстати, покинула она туманный Альбион вовремя — 6 декабря 1923 года на парламентских выборах одержали убедительную победу лейбористы, а 2 февраля следующего года Англия установила дипломатические отношения с СССР.

В Дании финансовое положение Марии Федоровны заметно улучшилось. «Большое северное телеграфное общество» тайно выплачивало ей ежегодно по 45 тысяч крон.

21 сентября 1924 года Мария Федоровна написала великому князю Николаю Николаевичу о своем негативном отношении к манифесту о принятии в 1922 году великим князем Кириллом Владимировичем императорского титула: *«Болезненно жаль мое сердце, когда я прочла манифест великого князя Кирилла Владимировича, объявившего себя Императором Всероссийским. Боюсь, что этот манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а, наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России. Если Господу Богу, по Его неисповедимым путям, надо было призвать к себе моих любимых сыновей и внука, то я полагаю, что Государь Император будет указан нашими основными законами, в союзе с Церковью Православной, совместно с Русским Народом. Молю Бога, чтобы Он не прогневался на нас до конца и скоро послал нам спасение путями, Ему только известными. Уверена,*

что Вы, как старший член Дома Романовых, одинаково со мной мыслите. Мария».

К этому времени престарелая императрица играла в эмигрантских кругах роль свадебного генерала. Это подтверждает и информация, переданная в Москву первым советским послом в Дании Рубининым в октябре 1924 года: «...за последнее время эта публика [монархические организации. — А.Ш.], по видимому, утихла, потому что я о них ничего не слышу. В смысле своего политического удельного веса эти люди не представляют никакого интереса»²⁴.

Императрица Мария Федоровна скончалась 30 сентября (13 октября) 1928 года в своем дворце Видёре. Как писал великий князь Александр Михайлович, императрица «так никогда и не поверила советскому официальному сообщению, которое описывало сожжение тел царя и его семьи. Она умерла в надежде все еще получить известие о чудесном спасении Ники и его семьи».

Отпевали Марию Федоровну 19 октября в русской церкви Александра Невского, расположенной в центре Копенгагена недалеко от королевского дворца Амалиенборг. Присутствовавшая на похоронах Мария Павловна младшая писала: «На отпевании присутствовали только русские, к погребению подошли датская королевская семья, норвежский король, шведский кронпринц и герцог Йоркский, соответственно представлявшие своих монархов, многие делегации. Русский храм вновь вместил блистательное собрание: мундиры, на мужчинах — российские ордена, на княгинях — ленты ордена Святой Екатерины, возложенного на них самим царем. За десять лет изгнания мы впервые присутствовали на церемонии, в мельчайших подробностях воскрешавшей прошлое, впервые — и в последний раз. Уже никогда не будет случая надеть эти ордена и медали.

Сложный ритуал погребения российских монархов предусматривал круглосуточный почетный караул из числа придворных сановников и военных, офицеров и солдат, выставленный у гроба в дни прощания и похорон. Когда хоронят императрицу, в караул встают также придворные дамы и фрейлины. Перед выносом у гроба императрицы Марии Федоровны встали датский почетный караул и в затылок им попарно русские офицеры: хотя и в штатском, они настояли на том, что это их исконное право и долг перед покойной государыней. В карауле стояли также две остававшиеся при императрице фрейлины и два казака, разделившие с ней изгнание...

Вечером того же дня король и королева Дании устроили прием в честь высоких гостей. По случаю печального события музыки не было, и все дамы надели траур. И дамы, и мужчины опять надели ордена. Пятнадцать лет мне не доводилось бывать на столь торжественном приеме. С кем-то мы были незнакомы, кого-то не видели с довоенных лет. В прежние годы мы жили примерно одинаковой жизнью, у нас были одни интересы; теперь все стало другим. Для скандинавов мир мало чем изменился, зато для немцев и особенно нас, русских, он изменился неузнаваемо. Кроме дежурных фраз, какими обмениваются после долгой разлуки, нам нечего было им сказать»²⁵.

А вот информация из другого лагеря. 5 ноября 1928 года полномочный представитель в Дании Михаил Кобецкий в депеше на имя заместителя наркома по иностранным делам СССР М.М. Литвинова докладывал: «Похороны бывшей царицы Марии Федоровны были, по желанию короля, организованы как “семейное событие”, из дипломатов приглашен был только дуайен. Вообще король и МИД проявили в этом случае по отношению к нам полную корректность: нигде не было вывешено ни одного старого рус-

ского флага, эмигрантам-офицерам было запрещено стоять в почетном карауле в мундирах и т. д. Друг эмигрантов, латышский генконсул датчанин В. Христиансен вывесил было трехцветный флаг, но мы позвонили в МИД, и флаг был убран... Смерть старухи, несомненно, будет способствовать дальнейшему разложению местной белой колонии. Большинство газет по поводу похорон писало, проливая слезы умиления, что это похороны старой России»²⁶.

Несколько иными словами, но то же самое записал еще один очевидец — секретарь самозванного императора Кирилла Г.К. Граф: «Торжественные похороны вдовствующей императрицы Марии Федоровны стали последним большим общесемейным событием в российской императорской фамилии, на которое собрались почти все члены династии. Оно стало прощанием не только с умершей императрицей, но и с величием и блеском российского Императорского Дома и его равновеличием с царствующими династиями. После этого большого съезда русская императорская фамилия в целом уже ни разу не принимала участия в семейных событиях других царствующих династий»²⁷.

Глава 9

МЛАДШАЯ СЕСТРА ИМПЕРАТОРА

Великую княгиню Ольгу Александровну мы оставили по приезде в Харакс на Южном берегу Крыма. Уже там 12 (25) августа 1917 года у нее родился сын, названный Тихоном. Крестными родителями его были великий князь Александр Михайлович и императрица Мария Федоровна.

Неравнородный брак с Куликовским фактически исключал Ольгу из семьи Романовых, что признали

не только августейшие особы, но даже революционные матросы. В 1918 году ни она, ни Куликовский не были арестованы и могли свободно передвигаться по Крыму. Когда матросы во главе с Задорожным переехали Романовых в имение Дюльбер, Ольга осталась в Хараксе одна. Она неоднократно просилась в Дюльбер, но Задорожный каждый раз отказывал.

Прибытие в ноябре 1918 года в Севастополь и порты Кавказа кораблей Антанты настолько обнадежило Куликовских, что они, в отличие от семейства Романовых, решили остаться в России.

1 января 1919 года Куликовские с сыном и семью спутниками (прислуга и охрана) отправились на пароходе «Константин» из Ялты в Новороссийск. Там на вокзале они встретили старого знакомого — генерал-майора Александра Кутепова. Тот обрадовался встрече и предложил Куликовским свой салон-вагон, который был прицеплен к поезду, идущему на Ростов, где в тот момент находилась ставка Добровольческой армии. Однако командующий армией генерал Деникин категорически отказался принять великую княжну Ольгу и через ординарца потребовал, чтобы она вместе с мужем выметалась из Ростова. Тогда один из охранников Куликовских, Тимофей Ячик, предложил им поехать в его родную станицу на Кубань. Там Куликовские сняли хату у казака Люборца.

10 июня у Ольги родился второй сын, названный Гурием. Из дневника Ольги: *«Сентябрь приходил к концу, и мы все понемногу укладывали и готовились к отъезду в тихомолку. Лишь в последний день сентября Розе²⁸ за нами приехал и начали грузить коров, коней и все наше добро. Нам дали трехвагонный экспресс-поезд с офицерским составом — человек 8. Кончили грузиться лишь к 12 ч. ночи, и тогда мы простились с нашими добрыми хозяевами Лю-*

борцами; он был вдребезги пьян, все целовался с нами и жалел, что мы покидаем их. Самое трудное было — ловить наших кур. Днем прямо невозможно было, а пришлось дожидаться вечера и при свете свечей ловить их сонных в курятнике при душераздирающих криках»²⁹.

Доехали только до Ростова, поскольку Мелитополь был взят Махно. В Ростове Куликовские сравнительно неплохо устроились в доме купеческой вдовы, а позже — в дачном местечке «Армянский монастырь».

Однако наступавшие красные заставили семейство покинуть уютный Ростов, и в феврале 1920 года Куликовские на британском пароходе отплыли из Новороссийска в Стамбул. Оттуда они перебрались в Белград, где были радушно встречены королем Югославии Александром. (Если быть точнее, тогда вместо Югославии существовало Королевство сербов, хорватов и словенцев, но здесь и далее для удобства читателей я буду называть это королевство Югославией.)

27 марта (9 апреля) 1920 года Куликовские переехали в Копенгаген. Официальная причина — приглашение матери — вдовствующей императрицы. На мой взгляд, причина малоубедительная, но фантазировать я не люблю и оставляю сей факт без комментариев. В Копенгагене отношения матери и дочери не сложились. Мария Федоровна была очень требовательна к Ольге и периодически третировала ее мужа. Ольга довольно резко дерзила.

Братья Тихон и Гурий получили домашнее воспитание, а затем в Берлине сдали экстерном экзамены в русской гимназии, которая имела государственную лицензию, благодаря чему ее выпускники получали признаваемый всеми государственными учреждениями аттестат о среднем образовании

и могли поступать в высшие учебные гражданские или военные заведения. Позже братья стали ездить сдавать экзамены экстерном в русскую гимназию в Париж. Из сдачи экзаменов экстерном Ольга с сыновьями устраивала своеобразную ознакомительную поездку по Европе: они ехали сначала в Париж, а затем уже посещали другие страны.

Перед смертью императрица Мария Федоровна назначила своим душеприказчиком не родных дочерей, живших с ней в Копенгагене, а племянника Георга V. В соответствии с ее завещанием шкатулка с императорскими драгоценностями была отправлена в Англию. В Лондоне драгоценности оценили в 100 тысяч фунтов стерлингов. Судя по воспоминаниям распорядителей, 60 тысяч досталось Ксении и 40 тысяч — Ольге. Но на самом деле всем было ясно, что императорские украшения из крупных камней стоили значительно дороже. Ходили слухи, что их реально продали не менее чем за 350 тысяч фунтов стерлингов. Видимо, Георг V и его жена Виктория-Мария присвоили себе 250 тысяч. Возможно, это была компенсация за расходы на содержание двора покойной императрицы и предоставленный Ксении кров. Но честно признаться в этом своим кузинам король не захотел.

История с драгоценностями навсегда поссорила дочерей Александра III.

Мария Федоровна завещала Ольге свой дворец Видёре, но на его содержание у Куликовских не хватало средств, и они решили его продать. Однако продажа затянулась на четыре года, и только в 1932 году Куликовские на вырученные деньги купили большую ферму Кнудсминне в Баллерупе, в 15 милях от Копенгагена. Ольга вспоминала: *«Мы почувствовали себя словно в раю и хотели прожить в мире и покое всю оставшуюся жизнь... Этой скромной усадьбе*

было далеко до дворца. Нас ожидал тяжелый труд, но я была готова ко всему. Я понимала, что бедным изгнанникам в тысячу раз лучше жить среди крестьян, чем среди аристократов. Я полюбила этих мужественных, трудолюбивых людей. Думаю, они приняли нас в свою среду за наш упорный труд».

Куликовские наняли батраков, но и сама Ольга, и ее муж участвовали в работах. Куликовский приобрел некоторый опыт, работая управляющим конюшен у одного датского миллионера, поэтому теперь он завел своих лошадей. Были куплены также коровы, свиньи и домашняя птица. Домашнее хозяйство вела старая горничная Мимка вместе с няней царских детей Татьяной, бежавшей за границу.

Ольга вернулась к своему увлечению — живописи, забытому в эмиграции. Она великолепно рисовала русскую природу и церкви. А эти сюжеты хорошо шли как у эмигрантов, так и у европейских коллекционеров. Кто откажется от картины, написанной самой дочерью русского царя?

Эти спокойные годы Ольга считала самыми счастливыми: *«У меня был муж и сыновья, никто не вмешивался в нашу жизнь. Богатыми мы не были, но на жизнь хватало. Все мы трудились. Какое это было счастье — жить своей семьей под собственной крышей».*

В 1935 году Тихон и Гурий в русской гимназии в Париже сдали экзамены на бакалавра. Тихон с раннего детства мечтал стать военным, но Куликовские не имели датского подданства, а, как большинство русских эмигрантов после революции, жили с так называемыми «Нансенскими паспортами». Соответственно, дорога на офицерскую службу братьям была закрыта. Поэтому осенью 1935 года Тихон поступил в датскую сельскохозяйственную академию на агрономический факультет. Но, в конце

концов, Тихону расхотелось быть агрономом, и он попросил двоюродного дядю дать ему датское гражданство. Кристиан X удовлетворил просьбу Тихона, и 10 мая 1937 года он поступил на службу в датскую армию. После окончания курса первоначального обучения Тихон получил чин корнета, а в начале 1940 года попал в офицерскую школу.

9 апреля 1940 года вермахт мирно оккупировал Данию. Было, правда, несколько перестрелок, но в целом все прошло «чинно-благородно». Но, увы, тут кончаются воспоминания Тихона и дневники Ольги Александровны.

В 1939 году Гурий женился на датчанке Рут Шварц, а двумя годами позже Тихон женился на датчанке Агнесс Петерсон.

Историк Стаффан Скотт пишет: *«Во время войны Ольга принимала в своем доме людей в форме немецких оккупационных войск. Но они не были немцами. Они были русскими»*³⁰.

Речь идет об офицерах из различных подразделений, сформированных вермахтом и СС из советских военнопленных.

Далее Скотт пишет: *«Трудно с полной достоверностью выяснить, чем именно занимались Ольга и Николай Куликовские»*. Юлия Кудрина в лиге «Императрица Мария Федоровна» пишет: *«В конце войны через своего двоюродного брата Акселя, члена королевской семьи, она [Ольга Александровна. — А.Ш.] пыталась помочь тем русским солдатам и офицерам, которые должны были быть переданы Западом Советскому Союзу. Некоторые из них даже скрывались в доме Ольги Александровны до тех пор, пока с ее помощью не были отправлены в Южную Америку»*.

Сразу после войны Советский Союз предъявил правительству Дании ноту, в которой великая

княгиня Ольга Александровна вместе с датским католическим епископом Рудольфом Петерсеном обвинялись в укрытии врагов советского народа от правосудия»³¹.

Можно сколь угодно обличать действия советских органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны, но если бы Куликовские были французскими гражданами и, соответственно, общались бы с французами в немецкой форме, а потом пытались их укрыть от французского правосудия, то у них была бы единственная альтернатива — тюрьма или суд Линча разъяренной толпы.

Естественно, правительство Дании никогда бы не выдало Куликовских советским властям. Кстати, таких прецедентов не было и в других западноевропейских странах в 1945–1948 годах. Зато отношение простых датчан к Куликовским после 1945 года стало более чем недружественным, и в мае 1948 года семья отправилась в Лондон, а оттуда переехала в Канаду. Ферму они продали, а деньги перевели в один из нью-йоркских банков.

Кроме Ольги Александровны в Канаду прибыли сыновья Тихон и Гурий, их невестки-датчанки и внуки — пятилетняя Ксения и шестилетний Леонид. Не оставила свою хозяйку и верная горничная Мимка, которой шел уже восьмой десяток.

Пароход доставил Куликовских в Галифакс, а оттуда через Монреаль они добрались до Торонто. Местные власти помогли им купить ферму. Осенью 1948 года Куликовские окончательно перебрались на свою ферму под Торонто. Они купили коров, свиней и птицу. Дом из красного кирпича располагался среди газонов, к нему вела кленовая аллея, и это все создавало впечатление поместья. Ольге Александровне, которой шел уже седьмой десяток, вновь пришлось трудиться — обустроить дом, разводить

цветы. В свободное время она любила прогуливаться, любясь природой, так напоминая русскую.

Вскоре сыновья покинули ферму и занялись бизнесом в Торонто. В начале 1950-х годов Тихон развелся с Агнесс Петерсон, а Гурий — с Рут Шварц. Двое детей последних — Николай и Андрей — остались в Канаде, а Ксения уехала с матерью в Данию.

Сыновья Ольги быстро утешились. В 1959 году Тихон женился на Ливин Саперштейн, от этого брака у него были дочь и сын, а Гурий женился на княжне Елизавете Гагариной.

В 1952 году Куликовские продали ферму и купили четырехкомнатный коттедж на окраине Куксвилля, и там через два года скончалась верная горничная Мимка.

«Еще великой княжной младшая дочь Александра III была равнодушна к нарядам. Теперь она стала старой, чудаковатой и плохо одетой дамой, а об ее кулинарных достижениях те, кому случалось их отведать, отзывались как об “очаровательно примитивных”; при жизни Мимки ей едва ли приходилось готовить. В 1954 году ее навестила герцогиня Кентская, а когда в 1959 году Торонто посетила английская королевская чета, Ольгу пригласили на борт королевской яхты “Британия”. Знакомые мягко, но настойчиво принудили ее купить хлопчатобумажное платье за тридцать долларов: лишь низкая цена примирила ее с этим бессмысленным приобретением. В Канаде ее то и дело осаждали самозванцы, выдававшие себя за родных»³².

Многочисленные «Анастасии» не раз надрывали сердце Ольге Александровне. Через некоторое время великая княгиня по привычке к этому и старалась казаться равнодушной, но это мало помогало. «Анастасии» заваливали письмами «любимую тетю» и даже заявлялись к ней на ферму. Иногда Куликовскому

удавалось перехватывать их еще на станции и отправлять восвояси.

Однажды очередная «Анастасия» проникла к Ольге Александровне в больничную палату. Последняя притворилась спящей. Тогда самозванка нахально заявила: «Она всегда притворялась, что ей плохо, когда хотела выпросить что-нибудь у моего отца!»

Как-то появился и сам «спасенный цесаревич Алексей». Его не хотели пускать, но ему удалось проникнуть в дом. Это был маленький неприятный мужчина, на плохом русском языке пытавшийся рассказать «тете» о своем чудесном спасении. Однако вскоре его красноречие иссякло, и он грустно признался великой княгине, что работает мойщиком посуды и хотел разбогатеть на своем самозванстве.

«Всех переплюнула дама из Монтевидео, утверждавшая, что она является великой княгиней Ольгой, а в Канаде якобы живет мошенница»³³.

Ольга Александровна и в изгнании поддерживала связь со своими подшефными — ахтырскими гусарами. Отличаясь превосходной памятью, она помнила имена и фамилии не только всех офицеров, но даже многих солдат полка.

Однажды к ней приехал полковник Одинцов, чтобы сопроводить великую княгиню на панихиду по павшим, намечавшуюся в Торонто. Ольга Александровна пробежала глазами список погибших и заметила, что там не хватает «одного Василия». Одинцов возразил, что ни одного офицера Василия в полку не числилось. «Он был не офицер, а унтер-офицер, Баздырев Василий Григорьевич», — ответила княгиня. И действительно, когда позже Одинцов проверил списки личного состава полка, он обнаружил этого унтер-офицера и в очередной раз подивился памяти шефа своего полка.

Великая княгиня получала огромное количество писем, в том числе и неведомым способом доставляемых из России. Так, один казачий офицер, отсидевший 10 лет в тюрьме, сильно рисковал, посылая письма членам царской семьи, но, как он писал, это была «единственная радость, которая у меня осталась».

Особенно много писем и посылок со всех концов света приходило на Рождество, на Пасху, в день рождения великой княгини и на ее именины. Так, монахи русского монастыря в Америке прислали Ольге Александровне иконы и мед со своих пасек.

В 1958 году здоровье Куликовского стало совсем плохо, и Ольге Александровне пришлось пригласить сиделку. Финансовое положение семьи становилось все хуже, и великая княгиня продала последние драгоценности. Однако выручила за них совсем мало, поскольку ювелиры буквально за копейки покупали у русских эмигрантов прекрасные бриллианты, сапфиры, рубины. А Николаю Александровичу становилось все хуже. Весной его разбил паралич, и в начале лета он скончался в возрасте 76 лет.

В конце 1950-х годов великая княгиня решила начать писать мемуары, поскольку у нее появился, как выражались в Советской России, литобработчик — Ян Воррес, канадец греческого происхождения, исповедовавший православие. Конфессиональность расположила к нему Ольгу Александровну. Этот Ян Воррес и стал ее биографом, записав воспоминания. Великая княгиня говорила: «Хорошо, что я так долго ждала возможности рассказать свою историю, теперь я сужу о событиях гораздо вернее, чем много лет назад».

Великая княгиня Ольга Александровна умерла 24 ноября 1960 года в доме русских эмигрантов — капитана Мартемьянова и его жены, в одном

из самых бедных кварталов Торонто, в комнатке над салоном красоты. Зато там были православные иконы и там говорили по-русски. На похороны собралось множество эмигрантов, а у гроба несли караул солдаты и офицеры бывшего Ахтырского гусарского полка, где Ольга была почетным полковником.

Стаффан Скотт писал об Ольге: «Эксцентричная старушка была непоколебимой патриоткой и часто защищала свое семейство от расхожих нападков. У нее не было иллюзий относительно хода истории. Она не верила в реставрацию, в восстановление кого-либо из Романовых на русском престоле. Рассуждать об этом было пустой тратой времени. Она трезво смотрела на развитие в мире и откровенно признавалась:

— Я всегда с интересом следила за советской внешней политикой. Она ничем не отличается от той, что вели мои отец и брат».

Старший сын Ольги Тихон развелся с Саперштейн и в 1986 году женился на Ольге Пупыкиной.

Тихон Куликовский-Романов резко отрицательно относился к императору Кириллу и его наследникам. Так, после смерти Владимира Кирилловича он писал: *«На Страстной неделе, в Майами, штат Флорида, США, на заседании с банкирами скончался от разрыва сердца князь Владимир Кириллович Романов. Всегда грустно, когда теряешь своего родственника, да еще однолетку. Однако, хотя мы были троюродными братьями и оба присутствовали в соборе в Нью-Йорке на прославлении Новомучеников Российских, мы, фактически, никогда официально друг другу представлены не были»*. А позже добавил: *«Причина смерти князя Владимира Кирилловича была теперь определена не как разрыв сердца, как сообщалось вначале, а как разрыв артерии в брюшной полости. Это уже делает кончину*

князя схожей со смертью древнего еретика и богохульника Ария»³⁴.

По поводу престолонаследия Тихон писал: *«Мнение Членов Императорской Семьи просто: Новомученик, великий князь Михаил Александрович не отрехся от престола, отложив и передав решение “Великому Русскому Народу” (как Он выразился). Поэтому только Земской Собор Земли Русской может решать дальнейшее; по традиции нашей — единогласно: никаких “претендентов”, никаких “кандидатов”, никаких шумных выборов западного стиля, тем более никаких “выскачек”. Так только, с молитвой и покаянием (за нарушенную присягу 1613-го года) сможем мы восстановить Русское Православное Царство, “Третий Рим”, во главе с Удерживающим!»*³⁵.

Гурий умер в 1984 году, а Тихон — 8 марта 1993 года.

В 1991 году Тихон и Ольга Куликовская-Романова основали Фонд помощи России имени Великой княгини Ольги Александровны. Фонд устроил две выставки «Искусство Великой Княгини». В первый раз она прошла в ноябре 2001 года в российском посольстве в Вашингтоне и была приурочена к десятилетию основания Фонда. А в октябре 2002 года в Москве прошла выставка в честь 120-летия со дня рождения великой княгини Ольги Александровны. На ее открытии 3 октября Ольга Николаевна Куликовская-Романова сказала: *«Рада приветствовать вас в преддверии очень важного для меня и, надеюсь, для вас предстоящего события. Его я готовила многие годы. Прошлой осенью я со своими друзьями организовала выставку акварелей Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны в Вашингтоне — в резиденции Российского посла, построенной еще при Святом Императоре-Му-*

ченике Николае Втором для Русского Императорского посольства в Северо-Американских Соединенных Штатах. Эта выставка была приурочена к десятилетию деятельности нашего Благотворительного Фонда в России.

И вот теперь открывается выставка художественных работ моей Свекрови — Великой Княгини Ольги Александровны в Москве.

Безусловно, и Сама Великая Княгиня желала, чтобы о Ее творчестве знали у Нее на Родине, ее соотечественники. Но при жизни Она об этом не могла и мечтать. Россия для Ее совершенно профессионального живописного таланта была недоступна. И вот теперь эта надежда воплощается. Сердце мне подсказывает, что душа Великой Княгини Ольги Александровны будет ликовать в селениях праведных вместе с нами этому знаменательному событию...

Акварель и живопись Великой Княгини Ольги Александровны созданы в русле подлинно русской реалистической школы»³⁶.

Глава 10

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Великий князь Николай Николаевич покинул Крым в возрасте 63 лет. Сначала он поселился в Италии, затем переехал в Антиб на юге Франции, а периодически жил в Шуаньи под Парижем. Первые месяцы он жил достаточно скромно, в окружении жены Анастасии и нескольких верных офицеров. Французское правительство в знак признания заслуг в качестве главнокомандующего союзной армией назначило Николаю Николаевичу маршальскую пенсию.

Детей у великого князя не было. Скандальных романов он не заводил, и его личная жизнь мало интересна даже для специалистов, занимающихся проблемами русской эмиграции. Но неожиданно Николай Николаевич оказался в самом центре политической жизни русской эмиграции.

Что же представляла собой русская эмиграция к началу 20-х годов XX века?

Начну с того, что эмиграция в России началась не в 1917 году. В конце XIX — начале XX века число эмигрантов из Российской империи составляло «в среднем 40 тысяч человек в год». И сие написал не большевик, а убежденный монархист С.С. Ольденбург³⁷ и, замечу, достаточно информированный историк. Большинство же балерин и менеджеров балета оказались за рубежом еще до октября 1917 года. Так что при Ленине с 1918 по 1924 год из России уехало вполне соизмеримое число людей по сравнению с царствованием Николая II. Точных цифр уехавших нет, а по моей оценке, число белоэмигрантов составило около миллиона человек. При этом я не собираюсь полемизировать с другими авторами. Вопрос лишь в том, как и кого считать эмигрантами, ведь барона Маннергейма, Альфреда Розенберга и Сиднея Рейли тоже формально можно считать русскими эмигрантами. А, к примеру, в Маньчжурии к 1923 году оказалось около ста тысяч русских, но, увы, никто так и не посчитал, сколько из них были белоэмигрантами, а сколько — коренными жителями Желтороссии, как полушутя-полувсерьез наши поселенцы называли Маньчжурию. Не будем забывать, что русский город Харбин был основан на пустом месте еще в 1898 году при строительстве КВЖД.

Врангель довольно грамотно осуществил эвакуацию своих войск и десятков тысяч беженцев в Константинополь. Ну а там вместо того, чтобы объа-

вить — «кампания окончена, штыки в землю», барон приложил все усилия, чтобы сохранить боеспособность «русской армии» и «русской» (бизертской) эскадры. Понятно, что самостоятельно, даже чисто технически, ни она армия, ни бизертская эскадра не могли даже добраться до границ СССР. Естественно, что Врангель и другие белые генералы надеялись и ждали, пока какая-нибудь великая держава или, еще лучше, коалиция начнет войну против «Совдепии».

Вскоре после прибытия генерала Врангеля в Константинополь к нему прибыли представители парижской группы В.Л. Бурцев, А.В. Карташев, А.С. Хрипунов и другие. Они предложили Врангелю создать национальное правительство за рубежом, в ведение которого перешли бы все политические вопросы и заботы об армии, то есть предлагалось фактически подчинение ее политикам. Однако генерал ответил: «Я с армией воевал, я ее вывез, я с ней буду делить и радости, и горе — о ней буду заботиться и никому не позволю притронуться к ней даже пальцем».

Барон считал себя чем-то типа верховного правителя России и намеревался оставаться таковым и впредь. Но для этого нужно было иметь какую-то должность и аппарат. И вот в 1921 году по инициативе Врангеля создается «Русский совет», призванный стать «носителем законной власти». Помимо ближайших соратников Врангеля в Совет вошли видные общественные деятели граф В.В. Мусин-Пушкин, И.П. Алексинский, Н.Н. Львов, Н.А. Ростовцев, П.Д. Долгоруков. Всея политической работой по-прежнему руководил штаб Врангеля.

Эмигрантские газеты писали, что «Русский совет» — игрушечное правительство генерала Врангеля, мертвое и решительно никому не нужное учреж-

дение. И действительно, Совет постепенно утрачивал свое влияние и осенью 1922 года был окончательно ликвидирован, так и не сыграв той роли, которая ему отводилась.

Однако борьба между верхами военной и штатской белой эмиграции за контроль над войсковыми частями и беженской массой продолжалась. Под давлением французского правительства совещание бывших послов России в составе М.Н. Гирса, Б.А. Бахметьева, В.А. Маклакова и М.В. Бернацкого обнародовало следующее заявление:

«1. Армия генерала Врангеля потеряла свое международное значение, и Южно-Русское правительство с оставлением территории естественно прекратило свое существование.

2. Как бы то ни было, желательно сохранение самостоятельной Русской армии с национально-патриотической точки зрения, разрешение этой задачи встречается с непреодолимыми затруднениями финансового характера.

3. Все дело помощи русским беженцам надлежит сосредоточить в ведении какой-либо одной организации. По мнению Совещания, такую объединяющей организацией должен быть Земско-городской комитет помощи беженцам.

4. Единственным органом, основанным на идее законности и преемственности власти, объединяющим действия отдельных агентов, может явиться Совещание послов. Вместе с этим указанное совещание, при отсутствии других общерусских учреждений, принуждено взять на себя ответственность за казенные средства и порядок их определения»³⁸.

Но командование Русской армии не поддержало это заявление послов. Врангель и его ближайшие соратники стремились сохранить армию для продолжения борьбы с Советской властью.

Авторитет Врангеля постепенно падал. В политических активных кругах эмиграции усилились монархические настроения. А что можно ожидать от людей, оказавшихся на чужбине, лишившихся своих поместий и иных источников дохода? Я уж не говорю о погибших в ходе Гражданской войны родственниках и друзьях. Даже весьма оппозиционно настроенный писатель Аркадий Аверченко в эмиграции с умилением писал о жандарме, приходившем штрафовать его за «возмутительные» статьи в прессе.

Врангелю и его сторонникам потребовалось знамя, а конкретно, кандидат на престол. В самом начале эмиграции монархисты выдвинули кандидатуру великого князя Дмитрия Павловича, а затем в императоры полез великий князь Кирилл Владимирович. Ни тот, ни другой барона не устраивали, и поначалу он предложил в кандидаты на императорский трон... югославского короля Александра I. Но эмиграция не поддержала эту кандидатуру, да и сам король не имел ни малейшего желания становиться императором Александром IV.

После этого наиболее приемлемыми кандидатами для Врангеля и его окружения оказались вдовствующая императрица Мария Федоровна и великий князь Николай Николаевич. Они по возрасту и своему характеру не годились на роль вождей, но были отличными «знаменами». За Марией Федоровной была легитимность. Еще бы — она супруга императора Александра III и мать императора Николая II! А Николай Николаевич пользовался большим авторитетом в военных кругах.

В ноябре 1922 года Врангель в своей резиденции в сербском городе Сремски Карловцы провел совещание, многие документы которого готовил начальник штаба генерал Миллер, числящийся также с 8 ноября 1922 года помощником главнокомандующего. На со-

вещании также присутствуют помощники главкома генералы Кутепов и Абрамов, начальник его Политической канцелярии С.Н. Ильин и прибывшие из Парижа генералы Хольмсен и Данилов. В результате был вынесен вердикт с основными идеями:

1. *«Личное обаяние имени Великого Князя Николая Николаевича» может способствовать единению Зарубежной России, которого не удавалось добиться иными способами.*

2. *В сложившихся сложных международных и внутриэмигрантских условиях такое «единение» должно иметь не «форму гласного возглавления им какого-либо объединения», а характер личного общения Великого Князя с доверенными ему лицами, ведущими работу в России.*

3. *Несмотря на сильное распространение в Армии монархических чувств, Главное Командование должно твердо держаться заветов генералов Корнилова и Алексеева и не предрешать вопроса «какую быть России».*

4. *Объединение вокруг Великого Князя Николая Николаевича как «главы, в будущем, русского национального движения» должно быть возможно более широким и включать «всех несоциалистических, государственно мыслящих элементов».*

Для дальнейших переговоров с великим князем в Париж отправляется Миллер.

1 сентября 1924 года Врангель создает Русский общевоинский союз (РОВС). Верховным главнокомандующим «Русской армией в зарубежье» становится великий князь Николай Николаевич, главнокомандующим и фактическим главой РОВСа — Генерального штаба генерал-лейтенант барон фон Врангель.

Создание РОВСа стало самой главной зарубежной акцией генерала барона Врангеля. Союз явился

стержнем русской политэмиграции, объединившим около 30 тысяч бывших белых воинов.

Первоначально в РОВСе было четыре отдела. Первый — Франция и Бельгия; второй — Германия, Австрия, Венгрия, Латвия, Эстония, Литва; третий — Болгария и Турция; четвертый — Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года — Югославия), Греция и Румыния. Потом отделы РОВСа появятся в Северной и Южной Америке, в Египте, Австралии и других странах с русской диаспорой.

Следует заметить, что великий князь Николай Николаевич долго колебался и отказывался, прежде чем стать главой РОВСа. Современники говорили о его осторожности еще в годы мировой войны. Так, великий князь до крайности оберегал свой покой и здоровье, на автомобиле он ездил со скоростью не более 25 верст в час, опасаясь попасть в аварию, и ни разу не выехал на фронт дальше ставки главнокомандующего, боясь шальной пули.

На решение Николая Николаевича повлияла не только настойчивость Врангеля, но и претензии Кирилла Владимировича на императорскую корону.

Кирилл дважды отправлял Николаю Николаевичу письма с предложением «сотрудничества». На первое письмо вообще ответа не последовало, а на второе, которое Николаю Николаевичу лично передала княгиня Елена Владимировна, был получен ответ через брата Николая Николаевича великого князя Петра Николаевича, что Николай Николаевич не сочувствует выступлению Кирилла Владимировича, и поэтому сотрудничество невозможно.

В ответ на провозглашение Кириллом самого себя императором великий князь Николай Николаевич сделал публичное заявление: *«Я счастлив, что Ее Императорское Величество Государыня Императрица Мария Федоровна не усомнилась в том,*

что я одинаково с Нею мыслю об объявлении себя Великим Князем Кириллом Владимировичем Императором Всероссийским.

Я уже неоднократно высказывал неизменное мое убеждение, что будущее устройство Государства Российского может быть решено только на Русской Земле, в соответствии с чаяниями Русского Народа.

Относясь отрицательно к выступлению Великого Князя Кирилла Владимировича, призываю всех, одинаково мыслящих с Ее Величеством и мною, к исполнению нашего истинного долга перед родиной — неустанно и непрерывно продолжать святое дело освобождения России.

Да поможет нам Господь.

*Великий Князь Николай Николаевич
7/20 октября 1924 г. Шуань»³⁹.*

На собраниях и банкетах своих сторонников великий князь высказывался куда энергичнее: «Кирюха есть всего-навсего предводитель банды пьяниц и дураков». Это самое приличное высказывание, иные же просто непечатны.

17 сентября 1925 года, давая интервью журналисту газеты «Ла Насьон Бельж», Николай Николаевич высказал свои взгляды на положение в Советской России: «В течение первых дней, последовавших за его торжеством, большевизм пользовался известной популярностью среди масс, население ему верило, но это время уже прошло. Несомненно, иностранное вмешательство быстро низложило бы теперешнее правительство, но ему не удалось бы завоевать доверия населения — вот почему русские не могут просить или надеяться на иностранное вмешательство. Главные русские вопросы, я вас прошу особенно обратить внимание на мои слова, могут обсуждаться и разрешаться только на русской земле и в соответствии с желаниями русского

народа. Сам русский народ должен разрешить свою судьбу и выбрать режим. Будущая организация России должна быть основана на законности, порядке и личной свободе. Я не претендент и не эмигрант в том смысле, который придали этим словам во время революции. Я гражданин и солдат, желающий только вернуться домой, чтобы помочь Родине и согражданам. Когда по воле Божией восторжествует наше дело, сам русский народ решит, какая форма правления ему нужна».

А вот мнение о «николаевцах» и «кирилловцах» с другого берега. В обзоре ОГПУ за июль–сентябрь 1923 года отмечено: «Среди кирилловцев наметился отказ от интервенции и осознается необходимость подготовки взрыва Советской власти изнутри через превращение коммунистических Советов в национальные и восстания красноармейцев против комиссаров»⁴⁰.

В докладной записке секретных и информационных отделов ОГПУ от 17 февраля 1925 года отмечалось, что в этом одно из главных отличий «кирилловцев» от «николаевцев»: «Наиболее серьезной силой среди правых партий эмиграции нужно признать монархистов, разделяющихся на два основных течения. 1. Кирилловцы — ставящие своей целью свержение советской власти при помощи внутренних сил русского народа и организацию монархии на широко демократических началах. Эта цель определяется той основной базой, на которой строятся расчеты кирилловцев: а) части Красной армии и старый командный состав, б) новая советская буржуазия, в) спецы, г) крестьянство, за которым предполагается закрепление земли, д) оппозиционная часть рабочих и даже коммунистов. 2. Николаевцы — ориентирующиеся на бывшую аристократию, промышленников, землевладельцев

и крупную бюрократию. Цель организации — полная реставрация дореволюционной России. Метод осуществления этой цели — интервенция, которая обязывает их ориентироваться на Францию и строить свои расчеты на Польшу и Румынию»⁴¹.

Тем не менее победа «кирилловцев» над «николаевцами» была обусловлена не преимуществами их политической доктрины, а сравнительной молодостью их вождя и наличием у него потомства.

25 апреля 1928 года в Брюсселе умер Петр Кириллович Врангель. Великий князь Николай Николаевич скончался 5 января 1929 года в Антибе на Лазурном Берегу. Там же 5 ноября 1935 года умерла и его жена Анастасия Николаевна. Детей у них, как уже говорилось, не было.

Великий князь Петр Николаевич всемерно поддерживал брата Николая, но самостоятельной роли никогда не играл. 17 июня 1931 года он умер в Антибе. Его жена Милица Николаевна дожила до 1951 года и скончалась в Египте, в Александрии. У Петра Николаевича и Милицы были две дочери и сын. Старшая дочь, Марина, родившаяся в 1892 году, в тридцатипятилетнем возрасте вышла замуж за князя Александра Николаевича Голицына и умерла бездетной в 1981 году. Младшая дочь, Надежда, 1898 года рождения, была помолвлена с сыном поэта великого князя Константина Константиновича Олегом, который был смертельно ранен на фронте в 1914 году. 10 апреля 1917 года она вышла замуж за князя Николая Владимировича Орлова, у них родились две дочери — Ксения и Ирина. В 1940 году Надежда разошлась с Орловым. Умерла она весной 1988 года в девяностолетнем возрасте. К этому времени она была самой старшей в семействе Романовых: ей исполнилось 19 лет как раз в тот день, когда Николай II отрекся от престола.

Сын Петра Николаевича князь Роман родился в 1896 году и к началу революции был лишь младшим лейтенантом в инженерных войсках, которыми командовал его отец. У Романа, как и у Петра Николаевича, было слабое здоровье — больные легкие. Во время Первой мировой войны он был так молод, что единственным из князей не заслужил Георгиевского креста — высшей русской военной награды за доблесть в бою. В 1921 году, уже во Франции, он женился на Прасковье Дмитриевне из рода Шереметевых. Умер Роман в Риме в 1978 году, а через два года скончалась и Прасковья. У Романа Петровича были сыновья Николай и Дмитрий, но о них мы поговорим позже.

Глава 11

ИМПЕРАТОР КИРИЛЛ

Великий князь Кирилл 8 марта 1917 года подал в отставку. В тот день Временное правительство отдало приказ об аресте семьи Николая II. В одном из интервью великий князь Кирилл Владимирович сказал: *«Исключительные обстоятельства требуют исключительных мероприятий. Вот почему лишение свободы Николая и его супруги оправдывается событиями, происходящими в России. Наконец, правительство имело, по-видимому, достаточно поводов, чтобы решиться на эту меру. Как бы то ни было, но мне кажется, что никто из нас, принадлежащих к семье бывшего императора, не должен теперь оставаться на занимаемых ими постах»*⁴².

В мае 1917 года Кирилл получил от Временного правительства разрешение отправиться в Финляндию. К этому времени великое герцогство почти отделилось от России. Там еще находились части рус-

ской армии и флота, но всеми внутренними делами ведали местные власти.

В начале июня 1917 года Кирилл вместе с десятилетней дочерью Марией и восьмилетней Кирой выехал на поезде из Петрограда в Финляндию. Вслед за ними выехала и Дана, так в семье звали его жену Викторию Федоровну.

Позднее в эмигрантской литературе появятся душещипательные рассказы о том, как Кирилл по льду Финского залива (это в июне-то!) уносил на руках свою беременную жену, спасая от злобных большевиков. Из всего сказанного верно лишь то, что Дана была беременна. 17 августа 1917 году у нее родился долгожданный сын Владимир.

Историк Стаффан Скотт называет Владимира «великим князем», а о наших монархистах и говорить не приходится. На самом деле Владимир приходился правнуком императору Александру II и по законам Российской империи не мог быть великим князем. Он был просто князем, хотя и императорской крови.

В Финляндии великокняжеская семья в сопровождении четырнадцати слуг часто переезжала с места на место. Владимир родился в городе Борго в усадьбе Хортлинга на углу улиц Александерсгата и Огагата. Роды принимал доктор Гуннар Нюстрём, очень известный в Борго врач.

Кирилл Владимирович оставался в Финляндии на удивление долго — почти три года. Он жил с семьей в легендарном поместье Хайко, совсем недалеко от Петрограда — на тот случай, если белые победят. Кирилл надеялся, что его призовет на царство какой-либо генерал. Ведь в Финляндии победил в гражданской войне его старый знакомый — бывший лейб-гвардеец Густав Маннергейм. Финский фюрер несколько раз навещал Кирилла в Хайко

и обсуждал с ним политические вопросы. Наведывался в Хайко и германский генерал фон дер Гольц.

В мае 1920 года великокняжеская семья, наконец, покинула Финляндию и отправилась в Цюрих, где жила мать Виктории Федоровны великая княгиня Мария Александровна, герцогиня Саксен-Кобург-Готская. Семья покинула Борго «с радостью, так как за три года жизни там сильно устала от однообразия, примитивности условий жизни и, главное, от тяжелых переживаний».

В Швейцарии семья не задержалась и направилась в Берлин, где их встретила сестра Виктории Федоровны Александра, княгиня Гогенлоэ-Ленгенбург, а в Мюнхене к ним присоединилась и сама великая княгиня Мария Александровна.

Одновременно пришло известие, что великая княгиня Мария Павловна с сыновьями Борисом и Андреем прибыла с юга России во Францию на французском военном корабле. Мария Павловна поселилась на курорте Контраксевиль, поскольку нуждалась в лечении, а Борис и Андрей отправились на Французскую Ривьеру. Но Марии Павловне так и не удалось поправить свое здоровье, и 24 августа 1920 года она скончалась. Похоронили великую княгиню в Контраксевиле.

Далее я предоставляю слово бессменному секретарю великого князя Кирилла Владимировича Георгию Карловичу Графу⁴³: *«Уже в середине 1920 г. выяснилось, что великий князь Кирилл Владимирович со всей семьей переехал из Финляндии в Цюрих, в Швейцарию. Поэтому Бискупский устроил себе свидание с великой княгиней Викторией Федоровной. Несомненно, что Бискупский произвел на нее хорошее впечатление ясностью мысли и напористостью. Идея Бискупского базироваться в своей работе на немецкие круги ей нравилась. Тем более что у нее в Гер-*

мании были большие связи. При этом Бискупский торопил, чтобы великий князь Кирилл Владимирович скорее объявил себя главой династии и тем заложил основание легитимно-монархическому движению. Он объяснял необходимость торопиться в связи с тем, что Высший монархический совет ведет подготовительную работу, чтобы убедить великого князя Николая Николаевича, как старейшего и всемирно известного, объявить себя главой династии и возглавителем монархического движения. Это, конечно, было бы против Основных законов, но зато Николай Николаевич, казалось, имел много шансов получить поддержку французского правительства и широких кругов эмиграции, как бывший главнокомандующий. Поэтому Бискупский считал, что если Николай Николаевич уговорится и выступит, в той или иной форме, то после этого выступать Кириллу Владимировичу было бы уже вредно для дела свержения советской власти. Не говоря уже о том, что выступление Николая Николаевича спутало бы вопрос о претендентстве на престол...

Кирилл Владимирович и Виктория Федоровна не хотели слишком торопиться, пока не будет подготовлена почва для этого, то есть будут созданы в разных пунктах группы, которые поддержат выступление великого князя.

Поэтому Виктория Федоровна передала указание великого князя Бискупскому вести переговоры с Высшим монархическим советом и создавать в главных центрах сосредоточения эмиграции легитимные группы. Этим Бискупский и занялся и приездах Виктории Федоровны в Мюнхен делал ей подробные доклады о переговорах с Высшим монархическим советом, который в лице Маркова 2-го уверял, что если великий князь выступит в момент, который укажет Совет, то тот его поддержит.

В Мюнхене сама великая княгиня, беседуя с видными эмигрантами и устраивая большие приемы для русских, тем самым создавала легитимную группу. Она поручила полковнику графу Адлербергу представлять ей русских, которые могли быть интересны для дела ее супруга. Таким образом, легитимно-монархическое движение зародилось в Мюнхене»⁴⁴.

Тут я на секунду прервусь и скажу пару слов о весьма оригинальном персонаже — Василии Викторовиче Бискупском. Он родился в 1878 году, служил офицером в лейб-гвардии конном полку. В 1918 году командовал в Одессе «незалежным» воинством гетмана Скоропадского. Затем драпанул в Германию. В июле 1919 года Бискупский провозгласил сам себя главой Западнорусского правительства. Оное правительство попросило у германского правительства большой заем для формирования 200-тысячной армии, дабы освободить Россию от большевизма. Решить проблему было просто, поскольку оба правительства находились в одном городе — Берлине. Но немцы денег не дали, и правительство Бискупского прекратило свое существование.

И тогда Бискупский из борца за вильну Украину превратился в яркого монархиста. В 1920 году Бискупский в Мюнхене вместе с немецким ротмистром Шейбнер-Рихтером, немцем балтийского происхождения, создал организацию «Ауфбау» («Возрождение»). Она должна была добиваться восстановления дружественных монархических связей России и Германии. В период осуществления этого она должна была оказывать помощь борющимся силам. Бискупский ведал русской работой «Ауфбау», а Шейбнер-Рихтер — немецкой, был в тесной связи с генералом Людендорфом и все больше сближался с группой Гитлера и ее Национал-социалистической партией.

Бискупский в 1920 году участвовал в Капповском путче, в 1936–1944 годах служил в Берлине начальником Управления по делам русской эмиграции. Естественно, эта должность подразумевала самые тесные связи с абвером и гестапо.

Небольшая, но крайне важная деталь в биографии Бискупского. В августе 1938 года в связи с требованием нацистских властей о недопустимости деятельности на территории Германии организаций, подчиненных зарубежным центрам, из подразделений Русского общевойскового союза (РОВСа), находившихся в Германии, в независимую от него организацию был выделен его II отдел во главе с генерал-майором А.А. фон Лампе. Новая организация стала называться Объединением русских воинских союзов (ОРВС) и была во всех отношениях подчинена Управлению делами русской эмиграции (УДРЭ) в Германии, возглавляемому генералом В.В. Бискупским. В мае 1939 года по причинам, связанным с изменением политической карты Европы — поглощением Германией Чехии, из РОВСа был выделен VI отдел (Чехословакия), преобразованный в Союз русских воинских организаций (СРВО) и вошедший в ОРВС в качестве его Юго-Восточного отдела.

Правой рукой Бискупского в Управлении был «личный представитель» императора Николай Федорович Фабрициус де Фабрис — «темная лошадка», о которой лишь вскользь упоминает Граф, но которая играла крайне важную роль как в Управлении, так и в окружении Кирилла, а позже — Владимира.

Следует отметить, что части РОВСа не сражались в вермахте не потому, что господа офицеры не желали иметь дел с нацистами, а из-за категорического приказа Гитлера не принимать их в вермахт. В результате лишь отдельные русские офицеры оказа-

лись там в разведывательных частях и в качестве переводчиков.

В 1944 году Бискупский заболел, был парализован и 18 июня 1945 года умер в американской зоне в Мюнхене.

В 1920 году Бискупский узнал, что в Берлин заехал великий князь Дмитрий Павлович, которого он хорошо знал по совместной службе в лейб-гвардейском конном полку. И вот Вася предложил Диме стать императором. Однако на уговоры Бискупского великий князь не поддался. Он ответил, что пока не выяснена судьба старших по первородству членов династии, он не объявит себя главой, и уехал на жительство в Париж.

Судя по всему, Кирилл внял настояниям безумно честолюбивой жены. Тот же Граф писал: *«В политической работе Государыня была душой, потому что искренно верила в возможность и благодетельность восстановления законной монархии... На мой взгляд, она была единственным членом русской династии из мужского и женского поколения, который стремился к достижению власти и готов был идти на все жертвы, не исключая и “верховного вождя”, великого князя Николая Николаевича».*

Далее Граф повествует: *«Рассчитывать на денежную помощь со стороны бывших союзников России главе династии не приходилось, потому что они уже были связаны с Белым движением и великим князем Николаем Николаевичем. А встать на путь, так сказать, конкуренции было бы неполитично и унижительно. Таким образом, оставалось попытаться использовать германские источники. Демократическо-социалистическое правительство Германии было противником всякой монархии. Оставалось использовать германскую Монархическую партию, которая была очень сильной и к которой примыкали воен-*

ные круги, а также нарождающуюся Национал-социалистическую партию, так как та проявляла определенную враждебность к коммунизму и давала основание считать, что придет к власти.

Вот работу на сближение с этими группировками и вел генерал Бискупский, для осуществления чего, как я уже писал, еще до возникновения легитимного движения, он создал в 1921 г. в Мюнхене организацию “Ауфбау” маскировочного характера. Его сотрудником с немецкой стороны был ротмистр Шёйбнер-Рихтер, германский офицер балтийского происхождения, за спиной которого стоял знаменитый генерал Людендорф. Когда возникло легитимное движение, Бискупский вошел в него, но не ушел из “Ауфбау”, и фактически его работа по “Ауфбау” сливалась с работой по легитимному движению, а немецкая часть “Ауфбау” все больше сближалась с Национал-социалистической партией Гитлера.

В 1923 г., в сентябре (т. е. до “Бир-халле путча”), в Мюнхене состоялось свидание великой княгини Виктории Федоровны, сопровождаемой генералом Бискупским и госпожой фон Рафен, с генералом Людендорфом, Гитлером, Шёйбнер-Рихтером и несколькими очень известными немецкими финансистами»⁴⁵.

Самое любопытное, что свои воспоминания Граф писал уже в 1950-х годах и, соответственно, фильтровал факты, так что многое о связях великой княгини с фашистами осталось им недосказанным.

9 июня 1923 года Гитлер произвел попытку насильственного свержения баварского правительства. Однако его знаменитый «пивной путч» провалился. Организация «Ауфбау» принимала участие в путче, и ее глава Шёйбнер-Рихтер был убит. Бискупского допрашивала полиция, но он сумел выкрутиться. По одной из версий, Бискупский прятал от полиции два дня самого Адольфа Гитлера.

Граф писал: «...все средства для существования семьи шли через нее [Викторию Федоровну. — А.Ш.] — так уж сложились обстоятельства. На Кирилле Владимировиче лежала более простая денежная операция — распределение хозяйственных сумм, и он это делал очень педантично. Единственно, что он не любил, это сразу выкладывать большие суммы и поэтому предпочитал затягивать платежи на крупные суммы. В соответствии с расходом сумм ему приходилось довольно часто ездить в банк, чтобы снимать нужные деньги с текущего счета. При этом если он замечал, что сумма текущего счета сильно понизилась, то начинал очень беспокоиться.

Когда семья Кирилла Владимировича покинула Россию и переселилась в Финляндию, то у нее никаких средств не было, так как распоряжением Временного правительства все Романовы были лишены доходов и прав распоряжаться своим имуществом. Поэтому, живя в Финляндии, она бы бедствовала, если бы не помощь друзей и некоторые драгоценности, которые удалось вывезти. Только покинув Финляндию, семья могла получить помощь от матери Виктории Федоровны. Денежное положение семьи несколько улучшилось после смерти великой княгини Марии Павловны [старшей] и герцогини Марии Александровны, так как те оставили ей наследства...

Старшая сестра Виктории Федоровны королева Мария Румынская всегда готова была ей помогать и просила ее лишь сказать, когда помощь понадобится. Но и это сделать было тяжело для Виктории Федоровны. В конце концов, чтобы избавить Викторию Федоровну от мучительных просьб, королева стала ежемесячно высылать в Сен-Бриак определенную сумму. Эта сумма и стала основой бюджета семьи, которого хватало лишь при самой скромной жизни»⁴⁶.

В начале мая 1924 года Кирилл и Виктория переехали с Лазурного Берега в Германию, в Кобург, на виллу «Эдинбург». В свое время эта вилла вошла в приданое Виктории Федоровны как подарок ее матери герцогини Марии Александровны Саксен-Кобург-Готской. Мария Александровна, дочь императора Александра II, была женой второго сына английской королевы Виктории Альфреда, герцога Эдинбургского, брата короля Эдуарда VII. Герцог Альфред был адмиралом английского Королевского флота. Он одно время командовал Средиземноморской эскадрой, поэтому-то дочь Виктория и родилась на Мальте. Позднее, после пресечения немецкой династии герцогов Саксен-Кобург-Готских, герцог Альфред по наследству получил этот престол. Таким образом, из британского адмирала он превратился в немецкого правящего герцога. Главной резиденцией его стал Кобург, а временами он жил в столице Готского герцогства Готе.

Рядом с виллой «Эдинбург» находился небольшой дворец, который был частной собственностью покойной Марии Александровны и теперь перешел к сестре Виктории Федоровны княгине Александре. Дворец этот был возведен на личные средства покойной герцогини, и после смерти мужа она жила в нем, поскольку не любила старинный и неуютный дворец, находившийся почти рядом, на дворцовой площади.

При жизни герцога Альфреда его главной резиденцией была Кобургская крепость, при которой был прекрасный «исторический замок». Они красиво высились на вершине крутого холма, и перед ними расстилался вид на окрестности. Теперь в нем жил последний царствовавший герцог Карл, двоюродный брат Виктории Федоровны.

Вилла «Эдинбург» представляла собой двухэтажное здание с антресолями. На нижнем этаже распо-

лагались гостиная, столовая, церковь, библиотека, буфетная и две комнаты для гостей. Внутреннее убранство церкви было внутренним убранством походной церкви Александра II, которая сопровождала императора в 1877 году во время войны на Балканах. Александр II подарил убранство этой церкви своей дочери Марии.

На втором этаже размещались спальни, кабинет великого князя Кирилла с приемной, салон Виктории Федоровны, детская и классная.

На антресолях были комнаты княжон, учительницы и камеристок. Все комнаты, кроме гостиной, были небольшие и красиво обставленные. Особо выделялись две картины — большое полотно, на котором изображены все четыре принцессы, дочери Марии Александровны, — Мария, Виктория, Александра и Беатриса молодыми девушками, и портрет самой герцогини, написанный вскоре после ее замужества.

В Кобурге жил бывший болгарский царь Фердинанд. После мировой войны союзники заставили его за союз с германским императором Вильгельмом отречься от престола в пользу сына Бориса. Властолюбивый царь Фердинанд подчинился этому требованию только под угрозой низложения всей династии. Отрекшись от престола, царь должен был покинуть пределы Болгарии.

Фердинанд подружился с Кириллом и Викторией. Отставной царь упорно носился с идеей женить своего сына, царя Бориса, на княжне Кире Кирилловне. Однако сам царь Борис III отмалчивался, а затем женился на католичке Иоанне Савойской, дочери итальянского короля Виктора Эммануила III.

В Кобурге Кирилл с подачи Виктории и ряда деятелей из своего окружения решил стать императором. Как писал Граф: *«Это мотивировалось тем,*

что принятый им титул “блюстителя государева престола”, который не обусловлен основными законами, носит характер импровизации, а поэтому непонятен для широких масс внутри России. Если Кирилл Владимирович имеет действительное право на занятие престола, так как все старшие по первородству члены династии погибли, то отчего же он назвал себя только блюстителем престола, для кого же он блюдет престол, для себя самого или для кого-то другого, кто имеет большие права, чем он? Это как-то ставило неоспоримость прав Кирилла Владимировича под сомнение...

Я не знаю, кто поднял вопрос о принятии Кириллом Владимировичем императорского титула, но особенным сторонником этого был генерал Бискупский. При всех своих доводах, начиная с мая, он доказывал Кириллу Владимировичу и Виктории Федоровне необходимость сделать этот шаг. Он говорил, что принятие титула блюстителя своей неопределенностью тормозит развитие движения, дает пищу толкам, что Кирилл Владимирович не имеет прав на престол, родившись от матери, пребывавшей в лютеранской вере, в подтверждение чего он сам и заявил, что только “блюдет” престол. Наконец он сообщил, что, по достоверным данным, ему стало известно, что ближайшие лица к великому князю Николаю Николаевичу настаивают, чтобы тот выпустил заявление. Что он, как старейший в династии, объявляет себя претендентом на российский престол и тем самым парализовал бы Кирилла Владимировича, что он может согласиться. Поэтому, пока не поздно, Кирилл Владимирович должен сделать второй шаг для обеспечения своих прав на престол, то есть принять императорский титул.

Сам Кирилл Владимирович, особенно вначале, был определенно против такого шага. Он чувство-

вал, как тяжело и неприятно будет носить императорский титул. Виктория Федоровна в значительной степени убедилась доводами Бискупского, но только после долгого периода сомнений»⁴⁷.

Принятию Кириллом императорского титула мешало вероисповедание великой княгини Виктории Федоровны. Ведь согласно 185-й статье «Основных Законов Российской Империи»: *«Брак мужеского лица Императорского Дома, могущего иметь право на наследование Престола, с особою другою веры совершается не иначе, как по восприятии ею православного исповедания»⁴⁸*. При вступлении в брак с Кириллом Виктория осталась протестанткой. Уже в эмиграции «кирилловцы» распространили версию о том, что она позже приняла православие. Но никто и никогда не указывал точную дату (день, месяц) перехода Виктории в православие, а также какой священник совершал этот акт. Наконец, в православных святцах нет имени Виктория, хотя смена имен (при отсутствии такого же у православных) для инославных, переходящих в православие, обязательна. Так что российской императрицей, надо полагать, стала протестантка.

31 августа (13 сентября) 1924 года Кирилл издал Манифест о принятии им титула Императора Всероссийского. В манифесте кобургский император, как его прозвали «николаевцы», уповает на Бога и... Красную армию. Нет, я вовсе не шучу: *«Пусть Русская Армия, хотя и называемая красной, но в составе коей большинством являются насильно призванные честные сыны России, скажет решающее слово, встанет на защиту поправных прав Русского народа и, воскресив исторический Завет — за Веру, Царя и Отечество, восстановит на Руси былой Закон и Порядок.*

Заодно с Армией пусть всколыхнется громада народная и призовет своего Законного Народного

Царя, который будет любящим, всепрощающим, заботливым Отцом, Державным Хозяином Великой Русской Земли, грозным лишь для врагов и для сознательных губителей и растлителей Народа»⁴⁹.

Суть же манифеста была в конце: «...А посему Я, Старший в Роде Царском, единственный Законный Правопреемник Российского Императорского Престола, принимаю принадлежащий Мне непререкаемо титул Императора Всероссийского... Сына Моего, Князя Владимира Кирилловича, провозглашаю Наследником Престола с присвоением Ему титула Великого Князя, Наследника и Цесаревича... Обещаю и клянусь свято блюсти Веру Православную и Российские Основные Законы о Престолонаследии...»⁵⁰

«Императором» Великого князя Кирилла Владимировича признали немногие. О непризнании его объявили в печати вдовствующая Государыня Императрица Мария Федоровна и Великий князь Николай Николаевич. Не признало его большинство остальных членов Царственного Дома, в числе их старейшие: Королева Эллинов Ольга Константиновна, Великий князь Петр Николаевич, Его Императорское Высочество Принц Александр Петрович. Не признали Архиерейский Собор и Синод, а также и Высший Монархический Совет, ибо «Великий Князь Кирилл Владимирович не мог быть венчанным на царство»⁵¹.

Затушевывать этот факт неким личным соперничеством не признавших его членов династии (как это до сих пор объясняют «кирилловцы») можно лишь в аудитории, не знакомой с сутью вопроса.

В архиве И.А. Ильина (юриста по образованию и доктора государственных наук) имеется аналитическая записка 1924 года (видимо, принадлежащая ему самому), в которой манифест великого князя Кирилла характеризуется как «самозванство»: «Не-

обходимо признать, что законы о престолонаследии не благоприятствуют кандидатуре Великого Князя Кирилла Владимировича и книга Зызыкина толкует их правильно. Аргументация в пользу его кандидатуры — груба, невежественна и, главное, не объективна... Великий Князь Кирилл — провозглашая сам свои права — совершает акт произвола и никакие признания со стороны других Великих Князей в этом ничего не изменяют... Самим вождем “движения” преподносится не Монархия — а дело заграничной партии... объединившейся для агитации и борьбы за Престол... Бессилие и беспочвенность этой закордонной монархии — неизбежно поведет ее к соглашению с другими, враждебными подлинной России силами: масонством и католицизмом»⁵².

Глава 12

ВЕЛИКИЕ КОМБИНАТОРЫ ПРИ ДВОРЕ КОБУРГСКОГО ИМПЕРАТОРА

Короля делает свита. Посему не грех немного рассказать об «особе, приближенной к императору» во время «кобургского периода». В январе 1925 года на виллу «Эдинбург» к его императорскому величеству императору Кириллу I прибыл представиться генерал-майор князь Павел Михайлович Авалов. Князь выразил императору верноподданнические чувства от всех чинов бывшей Западной армии. Авалов объявил, что теперь они объединились в организацию под названием «Балтикум» вместе с бывшими чинами «Железной дивизии». Их уже более сорока тысяч, и они живут и работают в разных местах Пруссии. Авалов заявил, что все они воодушевлены одним желанием — послужить своему государю и по первому кличу готовы явиться туда, куда будет приказано.

На следующий день его сиятельство был приглашен к завтраку и представлен «императору» и «наследнику престола». Как писал Г.К. Граф: *«За столом он сумел на всех произвести приятное впечатление, особенно на княжон. Своими рассказами он их очень смешил. Во всяком случае, и в следующие свои приезды он был приглашаем»*⁵³.

Как тут не умилиться российскому обывателю начала ХХI века — к императору в изгнании прибыл князь-аристократ, да еще герой Гражданской войны — какая пастораль! Увы, Авалов настолько же был князем, насколько Кирилл — императором.

Жил-был в Тифлисе еврей-ювелир Рафаил Берман. И, говорят, жил не хуже других, но, увы, его сын Пейсах не захотел пойти по стопам отца. Впрочем, такая ситуация была у многих евреев-ювелиров. Вспомним хотя бы, как огорчили сыновья главного нижегородского ювелира Мойшу Свердлова. Наш же юный Рафаилович увлекся музыкой. В 1901 году его призвали в армию и зачислили капельмейстером в 1-й Аргунский казачий хор. Однако хорошего музыканта из Пейсаха не получилось, и он выбирает военную карьеру. Он отличился в русско-японской войне, получил «Георгия» и первый офицерский чин. Где-то около 1905 года он крестился и стал Павлом Бермонтом (Бермондтом). Как видим, небольшое удлинение, и фамилия звучит как немецкая. Но этого нашему Рафаиловичу оказалось мало, и он каким-то способом усыновился князем Михаилом Аваловым. Замечу, что в отличие от тех же Рюриковичей, в Кахетии числились десятки князей, иной раз не имевших и пары слуг. Среди таковых был и Авалов. Итак, теперь наш Рафаилович на службе был Бермонтом, а при необходимости в иных местах представлялся князем Павлом Михайловичем Аваловым.

При «проклятом царизме» военная карьера Рафаиловича не удалась, и он к февралю 1917 года дослужился лишь до ротмистра. Первые два года после падения монархии судьба носила нашего героя то в Киев, то в Питер, и вот, наконец, в Митаве всплыл полковник Бермонт.

Тут по указанию германского генерала Гольца наш герой собирает большую рать. Правительства стран Антанты по существу не возражали против перехода немецких войск в части Бермонта. По признанию руководителя британской военной миссии в Берлине генерал-майора Малкольма, «постольку, поскольку полковник Бермонт предполагает использовать свои войска против большевиков, он может оказать нам услугу». Переходу немецких солдат в войско Бермонта способствовали и обещанное высокое жалованье (солдатам 11 марок в день, офицерам — до 40 марок), и возможность безнаказанно грабить местное население. Недаром английская газета «Морнинг пост» писала, что немецкие солдаты в Прибалтике «в первую очередь заняты воровством и грабежом, а военная служба у них на втором месте».

Под нажимом англичан воинство Бермонта в августе 1919 года формально подчинялось генералу Юденичу, воевавшему на севере Эстляндии с большевиками.

Юденич потребовал, чтобы Бермонт принял участие в походе на Петроград. 30 августа в Ригу явился сам Юденич и вызвал Бермонта из Митавы.

А наш Рафаилович взял да и не приехал. Юденич был взбешен. Он-де при царе-батеньке был генералом от инфантерии, главнокомандующим Кавказским фронтом, а сейчас командовал Северо-Западной армией, а тут какой-то ротмистр, объявивший себя полковником, взял да и послал...

Таким образом, положение генерала Юденича в глазах латвийского правительства, латышской армии и союзных миссий оказалось нелепым. Однако Юденич отправил к Бермонту в Митаву начальника своего штаба полковника Генерального штаба Прюффинга с требованием, чтобы полковник Бермонт немедленно явился в Ригу к генералу Юденичу дать свои объяснения. Но полковник Прюффинг вернулся в Ригу, так ничего и не добившись от Бермонта. Юденич и представители Антанты неоднократно писали Бермонту, пытаясь доказать, что от его выхода из Митавы и благоприятного разрешения запутанного курляндского вопроса зависит судьба Петрограда и всего объединенного Северо-Западного фронта. Но все было напрасно — Бермонт упорно молчал. Генерал Юденич уехал из Риги, направив Бермонту свой ультиматум — в десятидневный срок обсудить положение, подчиниться и прислать ответ.

Бермонт твердо решил не уходить из Митавы. Понять его несложно. Красные уже накостыляли многим генералам, начиная от Колчака и кончая Миллером, и рисковать своим воинством наш полковник не хотел. Главное же, воюя с красными, он бы таскал каштаны из огня для других — того же Юденича или Деникина. В случае же победы белых Бермонт заведомо бы оказался на третьих ролях. Захватив же Курляндию, а то и всю Прибалтику, и сохранив в целостности свою армию, Рафаилович мог поторговаться с любым победителем, будь то Троцкий или Деникин.

1 октября 1919 года в Митаве Бермонт собирает совещание под председательством бывшего премьера А. Ниедра, на котором было принято решение о наступлении на Ригу, а в дальнейшем свергнуть правительства Латвии и Эстонии, превратить эти го-

сударства в российские провинции с ограниченной автономией и без права содержания собственного войска, полностью восстановить все привилегии прибалтийского дворянства. Позднее предполагалось назначить Ниедру генерал-губернатором Лифляндским и Курляндским.

Естественно, что все решения были согласованы с Гольцем. 3 октября Гольц издал приказ о том, что командование всеми оставшимися в Курземе частями принимает на себя Бермонт. Было подписано секретное соглашение: немецким солдатам обещали российское подданство, право обосноваться на жизнь в России с получением затем земельных наделов. Гольц писал, что *«с 3 октября прибалтийское начинание внешне окончательно становится русским предприятием... Только таким путем может быть удастся успешно довести прибалтийское начинание до конца»*⁵⁴.

6 октября Бермонт-Авалов основал так называемый Правящий совет во главе с царским сенатором графом Константином Паленом. Этот совет должен был играть роль консультативного органа при главнокомандующем армией по вопросам гражданского правления.

9 октября при совете был основан «Комитет управления Латвийского края» в составе барона В. Штромберга, Т. Ванкина и инженера Кампе.

Ну, раз есть правительство, нужны и деньги. И в Берлине заработали печатные станки. В обращение были пущены банкноты достоинством в 1, 5, 10 и 50 марок, всего на общую сумму в 10 миллионов марок. На одной стороне этих банкнот (их прозвали «аваловки») текст был на немецком языке, а на другой — на русском. Поверх русского текста красовалось изображение двуглавого орла с короной, а внизу немецкого текста — знак германского ордена Же-

лезного креста. Время выпуска «аваловок» значилось: «Митава, 10 октября 1919 г.».

Авалов выпускал и собственные почтовые марки с изображением Ильи Муромца и восьмиугольного креста. Нельзя обойтись и без знамен. В производство пошли флаги: сине-бело-синий фон, в левом углу — маленький русский национальный флаг, посредине — русский герб, в центре которого помещались три отдельных герба — Лифляндии, Курляндии и Эстляндии.

4 октября Бермонт отправил Деникину послание, извещая его о том, что Западнорусская армия сначала возьмет Ригу, а затем продвинется в направлении Даугавпилс — Великие Луки — Невель — Новосokolники на соединение с частями, находящимися под командованием других белогвардейских генералов.

В распоряжении Бермонта имелись значительные силы, в том числе и немецкая «железная дивизия», так называемый «немецкий легион»; корпус имени графа Келлера; группа полковника Вирголича и т. д. Всего в армии Бермонта (со всеми тыловыми учреждениями) насчитывалось около 51 тысячи человек, из которых около 40 тысяч были немцами.

Армия располагала сотней пушек, 50 минометами, 600 станковыми пулеметами, сотней аэропланов, тремя бронепоездами и десятью броневиками. Таким образом, Бермонт располагал куда большими силами, чем Юденич, армия которого в конце сентября 1919 года насчитывала 18,5 тысячи солдат. Кроме того, к Бермонту непрерывно шло пополнение из Германии — люди, оружие, военные материалы. В конце октября военный агент Бермонта в Берлине подпоручик Эберхарт сообщал в Елгаву, что он закупил у германской фирмы «Гуго Стиннес» 12 танков.

К концу октября 1919 года под давлением германского правительства фон дер Гольц был вынужден окончательно покинуть Курляндию, но у Бермонта-Авалова хватало толковых германских офицеров. Взять того же... Гейнца Гудериана. Да, да! Того самого! Правда, еще не генерал-полковника, а всего лишь капитана. Но именно в Курляндии возшла звезда знаменитого полководца.

Остапа, пардон, Рафаиловича, несло... Верные Юденичу люди донесли в Ревель: *«В этот день вечером Селевиным был устроен бал в честь командующего, которого при входе встретили криками “ура”, а среди ужина по команде Селевина все гости опустились на колени и под звуки гимна “Боже, царя храни” провозгласили Бермонта монархом всея Руси, на что получили замечание Бермонта: “Это, господа, преждевременно”»*⁵⁵.

Ульманис и К° всполошились — во всей Латвии была объявлена новая мобилизация, а также произведена реквизиция лошадей. Большая часть латышских войск была снята с большевистского фронта в Латгалии и переведена под Ригу. Ульманис отправил в Эстонию, Литву и Польшу эмиссаров с просьбами о помощи и для заключения военной конвенции.

Однако добраться до престола, пусть даже курляндского, Рафаилычу было не суждено. Эстонские и латвийские силы, поддержанные англо-французским флотом, двинулись на армию Бермонта. Красная же армия не воспользовалась уходом с фронта противника, поскольку в этот момент шли ожесточенные бои с Деникиным, рвавшимся к Москве. Союзные державы пригрозили Германии блокадой и войной, если она не прекратит поддержку Западной Добровольческой армии.

В начале декабря 1919 года около 20 тысяч русских и немцев аваловской армии спокойно перешли

германскую границу и были интернированы в Восточной Пруссии в лагере Альпенгробен. Сразу же личный состав, как русские, так и немцы, начали разбегаться кто куда. К 1 июня 1920 года лагерь был переведен в Магдебург, к тому времени интернированных осталось не более 5 тысяч.

Аваловские офицеры Фрич, Гудериан, Кюхлер, Клейст, Рабенау, Сикет фон Арним, Штильпнагель, Заломон и другие стали впоследствии известными военачальниками Третьего рейха.

А что же стало с нашим Рафаиловичем? Драная из Митавы в Германию, он произвел сам себя в генерал-майоры. В 1925 году в Гамбурге сей генерал-майор издал солидный том «В борьбе с большевизмом».

И вот Рафаилыч завтракает у императора. *«Благодаря оказанному Авалову приему, ему так понравилось бывать в Кобурге, что он стал искать случая, чтобы чаще приезжать. Его приезды обычно сопровождались большим оживлением. Он привозил русские продукты, которые мы любили и которых в Кобурге не было, и устраивал у меня угощения. Но в тот период у него было плохо с деньгами. И он не мог часто ездить в Кобург»⁵⁶.*

В 1926 году Авалов предложил императору Кириллу вступить в союз с графом фон дер Гольцем. Тот хотя и был в отставке, но имел большое влияние среди германских военных, кроме того, Гольц возглавлял соединение из своих сослуживцев численностью около 40 тысяч человек. Большинство из них были прибалтийскими немцами, а как минимум три тысячи человек — этническими русскими.

Кирилл для переговоров с Гольцем отправил в Берлин своего преданного Графа. Однако договориться не удалось: у «черного рыцаря» были люди, готовые к любым операциям на востоке. Требовались только деньги. В свою очередь Кирилл и Граф

не рисковали лично возглавлять вооруженные авантюры против СССР, поскольку боялись негативной реакции Англии и Франции, с одной стороны, и «длинных рук» ОГПУ — с другой. Цель же визита Графа к Гольцу была одна — выцыганить деньги и как можно больше. Понятно, что стороны разошлись ни с чем.

Граф же в своих мемуарах представляет ситуацию так: *«Мечтой Авалова было добыть огромные средства и положить их к ногам Государя. Его фантазия рисовала, как он, получив деньги, купит роскошный автомобиль и на нем приедет в Кобург, чтобы его тоже положить к ногам Государя, с деньгами. Он считал, что Государь имеет недостаточно роскошный автомобиль.»*

Мы совершенно не верили в то, что Авалов может получить большие средства, но мы ошиблись. Года через два он откуда-то получил довольно значительные средства. Но, получив их, он забыл о своей мечте дать Государю деньги на политическую работу. Авалов осуществил свою мечту купить автомобиль, но только для себя. Он в Мюнхене стал задавать пиры и вообще сорил деньгами и скоро остался без ничего.

Авалов пользовался большим успехом у дам. Както до нас дошли слухи, что в него влюбилась одна немецкая принцесса. Мы не слишком-то этому верили. Однако это подтвердилось, и эта принцесса оказалась двоюродной сестрой Государя по материнской линии, Мекленбург-Шверинской. Эта связь укрепилась, и впоследствии они поженились.

Звезда Авалова не всегда горела ярко, временами она меркла, и казалось, что Авалов уже больше не будет блистать, но проходило время, и она опять разгоралась. В последний раз она вспыхнула в 1934 г., вскоре после нацистского переворота. Авалов под об-

щим впечатлением в Германии почувствовал себя вождем, конечно, не немцев, а русских эмигрантов, как бы русским Гитлером. Он быстро набрал русских “наци” и создал русскую национал-социалистическую партию, при помощи немецких “наци” одел своих людей в соответствующую форму, и сам оделся под Гитлера, научил их маршировать и кричать: “Хайль фюрер!” Затем стали следовать шумные празднества на средства, получаемые от немцев на партию. На них пелись русские песни и пились чарки в честь “фюрера” князя Авалова»⁵⁷.

Граф в принципе прав. В 1930 году Бермонт возглавляет Русское национал-социалистическое движение. Символом РОНД был двуглавый орел с образом святого Георгия на груди и свастикой в лапах. Штурмовые отряды Бермонта маршировали по улицам германских городов. Знал бы папа-ювелир, что его любимый сын забудет дорогу в синагогу и станет лидером фашистов.

В 1939 году Бермонт-Авалов был арестован гестапо. Понятно, что антифашистом к тому времени он не стал. Есть несколько иных версий. По одной, нацистам не понравилось «проникновение неарийцев в РОНД», видимо, и о национальности Рафаилыча те догадывались. По другой версии, поводом для ареста стало заключение РОНДом союза с младороссами, возглавляемыми Казем-Беком, еще одной «особой, приближенной к императору». Согласно третьей версии, вожди рейха выдали Рафаилычу крупную сумму на проведение какой-то акции, а тот ее попросту присвоил.

Не исключено, что Бермонту инкриминировались все три эпизода. Однако бедолаге повезло: он провел за решеткой менее полугода. За Рафаилыча фюрера попросил Бенито Муссолини. Князя депортировали в Италию, а в 1941 году он сумел как-то пе-

ребратся в Нью-Йорк. Там Рафаилыч жил тихо и богобоязненно и умер в 1974 году.

Еще одной колоритной личностью, приближенной к кобургскому императору, стал Алексей Алексеевич Бельгард, один из руководителей антибольшевистского союза «Святогор». Граф писал: *«Его главными идеями по борьбе с коммунизмом были террор и интервенция, то есть насильственное свержение советской власти, хотя бы и иностранной силой.»*

Он считал, что Государь должен юридически обосновать свое положение и тогда все издаваемые им акты приобретут юридическую силу. Теоретически это было верно, но практически не имело безусловной необходимости и, с точки зрения Государя, было невыполнимо, раз он не может обосноваться на русской территории.

Бельгард это оспаривал и придумал выход — создать сенат из всех бывших сенаторов, которым удалось бежать за границу. Ввиду того, что с них формально не было снято звание сенаторов, то Бельгард считал, что они могут продолжать исполнять свои функции и вне России. Такой сенат, функционируя на территории государства, которое это ему разрешило (например, Югославия или Германия), мог бы легализовать все акты Государя, и они приобретали бы юридическую силу. Тем самым и положение самого Государя было бы юридически обоснованным.

Этот проект поддержал известный русский юрист, бывший прокурор К.И. Савич. Он тоже считал, что такой сенат, состоящий из сенаторов, назначенных законной властью, и на чужой территории будет законным. Некоторые другие юристы с ними не соглашались. И вот Бельгард со свойственной ему энергией оспаривал их заключение.

Но и помимо юридической стороны этого проекта, которая представлялась спорной, неосуществи-

мой была материальная сторона. “А кто же будет содержать этих сенаторов? — спрашивал Государь Бельгарда. — У нас ведь нет Государственного казначейства, и у меня нет таких больших средств лично. Да и я считаю, — недоумевал Государь, — что ни одно государство не разрешит ему существовать на своей территории, так как это возбудит протесты Советов. Правда, еще есть государства, которые еще не признали Советское правительство, но и они не захотят обострять отношений с Советами, и их парламенты будут против”»⁵⁸.

Наконец-то Бельгард нашел деньги, которые, мол, мечтают дать Кириллу бразильские кофейные плантаторы «на дело восстановления русской монархии при условии, что им будет Государем обещано в будущем дать льготы по ввозу кофе»⁵⁹.

Кирилл весьма заинтересовался этим проектом и был готов поить «кофием» до отвала всех подданных империи. Но, увы, это был очередной блеф. Что же касается Алексея Алексеевича Бельгарда, то он оказался кадровым сотрудником абвера. Правда, в эмигрантских кругах ходили слухи, что помимо этого он сотрудничал с НКВД.

Глава 13

БУДНИ СЕН-БРИАКА

В начале 1929 года Кирилл вместе с семьей перебирается из Кобурга во Францию в местечко Сен-Бриак в Бретани. Выбор новой резиденции произошел случайно. Кто-то посоветовал инфанте Беатрисе провести лето на берегу моря, в Сен-Бриаке, и она пригласила свою сестру Викторию приехать туда же с семьей. Им всем городок очень понравился, они стали приезжать туда каждое лето и, в конце кон-

цов, купили себе виллу и стали жить в Сен-Бриаке постоянно.

Напомню, что Беатриса (1884–1966) была родной сестрой Виктории-Мелитты. В 1909 году она вышла замуж за Альфонса Орлеанского, имевшего весьма отдаленное родство с испанской королевской семьей. Позже он стал летчиком.

«Сен-Бриак — это бретонская рыбацья деревня в девяти километрах от небольшого курорта Динар и города-порта Сен-Мало на берегу Ла-Манша. Когда-то ее жители были скромными рыбаками. Теперь это местечко состоит из большого числа красивых вилл, в нем несколько гостиниц, имеются гольф и теннисные площадки. Поэтому теперь жители не столько заняты рыбной ловлей, сколько сдают на лето свои домики приезжим из Парижа и других городов. Вообще, сезон их обогащает, хотя и очень короткий, всего два с половиной, самое большое, три месяца. Некоторым жителям удается за сезон заработать столько, что могут отдохнуть остальное время года.

Сен-Бриак живописно расположен в глубине залива Сен-Мало. Его берега опоясаны скалами, рифами и мелями. Недалеко от берега, у входа в бухту, находится остров Илаго, похожий на чудовищную ящерицу, полупогруженную в воду. Скалы защищают три прекрасных пляжа, которые удобны для купания и поэтому служат приманкой Сен-Бриака. Они покрыты нежным песком, который так приятен, когда, лежа на нем, греешься на солнце. С севера на берегу имеется единственная гора под названием Гард-Герен. Она доминирует над берегом. Поэтому с нее открывается чудный вид на линию берега и море.

Вообще, вся прелесть Сен-Бриака в скалах, пляжах и море. Эту часть берега Бретани французы называют “изумрудным берегом”. Действительно,

вода вдоль берега Сен-Бриака цвета изумрудов, ярко-зеленая. Какое наслаждение в теплые летние дни погружаться в эту прозрачную, прохладную и такую соленую воду, дышать воздухом моря, питанным йодистыми испарениями водорослей. Вечные скалы, изъеденные вечно движущимися водами, как и пляжи, далеко оголяются во время отлива. Все подножие скалы, которое во время приливов находится под водой, заросло разными морскими травами, в которых ютятся крабы, ракушки и рыбки разных цветов...

Вилла "Керр-Аргонид" находилась у моря, от нее до ближайшего пляжа километра три. Она прежде служила каким-то фермерам, поэтому никакой архитектурной красотой не обладала, была ящикообразным двухэтажным домом. В доме было около двадцати комнат, и, конечно, он был совершенно переделан и распланирован по-новому.

На окружающих виллу полянах Виктория Федорова развела цветники, сад и огород. Там же имелся маленький домик, собственность царевны Киры Кирилловны, и при нем прудик, а от него к вилле шла колоннада, обвитая розочками»⁶⁰.

К тому времени Высший монархический совет вынес постановление о своем подчинении главе династии и о непризнании его императорского титула. Кирилл не возражал против этого постановления, заявив, что он вообще не желает входить в обсуждение каких-либо постановлений Совета, так как это их внутреннее дело. Кирилл еще раз подтвердил, что его не касаются внутренние постановления Высшего монархического совета, но чем менее искренне он подходит к нему, тем и он будет питать меньше доверия.

В противовес Кириллу Высший монархический совет сделал две попытки выдвинуть в императоры

Никиту Александровича, сына великого князя Александра Михайловича.

Особо важной для Кирилла была поддержка иерархов православной церкви за границей. Вместе с «Русской армией» генерала Врангеля из Крыма бежало много иерархов и священнослужителей. Патриарх Сербский пригласил митрополита Антония и других русских иерархов обосноваться в Югославии и предоставил им помещение для Синода в Сремских Карловцах. До эмиграции митрополита Антония и других иерархов из России эмигрировал митрополит Евлогий и возглавил Русскую западноевропейскую епархию с консисторией в Париже, и митрополичьим собором стал Александро-Невский посольский собор на улице Дарю.

Затем иерархи решили собрать зарубежный Церковный Собор для объявления объединенной Русской зарубежной церкви автокефальной, то есть независимой от Русской церкви внутри России, находившейся в зависимости от советской власти, что и было осуществлено. На Собор прибыл митрополит Евлогий и призвал его епархии объединиться в единую зарубежную церковь.

Однако через несколько месяцев, после некоторых небольших недоразумений с Синодом в Карловцах, митрополит Евлогий сообщил Синоду, что он со своей епархией выходит из-под его подчинения. Последовали бесконечные переговоры и попытки наладить мир, чтобы избежать раскола. Но митрополит Евлогий ни на какие уговоры не шел. Тогда опять был собран Собор, который после тщетных попыток привести митрополита Евлогия к подчинению вынес постановление о запрещении его к служению. Митрополит не подчинился и этому. А так как его епархия не могла существовать вне вхождения в юрисдикцию какой-либо автокефальной ветви

православной церкви, то Евлогий вошел в юрисдикцию Вселенского (Константинопольского) Патриарха и этим еще больше углубил раскол.

С этого момента в Западной Европе прочно установились две параллельные русские церковные епархии: одна юрисдикции Синода в Сремских Карловцах, возглавляемая митрополитом Антонием, а другая — юрисдикции Вселенского Патриарха, возглавляемая митрополитом Евлогием. Это разделение повлекло за собой и разделение русских прихожан на «антоньевцев» и «евлогианцев». В Париже «евлогианцы» имели то преимущество, что их кафедральным собором была бывшая посольская церковь на улице Дарю — очень красивый храм, с прекрасным хором под управлением известного дирижера Афонского. А «антоньевцам» пришлось создать себе кафедральный собор в гараже на улице Одесса. Во главе Западно-европейской епархии юрисдикции Синода был поставлен архиепископ Серафим.

Среди эмигрантов «евлогианцев» и «антоньевцев» было немало чрезвычайно непримиримых людей, особенно среди женщин. Вражда зашла так далеко, что некоторые «антоньевцы» не признавали таинств, которые совершались священниками «евлогианцами», так как считали, что епархия митрополита Евлогия была «неканонической». Ссор и споров на почве этого раскола было очень много. Русская эмиграция любила политические и церковные споры, видимо, из-за того, что это уводило их из невеселой обыденной жизни.

Кирилл и Виктория всецело стояли на стороне Собора иерархов, то есть на стороне митрополита Антония, и осуждали митрополита Евлогия.

В свою очередь митрополит Антоний сразу же встал на сторону Кирилла, и в его церквях, если Кирилл присутствовал на богослужении, его поминали

императорским титулом. Митрополит Евлогий, как хитрец, желавший всем угодить, кто мог ему быть полезен, не разрешал в своих церквях поминать Кирилла как императора.

Кирилл и Виктория, не желая углублять раскола в эмигрантской среде, не отказывались бывать и в церквях «евлогийанцев». Но сестра Кирилла княгиня Елена Владимировна была яркой «антоньевкой» и ни за что бы не пошла в «евлогийанский» храм. Если она узнавала, что кто-либо из ее братьев бывал на улице Дарю, то при первой встрече им выговаривала.

Великий блюститель православия Кирилл решил заручиться поддержкой Ватикана. Он *«через своего личного представителя установил контакт с кардиналом Гаспарри, папским статс-секретарем, а также с епископом-иезуитом д'Эрбиньи в попытке заручиться поддержкой Ватикана... Взамен он [Кирилл] обещал, после занятия трона Романовых, даровать официальное признание Русского католицизма в виде Русского экзархата и признать возможную католическо-православную унию... Однако Ватикан, действуя реалистически, предпочел продолжить свои секретные переговоры с красным режимом».*

В 1929 году Кирилл повторил попытку. Узнав, что переговоры Ватикана с большевиками не имели успеха, *«он пригласил иезуита [д'Эрбиньи] к себе в Бретань и передал через него послание Папе. Кирилл обещал предоставить католицизму в России свободу религиозной пропаганды, в случае падения советского режима и занятия трона Романовых. В виде ответной услуги он хотел бы, чтобы Папа оказал поддержку его делу и признал его как «легитимного и ниспосланного провидением наследника Российского трона». Однако предложение Кирилла было вновь отвергнуто»*⁶¹ по тем же причинам: в на-

дежде Ватикана на улучшение отношений с советскими властями.

Великий князь Кирилл воспользовался и услугами масонов, очень активных в то время, в том числе в русской эмиграции. Ильин в 1923 году так писал об этом генералу Врангелю в конфиденциальной «Записке о политическом положении»: *«Особое место занимают сейчас русские масонские ложи. Сложившись заново после революции и получив признание заграничного масонства, русские ложи работают против большевиков и против династии. Основная задача: ликвидировать революцию и посадить диктатуру, создав для нее свой, масонский, антураж. Они пойдут и на монархию, особенно если монарх будет окружен ими или сам станет членом их организации... По-прежнему их главная задача — конспиративная организация своей элиты, своего тайно-главенствующего масонского “дворянства”, которое не связано ни с религией, ни с политической догмой, ни с политической формой правления (“все хорошо, если руководится нашей элитой”)*»⁶². Врангель оценил эту «Записку» Ильина как «глубокий и блестящий анализ современного положения».

Масоны по-своему взялись за финансовое обеспечение проекта «Император Кирилл I». В 1924 году И.А. Ильин продолжает эту тему в письме тому же адресату: *«Появившийся манифест великого князя Кирилла не был для меня полной неожиданностью. Еще в мае я узнал, что группа лиц французско-швейцарского масонства, установив, что за великим князем Кириллом числится большая лесная латифундия в Польше, еще не конфискованная поляками, но подлежащая в сентябре 1924 года конфискации, работает очень энергично и спешно над приобретением ее у великого князя (он и не знал*

о ней!)). На нужды «императора» «должно отчислиться от этой продажи около 150 мил. франков золотом. Сведение было абсолютно точное... Расчеты у масонов могут быть двоякие: или повредить русскому монархизму верным провалом нового начинания, или повредить русскому монархизму возведением на Престол слабого, неумного и, главное, катированного масонами и окруженного ими лица. Должен сказать от себя, что менее популярного в России претендента на Престол нельзя было бы выдумать... К сожалению, вокруг великого князя стоят люди, или находящиеся под фактическим влиянием масонства (мне известны подробности от недостаточно конспиративных масонов), или же рассуждающие так: “Вопрос трона есть вопрос хлеба и денег” (эту фразу я лично слышал)...»⁶³ Далее Ильин поясняет эту фразу словами Наполеона о том, что даже цареубийцы могут купить себе популярность в изменчивом общественном мнении...

В числе «кирилловцев» Ильин выделял людей трех категорий: «I. восторженные юноши и женщины, страдающие недержанием монархического чувства и политическим слабоумием; II. честные, но тупые люди, рабы прямолинейности и формального аргумента, политически близорукие служаки; III. порочные, хитрые интриганы, делающие на сем карьере и не останавливающиеся ни перед какими средствами. Первые две группы являются “стадом”, третья группа состоит из “пастырей”... Их план для России: договориться с ГПУ, произвести из него переворот, амнистировать коммунистов, перекрасить их в опричников и вырезать всех несогласных»⁶⁴.

Как проходила жизнь «императора Всероссийского» в его резиденции в Сен-Бриаке, остроумно и популярно рассказал великий князь Александр Михайлович: «...он “возомнил” себя царем, это правда. Даже

изображает из себя царя. Подписывает высочайшие указы, раздает монаршие благодарения, повышает в чинах и выступает с посланиями своим сторонникам, где дает им руководство к действию.

Его жизнь — это нескончаемые страдания, потому что быть царем, вопреки, мягко говоря, не в меру радужным представлениям, — это то же самое, что пребывать в кошмаре наяву, ведь надо править империей, которой уже нет, когда твои подданные водят парижские такси, работают официантами в Берлине, танцуют в бродвейских кинотеатрах, подрабатывают в массовках в Голливуде, разгружают уголь в Мотевидео или умирают за добрый старый Китай в жалких трущобах Шанхая. Управление многоязыкой Австро-Венгерской империей белых дней было синекурой в сравнении с нынешней задачей великого князя Кирилла.

В этих условиях свою державность ему приходится утверждать исключительно по почте. Не то чтобы он верил во всесилие пера, просто ничего другого у него нет.

Каждое утро у порога импровизированного императорского дворца появляется дюжий, загорелый сен-бриакский почтальон, отдувающийся и согнувшийся под тяжестью пачек писем, на которых наклеены марки чуть не всех стран на свете. Зарубежные представители теневого российского императора ежедневно снабжают его сведениями о моральном и материальном состоянии его далеких подданных, хотя они с готовностью бы признали, что лишь некоему сверх-Моисею под силу разрешить беспросветно запутанные проблемы русских изгнанников.

Он сидит и читает. Предмет его чтения — урок географии и изучение психологии человеческой зависимости.

Русские, русские и снова русские... Русские по всему миру! Мечтательные мудрецы и чудачки с проектами, несчастные герои и беззащитные трусы, кандидаты в зал Славы и полностью готовые пациенты доктора Зигмунда Фрейда.

Похоже, что красные агитаторы, действующие на Балканах, достигли значительных успехов в работе среди русских беженцев в Югославии и что только "личное послание его величества" может спасти положение в столь опасный момент...

Великий князь Кирилл задумывается. Жизнь — странная вещь. Югославия — страна, освобожденная его дедом, земля которой пропитана кровью двух поколений русских солдат. Кто бы мог предположить, что она переживет своих благодетелей, Дом Романовых?

У него нет времени на долгие размышления, потому что из Нью-Йорка пришло письмо с пометой "чрезвычайно важно". Кризис занятости в Соединенных Штатах не ослабевает, и "несколько слов монаршего участия были бы с благодарностью восприняты обедневшей русской колонией в Гарлеме".

Гарлем. Джаз. Костюмы в крупную клетку и кричащие галстуки. Синтетический джин и синтетический порок. И русские, ожидающие нескольких слов монаршего участия! Какая нелепость, какая трагическая и безграничная нелепость.

Следующее письмо переносит его в Китай. Военачальники Маньчжурии не оставляют попыток привлечь на службу бывших русских офицеров, и последние обращают взоры к Сен-Бриаку в надежде на совет и наставление...

Вспомнить ту кучку казаков, которые только что обосновались на границе между Боливией и Парагваем и теперь обязаны выбирать: вернуться в Европу или сражаться за совершенно чуждое дело.

Вспомнить того храброго генерала в Индии, что гадает, “достойно и почетно” ли для бывшего командующего Императорской армией защищать раджу от его восставших подданных.

Вспомнить еще того блестящего кавалериста в Чили — если и был на свете беззаветный роялист, то это он, — который вдруг обнаружил социалистические тенденции в политике правительства, которому служит...

Теперь — пачка жалоб. Прошедшие восемнадцать лет так и не смогли повлиять на их авторов. Их часы остановились 31 июля 1914-го.

Бывший член Московской судебной палаты — он по сю пору подписывается полным титулом, хотя сейчас и чернорабочий на фабрике в Канаде — хочет, чтобы в Сен-Бриаке четко осознавали, что один молодой русский, занятый в монреальской пекарне, — это очень опасный радикал, которого не следует пускать в Россию, когда восстановят монархию.

Бывший гвардейский капитан — ныне мойщик посуды в столовой самообслуживания где-то на Среднем Западе — глубоко уязвлен тем, что его не упомянули в последнем “высочайшем указе о повышениях”. Он уверен, что по возрасту и заслугам он достоин полковничьего чина. “Я узнал, — добавляет он с нескрываемым возмущением, — что несколько моих знакомых уже произведены в полковники. Хотя покинули Россию всего лишь лейтенантами”. Гори все огнем, он желает, чтобы великий князь Кирилл “повысил его в чине”, даже если ему уже никогда не суждено надеть полковничьи погоны и получить “жалованье”, причитающееся ему с семнадцатого года»⁶⁵.

Всё так. Об этом свидетельствует и Георгий Граф: «14 августа [1929 г.] приехал адвокат князя Гавриила Константиновича Н.Г. Нидермиллер. Он был

выдающимся юристом и благороднейшим человеком. Впоследствии он стал вести дела Кирилла Владимировича и принес ему много пользы.

В этот раз он приехал по поручению Гавриила Константиновича, чтобы получить поддержку Государя в вопросе раздела наследства, оставшегося от великой княгини Елизаветы Маврикиевны, между ее детьми князьями — Гавриилом и Георгием и дочерьми Татьяной и Верой, а также внуком — князем Всеволодом Иоанновичем. Они никак не могли прийти к соглашению, а доводить дело до суда не хотели и просили Государя как главу династии быть арбитром. Кирилл Владимирович охотно согласился, и тут же был составлен акт дележа, с которым вся семья согласилась, и дело уладилось»⁶⁶.

Но, увы, в эту оперетту периодически вмешивается и большая политика. Так, к примеру, 10 сентября 1924 года в Сен-Бриак приехал немецкий журналист, сотрудник большой ежедневной газеты «Нейосте Мюнхенер Нахриттен» барон фон Энгельгард. Бискупский предупредил письмом о приезде и просил Кирилла дать ему интервью. Так как это была очень влиятельная монархическая газета, то Кирилл охотно согласился. Трудность этого интервью заключалась в том, что, по словам Энгельгарда, правые немецкие круги хотели знать отношение «императора» к национал-социалистическому движению, и он просил Кирилла высказаться по этому вопросу. Но великий князь отказался дать прямой ответ и сказал, что, живя вне Германии, он не в состоянии составить себе определенного мнения, но он внимательно наблюдает за развитием этого движения и ему кажется, что оно будет иметь успех. Бискупского такой ответ вполне устроил.

Как уже говорилось, в бывшей Желтороссии оказались десятки, если не сотни тысяч эмигрантов.

Японцы, захватившие Маньчжурию, предлагали императору Кириллу переехать на постоянное жительство в Харбин и сулили всяческие блага.

Граф писал: *«Вся власть в Маньчжоу-Го принадлежала японцам, и так же было бы, если бы им удалось создать русскую “кукольную монархию” в Приморской области.*

Харбин был единственным уголком на земном шаре русским в прежнем понимании и вне территории России. В нем царил старый уклад жизни, но полицейская власть всецело была в руках японцев. Наш представитель генерал Кислицын служил начальником русской полиции, конечно, подчиненной японцам. Они же его признавали представителем Государя. Настроение русских в тех местах, видимо, было всецело монархическим, насколько можно было верить донесениям Кислицына и других лиц...

В Харбине имелся Синод иерархов и свой митрополит, и его епархия распространялась на весь зарубежный Дальний Восток. В Маньчжоу-Го проживал атаман Семенов... и еще два наших генерала — К.К. Акинтьевский и фон Эглау. Был еще и третий, Жадвойн, очень деятельный, но он жил в Мукдене». Так что в Харбине можно было и поцарствовать, а там, глядишь, самураи и весь Дальний Восток оттяпают у СССР.

Однако Кирилл хорошо запомнил холодную ванну в марте 1904 года, которую ему устроили японцы в Порт-Артуре, и не поехал. А, возможно, он прочитал в 1932 году и любопытную статью в германской газете о советских вооруженных силах на Дальнем Востоке — усилении береговой обороны и принятии на вооружение снарядов с дальностью стрельбы в 1,3 раза больше, перевозке на Дальний Восток по железной дороге торпедных катеров и подводных

лодок. Лично я поразился осведомленности немцев — они точно дали данные снарядов образца 1928 года, число торпедных катеров типа «Ш-4» и «Г-5», 28 подводных лодок VI серии, переброшенных из Николаева на Дальний Восток и т. д. Однако орган РОВС — журнал «Часовой» — долго и нудно издевался над «колбасниками», поверившими в сказки сиволапых большевиков. Чего стоил «Часовой» — Кирилл прекрасно знал и задумался. Ну, перейдут ночью самураи границу у реки, а дальше как дело обернется? И правильно «император» решил. 9 августа 1945 года Красная армия начала наступление на Дальнем Востоке, и через 10 дней в Харбин одновременно ворвались бронекатера Амурской флотилии и танки 1-й армии 1-го Дальневосточного фронта, а на аэродромы был высажен парашютный десант. Бедного Семенова изловили и повесили, а императора Пу И авиационный десант взял на аэродроме в Мукдене.

Уже в начале 1920-х годов Кирилл и особенно Виктория осознали, что монархическое движение обречено на гибель, если оно будет опираться лишь на старых эмигрантов. Монархистам нужны были свежие силы. А за примером ходить не приходилось — в Германии маршировали штурмовики в коричневых рубахах, в Италии — чернорубашечники, в Финляндии — щюцкоровцы, во Франции фашисты маршировали в синих рубашках. И в русской эмиграции возникает их аналог — «Союз младороссов».

Инициатива создания союза принадлежит «государыне» Виктории Федоровне. Руководителем младороссов стал 28-летний Александр Казем-Бек, служивший ротмистром в белой армии.

Младороссы выдвинули оригинальный лозунг: «Царь и Советы». Младороссы рассматривали Советы как законосовещательные органы, избираемые

пропорционально национальностям и четырем группам населения (духовенство, земледельцы, рабочие, горожане). Система районных, губернских и прочих Советов, Имперский съезд Советов и избираемый им Имперский Совет, полагали они, осуществят народное самоуправление и доведут голос народа до царского престола.

Движение младороссов достигло своего апогея в 1934–1935 годах. Его руководители заявили, что число членов союза достигло 6 тысяч. Члены союза носили синие рубашки. На съездах при появлении вождя Казем-Бека они вскакивали с места с криком: «Ура Главе!» (аналог «Хайль Гитлер»). В 1936 году в союзе были введены офицерские звания «младший младоросс», «старший младоросс», «член Главного Совета» и т. д.

Глава союза Казем-Бек регулярно приезжал с докладами к императору Кириллу, однако тот не вмешивался в детали партийной жизни и не показывался на съездах. Младороссы регулярно с 1930 года устраивали палаточные лагеря вблизи Сен-Бриака — резиденции императора.

В 1935 году в партию младороссов вступил великий князь Дмитрий Павлович. Он вошел в руководство партии, тем не менее на съездах тоже кричал «Ура Главе!»

Любопытно, что в мае 1934 года Бенито Муссолини официально принял Казем-Бека, несмотря на протесты советского посла В.П. Потемкина.

В 1933 году историк церкви А.В. Карташев так оценивал младороссов: *«Дикарьки! Это мускулы. Материал. Они могут хватиться и за какое-нибудь хорошее дело — совсем не за то, которое они себе воображают. Казем-Бек — он не без таланта. Вообще же это все дрожжи будущего гитлеризма. Гитлеризм же теперь мода».*

Вступил в партию младороссов и сын Матильды Кшесинской Вова, родившийся сразу от двух великих князей — Сергея Михайловича и Андрея Владимировича. А дело было так. 18 июня 1902 года в своем дворце в Стрельне Матильда родила мальчика. Роды принимали ассистент профессора Отта доктор Драницын и личный врач великого князя Михаила Николаевича Зандер. *«Меня едва спасли, — вспоминает Матильда, — роды были очень трудные, и врачи волновались, кто из нас выживет: я или ребенок. Но спасли обоих: ребенка и меня...»*

Передо мной стояла нелегкая задача: какое имя выбрать сыну? Сначала я хотела назвать его Николаем, но по многим причинам не могла этого сделать и даже не имела права так поступать. Наконец, я решила назвать его Владимиром, в честь отца Андрея, который всегда ко мне хорошо относился. Я не сомневалась, что он ничего не будет иметь против. И действительно, он согласился»⁶⁷.

Крестины состоялись в Стрельне 23 июня по православному обряду. При этом новорожденный получил имя — Владимир, отчество — Сергеевич. Крестной матерью была Юлия Кшесинская, а крестным отцом — полковник Сергей Марков, служивший в лейб-гвардии уланском полку Ее Величества.

Кшесинская утверждала, что сразу после родов у нее был «тяжелый» разговор с Сергеем Михайловичем и что тот «прекрасно знал, что не является отцом ребенка». Но, пардон, зачем тогда ломать комедию с отчеством «Сергеевич»? Почему не дать отчество «Андреевич», благо, в России жили сотни тысяч Андреев?

В свою очередь современники, включая великого князя Александра Михайловича, утверждают, что Сергей до последнего вздоха не сомневался в своем отцовстве. Во всяком случае, Матильда продолжала

жить под одной крышей с Сергеем до самого своего отъезда из Петрограда летом 1917 года.

С началом Второй мировой войны французский министр внутренних дел предложил Казем-Беку распустить партию. Тогда «глава» перевел младороссов на нелегальное положение. В феврале 1940 года начались аресты младороссов. 3 июня 1940 года Казем-Бек и множество других «партайгеноссе» были арестованы французской полицией и отправлены в концлагерь Верне д'Аржеж, где уже находились ранее арестованные младороссы. Был ли арестован Вова, неясно. С одной стороны, в партии он состоял в Главном Совете, но его всерьез никто не воспринимал, так что в партийных материалах о нем просто не говорится. С другой стороны, Матильда в «Воспоминаниях» вообще не упоминает о связях с младороссами и ничего не говорит, где был Вова с августа 1939 года по июнь 1941 года.

Казем-Бек, князь А.М. Путятин и несколько других вождей младороссов были освобождены из концлагеря 7 августа 1940 года, то есть после разгрома Франции. Какое-то время Казем-Бек пожил с семьей на юге Франции, то есть в неоккупированной ее части, а затем через Испанию отправился в США. Там он меняет политическую ориентацию и выступает в поддержку СССР, а затем начинает печататься в американском журнале «Единая церковь» — органе Московской патриархии. С 1944 года Казем-Бек преподает русский язык и литературу в Йельском университете.

После войны французское правительство запрещает Казем-Беку въезд в страну, и «глава» попадет под колпак ФБР. Тогда Казем-Бек вместе с семьей уезжает в Женеву, где 18 сентября 1956 года бросает семью и улетает в Прагу, а затем в Москву. 16 ян-

варя 1957 года в статье в газете «Правда» он обличает американский империализм.

Казем-Бек поступает на службу в Московскую патриархию. Поначалу он там был переводчиком и привлекался для пропагандистских выступлений на радио, затем членом редколлегии «Журнала Московской Патриархии», где регулярно публиковался. А с 1962 года был также консультантом Отдела внешних церковных сношений и гидом церковных делегаций западных католиков и протестантов. Казем-Бек был награжден церковным орденом Св. Владимира III и II степеней и грамотами патриархов Алексия I и Пимена.

Похоронен Казем-Бек по благословию патриарха Пимена 23 февраля 1977 года на небольшом кладбище Афонского подворья в ограде храма Преображения Господня в селе Лукино под Москвой. Отпевал его епископ Зарайский Иов и архиепископ Волоколамский Питирим. Любопытно, в каких чинах были люди в штатском, присутствовавшие на похоронах, да и в каком чине был сам усопший? Во всяком случае, не ротмистром.

Но мы забежали вперед, а сейчас обратимся к делам семейным. В начале 1925 года старшая дочь Кирилла Владимировича Мария стала невестой своего троюродного брата наследного принца (эрбпринца) Фредерика-Карла Лейнингенского. Принц Карл, или, как его называли в семье, Чарли, был бывшим морским офицером и во время войны плавал мичманом на броненосном крейсере «Дерфлингер», а затем участвовал в его потоплении в бухте Скапа-Флоу, чтобы крейсер не достался англичанам. За это Чарли получил Железный крест. Он был на 9 лет старше Марии Кирилловны.

В конце 1920-х годов Карл попал в автокатастрофу. Он ехал на автомобиле с приятелем, который си-

дел за рулем. Скорость была высокая, на повороте машину занесло, и она врезалась в дерево. Приятель погиб на месте, а принц был тяжело ранен. Он лечился больше года, но навсегда остался калекой: его правая рука была парализована и висела плетью, к тому же он хромал на левую ногу. Эта катастрофа не отбила у него охоту управлять автомобилем. Он прекрасно справлялся одной левой рукой. Но все же морально эта авария подействовала на Карла, ведь его друг был убит, а сам он остался калекой.

Отец Карла князь Эрх Лейнингенский имел крупное наследственное лесное хозяйство в Шварцвальде, в 40 километрах от Франкфурта-на-Майне. Род князей Лейнингенских был очень знатным и древним. Прежде они были владетельными князьями, но давно лишились своих прав. Их род состоял в родстве с английской Ганноверской династией. Таким образом, теперь они уже были только знатными владельцами лесного имения и обладателями двух родовых замков — зимней резиденции в городке Аморбах и летней резиденции «Вальд-Лейнинген» в 20 километрах от Аморбаха, среди лесов Шварцвальда.

Старший брат принца Карла погиб в Первую мировую войну, но у Карла было еще два брата и сестра.

Предстоящая свадьба была большим и радостным событием для всего Кобурга, а для эмигрантов «кирилловцев» к тому же и политическим событием. Свадьбу назначили на 25 ноября 1925 года, и она обещала быть пышной.

Накануне свадьбы состоялась церемония подписания акта гражданского брака. Для этого на виллу «Эдинбург» прибыл бургомистр Кобурга и в присутствии родителей обеих сторон и свидетелей (со стороны невесты свидетелем был граф Бобринский) был подписан брачный контракт.

Еще накануне в Кобург приехали великий князь Дмитрий Павлович и княгиня Елена Владимировна с двумя дочерьми Елизаветой и Мариной, будущей герцогиней Кентской. Ожидали и других русских родственников, но по весьма прозаичной причине — отсутствие средств на дорогу — они не смогли приехать.

Приехала и младшая сестра Виктории Федоровны испанская инфанта Беатриса с мужем инфантом Орлеанской династии, обосновавшейся в Испании. Инфанта Беатриса выглядела на удивление молодо, была изящна и красива.

25 ноября в 10 часов утра в домово́й церкви на вилле состоялось венчание по православному обряду, который совершал отец Павел (Адамантов) — протоирей русской церкви во Франкфуртена-Майне. Внутри церковь была разукрашена прекрасными цветами, и все удивлялись, как в Кобурге в такое время года удалось раздобыть такие цветы. На Марии Кирилловне было надето русское придворное платье из серебряной парчи. Это платье надевала Виктория Федоровна на придворные выходы. Такие платья были своего рода формой для членов императорской фамилии.

После венчания в большом зале герцогского старого дворца состоялся парадный завтрак, а затем, по традиции, в гостиной на вилле началось поздравление молодых.

Вечером того же дня Мария Кирилловна и Карл уехали в Италию проводить медовый месяц.

Затем молодожены поселились в его замке «Аморбах». У них родилось шестеро детей. В 1926 году родился Эммерих, в 1950 году он женился на Эйлике, герцогине Ольденбургской, 1928 года рождения. В 1928 году родился Карл-Владимир, в 1957 году он женился на Марии-Луизе, принцессе Бол-

гарской, 1933 года рождения, и прожил с ней до 1968 года. В 1960 году у них родился сын Карл-Борис, а в 1963 году — Герман.

В 1930 году у Марии Кирилловны и Карла родилась Кира-Мелита, которая в 1962 году вышла замуж за Андрея, принца Югославского (1929–1990). В 1932 году родилась Маргарита, в 1951 году вышла замуж за Фридриха-Вильгельма, принца Прусского (1924 г.). В 1936 году родилась Матильда-Александра, которая в 1961 году она вышла замуж за инженера Карла Баушерома. И наконец, в 1938 году у Марии родился третий сын Фридрих-Вильгельм.

В годы Второй мировой войны Фридрих Карл в чине капитана 1 ранга служил комендантом острова Тютерс в Финском заливе и был взят в плен. 2 августа 1946 года он умер в лагере для военнопленных в городе Саранске. Мария Кирилловна скончалась 27 октября 1951 года в Германии.

Но я опять забежал вперед.

После Марии нужно было как-то устраивать и Киру. В апреле 1929 года представитель эрцгерцога Альбрехта Габсбургского вступил в переговоры о его женитьбе на двадцатилетней Кире Кирилловне. Карлу-Альбрехту стукнул 41 год. В 1918 году он дослужился до полковника австро-венгерской армии. Поскольку он принадлежал к боковой ветви Габсбургов, то прав на императорскую корону не имел. Его отец и дед были Тешинскими князьями, и лишь прапрадед был австрийским императором Леопольдом II (1747–1792). Тем не менее Альбрехт претендовал на венгерскую корону.

Кирилл Владимирович послал к эрцгерцогу вездесущего Графа, который позже написал в своих мемуарах: *«Он [Альбрехт] меня долго расспрашивал об их величествах, Кире Кирилловне и вообще всей семье и под конец опять сказал, что “в скором буду-*

щем” он надеется, что ему удастся с ними познакомиться. С этим я и уехал. У меня еще больше создалось впечатление, что женитьба его на Кире Кирилловне является не его намерением, а планом кругов, его продвигающих в венгерские короли. Вот он время от времени и делает вид, что этот план его интересует.

30 апреля я был опять в Сен-Бриаке. Их величества решили больше не реагировать на подобные попытки эрцгерцога, о чем я и сообщил полковнику Фехнеру. Как известно, через несколько лет эрцгерцог заключил морганатический брак с особой, с которой был в долголетней связи. Эта связь скрывалась от всех».

20 декабря 1935 года Виктория Федоровна, оставив мужа в Сен-Бриаке, выехала в «Аморбах», чтобы присутствовать при родах дочери. 2 января 1936 года Мария Кирилловна благополучно родила пятого ребенка — Матильду-Александру. Однако сама Виктория простудилась. В феврале к ней приехали дочь Кира и муж. В ночь на 2 марта Виктория скончалась. Похороны состоялись 5 марта в Кобурге, где находилась фамильная усыпальница герцогов Саксен-Кобург-Готских. 7 марта 1995 года прах Виктории Федоровны был перезахоронен в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге.

После похорон Виктории Федоровны Кирилл Владимирович несколько раз встречался с Бискупским. Тот сообщил, что, по сведениям из абсолютно надежного источника, нацистское правительство ищет сближения с советским правительством, чтобы удерживать от сближения с Францией и Англией, что в ближайшее время Германия будет добиваться ликвидации Версальского договора и возвращения ей ее территорий. Но все же в будущем

Германия Третьего рейха видит своей целью уничтожение коммунизма. И вот тогда встанет вопрос о восстановлении монархии в России во главе с законным главой династии. Так что в принципе отношение нацистского правительства к русскому монархическому движению благожелательное, но не может ничем проявляться, чтобы не портить отношений с Советским Союзом. Что касается лично положения Бискупского, то ему обещано назначение руководителем русской эмиграции (лейтером) в Германии, и он рассчитывает, что это назначение будет скоро.

Из Кобурга Кирилл Владимирович с Кирой и Владимиром вернулись в Сен-Бриак. Через несколько дней они были крайне удивлены сообщению из Берлина об аресте Бискупского. Позже выяснилось, что он был арестован по доносу — его обвиняли в участии в заговоре против Гитлера. Обвинение это было настолько абсурдным, что сам Бискупский и его жена считали арест недоразумением и ждали, что немцы скоро выпустят их, да еще и извинятся. Но шли недели, а Бискупского не выпускали. Время от времени его вызывали на допросы, которые свидетельствовали о полной непричастности Бискупского к каким бы то ни было заговорам, но все же не отпускали. Следователь заявил Бискупскому, что лицо, подготовлявшее покушение на Гитлера, указало на соучастие его в заговоре, и хотя следователь готов верить, что это не так, но обязан все тщательно проверить, а на это нужно время.

Кирилл занервничал и написал личное письмо Гитлеру с просьбой разобраться. Император заверил фюрера, что «генерал ему хорошо известен с самой лучшей стороны».

Через несколько дней в Сен-Бриак пришло письмо из рейхсканцелярии, в котором сообщалось, что

фюрер приказал ускорить расследование дела Бискупского. А еще через несколько дней Кирилл получил извещение, что Бискупский освобожден. Граф писал: «Бискупский считал, что это было следствием письма Государя».

В декабре 1937 года Кирилл получил письмо от принцессы Цецилии. Напомню, что Цецилия (1886–1954) была дочерью великой княгини Анастасии Михайловны и герцога Фридриха Макленбург-Шверинского и, соответственно, правнучкой императора Николая I.

Цецилия от имени своего сына принца Луи-Фердинанда просила руки княжны Киры Кирилловны и приглашала ее и Кирилла Владимировича на Рождество в Потсдам. Там, в случае согласия императора и Киры, должна была состояться помолвка. Принц Луи-Фердинанд был вторым сыном кронпринца и внуком императора Вильгельма II. Из-за того, что его старший брат Вильгельм вступил в морганатический брак, права главы династии переходили к принцу Луи-Фердинанду.

Забегая вперед, скажу, что Вильгельм Прусский служил офицером вермахта и был смертельно ранен в боях во Франции, умер он 26 мая 1940 года.

Кирилл Владимирович очень обрадовался предложению и уже 22 декабря 1937 года вместе с дочерью отправился в Потсдам, где и состоялась помолвка Киры и Луи-Фердинанда.

15 марта 1938 года Кира Кирилловна вновь поехала в Потсдам и Кобург через Париж. Ей предстояло вернуться в Париж к концу марта, чтобы присутствовать на приеме, устраиваемом Младоросской партией в ее честь, а затем и на приеме русской эмиграции — тоже в ее честь.

23 марта в Сен-Бриак приехали великий князь Дмитрий Павлович и Казем-Бек с докладом о планах

Младоросской партии. Кирилл Владимирович их принял и даже выдержал с ними двухчасовую беседу.

27 марта Кира Кирилловна приехала в Париж и присутствовала на приеме у младороссов. Там же был митрополит Евлогий, который торжественно благословил Киру на предстоящий брак.

2 мая 1938 года в Потсдаме состоялось венчание по православному обряду, а 4 мая — венчание по лютеранскому обряду в Дорне, по желанию кайзера. Согласно действовавшим к тому времени в Германии законам, Кира и Луи-Фердинанд представили свидетельство о своем арийском происхождении.

В 11 часов утра 2 мая 1938 года Кирилл Владимирович присутствовал при подписании брачного контракта в присутствии бюртермейстера Потсдама, после чего благословил свою дочь Киру при свидетельстве архиепископа Тихона Берлинского. Обряд венчания совершал протоирей отец Петр Адамантов. Поэтому с самого утра Кирилл облачился во фрак, чтобы успеть быть повсюду, где требовалось его присутствие.

Г.К. Граф к одиннадцати часам пришел во дворец, где в большом зале должно было состояться венчание и все были уже в сборе. Он так описывает это мероприятие: *«Создалось впечатление, точнее все происходит не в 1938 г., а когда-то до 1914 г. — блестящие формы императорского периода, каски, сабли, ордена, звезды и ленты, штатские во фраках и тоже при лентах и орденах. Дамы в роскошных придворных туалетах с драгоценными украшениями и многие в лентах и при звездах, что доказывало их принадлежность к одной из династий. Место алтаря было украшено растениями и чудными цветами».*

Ровно в 11 часов 30 минут вошли жених принц Луи-Фердинанд и его родители кронпринц и крон-

принцесса. Жених был в форме офицера люфтваффе, при звезде и желтой ленте фамильного ордена Черного Орла. У него еще была надета звезда русского ордена Андрея Первозванного, пожалованная Кириллом Владимировичем. Сзади шли шафера — братья и кузены жениха и невесты.

Затем вошла невеста под руку с отцом. Хор приветствовал их песнопением. Кира была одета, как и полагалось дочери русского императора — в диадеме, с орденской лентой Святой Екатерины через плечо и в подвенечном платье из серебристой парчи, принадлежавшем ее бабушке Марии Александровне. На платье Киры также красовался орден Черного Орла, пожалованный перед свадьбой императором Вильгельмом II.

Началось венчание. Яркое весеннее солнце заливало все своим светом, и от этого венчание казалось особенно роскошным, торжественным и радостным. Кирилл Владимирович пребывал в отличном настроении. *«Я был уверен, — писал Граф, — что в эти минуты он действительно был счастлив и забывал о своих страданиях. Как хорошо, что он был здесь.»*

Оглядывая присутствующих, которых было около двухсот человек, я узнавал многих знакомых мне лично или по внешности. Конечно, из числа членов русской императорской фамилии были великий князь Дмитрий Павлович, князь Всеволод Иоаннович, княжны Татьяна и Вера Константиновны. Из числа императорской и королевской фамилии Гогенцоллернов были кроме всей семьи кронпринцев его братья и сестры с семьями. Была вся семья князя и княгини Гогенлоэ-Лангенбург, семья князя Эмиха Лейнингенского, семья герцога Карла Саксен-Кобург-Готского, великий герцог Мекленбург-Шверинский, князь и княгиня Рейс, царь Фердинанд Болгарский и немало еще. Из невысочайших особ бы-

ли придворные и друзья кронпринца и кронпринцессы, бюргермейстер Потсдама и некоторые еще должностные лица, но представителей нацистского правительства не было. Из выдающихся русских были генерал Бискупский, генерал Лампе (представитель РОВСа в Германии), наш представитель Фабрициус де Фабрис, герцог Мекленбургский, госпожа М.К. Шевич с дочерью».

Затем молодые отправились в свадебное путешествие по маршруту: Соединенные Штаты Америки — Гавайские острова — Япония — Корея — Шанхай — Гонконг — Индия. Это путешествие должно было длиться шесть месяцев, и его оплачивал кайзер — это был его свадебный подарок.

После отъезда дочери здоровье Кирилла Владимировича ухудшилось — у него были проблемы с кровеносными сосудами на ногах. 22 сентября 1938 года Кирилла перевезли из Сен-Бриака в Париж — у него началась гангрена. Врачи не решились делать операцию из-за больного сердца пациента. 12 октября 1938 года Кирилл Владимирович скончался на 62-м году жизни.

А теперь я вновь передаю слово Графу: «...возник вопрос, в какую церковь поставить гроб для отпевания. Это звучит странно, так как в Париже был один настоящий собор Св. Александра Невского на рю Дарю, который в императорские времена служил посольской церковью. Так что, естественно, гроб с останками Государя должен был бы быть поставлен в нем. Но собор на рю Дарю входил в юрисдикцию митрополита Евлогия. Собор юрисдикции Карловацкого Синода, во главе которого теперь стоял митрополит Анастасий, на рю Буало был переделан из обыкновенного гаража. Во главе западноевропейской епархии юрисдикции Синода стоял митрополит Серафим.

Государь и Государыня посещали оба собора, когда бывали в Париже, но их симпатии были на стороне Карловацкого Синода, позицию которого они считали правильной. Кроме того, как бывший председатель Синода митрополит Антоний, так и теперешний митрополит Анастасий были им особенно близки. Поэтому и в Сен-Бриак всегда приглашался настоятель собора Знамения Божией Матери на рю Буало протоирей о. Василий Тимофеев. Владимир Кириллович, следуя по стопам своих родителей, посещал оба собора, стараясь не углублять церковного раскола.

Конечно, разрешение вопроса, в какую церковь ставить гроб Кирилла Владимировича, всецело зависело от детей — Марии Кирилловны и Владимира Кирилловича, но они столкнулись в этом вопросе с пожеланиями братьев и сестер их отца. Борис Владимирович и Андрей Владимирович не считались ни с чьей “юрисдикцией” и считали, что гроб их брата по его положению должен стоять в лучшей церкви Парижа, церкви на рю Дарю. Елена Владимировна не признавала митрополита Евлогия, как отрешенного от служения Карловацким Собором, и считала совершенно недопустимым, чтобы ее брата отпевал запрещенный к служению пастырь. Она заявила Владимиру Кирилловичу и Марии Кирилловне, что если гроб будет поставлен в церкви на рю Дарю и отпевание будет совершать митрополит Евлогий или кто-либо из его священников, то она не будет на нем присутствовать и слагает с себя все заботы по похоронам.

Таким образом, положение для Владимира Кирилловича и Марии Кирилловны создалось очень трудное и неприятное. Но они встали на совершенно правильную точку зрения: во-первых, что Государю всегда была ближе по душе церковь, руководимая Карловацким

Синодом с митрополитом Анастасием; во-вторых, что раз этого так хочет их тетя, Елена Владимировна, которая проявила столько забот об их отце, когда он лежал в госпитале, и готова и дальше заботиться о похоронах, то они должны пойти навстречу ее желанию. Поэтому гроб был поставлен в соборной церкви Знамения Божией Матери на рю Буало, а отпевание совершали митрополит Серафим и протоирей о. Василий, в сослужении еще нескольких священников. Это решение встретило большое неудовольствие со стороны братьев Государя и русской парижской эмиграции, прихожан церкви на рю Дарю.

Отпевание состоялось 16 октября 1938 г. и было очень торжественным. Оно длилось три часа. На нем присутствовали все члены императорской фамилии, находившиеся в Париже, с женами, и княгиня Брасова, вдова великого князя Михаила Александровича, представитель французского правительства и послы — Англии, Румынии, Югославии, Дании, Голландии и Венгрии. Церковь была так переполнена, что многим пришлось стоять снаружи. Гроб был покрыт венками и обставлен цветами. Впереди лежали подушки с орденами, а над гробом склонялся императорский штандарт. У гроба несли дежурство чины Корпуса Императорской армии и флота, а также младороссы.

После отпевания великая княгиня Мария Кирилловна сейчас же уехала в Амorbax и Кобург. Туда должен был быть привезен гроб и опущен в склеп герцогов Кобургских и поставлен рядом с гробом Государыни. Марии Кирилловне предстояло быть хозяйкой на вилле “Эдинбург” и принимать всех приезжающих на похороны родственников и других лиц»⁶⁸.

Прошу извинения у читателей за длинную цитату, но тут Граф еще раз хорошо показывает взаимоотношения в эмигрантской среде.

7 марта 1995 года прах Кирилла Владимировича был перевезен в Великокняжескую усыпальницу Петропавловского собора Петропавловской крепости Санкт-Петербурга вместе с прахом его супруги.

Глава 14

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ БОРИС И АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧИ

Летом 1917 года великие князья Борис и Андрей Владимировичи вместе с матерью великой княгиней Марией Павловной переехали из Петрограда в Кисловодск. Туда же прибыла и Матильда Кшесинская — метресса Андрея. Там они сравнительно уютно прожили бурные 1918 и 1919 годы.

В начале августа 1918 года большевики, занявшие Кисловодск, провели обыск у Бориса и Андрея и допросили их. 13 августа великие князья Борис и Андрей Владимировичи вместе с адъютантом фон Кубе бежали из Кисловодска в горы в Кабарду. В конце сентября белый генерал Шкуро занял Кисловодск, а 23 сентября вернулись великие князья Борис и Андрей вместе с полковником фон Кубе. Они приехали верхом в сопровождении представителей кабардинской знати, охранявшей их в дороге. За время пребывания в горах братья Владимировичи отпустили бороды, и теперь Андрея многие принимали за Николая II. По словам Матильды, «действительно, они были очень похожи».

Но вскоре белые ушли. Матильде и великим князьям пришлось покинуть Кисловодск и около месяца скитаться по ближайшим станциям. 21 октября они добрались до Туапсе.

13 февраля великие князья Борис, Андрей, Мария Павловна и Матильда Кшесинская поднялись

на борт парохода «Семирамида», принадлежавшего итальянской компании «Триестино Ллойд». *«Правда, мы еще находились в российских водах, но уже на палубе итальянского судна, — пишет Кшесинская. — После всего пережитого каюта первого класса казалась нам верхом роскоши. Чистое постельное белье, удобные кровати, ванна, туалет, парикмахер — всего этого мы были лишены много месяцев. Придя впервые на обед в столовую, мы просто не поверили своим глазам: столы были накрыты чистыми скатертями, на которых стояли столовые приборы. Словом, всего этого мы не видели с незапамятных времен. Когда элегантно одетые официанты стали подавать обед, состоявший из множества вкусных блюд, мы просто остолбенели — так велик был контраст с тем, что мы недавно пережили. Если добавить к этому ощущение полной безопасности, то можно себе представить наше настроение. Нас смущали только лохмотья, в которые мы были одеты, но другой одежды никто не имел»⁶⁹.*

Через шесть дней «Семирамида» вышла из Новороссийской гавани. Ни Матильда, ни великокняжеская семья никогда больше не увидят Россию.

Революция дала свободу не только пролетариату, но и великим князьям. 12 июля 1919 года в Генуе Борис Владимирович женился на Зинаиде Сергеевне Рашевской, с которой вступил в связь еще в России. Зинаида была к тому времени дважды разведена; по первому браку — Елисеева, по второму — Дьякумова. С 1920 года «молодожены» проживали в Ницце. Борис был счастлив в этом браке, но Кирилл Владимирович и Виктория Федоровна осуждали этот брак и не желали принимать его супругу. А он не желал у них бывать без своей жены. Поэтому они перестали видеться.

Борис Владимирович не любил вмешиваться в политику, но был сторонником восстановления монархии, полностью признавал права своего брата и принятие им императорского титула и всегда его поддерживал. В своем присутствии он не допускал ни малейшей критики его и резко обрывал лицо, пытавшееся отозваться о Кирилле недостаточно почтительно.

Борис Владимирович оставался тверд в своем решении: если его жена неприемлема для Кирилла и Виктории, то и он неприемлем. Шли годы, и друзья не раз предпринимали попытки устроить встречу между Кириллом и Борисом, однако из этого ничего не выходило.

После 15 лет разлуки свидание братьев состоялось. Произошло это 18 июля 1938 года. Когда Борис приехал в Сен-Бриак, Граф писал: *«...размолвка получилась из-за женитьбы Бориса Владимировича и из-за недоразумений с наследством матери, тоже под давлением жены. Виктория Федоровна отказывалась принимать жену Бориса Владимировича, а тот отказывался бывать без жены. Теперь Виктории Федоровны больше не было, и Кирилл Владимирович был серьезно болен и выразил желание повидаться с братом. Государь хотел поговорить с Борисом Владимировичем и о положении Владимира Кирилловича в среде других членов династии. Ведь тот становился главой династии, будучи самым молодым в ней, и ему было важно иметь поддержку своих дядей»⁷⁰.*

Борис и Зинаида жили тихо, как простые обыватели. Детей у них не было. 11 ноября 1943 года (по другим данным 8 августа) великий князь Борис Владимирович умер у себя дома в Париже. Зинаида пережила его почти на два десятилетия — она умерла 30 января 1963 года.

Как мы уже знаем, великий князь Андрей Владимирович и Матильда Кшесинская покинули Новороссийск вместе с великим князем Борисом Владимировичем. Андрей и Матильда остановились на вилле «Ялам» на Лазурном Берегу. Эта вилла еще до революции была куплена Матильдой за 180 тысяч франков. Однако тогда Кшесинской показалось мало двухэтажного дома, и она возвела еще один двухэтажный особняк: *«Как часто бывает, несмотря на то, что вилла была большой, нам не хватило комнат для адъютанта и врача Андрея. Гаража для машины тоже не было. Однако мне принадлежал прилежавший к вилле скалистый участок земли, и, посоветовавшись с архитектором, я решила построить там дом с комнатами для гостей и некоторых слуг, а внизу устроить гараж и помещение для шофера. Мы уже жили на вилле, когда начались работы по выравниванию участка. Из окон было видно, как рабочие пробивали шурфы для динамита, а потом взрывали скалы. После закладки взрывчатки слышался сигнал трубы, и все разбежались в укрытия, а через пару минут раздавался взрыв. Если он был удачным и отваливался большой кусок скалы, все хлопали в ладоши.*

Мебель для нового дома я привезла из Ниццы. Все гостиные были превосходно обставлены. В Ницце, у Дюма, я также заказала обстановку для спальни Андрея. Кровать, шкафчик для белья, письменный стол, туалетный столик, круглый ночной столик, два стула и кресло — все это было сделано в стиле эпохи Регентства. Впоследствии эту мебель переездили в Париж»⁷¹.

И вот теперь, 12 (25) марта 1920 года, после шестилетнего отсутствия, Кшесинская вновь оказалась на любимой вилле «Ялам». После охваченной огнем Гражданской войны России Франция показалась

Матильде и Андрею раем. Матильда вспоминала: *«Разумеется, я была счастлива, что нахожусь у себя в доме, где сохранилось много мелких, но дорогих моему сердцу вещей. И все же в душе моей осталась боль утраченного. Мне было приятно снова видеть кухарку Марго и Арнольда, который умудрился вывезти многие фотографии и альбомы, напомиавшие мне о замечательном и безвозвратно ушедшем времени. Арнольд и сам был фотографом-любителем и привез свои снимки, сделанные у меня на даче.*

Я приехала в Кап-д'Эль без гроша в кармане, поэтому сразу пришлось заложить виллу, чтобы рассчитаться с прислугой и старым садовником Ботеном, который все эти годы терпеливо ждал моего возвращения и следил за домом и садом. Нужно было также купить себе одежду, так как у меня осталось лишь два старых платья, а Вове вообще не в чем было выйти в люди»⁷².

Летом 1920 года Кшесинская и Андрей Владимирович 10 дней провели в Париже. Там они встретились с великим князем Дмитрием Павловичем, которого не видели с декабря 1916 года, после того как он за участие в убийстве Распутина был выслан на Персидский фронт. Веселая пирушка с участием обоих великих князей продолжалась все 10 дней в ресторанах и отеле, где жил Дмитрий Павлович.

«По возвращении мы встретились с великой княгиней Анастасией Михайловной, которая к тому времени овдовела и жила на своей вилле "Фантазия" в Эзе, недалеко от нас, — пишет Кшесинская. — Это была одна из самых очаровательных женщин, которых мне довелось встретить. Кроме того, она отличалась удивительной добротой, любила жизнь и всегда оставалась милой и доброжелательной. Анастасия Михайловна очень привязалась к моему сыну, и когда он, еще до войны, заболел в Каннах, несколько

раз его навещала, а после выздоровления пригласила к себе на чай на виллу “Венден”»⁷³.

«Мы все радовались этой встрече и часто ездили на виллу “Фантазия”, а великая княгиня бывала у нас. Иногда Вова навещал Анастасию Михайловну один, так как ей очень нравилось его общество. Потом она со смехом рассказывала, как Вова съел все, не оставив ни крошки. Вова не любил танцевать, а великая княгиня обожала танцы и настаивала на том, чтобы он им научился и мог бывать у нее на приемах. Мы часто говорили о судьбе членов царской семьи, которые остались в Алапаевске, в далекой Сибири, в окрестностях Екатеринбурга. Там находился в заточении ее брат, великий князь Сергей Михайлович. С болью и горечью я думала, что если бы он уступил моим просьбам и вовремя уехал, то, возможно, был бы сейчас с нами»⁷⁴.

На Золотом берегу Матильда и Андрей Владимирович встретились с великим князем Борисом Владимировичем и его женой.

Великая княгиня Мария Павловна старшая 1920 год провела в маленьком курортном городке Контрексвиль в Вогезских горах на востоке Франции. Она не особо нуждалась в средствах, поскольку англичанин Альберт Стоппард ухитрился вывезти из России драгоценности как самой великой княгини, так и ее детей Кирилла, Андрея и Бориса.

Мария Павловна надеялась на действие местных минеральных вод, но, увы, в августе 1920 года ей стало совсем плохо. Андрей и Матильда выехали в Контрексвиль и застали великую княгиню в почти бессознательном состоянии. Утром 24 августа (6 сентября) 1920 года она скончалась.

Марию Павловну похоронили в маленькой церкви, построенной на ее средства в парке, недалеко от отеля «Суверен», где она всегда останавливалась. Ее

отпевал отец Остроумов, традиционно приехавший на лето в Канны и живший там при местной церкви. На похороны пришло много народу, приехал и двоюродный брат великой княгини Генрих Нидерландский. Местные власти назвали одну из улиц «Rue Grande Duchesse Vladimir» (улица супруги великого князя Владимира).

После похорон матери Андрей вместе с Матильдой отправился в Париж. Там он узнал, что в городе находится следователь Соколов, который по инициативе белых властей расследовал дело об убийстве императора и его семьи в Екатеринбурге, а также смерть членов семьи Романовых в Алапаевске.

Андрей попросил Соколова прийти к нему в отель и пригласил князя Гавриила Константиновича с супругой, так как в Алапаевске пропали три его брата. Соколов подробно рассказал о проведенном им дознании и не оставил ни малейшей надежды на то, что в Екатеринбурге кто-то уцелел. Андрея это сильно интересовало из-за упорных слухов, будто бы царская семья спаслась и где-то скрывается, и место это якобы известно императрице Марии Федоровне. Соколов решительно опроверг эти слухи, хотя не нашли ни тел убитых, ни свидетелей убийства, без чего факт убийства не мог быть окончательно подтвержден. И все же результаты расследования говорили о том, что все пленники, содержавшиеся в доме Ипатьева, погибли, а их тела были сожжены в лесу.

Факт же убийства членов царской семьи, сидевших в Алапаевске, был очевиден. Все тела были найдены, судебно-медицинские эксперты произвели вскрытие и опознание, и в доказательство Соколов показал присутствовавшим фотографии.

Во время судебно-медицинской экспертизы был составлен подробный перечень вещей, найденных

при останках погибших. Все мелкие вещи, обнаруженные около трупов, адмирал Колчак переслал великой княгине Ксении Александровне, которая сразу же передала их ближайшим родственникам. Матильда Кшесинская получила то, что было найдено на трупе великого князя Сергея Михайловича: маленький золотой медальон с изумрудом посередине. Внутри была фотография Матильды, а под ней выгравирована по кругу надпись: «21 августа — Маля — 25 сентября». В медальон была впаяна 10-копеечная монета 1869 года. В этот год родился великий князь, а медальон Матильда подарила ему много лет назад.

Кроме того, Кшесинской передали миниатюрный золотой брелок в форме картофелины на цепочке. По сему поводу Матильда кокетливо записала в воспоминаниях: *«В юности великий князь вместе с Воронцовыми и Шереметевыми организовал так называемый “картофельный кружок”. Происхождение этого названия неизвестно, но он часто фигурирует в дневнике императора, когда он еще был наследником престола»*⁷⁵.

Надо ли говорить, что Матильда прекрасно знала, каким «картофелем» лакомились молодые поевсы.

Великий князь Сергей Михайлович был окончательно захоронен под Пекином на территории русской православной миссии.

Германские родственники великой княгини Елизаветы Федоровны, супруги великого князя Сергея Александровича, в девичестве принцессы Гессенской Елизаветы-Александры-Луизы, выделили средства на перезахоронение ее в Иерусалиме.

А вот об остальных жертвах Алапаевска вся их августейшая родня в Париже, Ницце и Кобурге напроць забыла. До 1953 года в миссию не поступало

ни копейки ни на поддержание могил в порядке, ни на поминальные моления. Замечу, что об «алапавских мучениках» в 1981 году вспомнила заграничная православная церковь и канонизировала их всех. Таким образом, великий князь Сергей Михайлович стал святым.

После смерти Марии Павловны отпало последнее препятствие для брака, которого так страстно уже много лет добивалась Матильда. Она писала: *«...мы решили не вступать в брак без разрешения главы дома Романовых великого князя Кирилла Владимировича, так как в этом случае наш союз был бы недействительным, а я и сын лишились бы права на имя и титул»*.

Кириллу и его жене Виктории пришлось признать брак Андрея и Матильды.

Венчание Матильды и Андрея состоялось 17 (30) января 1921 года в церкви в Каннах. Замечу, что Матильда по-прежнему была католичкой. Венчал их духовник Андрея отец Григорий Остроумов. Свидетелями были муж Юлии Кшесинской барон Александр Логинович Цедделер, граф Сергей Платонович Зубов, полковник Владимир Петрович Словицкий. Кроме свидетелей и сына Вовы в церкви никого не было. Из церкви Матильда с Андреем и Вовой поехали в отель, где жил великий князь Кирилл Владимирович с супругой Викторией Федоровной.

Великокняжеская чета приняла Матильду как жену, а Вову как сына Андрея. С этого дня сын Матильды Вова сменил отчество Сергеевич на Андреевич. Причем это было лишь пустой формальностью. Молодого человека всерьез никто не воспринимал, и везде его называли просто Вовой. Секретарь «царя» Кирилла Граф отмечает, что в конце 1930-х годов светлейший князь Красинский-Романов представлялся просто Вова.

Матильда торжествовала. О приеме у Кирилла она писала: *«Они оба были очень любезны со мной и с тех пор постоянно дарили нас своим расположением. Я чувствовала, что понравилась им и что они не жалеют о данном разрешении и ничего не имеют против нашего барка».*

В день свадьбы Андрей записал в дневнике: "...Чудесно провели вечер. Наконец-то исполнилась моя мечта, и я очень счастлива".

*Как и было условлено, вскоре после венчания я получила от начальника канцелярии великого князя Кирилла Владимировича официальный документ, подтверждающий дарование мне титула княгини Красинской»*⁷⁶.

Тут Матильда вновь лукавит или ей отказывает память. На самом деле великий князь Кирилл даровал ей и сыну фамилию и титул князей Красинских лишь 30 ноября 1926 года.

А, собственно, почему князей, а не графов Красинских? Ведь Матильда и ее отец Феликс всю жизнь доказывали, что являются законными наследниками графов Красинских. Увы, никаких серьезных доказательств этому ни у Матильды, ни у Кирилла не было. Собственно, титул, присвоенный Кшесинской, ничего не значил во Франции, и княжной-то ее признавали от силы несколько сот людей во всем мире. Но присвоение графского титула Матильде могло вызвать протест настоящих польских графов Красинских, живших во Франции, и Кшесинская с Кириллом могли угодить за решетку за мошенничество.

В воспоминаниях Кшесинская старательно доказывает, что после брака с великим князем она была как равная принята в кругах высшей аристократии: *«После свадьбы я была принята королевой Дании Александриной, дочерью великой княгини Анаста-*

сии Михайловны и двоюродной сестрой Андрея. Она часто приезжала в Канны и, зная, как ее мать любила Вову, всегда относилась к нам сердечно и доброжелательно.

Затем я была представлена королеве Румынии Марии, которая в то время отдыхала в Ницце, в своем замке "Фаброн". Когда мы приехали втроем, оказалось, что королева и ее сестра, великая княгиня Виктория Федоровна, еще не вернулись с прогулки, и нас стали развлекать две дочери великой княгини, Мария и Кира. Они предложили осмотреть их комнаты. Кира показала нам свою коллекцию серебряных миниатюр и мебели, а Вова и Андрей пошли посмотреть, как купают маленького великого князя Владимира. Вскоре вернулась с прогулки великая княгиня Мария, которая была очень красива. Я знала ее по многочисленным фотографиям, но впервые увидела близко и была совершенно ею очарована. Казалось, мы знакомы с ней много лет. Во время визита присутствовала сестра королевы, великая княгиня Виктория Федоровна.

Чуть позже, в Париже, меня приняла в отеле "Риц" королева Греции Ольга. Несмотря на преклонный возраст, она была очаровательна. По причине близорукости она пользовалась лорнетом. Во время переворота в Греции она была изгнана из страны и долго скиталась, но теперь, когда прежняя власть была восстановлена, могла вернуться домой, что ее очень радовало.

Андрей писал великой княгине Ольге Александровне о нашем бракосочетании и просил передать это известие императрице Марии Федоровне, жившей в то время в Дании. В очень теплом ответном письме великая княгиня сообщила, что императрица не возражает против нашего супружества и желает нам счастья»⁷⁷.

В годовщину смерти великой княгини Марии Павловны великий князь Андрей Владимирович с Матильдой и Вовой отправились в Контрксевиль. Туда же прибыли великий князь Кирилл Владимирович, княгиня Екатерина Голицына и А. Савинский, приехавший во Францию вместе с Марией Павловной и остававшийся с ней до самой ее смерти. Траур по матери Андрея уже кончился, и они с Матильдой начали устраивать приемы на своей вилле.

«Мы очень любили принимать у себя великую княгиню Анастасию Михайловну, которая была воплощением жизнерадостности, — вспоминает Кшесинская. — Мы подбирали гостей, которые ей нравились и любили потанцевать после обеда. Эти обеды проходили очень весело... Мы часто ездили с великой княгиней в Монте-Карло, в ее любимый ресторан "Карлотон", чтобы выпить по бокалу вина и потанцевать.

Ныне покойный король Швеции Густав любил торжественные приемы, и мы всегда приглашали его на обеды в пользу русской школы в Ницце, которой покровительствовал Андрей... Во время обеда я сидела рядом с королем, а адмиральша Макарова напротив него»⁷⁸.

Увы, не все проходило так гладко, как пишет Матильда. Никто всерьез не принимал ее титул. Весьма характерный случай описан Т.А. Аксаковой-Сивера. В день имени Кирилла в Каннах среди монархистов начался скандал из-за мелких деталей в богослужении. Ярый сторонник Кирилла Фермор попытался вызвать на дуэль председателя церковного совета. Их кое-как разняли.

После богослужения к кресту первым подошел Андрей Владимирович. Это право у него никто не оспаривал. За ним было потянулась Кшесинская, но была оттолкнута адмиральшей Макаровой. Тут

голоса разделились: одни считали, что идти надо было Кшесинской как морганатической жене великого князя. Другие присуждали это право Макаровой, как кавалерственной даме ордена Св. Екатерины.

Замечу, что в отличие от председателя церковного совета Капитолина Николаевна Макарова была особой, приближенной к императору Кириллу. По происхождению Капитолина Николаевна, урожденная Якимовская, была простой дворянкой, а ее отец едва дослужился до ранга полковника⁷⁹. Но имя адмирала С.О. Макарова стало брендом для «кирилловцев». Хотя, собственно, Капитолина к делам мужа никакого отношения не имела, у супругов постоянно были нелады, и ряд историков говорят о любовной связи Капитолины с будущим «цусимским героем» Зиновием Рожественским.

В 1924 году Капитолина была в свите императрицы Виктории Федоровны во время ее поездки в США. 15 февраля 1931 года Кирилл заходил к ней на чай в Каннах и т. п.

Инцидент с Макаровой показывает, что Матильда, вопреки всем ее заслугам, так и не стала равноправным членом семейства Романовых. Длинный список аристократов, принимавших Матильду, приведенный в ее воспоминаниях, рассчитан лишь на мало информированного читателя. Сравнение же, например, круга великого князя Александра Михайловича или даже княгини Марии Павловны младшей, также оставивших потомкам свои мемуары, показывает принципиальную разницу их положений в свете.

Не изменила статуса Кшесинской и перемена веры. 27 ноября 1925 года Матильда приняла православие и уже в следующем году *«говела на Пасху и причащалась вместе с Андреем и Вовой. Несмотря на то, что с рождения я была католичкой, меня все-*

гда тянуло к православной вере, и я часто ходила в русскую церковь, а в школе посещала уроки закона Божьего, которые вел отец Пигулевский, ставший впоследствии учителем Вовы».

С момента прибытия в Италию в марте 1920 года ни Матильда, ни Андрей не работали. Кшесинская писала: *«Поначалу, заложив мою виллу, мы кое-как сводили концы с концами. После смерти великой княгини Марии Павловны Андрей получил свою долю драгоценностей, но с большой задержкой из-за каких-то формальностей, поэтому подходящий момент для того, чтобы обратить драгоценности в деньги, был упущен, а полученная сумма была гораздо меньше оценочной стоимости. Кроме того, нужно было еще заплатить налог на наследство.*

Андрей надеялся продать свою недвижимость, находящуюся в Польше, но после установления новой границы та часть польской территории отошла к СССР, и его надежды рухнули»⁸⁰.

Стоп! Тут-то и проявился во всей красе русский патриотизм православной княжны Марии, жены брата самого императора Кирилла. Ведь на дворе не осень 1939 года! Согласно Рижскому договору 1921 года, унизительному для РСФСР, к Польше отошли западные части Белоруссии и Украины, граница проходила в 30 км от Минска. Так какая же «часть польской территории отошла к СССР»? Может быть панна Матильда считала, что граница Польши должна совпадать с границей Великого княжества Литовского времен князя Витовта — со Смоленском, Киевом и Одессой?

В конце концов Кшесинская решила открыть в Париже балетную студию. Осенью 1928 года Матильда с Андреем поехали в Париж, чтобы подыскать себе жилье и подходящее место для студии. *«Для себя я искала дом с садом, так как у меня бы-*

ли фокстерьеры, которым нужно было где-то бегать. Да и для всех нас сад был очень удобен. Найти квартиру, где можно жить самим и разместить балетную студию, было очень трудно. Для этого требовалась либо очень большая квартира, что дорого стоило, либо две, расположенные поблизости.

После долгих и мучительных поисков я, наконец, выбрала квартиру для балетной студии в еще недостроенном доме и подписала контракт...

Устроив все дела в Париже, мы вернулись в Кап-д'Эль, чтобы упаковать вещи и отослать их в Париж. Я собиралась уехать в Париж в конце года и открыть балетную студию уже зимой, но мне не хватало денег на переезд и ремонт дома. После нескончаемых хлопот и суеты нам, в конце концов, удалось покинуть Кап-д'Эль 22 января (4 февраля) 1929 года, а на следующий день мы уже были в Париже и поселились в доме № 10 на вилле "Молитор", округ XVI. Телефон 34-38 был уже установлен.

В связи с моим переездом в Париж злые языки стали распускать слухи, что я проиграла все свое состояние в Монте-Карло. А правда заключается в том (и я никогда этого не отрицала), что я всю жизнь любила играть, но никогда не делала высоких ставок, особенно в казино, даже в те времена, когда имела достаточные средства и могла себе это позволить. Как и все игроки, я иногда проигрывала, но это были небольшие суммы, а вовсе не те миллионы, о которых так много говорили и которых у меня не было»⁸¹.

Устройство студии заняло свыше двух месяцев. К концу марта 1929 года она была закончена и даже освящена митрополитом Евлогием.

На вилле в Кап-д'Эль Матильду и Андрея часто навещал великий князь Дмитрий Павлович. Обычно он приезжал на юг Франции весной или осенью и останавливался у знакомых. «Как-то раз он за-

ехал ко мне, — пишет Кшесинская. — Тогда он жил в Каннах, на вилле известного богача сэра Мортимера Дэвиса, чья жена славилась красотой. Слуга великого князя надеялся, что тот останется на ночь у меня на вилле, так как в Каннах он каждый вечер куда-то ходил и почти не спал. В это же время у меня отдыхали князь Эристов, князь Никита Трубецкой и полковник Кульнев. Вечером, после обеда, мы отправились в Монте-Карло в игорный клуб. Мы с Андреем возвратились рано, а Дмитрий Павлович пробыл там до утра вместе с моими гостями. Так что великому князю так и не удалось у меня выспаться, как надеялся его слуга.

Весной, когда мы с Андреем были в Париже, мы пригласили в ресторан “Арманвиль” великую княгиню Марию Павловну вместе с мужем, князем Н. Путятиным, великого князя Дмитрия Павловича, графа Н. Царнекау, а также полковника Кульнева. В последнюю минуту великого князя что-то задержало, но он обещал присоединиться к нам позже. После обеда мы поехали в модное кафе “Акация”, чтобы выпить вина и потанцевать. Здесь к нам и присоединился Дмитрий Павлович, и мы все отправились в “Пале-Рояль”, где в винном погребе находилось кабаре. Приехали мы рано, и там еще никого не было, а оркестр стал играть нам русскую музыку. Мы заказывали музыкантам все, что хотели, но потом появились две английские пары и начали заказывать американские мелодии, а мы по-прежнему просили исполнять русские. Англичане были очень недовольны, и тогда мы стали уговаривать великую княгиню что-нибудь спеть. Она долго отказывалась, но потом согласилась — при условии, что потом я станцую “Русскую”. Когда мы все решили, великая княгиня превосходно спела романс “Калитка”, а я станцевала “Русскую”. Как

только я закончила, оба англичанина поднялись из-за столика и, держа в руках бокалы с вином, подошли к нам. Став на колени, они попросили нас принять вино как знак восхищения нашим мастерством. Это было так трогательно, что потом мы весь вечер развлекались вместе»⁸².

Тут следует добавить, что поскольку Мария Павловна младшая была не дочкой, а всего лишь внучкой императора Александра II, она была лишь княгиней, но, увы, не великой. Кстати, сама Мария Павловна в мемуарах ни разу не упоминает ни о встречах с Кшесинской, ни о ней самой. Видимо, для нее Матильда была персоной, недостойной упоминания.

Великий князь Андрей поддерживал брата Кирилла в его претензиях на русский трон. Кирилл во время своего «кобургского правления» назначил Андрея представителем императора в Париже.

Великий князь Андрей Владимирович был глуповат и, что еще хуже, постоянно увлекался какими-то прожектками. Поэтому братец-император использовал его в основном в качестве свадебного генерала. Так, в ноябре 1924 года Кирилл издал рескрипт о созыве «Совещания по вопросам об устройении императорской России». Председателем совещания император назначил Андрея. Задачей оно-го совещания была выработка то ли законов, то ли программ «кирилловцев». Совещание проработало 7 лет и в 1932 года было упразднено самим Кириллом. При этом не было выработано даже хоть каких-то промежуточных документов.

Затем Андрей увлекся самозванкой Анастасией (Шануковской). Фактически он признал ее дочерью Николая II. Император Кирилл был страшно разгневан и по канцелярии прислал Андрею гневное письмо.

Увы, Андрей не унялся, а вляпался в новую аферу с царским серебром. Дело в том, что столовое серебро

из Ливадийского дворца каким-то образом попало в руки Врангеля и было вывезено из Крыма в ноябре 1920 года. Позже руководство Общественного союза заложило в банке это серебро, но некий Шишкин пообещал Андрею вернуть его императорской фамилии. Шишкин оказался жуликом, пытавшимся захватить царские драгоценности, а сия афера еще более испортила отношения императора с милитаристами.

Затем к Андрею обратился представитель американской «кинофирмы» с предложением подобрать несколько членов «императорского дома» и вместе с ними отправиться в Голливуд на съемки фильма о Романовых. Там они должны были хорошо заработать в качестве консультантов и даже киноактеров. Андрей предложил сниматься дочери Кирилла Владимировича Кире. Кирилл пришел в ярость и устроил большой скандал.

В начале 1935 года к Андрею Владимировичу обратился представитель вдовы адмирала Алексева, умершего в Париже в 1918 году. Сей адмирал якобы завещал несколько миллиардов (!) золотых рублей императору Николаю II, и теперь, мол, вдова хочет передать это золото законному наследнику Кириллу.

В чем-то эта афера выглядела правдоподобно. Евгений Иванович Алексеев был внебрачным сыном цесаревича Александра Николаевича, впоследствии ставшего императором Александром II, и он мог иметь не только верноподданнейшие, но родственные чувства к августейшему семейству, благо собственных детей у адмирала не было, во всяком случае законных. А с другой стороны, Николай II назначил его своим наместником на Дальнем Востоке, и адмирал стал неограниченным повелителем огромной территории, соизмеримой с Западной Европой и состоявшей из частей двух империй — Российской и Китайской. Наместничество было выведено даже

из-под контроля Совета министров России, и Алексея подчинялся лишь непосредственно императору. В наместничестве за несколько недель создавались огромные состояния. 8 июня 1905 года состоялось упразднение наместничества на Дальнем Востоке в связи с тем, что значительная часть оно́го была занята японцами. Концессии на реке Ялу, Порт-Артур и главный бизнес-центр в городе Дальнем попали в руки японцев, то есть определить, кто сколько взял, стало невозможно. В итоге у вдовы Алексеева действительно могли быть сказочные богатства.

С согласия Кирилла Андрей поехал на свидание с безутешной вдовушкой — патриоткой династии Романовых. Она довольно популярно объяснила, что деньги есть, но они в России. Теперь от императора Кирилла требовалось «послать туда надежное лицо», которое встретилось бы с «поверенным» адмирала, проживавшим в России, и тот, естественно, отдал бы все алексеевские миллионы.

Андрей и Кирилл размышляли об адмиральских капиталах, но Виктория Федоровна резко поставила мужа на место. Думаю, она вспомнила о поездках в Россию Сиднея Рейли и Бориса Савинкова.

Лето 1938 года Матильда и Андрей провели на курорте Корере, где Андрей лечился от бронхита.

По окончании лечения Матильда с Андреем поселились в имении родственников одного из учеников Кшесинской, которое находилось в окрестностях Эвиана недалеко от Женевского озера. «Там было очень красиво, — вспоминает Матильда. — Дважды мы ездили в Женеву. Сюда же приехал и Вова, который часть лета провел на берегу океана. Однако пробыли мы там недолго».

Любопытно, что в «Воспоминаниях» Кшесинская много пишет о своей любви к мужу и сыну и... ничего об их деятельности. Между тем и сын Вова

тоже ударился в политику. Его не интересовали ни балет, ни театр в целом, ни наука, ни бизнес. Как уже говорилось, Вова стал одним из основателей «Союза младороссов».

Начало войны Андрей, Матильда и Вова встретили в Париже. *«Вскоре над нами снова нависла угроза войны, и всех охватила паника, — пишет Матильда. — Люди стали разъезжаться по домам. Мы тоже решили вернуться в Париж, и 25 августа уехали в переполненном поезде. На станциях мы наблюдали дикие сцены, когда вагоны буквально брали штурмом.*

В Париже обстановка была еще более напряженной, и с каждым днем неизбежность войны становилась все более очевидной. Как и в прошлом году, когда Гитлер захватил Чехословакию, Франция стала готовиться к войне...

1 сентября немцы вторглись в Польшу. Война неотвратимо приближалась, Англия и Франция объявили всеобщую мобилизацию. Мы решили на некоторое время уехать в Везине, находившийся в окрестностях Парижа.

Мы подыскали виллу, где поселились вместе с друзьями. Уехали мы 3 сентября, сразу после того, как Англия и Франция объявили войну Германии. Наняв два такси, мы погрузили самое необходимое и прихватили с собой любимую собаку, кота и канареек. На следующий день после нашего отъезда в Везине с самого утра завывали сирены, и мы, как и полагалось, спустились в подвал, где просидели три часа. Но никакой бомбежки не было, и после отбоя тревоги мы снова отправились спать. Потом еще несколько раз объявляли воздушную тревогу, но она все время оказывалась ложной, и вскоре мы к этому привыкли. Но звук сирены всегда вызывал у нас сильное беспокойство.

Через три-четыре недели после начала войны я

стала подумывать об открытии студии. Нужно было работать, чтобы заработать на жизнь. Поначалу ученицы разбежались, как и большинство парижан, но постепенно люди стали возвращаться в Париж. Почти каждый день я ездила туда поездом, а вечером возвращалась в Везине, увязая в снегу. Как назло, зима была суровая, а доставать уголь становилось все труднее.

Наша вилла была уютной, теплой, и жилось нам, в общем, неплохо. В воскресенье к нам приезжали знакомые, и почти каждый день кто-то приходил на обед.

На фронте было тихо, и, проведя четыре с половиной месяца в Везине, мы решили вернуться в Париж, что и сделали 19 января»⁸³.

С началом наступления немцев на Западном фронте Андрей и Матильда решили поехать на курорт в Биарриц к великому князю Борису Владимировичу и его жене Зине. Курорт этот находился на атлантическом побережье всего в 15–20 километрах от границы с нейтральной Испанией.

Матильда писала: «Однако сделать это было не просто. Как отправить багаж, купить билеты, а главное, сесть в поезд? На вокзалах толпились десятки тысяч людей. После утомительных хлопот нам удалось преодолеть все трудности и достать два купе в спальном вагоне. Не хочу и вспоминать, как мы сели в поезд. У кондуктора мы достали бутылку шампанского и выпили ее с огромным удовольствием после всех переживаний того ужасного дня. Мы выехали 11 июня, а уже на следующий день с большим опозданием прибыли в Биарриц...

Через три дня после нашего приезда в Биарриц немцы заняли Париж, а 22 июня маршал Петэн подписал акт о капитуляции. 27 июня немцы вступили в Биарриц».

Таким образом, у Андрея Владимировича и Матильды было две недели, чтобы переправиться в Испанию, а оттуда пароходом — на все четыре стороны, хоть в Северную, хоть в Южную Америку.

«Постепенно жизнь возвращалась в прежнее русло, и мы начали подумывать о возвращении в Париж и об открытии студии, так как у нас не было средств к существованию. Прожив в Биаррице три с половиной месяца, которые прошли тихо и спокойно, мы в конце сентября вернулись домой. Сразу же стали появляться мои ученицы, хотя их было значительно меньше, чем перед войной. В оккупированном Париже было грустно, и все же мы радовались, что снова жили дома.

Зима прошла спокойно, но с наступлением весны все чего-то ждали. Что-то должно было произойти, вот только когда и где?

22 июня 1941 года немцы перешли границу нашей родины. Узнали мы об этом за утренним кофе и были убиты страшной новостью. Что будет с нашей несчастной Россией и что будет с нами? Вова давно считал, что война между Россией и Германией неизбежна, и прекрасно понимал, что случится с Россией, если, не дай Бог, победят немцы.

Ни своего титула, ни отношения к немцам сын никогда не скрывал и хорошо осознавал, что его ждет в случае войны. Он был готов к испытаниям, которые ждали его впереди, и не таил этого от нас»⁸⁴.

Как видим, Кшесинская опять лукавит. Немцы арестовывали во Франции не всех русских, а исключительно тех, кто активно занимался политикой. Писать о деятельности Вовы в руководстве младороссов Матильда не хочет и выворачивается как может: *«Утром он [Вова] пошел в церковь в Клиши, которую очень любил, а потом отправился к другу в Везине, куда его пригласили на целый день. Не успел он вый-*

ти из дома, как к нам явилась немецкая полиция, чтобы его арестовать. Я объяснила, что сына не будет весь день, и полицейские ушли. Однако один из них снова вернулся и сказал, что на следующий день Вова нужно быть на площади Бово, где, как мы узнали, находилось одно из отделений гестапо...

Ни прятаться, ни убежать Вова не собирался, чтобы не подвергать нас риску, так как в этом случае явиться в гестапо приказали бы уже нам.

На следующий день, рано утром, Вова сам пошел в гестапо. Предчувствуя самое худшее, мы долго смотрели ему вслед, осеняя крестным знаменем, пока он не скрылся за воротами нашей виллы "Молитор"⁸⁵.

Вова был арестован вместе с другими активистами партии младороссов. Немцы не очень четко представляли ее платформу и решили на всякий случай подстраховаться. В частности, за сведения о местонахождении Казем-Бека оккупационные власти обещали 100 тысяч марок. Красинский был помещен в концлагерь «Сталаг-122» под Компьеном. Там он получил № 119 и по иронии судьбы просидел ровно 119 дней.

С 1 августа 1941 года родители получили разрешение навещать Вову в «Сталаг-122». Матильда писала: *«В один из приездов в Компьен мы познакомились с комендантом лагеря гауптманом Нахтигалем, офицером старой немецкой армии. К нацистской партии он не принадлежал. Он хорошо относился к заключенным и по мере сил стремился облегчить их положение, а нескольким человекам даже спас жизнь. Все заключенные его любили. Иногда он устраивал нам свидания с сыном у себя в кабинете и давал возможность спокойно поговорить».*

Вскоре немцы разобрались с младороссами и отправили их по домам. 20 октября Вова уже был в Париже.

Чем занимались Кшесинская и ее сын в 1941–1944 годах во Франции, неизвестно. В воспоминаниях она молчит об этом, в других источниках я тоже ничего не нашел. Во всяком случае, если бы кто из ее семейства показал бы хоть кукиш немцам, Матильда расписала бы это на десяти страницах.

Большую часть времени в 1941–1944 годах Кшесинская и ее семья провели на вилле «Молитор» в Париже. Там они 24 июня 1944 года увидели дивизию Леклерка, входившую в оставленную немцами столицу. Опять передаю слово Матильде: *«Сразу же после освобождения Парижа к нам со всех концов света стали приходить письма, телеграммы и посылки. Всех интересовала наша судьба, и это было очень трогательно.*

С первых же дней осени дела в студии пошли хорошо, и учениц становилось все больше. В декабре приехала Диана Гулд, жена нашего знаменитого скрипача Менухина. Я ей очень обрадовалась, она была одной из моих любимых учениц. Она привезла с собой небольшую труппу, которая должна была развлекать солдат.

27 февраля 1945 года к моей студии подъехал военный грузовик с труппой балета “Сэдлерз Уэллз” во главе с Нинетт де Валуа. Всего их было 20 человек, одетых в военную форму. Они хотели засвидетельствовать мне свое почтение. Я была очень рада встрече с двумя бывшими ученицами, Марго Фонтейн и Памелой Мэй. Несмотря на то, что в то время достать духи было очень трудно, я их все же раздобыла и подарила каждой по флакону. Английская балетная труппа должна была выступить в театре на Елисейских полях.

Многие мои прежние ученицы приехали из Англии и Америки, чтобы меня навестить. Среди них была одна из моих любимиц, Ширли Бридж»⁸⁶.

Далее Андрей и Матильда тихо прожили до мая 1945 года в своей парижской вилле «Молитор».

В мае 1950 года в Лондоне была создана Федерация русского классического балета. Целью ее было сохранение основных канонов русского классического танца и обучение с помощью методики, разработанной в императорских балетных училищах. В Федерацию вошли пятнадцать балетных школ.

Федерация русского классического балета через бывшую ученицу Кшесинской Барбару Вернон обратилась к Матильде с просьбой взять над ней шефство, на что та охотно согласилась. *«Мне пришлось по душе идея продолжения традиции русского балета в английских школах танца, — пишет Кшесинская. — Это гарантировало балетному искусству солидную базу, что давало прекрасные результаты. Организаторы просили меня приехать на неделю в Лондон в мае 1951 года, чтобы принять участие в первом общем собрании членов Федерации. Кроме того, я должна была дать несколько показательных уроков, присутствовать на выпускных экзаменах и вручить выпускницам свидетельства со своей подписью.*

21 мая я приехала в Лондон, где меня встретила Барбара Вернон со своим мужем Джоном Грегори и группой учениц. Разумеется, мы фотографировались, и было много цветов. Пятилетняя ученица Барбары Вернон, Виктория Даббит, вручила мне прелестную статуэтку Майкла Морриса.

С вокзала меня повезли в отель, расположенный напротив Кенсингтонского дворца и парка. Отель был старомодным, но симпатичным, и вечером я встретилась с репортерами и фотографами. В моем номере было полно цветов, которые присылали каждый день, и среди них букет сирени от Тамары Карсавиной. Я очень люблю сирень, потому что она напоминает мне о России.

На следующее утро, 23 мая, я присутствовала на первом туре экзаменов. Большую радость мне доставила встреча с моей бывшей ученицей Ниной Таракановой, ныне миссис Маклин. После экзамена меня попросили провести урок характерного танца, а я в свою очередь обратилась с просьбой к Нине Таракановой, чтобы она сделала это вместо меня. Она великолепно справилась с этой задачей, но в конце я не выдержала и тоже приняла участие в занятии как преподаватель.

После этого мы поехали к Арнольду Гаскеллу, который пригласил меня на завтрак вместе с Тамарой Карсавиной. Он жил на небольшой прелестной вилле. Легко представить себе мою радость от встречи с Тамарой! Мы сидели и вспоминали прежние времена. Здесь же присутствовал ее муж, мистер Брюс, очень приятный человек, с которым я познакомилась только сейчас. Жена Арнольда Гаскелла была русской, а ее сестра вышла замуж за Марка Алданова. Гаскелл не говорил по-русски, но все понимал, что облегчало нашу беседу на русском языке»⁸⁷.

Во время ужина в лондонском ресторане «Савоя» Матильда и Андрей увидели сидевшего за соседним столиком в одиночестве Давида Лишина. Он был рад встрече и пригласил Матильду с мужем за свой столик. Втроем они прекрасно провели вечер. «Жена Лишина, Таня Рябушинская, была у себя в номере вместе с дочерью, и после ужина мы поднялись наверх, чтобы взглянуть на маленькую Таню, а заодно и позвонили в Париж Вове».

В воскресенье 27 мая Матильда и Андрей уехали в Париж. На вокзале их провожали с цветами Нина Тараканова, Джон Грегори и Барбара Вернон.

17 (30) октября 1956 года внезапно скончался великий князь Андрей Владимирович. На его похороны прибыли великий князь Владимир Кириллович

с супругой Леонидой, княгини Мария Павловна младшая и Ирина Алексеевна Юсупова. Отпевание состоялось 3 ноября в соборе Александра Невского в Париже. После богослужения гроб перенесли в нижнюю церковь, где он находился в течение двух месяцев, а потом поместили в склеп. Позже его перезахоронили на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Кшесинская умилялась: *«В 1957 году мне предоставился случай убедиться в том, что несмотря на политические неурядицы и долгие годы, прошедшие с тех пор, как я покинула Россию, мое имя там не забыли. Эта новость несказанно меня тронула и обрадовала».*

То, что большевики старательно замалчивали всё, связанное с Кшесинской, — полуправда. Распутин и Кшесинская с самого начала были козырными картами революционеров всех мастей, обличавших царский режим. Но с середины 1930-х годов вышла негласная установка вообще не писать о личной жизни и деятельности русских царей, начиная с Александра II. В итоге Распутин и Кшесинская были официально преданы забвению, равно как и все августейшее семейство. Но вот когда в 1980-х (!) годах Валентин Пикуль написал документальный роман «Нечистая сила», где царская семья выведена более чем негативно, против писателя резко выступил Суслов и другие партийные теоретики. Суть их критики состояла не в том, что ситуация описана неверно, а что вообще не надо писать об этом.

В итоге о балерине Кшесинской у нас помнили лишь специалисты — артисты и критики балета, а значительная часть населения знала ее только как любовницу царя и владелицу особняка. Прочитав в письме Маяковского: «...вчера зашел к Кшесинской», я автоматически вздрогнул, но, увы, письмо датировано 1918 годом. Тогда в ее дворце помещал-

ся «Пролеткульт», и литераторы называли заведение «Кшесинской». Помните, у Булгакова — поехал «к Грибоедову».

В 1957 году директор музея П.И. Чайковского в Клину В.К. Журавлев отправил письмо к Кшесинской с просьбой прислать музею материалы о ее ролях в балетах Чайковского. Через два года Журавлев отправил Матильде поздравление с тридцатилетним юбилеем ее студии и просил прислать воспоминания о знаменитых ученицах и сведения о методике преподавания танца в студии. В поздравлении говорилось, что Кшесинская занимает «почетное место в истории не только русского, но и мирового балета». *«А потому, — пишет Матильда, — грядущие поколения не простят мне, если я не напишу мемуары, в которых расскажу о выдающихся танцовщиках и танцовщицах, с которыми мне довелось встретиться в жизни. Идя навстречу его [Журавлева] просьбе, я послала в музей не только балетные туфельки, в которых выступала в последний раз, но и костюм, в котором исполняла в 1936 году “Русскую”».*

В 1958 году московский Большой театр гастролировал в Париже. Кшесинская после смерти мужа почти нигде не бывала и все время проводила дома или в студии, и все же поехала в Оперу. *«На спектакле я плакала от счастья... Это был все тот же балет, что и сорок лет назад! Я его сразу узнала... В нем сохранилась душа и прежние традиции. Конечно, техника теперь стала гораздо совершеннее».*

В 1964 году оперный театр им. Ивана Франко гастролировал в Париже. Приятель Даниила Федоряченко, внук композитора Гулак-Артемовского, привел его с другими артистами труппы в особняк к Кшесинской. Там Матильда даже сфотографировалась с Федоряченко, директором Борисом Чистя-

ковым и артистами Ириной Ликашевой и Робертом Клявисом. Разговор носил общий характер, и Федоряченко запомнил лишь стены гостиной, увешанные фотографиями самой Матильды и членов августейшей фамилии.

Во время гастролей Большого театра в Париже в 1969 году особняк Кшесинской посетили известные советские артисты Владимир Васильев и Екатерина Максимова⁸⁸. Замечу, что, вопреки мнению современных авторов, знакомство с эмигрантами первой волны типа Кшесинской в 1960–1980-е годы в СССР вовсе не считалось криминалом. Разумеется, контакты за границей с персонажами из «Посева», «Радио Свобода» и т. п. могли стать поводом для душевной беседы с компетентными товарищами, но не более. А старики-эмигранты, отдаленные от политической жизни, уже давно не интересовали органы.

К примеру, в 1970–1980-х годах я часто бывал в московском семействе, которое постоянно принимало у себя родственников из Франции — потомков эмигрантов первой волны. Приезжавших никто не чурался, наоборот, даже дальние знакомые семейства всеми силами стремились пообщаться с «русскими французами».

Матильда Кшесинская скончалась в Париже 6 декабря 1971 года, немного не дожив до своего столетнего юбилея. Она была похоронена в одной могиле с мужем на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Через три года умер ее сын Владимир. Насколько известно, он не имел детей. В эмигрантских кругах распространялись слухи о насильственной смерти Владимира, ставшей следствием его связей с масонами. Владимир был похоронен в одной могиле с матерью и великим князем Андреем Владимировичем.

Возвращение на родину праха генерала Антона Деникина и философа Ивана Ильина побудило отечественных любителей пиара поднять вопрос о перезахоронении праха Матильды Кшесинской в Троице-Сергиевой лавре. В качестве предлога говорили, что, мол, ее могила на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа входит в число выморочных могил, за которые давно никто не вносит плату, и они подлежат освобождению.

И вот президент Путин 25 декабря 2007 года раскошелился на 700 тысяч евро в год на содержание кладбища Сен-Женевьев-де-Буа. Замечу, что помимо эмигрантов первой волны на нем захоронены и десятки «власовцев» и членов формирований СС, воевавших против Красной армии в годы Великой Отечественной войны.

Глава 15

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

С марта 1917 года по декабрь 1918 года Александр Михайлович был изолирован от политической жизни, но в заточении в Дюльбере он по-прежнему считал себя великим князем и одним из властителей России. Оказавшись в январе 1919 года в Париже, он быстро осознал, что теперь никому не нужен.

С мрачными мыслями великий князь Александр Михайлович прибыл в Париж, о чем он с грустью пишет в своих мемуарах: *«Этот таинственный механизм самосохранения заработал во мне в тот смеркающийся январский день 1919 года, когда на станции Таранто, стоя у окна парижского экспреса и пытаясь перекричать визгливые голоса итальянских носильщиков, я прощался с офицерами корабля его величества “Форсайт”, который увез меня из охваченной революционным пожаром России.*

— Жаль, что не могу доставить вас прямо в Париж, в пальмовую рощу “Ритца”, — пошутил капитан.

— Мне тоже, — сказал я в тон ему, а сам подумал: “Слава Богу...”

Я был глубоко признателен им за трогательное внимание и великодушие, но все четыре дня плавания меня ни на минуту не покидало невыносимо острое чувство унижения от того, что внука императора Николая I англичанам приходилось спасать от русских. Я как мог старался отогнать эти горькие мысли. Я судорожно силился быть веселым и проявлять интерес к их рассказам о Ютландском сражении и четырехлетней морской блокаде Германии, но внутренний голос, жесткий и саркастический, непрестанно шипел мне в уши.

— Старый глупец, неисправимый мечтатель! — повторял он снова и снова. — Так ты думал, что сбежал от своего прошлого, — а вот оно, пялится на тебя изо всех уголков и закоулков... Видишь этих англичан? Молодцы, правда? И корабль у них превосходный, а? А как же двадцать четыре года, что ты убил на русский флот? Ты морочил себе голову пустыми мечтами, что сделаешь его мощнее и лучше английского, а вот чем все кончилось... Ты — эмигрант, пользующийся гостеприимством своего царственного британского кузена, его люди спасли тебя от рук твоих собственных матросов, ты пьешь за здоровье его британского величества, когда твой император расстрелян, а твои братья каждую ночь ожидают своей участи, и корабль твой лежит на дне Черного моря! Прекрасный ты адмирал, нечего сказать...

Сидя за столом в обществе капитана, я прибежал ко всевозможным уловкам, лишь бы не смотреть на портрет Георга V, висевший прямо напротив моего

места. Сходство черт британского монарха и покойного государя, вообще поразительное, сейчас, на борту “Форсайта”, было решительно непереносимо...

Ночами я лежал в каюте без сна, сжав кулаки и уставившись в иллюминатор. Мне казалось, что не имеет смысла затягивать агонию, что прыжок за борт разом положил бы конец всем моим невздам. Оставались, конечно, дети — семеро детей, но я боялся, что потерпел крушение не только как адмирал и государственный муж, но и как отец. Если я без колебаний бросил их в России, не было ли это лучшим доказательством моей уверенности в том, что их вырастят и воспитают без моего участия? Я не мог помочь им деньгами и ничему не мог научить. В отличие от матери и бабушки, продолжавших верить в непогрешимость Дома Романовых, я знал, что все наши истины — обман, а мудрость — лишь колоссальное скопление размытых миражей и прокисших банальностей. Я не мог воспитать сыновей в духе нашей официальной религии, поскольку она обанкротилась четыре года назад на полях Марны и Танненберга. Я не мог быть их наставником в таком внушающем трепет предмете, как “долг перед государством”, потому что изгнанник ничего не должен государству, умерший неоплаканным, как бродяга под забором...

Так я лежал, мужчина пятидесяти трех лет, без денег, без занятия, без страны, без дома и даже без адреса, пугающийся от одной мысли, что заснет и увидит во сне тех, кого больше нет, и откладывающий самоубийство с ночи на ночь из какого-то старомодного опасения повредить репутации радушного капитана “Форсайта”»⁸⁹.

По прибытии во Францию Александр Михайлович больше всего надеялся на переговоры с председателем Парижской мирной конференции французским пре-

мьер-министром Жоржем Клемансо. Можно было думать, что *«всем известный цинизм этого старца поможет ему разобраться и найти верный путь среди того потока красноречия и идиотских теорий, которые владели тогда умами.»* Великому князю не хотелось верить, что Клемансо не поймет той мировой опасности, которая заключалась в большевизме.

Мирная конференция должна была открыться в Париже через несколько дней после прибытия туда Александра Михайловича. Увы, Клемансо не пожелал лично встретиться с русским великим князем, и ему пришлось довольствоваться беседой с его секретарем.

— Господин председатель мирной конференции очень хотел бы поговорить с вами, — обратился к Александру Михайловичу личный секретарь Клемансо.

— Каковы планы господина Клемансо относительно бывшего союзника Франции? — спросил великий князь, едва сдерживая себя.

Секретарь любезно улыбнулся. Он был рад случаю представлять главу французского правительства. Он начал говорить с большим жаром, говорил долго, и великий князь не прерывал его.

— При существующей обстановке Франция должна думать о своем будущем. Наш долг перед нашими детьми — предвидеть возможность реванша со стороны Германии. Поэтому мы должны создать на восточной границе Германии ряд государственных новообразований, которые в совокупности составят достаточно внушительную силу, чтобы исполнить в будущем роль, которую ранее играла Россия.

— Однако вы мне еще не сказали о том, что предполагает французское правительство предпринять в отношении большевиков? — возразил Александр Михайлович.

— Это очень просто, — продолжал молодой дипломат, пожимая плечами. — Большевизм — это болезнь побежденных наций. Господин Клемансо подверг русскую проблему всестороннему изучению. Самой разумной мерой было бы объявление блокады советскому правительству.

— Чего?! — удивился великий князь.

— Блокады санитарного кордона, как его называет господин Клемансо. Подобная блокада парализовала Германию во время войны. Советское правительство не сможет ни ввозить, ни вывозить. Вокруг России будет воздвигнуто как бы колоссальное проволочное ограждение. Через короткое время большевики начнут задыхаться, сдадутся, и законное правительство будет восстановлено.

— Разве ваш шеф примет на себя ответственность за те страдания, которым подобный метод подвергает миллионы русских людей? Разве он не понимает, что миллионы русских детей будут от такой системы голодать?

Лицо секретаря исказила неприятная гримаса:

— Идя этим путем, Ваше императорское высочество, русский народ получит повод, чтобы восстать.

— Вы, молодой человек, ошибаетесь. Я уверен, что ваша блокада явится только орудием для пропаганды большевизма и объединит население России вокруг Московского режима. Это и не может быть иначе. Поставьте себя на место среднего русского обывателя, ничего не понимающего в политике, который узнает, что Франция является виновницей голода в России. Как я ни уважаю авторитет господина Клемансо, я считаю эту идею и нелепой, и крайне опасной.

— Что же вы предлагаете?

— То же, что я предложил французскому высшему командованию на Ближнем Востоке. Не нуж-

но кровопролития. Не нужно блокады. Сделайте то, что так блестяще удалось немцам прошлым летом в юго-западной России. Пошлите в Россию армию, которая объявит, что она несет мир, порядок и возможность устройства свободных выборов.

— Наше правительство не может рисковать жизнью французских солдат после подписания перемирия.

На этом беседа была закончена.

27 января 1919 года Александр Михайлович отправил письмо президенту США Вудро Вильсону с просьбой о встрече. Через два дня он получил ответ от секретаря президента, где говорится, что от действий «подобного рода» президенту приходится воздерживаться.

Что же касается британских властей, то они попросту отказали в визе великому князю Александру Михайловичу.

Мало того, все белые генералы, включая Колчака, Юденича и Деникина, отказались брать на службу представителей семейства Романовых и даже их близких родственников — герцогов Лехтенбергских и других.

Англия, Франция, США, Япония и другие страны вмешивались в Гражданскую войну в России не для поддержки белого движения, а исключительно в национальных интересах.

Александра Михайловича в Париже уже никто не рассматривал как политическую фигуру, но у него было множество знакомств в военных кругах, в обществе и, разумеется, среди братьев масонов. Он быстро понял, что всерьез с большевиками воевать никто не хочет, а восстанавливать единую и неделимую — и подавно! Победители создали против России санитарный кордон из новосозданных государств-лимитрофов⁹⁰.

Победители в Версале делили земли Восточной Европы по глобусу. Не брались в счет ни история, ни география, ни тем более воля народов. Так, в Польском государстве оказалось 40% неполяков, само существование которых польское правительство игнорировало. Мудрый Ллойд Джордж сказал о Польше: «Не надо создавать новую Эльзас-Лотарингию». Но, увы, Клемансо закусил удила. В итоге Версальский договор превратил мир в перемирие. Ленин пророчески заметил: «Версальский мир является величайшим ударом, который только могли нанести себе капиталисты и империалисты... победивших стран»⁹¹.

Уже в Париже Александр Михайлович узнал о гибели трех своих братьев. Великий князь Сергей был убит 18 июля 1918 года в Алапаевске, а Николай и Георгий были расстреляны 28 января 1919 года в Петропавловской крепости.

29 ноября 1923 года Александр Михайлович отправил письмо в редакцию парижского отдела газеты «Нью-Йорк Геральд». Письмо это крайне сумбурное и противоречивое, и его можно трактовать вкривь и вкось. С одной стороны: *«Когда Русский народ придет к глубокому убеждению, что продление большевистского владычества равносильно постоянному рабству и нескончаемому горю, он должен будет сам свергнуть эту власть и решить, какой ему нужен государственный строй»*. С другой стороны: *«Российские основные Законы с полной ясностью указывают, что право на Престол принадлежит Старшему Члену Нашей Семьи, каковым является в настоящее время Великий Князь Кирилл Владимирович»*.

А что если русский народ решит, что ему нужен не Кирилл, а другой царь? Кстати, во многих современных монархических изданиях приводится деся-

ток причин, по которым Кирилл утратил свое право на престол.

В письме Александра Михайловича легко проследить эволюцию его взглядов на борьбу с большевиками. Если в 1919 году он оголтело требовал интервенции в Советскую Россию, то в 1923 году он писал: *«Какая-либо интервенция другой страны, Франции ли, Германии ли, или какой-либо иной страны, безусловно недопустима. Когда настанет время, то русский народ, возмужалый и объединенный, сам найдет пути для устранения нового строя...»*

...Я лично безусловный противник кровавой контрреволюции. Воскрешение России должно осуществиться как результат возрождения народа на основах чистого Христианства и в духе всепрощения».

Кандидатов на российский престол было более чем достаточно. Довольно большая партия эмигрантов сплотилась вокруг великого князя Дмитрия Павловича, самого законного, по их мнению, претендента.

Великий князь Николай Николаевич был весьма популярен среди военных, и они желали видеть на престоле именно его. Возможно, именно Николай Николаевич и стал бы «императором», если бы не его возраст (годы жизни 1856–1929), слабое здоровье и отсутствие детей.

А вот как описал эту «избирательную кампанию» великий князь Александр Михайлович: *«Поскольку Советский Союз вступил в шестой год своего существования, эта трехсторонняя схватка представлялась по меньшей мере преждевременной, и все же была со всей серьезностью воспринята многочисленными русскими беженцами. Они носились, объединялись, интриговали. И как истинные русские, заговаривали друг друга до оупения. Оборван-*

ные и бледные, они собирались на монархические сходы в душных, прокуренных залах Парижа, где чуть не до рассвета выдающиеся ораторы обсуждали достоинства троих великих князей.

Одни слушали пространные цитаты из Основных Законов Российской империи, подтверждающие неотъемлемые права Кирилла; их зачитывал какой-то престарелый сановник, облаченный в длиннополый сюртук и похожий на поставленный стоймя труп, который поддерживали сзади невидимые руки. Другие слушали разодетого генерал-майора, кричавшего, что “огромные массы населения России” желают видеть Николая, бывшего Верховного Главнокомандующего русской армией, на троне его предков. Третьи млели от сладкоречивого московского адвоката, который защищал права юного Дмитрия столь проникновенно, что наверняка вышиб бы из присяжных слезу. И все это происходило в двух шагах от Больших Бульваров, где толпы жизнерадостных парижан пробавлялись легкими и крепкими напитками, совершенно позабыв о важности выборов самодержца всея Руси.

Поскольку мои политические взгляды были хорошо известны русским монархистам и явно ими не разделялись, ни разу за время той жаркой кампании мое имя не было произнесено даже шепотом. Но однажды тихим декабрьским утром я проснулся и обнаружил, что мой сын Никита должным образом избран царем на собрании “отколовшейся” фракции роялистов. Эта новость огорчила меня. Я горячо запротестовал. То, что начиналось как невинное времяпровождение, явно принимало масштабы трагического и сомнительного фарса. Каким образом решали вопросы личного обустройства мои кузены и племянники, меня совершенно не касалось, но своего мальчика я хотел уберечь от удела

всеобщего посмешища. Он работал в банке, был счастлив в браке с подружкой своего детства графиней Воронцовой и не имел ни малейшего желания состязаться с великим князем Кириллом»⁹².

Как видим, ситуация в Париже в 1922–1925 годах ненамного отличалась от противостояния лысого и лохматого императоров в кинофильме «Корона Российской империи».

В конце 1920-х годов Александр Михайлович уже здраво оценивает ситуацию в России. И тут надо отдать должное его аналитическому уму. Ведь 99,9% эмигрантов, ранее принадлежавших к сливкам общества, по-прежнему испытывали зоологическую ненависть к СССР.

Что же касается Александра Михайловича, то он в воспоминаниях отлично показал эволюцию своих взглядов: *«Мне пришло в голову, что хотя я и не большевик, однако не мог согласиться со своими родственниками и знакомыми и безоглядно клеймить все, что делается Советами только потому, что это делается Советами. Никто не спорит, они убили трех моих родных братьев, но они также спасли Россию от участи вассала союзников.*

Некогда я ненавидел их, и руки у меня чесались добратья до Ленина или Троцкого, но тут я стал узнавать то об одном, то о другом конструктивном шаге московского правительства и ловил себя на том, что шепчу: “Браво!” Как все те христиане, что “ни холодны, ни горячи”, я не знал иного способа излечиться от ненависти, кроме как потопить ее в другой, еще более жгучей. Предмет последней мне предложили поляки.

Когда ранней весной 1920-го я увидел заголовки французских газет, возвещавшие о триумфальном шествии Пилсудского по пшеничным полям Малороссии, что-то внутри меня не выдержало, и я за-

был про то, что и года не прошло со дня расстрела моих братьев. Я только и думал: “Поляки вот-вот возьмут Киев! Извечные враги России вот-вот отрежут империю от ее западных рубежей!” Я не осмелился выразиться открыто, но, слушая вздорную болтовню беженцев и глядя в их лица, я всей душою желал Красной армии победы.

Не важно, что я был великий князь. Я был русский офицер, давший клятву защищать Отечество от его врагов. Я был внуком человека, который грозил распахать улицы Варшавы, если поляки еще раз посмеют нарушить единство его империи. Неожиданно на ум пришла фраза того же самого моего предка семидесятидвухлетней давности. Прямо на донесении о “возмутительных действиях” бывшего русского офицера артиллерии Бакунина, который в Саксонии повел толпы немецких революционеров на штурм крепости, император Николай I написал аршинными буквами: “Ура нашим артиллеристам!”

Сходство моей и его реакции поразило меня. То же самое я чувствовал, когда красный командир Буденный разбил легионы Пилсудского и гнал его до самой Варшавы. На сей раз комплименты адресовывались русским кавалеристам, но в остальном мало что изменилось со времен моего деда.

— Но вы, кажется, забываете, — возразил мой верный секретарь, — что, помимо прочего, победа Буденного означает конец надеждам Белой армии в Крыму.

Справедливое его замечание не поколебало моих убеждений. Мне было ясно тогда, беспокойным летом двадцатого года, как ясно и сейчас, в спокойном тридцать третьем, что для достижения решающей победы над поляками Советское правительство сделало все, что обязано было бы сделать любое истинно народное правительство. Какой бы ни казалось

иронией, что единство государства Российского приходится защищать участникам III Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I: защищать рубежи государства любой ценой и шаг за шагом пробиваться к естественным границам на западе! Сейчас я уверен, что еще мои сыновья увидят тот день, когда придет конец не только нелепой независимости прибалтийских республик, но и Бессарабия с Польшей будут Россией отвоеваны, а картографам придется немало потрудиться над перечерчиванием границ на Дальнем Востоке...

...Я спрашивал себя со всей серьезностью, какой можно было ожидать от человека, лишеного значительного состояния и ставшего свидетелем уничтожения большинства братьев: “Могу ли я, продукт империи, человек, воспитанный в вере в непогрешимость государства, по-прежнему осуждать нынешних правителей России?”

Ответ был: и “да” и “нет”. Господин Александр Романов кричал “да”. Великий князь Александр говорил “нет”. Первому было очевидно горько. Он обожал свои цветущие владения в Крыму и на Кавказе. Ему безумно хотелось еще раз войти в кабинет в своем дворце в С.-Петербурге, где несчетные книжные полки ломились от переплетенных в кожу томов по истории мореплавания и где он мог заполнить вечер приключениями, лелея древнегреческие монеты и вспоминая о тех годах, что ушли у него на их поиски.

К счастью для великого князя, его всегда отделяла от господина Романова некая грань. Обладатель громкого титула... попросту обязан был положиться на свою коллекцию традиций, банальных по сути,

но удивительно действенных при принятии решения. Верность родине. Пример предков. Советы равных. Оставаться верным России и следовать примеру предков Романовых, которые никогда не мнили себя больше своей империи, означало допустить, что Советскому правительству следует помогать, не препятствовать его экспериментам и желать успеха в том, в чем Романовы потерпели неудачу.

Оставались еще советы равных. За одним-единственным исключением, они все считали меня сумасшедшим. Как это ни покажется невероятным, я нашел понимание и поддержку в лице одного европейского монарха, известного проницательностью своих суждений.

— Окажись вы в моем положении, — спросил я его напрямик, — позволили ли бы вы своей личной обиде и жажде мщения заслонить заботу о будущем вашей страны?

Вопрос заинтересовал его. Он все серьезно взвесил и предложил мне перефразировать вопрос.

— Давайте выразим это иначе, — сказал он, словно обращаясь к совету министров. — Что хуже: кровь или то, что я назвал бы “имперской субстанцией”? Что дороже: жизнь ваших родственников или дальнейшее воплощение имперской идеи? Мой вопрос — это ответ на ваш. Если то, что вы любили в России, сводилось единственно к вашей семье, то вы никогда не сможете простить Советы. Но если вам суждено прожить свою жизнь, подобно мне желая сохранения империи, будь то под нынешним знаменем или под красным флагом победившей революции — то зачем колебаться? Почему не найти в себе достаточно мужества и не признать достижения тех, кто сменил вас?»⁹³

Александр Михайлович так и не раскрыл имя своего августейшего собеседника. Но я уверен, что

речь шла о принце Уэльском Альберте Эдварде. Если бы он жил сейчас, то наши либералы окрестили бы его «красно-коричневым принцем». На престол под именем Эдуарда VIII он вступит ровно через три года после смерти Александра Михайловича. Он во многом был похож на Александра Михайловича, его жизнеописание еще ждет своих исследователей.

В эмиграции Александр Михайлович жил продажей своей большой коллекции античных монет и многих других драгоценностей. *«Ксенин жемчуг мы прожили ровно за три года»*, — пишет великий князь. И именно увлечение нумизматикой, так неприветствуемое его родными и близкими в прошлой жизни, теперь спасало Александра Михайловича. *«Еще более странно было, что возможности уплатить по счетам в Париже и получить краткую передышку могло дать мне лишь то, что всегда считали “чистым безумием” и “дорогой забавой” непутевого члена императорской семьи, — писал великий князь. — Просматривая записи, я вспомнил слова своего отца: “Только подумай, Сандро, какие возможности ты упускаешь. Да если бы ты вложил хоть крупицу того, что тратишь, роясь в земле в Крыму, в надежные акции и государственные облигации, ты удвоил бы свой годовой доход и никогда бы ни в чем не нуждался. Не нравятся акции и облигации — купи нефтеносные земли, медь, марганец, недвижимость, но, ради Бога, прекрати расшвыривать деньги на этих дурацких древних греков”*.

Что делал бы я в январе 1919-го, послушайся я советов моего практичного отца и оставь занятия археологией в 1900-х? Акции и облигации? Они пачками лежали в моем банковском сейфе в С.-Петербурге, но даже укравшие их большевики ни копейки не могли за них выручить, поскольку компании, выпустившие эти акции, развалились в революцию.

Нефтеносные земли? Медь? Марганец? Недвижимость? Все это у меня было, но я никак не мог убедить портного с рю дю Фобур Сент-Оноре обменять пару фланелевых брюк на право владения моими доходными домами в С.-Петербурге или нефтеносными землями на Кавказе.

“Безумие окупается”, — сказал я сам себе с чувством»⁹⁴.

Кроме того, довольно много давали лекции во время его поездок в США. Там с удовольствием принимали настоящего великого князя. Десятки других Лжемихаилов, Лжеанастасий, Лжеалексеев и т. д. успели изрядно поднадоесть янки. Первое долгосрочное предложение от одного нью-йоркского лектория поступило летом 1928 года. И вот через пятнадцать лет после своего последнего посещения Александр Михайлович вновь оказался в Соединенных Штатах, где его встретил сын Дмитрий, покинувший Европу четыре годами ранее.

Американцы встретили великого князя в роли лектора неоднозначно: *«Некоторые из них всполошились: их дочери были замужем за европейскими титулованными особами, и то обстоятельство, что великий князь развезжает по стране и якшется с членами бизнес-клуба “Ротари”, могло отразиться на социальном статусе их зятьев. Некоторые пришли в бешенство: я осмелился оскорбить священных коров либерализма и открыто выразил свои симпатии к людям дела. Некоторые говорили открыто и не стесняясь выразить свои убеждения: есть демократия или нет ее, им нужна помощь воскресных школ и церквей, чтобы держать массы под присмотром».*

За три зимы, проведенные в Америке, великий князь Александр Михайлович прочел там 67 лекций.

Случались в Америке и казусы. Так, однажды Александр Михайлович прочел в анонсе о своей предстоящей лекции: *«Сегодня вечером в Новой баптистской церкви ожидается большой наплыв публики по случаю лекции русского великого князя Александра на тему...»*

«Дело было не только в моем суеверии по поводу всего и вся, имеющего отношение к церкви, — вспоминает Александр Михайлович. — Но и в том, что основная часть моей лекции была посвящена “банкротству официального христианства”. Когда мой менеджер обещал “самую что ни на есть достойную обстановку”, я думал, он просто хочет сказать, что мне не придется выступать в цирке. Откуда мне или любому другому европейцу было знать, что церковь можно снять для лекции? Будь это католическая церковь или синагога, я мог бы по крайней мере рассчитывать на чувство юмора прихожан, но баптистский молебельный дом! Я содрогнулся...»

Пастор оказался приятным, живым человеком. Его рукопожатие и манера разговаривать заставили меня усомниться в правильности моих представлений о баптистах. Он вполне мог сойти за нью-йоркского биржевого маклера...

Церковь была битком набита. Пастор сообщил, что в зале присутствуют восемьсот пятьдесят человек, но мне они казались восьмьюстами пятьюдесятью тысячами. Ни разу в жизни я еще не был так напуган. Когда пастор произнес: “Мне выпала большая честь представить вам великого русского князя Александра”, — мои руки задрожали, а в горле пересохло. Я поднялся и хотел уже было пройти к кафедре, как вдруг грянуло “Боже, Царя храни”, и я увидел, что мои слушатели встают. Я оцепенел. Впервые за одиннадцать лет я слышал эту мелодию.

Секретарь сказал мне потом, что я побледнел, как труп. Лично я ничего не помню. Иногда мне кажется, что я просто уснул в своей нью-йоркской гостинице и увидел во сне, будто читаю лекцию в новой баптистской церкви в Гранд-Рапиде. Местные газеты написали, что я говорил “ясным мелодичным голосом, без единого намека на переживания или горечь”. Сомневаюсь.

После того дня я прочел еще шестьдесят шесть лекций. В церквях, университетах, женских клубах и частных домах. Я никогда не оспаривал условий договора, место или время, настаивая на одном-единственном пункте: русский национальный гимн не должен исполняться ни до, ни после, ни во время моих лекций. Пережить самоубийство империи нетрудно. Услышать ее голос одиннадцать лет спустя — смерти подобно»⁹⁵.

Во время последнего визита в 1930 году Александр Михайлович поразил американцев. В каждый свой приезд он получал кипу приглашений. Великий князь прекрасно понимал, что приглашают его не от большой любви или от сильных впечатлений от его лекций, а «в Манхэттене считалось хорошим тоном втиснуть русского с “трагической судьбой” между британским малым, знающим, что не в порядке у американок, и немецким экономистом, озабоченным будущим золотого стандарта».

На этот раз Александр Михайлович получил одновременно три самых интересных за всю его американскую эпопею приглашения. Группа видных лидеров нью-йоркских иудаистов пригласила его отужинать с ними и обсудить так называемый еврейский вопрос. Знакомые из Детройта просили приехать познакомиться с Генри Фордом, а в Клубе армии и флота предложили выступить с речью на тему пятилетнего плана.

Об этом визите Александр Михайлович писал: *«Еще более жаркие дебаты ожидали меня в Клубе армии и флота. Его руководство считало само собой разумеющимся, что я буду проклинать Советскую Россию и предскажу неминуемый крах пятилетнему плану. От этого я отказался. Ничто не претит мне больше, нежели тот спектакль, когда русский изгнанник дает жажде возмездия заглушить свою национальную гордость. В беседе с членами Клуба армии и флота я дал понять, что я прежде всего русский и лишь потом великий князь. Я, как мог, описал им неограниченные ресурсы России и сказал, что не сомневаюсь в успешном выполнении пятилетки.*

— *На это может уйти, — добавил я, — еще год-другой, но если говорить о будущем, то этот план не просто будет выполнен — за ним должен последовать новый план, возможно, десятилетний или даже пятнадцатилетний. Россия больше никогда не опустится до положения мирового отстойника. Ни один царь никогда не смог бы претворить в жизнь столь грандиозную программу, потому что его действия сковывали слишком многие принципы, дипломатические и прочие. Нынешние правители России — реалисты. Они беспринципны — в том смысле, в каком был беспринципен Петр Великий. Они так же беспринципны, как ваши железнодорожные короли полвека назад или ваши банкиры сегодня, с той единственной разницей, что в их случае мы имеем дело с большей человеческой честностью и бескорыстием»⁹⁶.*

И вот великий князь снова в Европе, в Монте-Карло. Он один сидит в опустевшем кафе. Перед ним бутылка поддельного коньяка «Наполеон»: *«Скрипач закончил играть. Все уже ушли. Я один. Я не досажую на себя за размышления о том, что принадлежит да-*

лекому прошлому... Очень скоро и мне придется уйти. Я повидал на своем веку столько войн, что потерял способность отличить “героизм” от “трусости”. Тот, кто пытается быть кем-то другим вместо того, чтобы идти через раскрытые двери — герой он или же трус? Уверен, что не знаю. Однако я знаю, что самые сильные переживания и самые увлекательные приключения в моей жизни казались мне поначалу такой рутинной, таким невезением.

Если я сейчас встану и пойду по улице к железнодорожной насыпи, я, несомненно, припомню многих других, кого уже нет, кого я провожал и встречал когда-то на вокзале Монте-Карло. Отца. Братъев. Сестру. Короля Эдуарда. Когда они были живы, я завидовал им. Теперь мне их жаль. Им так и не представилась возможность испытать то, что испытал я, и взглянуть на себя со стороны...

...Смеркается. Автомобили, проезжающие перед входом в казино, включают фары. У рулетки меня ждут знакомые, но я устал от прошлого, и мне претит встречаться с призраками казино. Это скверные, второсортные призраки. Они говорят с акцентом бессильной ненависти и мелочной жадности. В своих прежних инкарнациях они, наверное, были политиками. Их стоило давным-давно похоронить»⁹⁷.

В начале января 1933 года здоровье великого князя резко ухудшилось. Тогда он жил в маленьком городке Ментона на Лазурном Берегу. Там на вилле Сен-Терез в нескольких километрах от итальянской границы ждала его верная подруга по Киеву Ольга Васильева. «Если бы не она [великая княгиня Ольга. — А.Ш.] и не молодая сестра милосердия по фамилии Васильева, я был бы самым одиноким человеком в мире в критические дни войны», — вспоминал великий князь. Теперь она вышла замуж за капитана Николая Чирикова. Ольга и ее муж ухаживали за

больным. Приехавшая вскоре Ирина Юсупова не уходила от отца. 26 февраля 1933 года великий князь Александр Михайлович скончался.

Похороны великого князя были скромными. На них приехали зять Феликс Юсупов и сыновья Андрей, Федор и Дмитрий. Жены не было. Великая княгиня Ксения Александровна прожила еще 27 лет и умерла в апреле 1960 года в Англии. Однако согласно завещанию тело ее было перевезено во Францию на Лазурный Берег и погребено рядом с мужем.

Глава 16

ДЕТИ ОПАЛЬНОГО КНЯЗЯ

Княгиня Мария Павловна младшая стоит особняком от остальных членов семейства Романовых. Вся ее судьба, десятилетие за десятилетием, представляет собой причудливый и удивительный роман.

В детстве она и брат Дмитрий были отлучены от родного отца Павла Александровича и жили вместе с великим князем Сергеем Александровичем и его женой Елизаветой Федоровной.

До шести лет Мария Павловна не знала почти ни слова по-русски, поскольку в семье говорили по-английски, и няни детей были англичанками. Но когда пришло время заняться настоящим воспитанием, кто-то обратил внимание, что дети говорят на вульгарном английском, принятом у нянь, опуская звук «h» в начале слова.

Позже Мария Павловна часто жаловалась на полученное ею поверхностное и непродуманное образование, хотя детей и стали обучать более подобающему в царских гостиных английскому. Все учение Марии Павловны сводилось в основном к традиционному нравоучительному и религиозному чтению. Настоя-

щему же образованию почти не придавалось значения. Впоследствии княгиня резко оценила привычки и обычаи при европейских королевских дворах конца XIX века как «отупляющие и вздорные».

Первой гувернанткой Марии Павловны стала мадемуазель Элен, которая воспитывала ее двенадцать лет, до самого замужества. Гувернантка требовала от своей воспитанницы беспрекословного повиновения и настаивала, чтобы та признавалась ей во всех своих самых сокровенных мыслях.

До появления мадемуазель Элен существовала традиция: когда маленькие Мария и Дмитрий выходили погулять по петербургским набережным, кучер в роскошной ливрее оставлял повозку возле тротуара и шел за ними. Английским няням очень нравились эти помпезные прогулки, когда вокруг собиралась толпа и офицеры отдавали честь. Однако мадемуазель Элен положила этому конец.

В 1901 году наставником Дмитрия Павловича стал полковник Лайминг, поскольку мальчику была уготовлена военная карьера. Брат с сестрой стали часто бывать в доме у Лаймингов. Там они впервые столкнулись с нормальной семейной жизнью. Иногда по воскресеньям им разрешалось играть со специально приглашенными детьми из благородных семей, которым строго-настрога запрещалось обращаться к Марии и Дмитрию на «ты» и по имени.

Мария никогда не интересовалась куклами и другими забавами для девочек, зато вплоть до замужества охотно играла в оловянных солдатиков. О своем воспитании она говорила, что, хотя и была послушной, но относилась к поколению, в котором зрело зерно протеста.

Мария Павловна в своих мемуарах не без симпатии рисует портрет реакционного и всеми ненавидимого генерал-губернатора Москвы. Так же своеобразно

разно она рисует и портрет «очаровательной Эллы» — старшей сестры императрицы Александры Федоровны и супруги великого князя Сергея Александровича Елизаветы Федоровны, которую боготворили все мужчины семейства Романовых. Проявления нежности со стороны детей она холодно отталкивала. Когда они ее спрашивали о чем-нибудь, она резко отвечала, что это их не касается: идите играть и не суйте нос не в свое дело. Это каждый раз больно задевало маленькую Марию, которая боготворила тетю и могла бесконечно любоваться, как по утрам красавица великая княгиня медленно и обстоятельно одевается в окружении многочисленной челяди.

Что же представляла из себя «тетя Элла» — Елизавета Федоровна? Она была великой княгиней, немного занималась живописью, брала уроки пения, хотя никто никогда не слышал, чтобы она пела. Сергей Александрович и она встречались большей частью за едой, похоже было, что они избегают встречаться наедине, — хотя у них и была общая спальня с огромной кроватью. Видимо, за этим странным фасадом разыгрывалась настоящая викторианская супружеская драма. Бездеятельность великой княгини не улучшала ее положения. Впоследствии, найдя себе занятие по душе, она стала совсем другим человеком.

Как-то Николай II приехал в Москву на пасхальную службу и надумал прогуляться по стенам Кремля. Он взял с собой Марию и Дмитрия. Вскоре внизу собралась большая толпа, которая с криками восторга следила, как царь прогуливается по мощным стенам. По окончании прогулки вся компания должна была спуститься по лестнице внутри одной из башен, чтобы выйти на площадь Кремля и вернуться во дворец. Тогда огромная толпа народа ввалилась в Кремль, чтобы приветствовать императора.

Марию и Дмитрия оттеснили и чуть не затоптали, на Марии разорвали жакет и истолкали до синяков. И все же великий князь Сергей Александрович был доволен, что подопечные ему москвичи столь живо проявили любовь к своему государю. Так же оценили происшествие и другие. Однако у детей остались неприятные воспоминания об этом пасхальном дне, когда идиллическая прогулка сменилась непосредственным столкновением с русским народом, безотчетным и свирепым как в проявлении преданности, так и во всем остальном.

Лето 1904 года Мария и Дмитрий провели в имении великого князя Сергея Александровича в Ильинском. Это красивейшее место Подмосковья на берегу Москвы-реки. В середине XVII века там находилась усадьба боярина Стрешнева, затем ей владели Остерманы, Голицыны, а с 1864 года она принадлежала царской семье.

Мария Павловна вспоминала: *«Вернувшись в Москву, мы оказались накануне того, что историки теперь называют революцией 1905 года. Забастовки и студенческие демонстрации, которые в ту пору происходили по России, в Москве были особенно массовыми.»*

Дядя Сергей не был согласен с правительством по этому вопросу. Он считал, что только крайне строгие меры могут положить конец революционному брожению. В Петербурге не решались принять такую политику, отделялись отговорками и отсрочками. Подобное поведение казалось ему недопустимым.

Однажды вечером, когда я и Дмитрий пришли, чтобы он почитал нам, мы нашли его в большом волнении. Он рассказывал по комнате, не произнося ни слова. Мы тоже молчали, боясь спросить его. Наконец он заговорил.

В словах, которые ему казались непонятными для нас, он обрисовал политическую ситуацию, а потом объявил, что подал императору прошение об отставке [с должности генерал-губернатора. — А.Ш.] и тот принял ее.

К этому он добавил, что у него нет намерения покидать Москву, он оставляет за собой командование ее военными силами.

Перед тем как отпустить нас, он с достоинством и волнением высказал свое глубокое сожаление о состоянии дел в России, отметив необходимость серьезных мер и преступную слабость министров и советников императора»⁹⁸.

Великий князь в беспокойстве менял места жительства. Вначале он переехал из роскошного генерал-губернаторского дворца на Тверской улице во дворец, расположенный в Нескучном саду на окраине Москвы между Крымским мостом и Воробьевыми горами. Дворец был хорошо огорожен, и его легко было охранять. На конном дворе дворца разместился кавалерийский эскадрон, охрана была усилена. Город находился в возбужденном состоянии. В любой момент ждали общего восстания, последствия которого трудно было предугадать. Не было уверенности в преданности московского гарнизона, в некоторых полках уже шло революционное брожение.

Как-то январским вечером, когда Мария и Дмитрий уже легли спать, их разбудили по приказу Сергея Александровича и велели быстро одеться, так как возникла необходимость как можно быстрее покинуть Нескучный дворец. Дядя Сергей ничего не объяснил, лишь коротко сказал: «Мы переезжаем в Кремль».

У дверей дворца уже ожидала карета, запряженная четверкой лошадей. Сергей Александрович

с Елизаветой Федоровной, Марией и Дмитрием сели в нее, и лошади помчались во весь опор. Занавески в карете были опущены, и дети не видели того, что происходит. Взрослые молчали, а дети не осмеливались их спрашивать. Дети хорошо знали дорогу до Кремля, и хотя ничего не видели, понимали, что едут туда окольным путем. За великокняжеской каретой мчался гвардейский эскорт.

«Я не испытывала страха, — вспоминала об этой скачке в ночи Мария Павловна. — Возбуждение и любопытство не оставляло места для других чувств. Мы благополучно доехали до Кремля, кучер более спокойной иноходью провез нас под аркой ворот в Николаевский дворец. Несколько заспанных слуг ожидали нас, двери распахнулись, и мы вошли. Я никогда еще не была в этом дворце, который использовался только для размещения иностранных принцев во время дворцовых церемоний, и уж никак не предполагала, что мне предстоит жить здесь до своего замужества».

Великокняжеская чета и дети разместились в гостиной первого этажа, ожидая прибытия лиц, которые следовали за ними. Вскоре прибыли гувернантка, фрейлина, адъютант и слуги, которые привезли необходимые для ночлега вещи.

После чая прибывшие довольно комфортно разместились по комнатам в импровизированных постелях, укрывшись горой шерстяных одеял. Дети так и не узнали, чем вызван этот поспешный отъезд из Нескучного дворца, но на следующий день им сказали, что их пребывание в Кремле временное и, как только позволят обстоятельства, все вернутся обратно. Дети прекрасно понимали, что в сложившейся обстановке Кремлевские стены — гораздо лучшая защита, чем забор Нескучного сада.

Однако дни шли за днями, но семейство великого

князя Сергея Александровича не возвращалось в Нескучный дворец.

Москва была охвачена беспорядками, а за стенами Кремля шла спокойная жизнь. Сергей Александрович и Елизавета Федоровна редко выезжали из Кремля, а дома принимали только самых близких друзей.

И вот в середине февраля все семейство выехало в Большой театр на благотворительный спектакль. Поездка прошла благополучно, и только потом все узнали, как близко они были от смерти. Группа террористов, следившая за передвижениями Сергея Александровича, была предупреждена об этом выезде, им был известен маршрут. Один из террористов, вооруженный бомбами, занял позицию и был готов бросить бомбы по сигналу сообщника. Но сообщнику стало известно, что в карете вместе с великим князем едут дети — Мария и Дмитрий, и у него не хватило духу, чтобы подать условный знак. Спустя много лет Мария Павловна узнала имя этого человека, спасшего их жизни. Это был Борис Савинков, сыгравший видную роль в революции 1917 года.

А спектакль в тот день был великолепный. Пел Шаляпин, находившийся уже в зените славы. Зал сиял драгоценностями и парадными нарядами, и никто не ведал о катастрофе, которой удалось только что избежать.

Сергей Александрович ежедневно в одно и то же время отправлялся в закрытой карете в дом генерал-губернатора наблюдать за передачей дел, относившихся к кругу его обязанностей. 18 февраля 1905 года, как обычно, он настоял, чтобы ехать одному. Поцеловав детей на прощание, он сел в карету, а Мария пошла на урок. *«Но мысли мои, — вспоминает этот день Мария Павловна, — были далеки от изучения предмета. Как только очаровательный старый господин, который преподавал мне математи-*

ку, начал свои объяснения, я стала думать о мандолине, которую хотела попросить у дяди, и о том, что он может мне отказать.

Так и вижу эту картину: учитель рассказывает, я пытаюсь сосредоточиться, фрейлейн Хазе, моя учительница немецкого языка, читает в углу книгу. Окна классной комнаты выходят в большой сквер, из них видна колокольня Ивана Великого.

Прекрасный зимний день клонился к концу, все было спокойно, городской шум доходил сюда заглушенный снегом. Внезапно страшный взрыв потряс воздух, стекла в рамах задребезжали.

Последовавшая за тем тишина была такой гнетущей, что мы замерли на месте. Фрейлейн Хазе первой пришла в себя и бросилась к окну. Я и старый учитель последовали за ней. В голове у меня лихорадочно проносились разные мысли.

Рухнула одна из старых башен Кремля?.. Под тяжестью снега проломилась крыша? А дядя... где он? Из соседней комнаты вбежал Дмитрий. Мы посмотрели друг на друга, не осмеливаясь высказать свои предположения».

Испуганная толпа металась вокруг колокольни. По скверу оттуда бежали люди. В комнату вошел слуга и на вопрос Марии, уехал ли дядя, уклончиво ответил, что дядя вроде бы еще дома.

Сквер все больше заполнялся людьми. В направлении, противоположном течению толпы, ехали двое саней, в которых сидели мужчины в простой одежде и полицейские. Они были с непокрытыми головами, одежда в беспорядке, маленькой Марии даже показалось, что она видит кровь на их руках и лицах. Из окна она видела, что толпа осыпает их бранью, готовая растерзать.

В этот момент сани великой княгини Елизаветы Федоровны, ожидавшие ее внизу, чтобы отвезти на

склад Красного Креста, подъехали ближе к ступеням. Великая княгиня выбежала из дома в наброшенном на плечи манто. За ней бежала мадемуазель Элен в мужском пальто. Обе были без шляп. Они сели в сани, которые тут же рванули с места и пропали из виду за углом сквера.

«Произошло что-то ужасное. Сквер был черен от народа. Но никто не пришел к нам с вестью, которую мы боялись услышать, хотя уже больше не сомневались в случившемся, — вспоминает Мария Павловна. — Наконец мы увидели медленно едущие назад сани тети, которые с трудом пробивались через собравшуюся перед домом толпу. Тети Эллы в них не было, только мадемуазель Элен. Она вылезла из саней и шла, с трудом передвигая ноги и ни на кого не глядя.

Толпа пришла в движение, словно издавдалека увидела нечто следующее за санями. Несколькими минутами позже гувернантка вошла в комнату. Ее обычно румяное лицо было смертельно бледным, губы посинели, она с трудом дышала, на нее было страшно смотреть. Мы бросились к ней и прижались, ни о чем не спрашивая. Бедная женщина не могла произнести ни слова, она, дрожа, обнимала нас, и только нечленораздельные звуки срывались с ее губ. Но в конце концов ей удалось дать нам понять, что мы должны надеть пальто и следовать за ней»⁹⁹.

Когда дети оделись, в комнату вбежал запыхавшийся генерал Лейминг и сказал мадемуазель Элен: «Великая княгиня не хочет, чтобы дети были там. Она послала меня вперед предупредить. Она даже не хочет, чтобы они стояли у окна».

Дети поспешно отошли от окна, но, напуганные, не решались уйти в другую комнату. Через какое-то время детям сообщили, что их дядя убит, разорван бомбой, когда направлялся в дом генерал-губернатора.

Последним с Сергеем Александровичем разговаривал генерал Лейминг. После завтрака он попросил великого князя уделить ему несколько минут, чтобы поговорить о мандолине для Марии и получить разрешение ее купить.

«Тетя Элла, как мы видели, спешила к трупу на снегу, — пишет об этом страшном дне Мария Павловна. — Она собрала части тела мужа и положила их на армейские носилки, которые спешно доставили с ее склада».

Затем солдаты из казармы напротив покрыли тело своими шинелями, подняли носилки на плечи, принесли в Чудов монастырь, примыкавший к Николаевскому дворцу. И только после этого великая княгиня разрешила привести детей. По маленькому коридору они дошли до двери, ведущей в монастырь. Церковь была заполнена людьми, все стояли на коленях, многие плакали. У ступеней алтаря прямо на камнях лежали носилки. Они казались почти пустыми, то, что прикрывали шинели, было лишь небольшой кучкой. С одного края из-под покрывала высовывался сапог. Капли крови медленно капали на пол, образуя маленькую темную лужицу.

Великая княгиня на коленях стояла около носилок. Ее светлое платье выглядело нелепо среди скромной одежды окружавших ее людей. Священник вел службу испуганным дрожащим голосом. Хора не было. Священнику подавали молящиеся, у многих в руках горели свечи.

Когда служба закончилась и все поднялись с колен, Мария увидела подходившую к ним великую княгиню. *«Лицо ее было белым и словно окаменевшим. Она не плакала, но в глазах было столько страдания; этого своего впечатления я не забуду, пока жива. Со временем ее лицо утратило то напряженно застывшее, отрешенное выражение,*

но в глубине глаз навсегда затаилась безысходная боль», — много лет спустя писала Мария Павловна.

Великая княгиня Елизавета Федоровна медленно шла к двери, опираясь на руку московского губернатора. Увидев детей, она со словами «Он так любил вас, так любил», прижала их к себе. Дети медленно повели ее по ступеням в коридор, чтобы укрыть от взглядов любопытных. Тут Мария заметила, что низ правого рукава ее нарядного голубого платья запачкан кровью. Кровь была и на руке, и под ногтями. Она крепко сжимала пальцами знаки отличия, которые ее покойный супруг всегда носил.

Мария и Дмитрий отвели ее в комнату, где она обессиленно рухнула в кресло и долго молча сидела с отсутствующим взглядом. Через некоторое время она вскочила и потребовала себе бумагу, чтобы написать телеграммы всей семье, начиная с императора.

Марии Павловне запомнилось, что «выражение ее лица при том оставалось тем же. Она вставала, ходила по комнате, снова садилась за стол. Люди приходили и уходили. Она смотрела на них, но, казалось, никого не видела».

По дворцу все старались ходить бесшумно. Стеннело, но свет не зажигали. Сумерки заполняли комнаты.

Великого князя Сергея Александровича похоронили утром 23 февраля. Его братья, невестки и вдовствующая императрица Мария Федоровна пожелали приехать в Москву, но в последний момент решили не рисковать. Они боялись беспорядков. Забастовки вспыхивали одна за другой во всех крупных промышленных центрах. Так что любое собрание членов августейшего семейства могло спровоцировать эксцессы.

В Москву на похороны прибыли кузен Сергея Александровича великий князь Константин Кон-

стантинович, герцогиня Саксен-Кобургская с дочерью Беатрис и эрцгерцог Гессенский с женой.

Великий князь Павел Александрович, отец Марии, живший в то время в Париже, попросил у Николая II разрешение приехать, что и было ему позволено. Мария и Дмитрий поехали встречать его на вокзал. Завидев отца, они бросились к нему с рыданиями, к которым примешивалась большая радость снова видеть его.

Великая княгиня Елизавета Федоровна решила построить часовню в склепе Чудова монастыря для погребения останков мужа. Пока шло строительство, она получила разрешение поместить гроб в одну из монастырских церквей. Погребение происходило с большой торжественностью. Офицеры с обнаженными палашами и часовые стояли в карауле вокруг катафалка. Архиепископ и высшее московское духовенство отслужили панихиду.

Несмотря на траур, великая княгиня с Марией и Дмитрием в начале лета переехали в Ильинское. *«Мы неплохо проводили время, — вспоминает Мария Павловна. — Но лучше бы там не было солдат, которым поручили охранять нас, и нового автомобиля, купленного на случай, если нам придется спасаться бегством».*

Дети каждый день ездили верхом. У них появились товарищи по играм, вместе с которыми они бегали, пели и ходили на репетиции хора. Образ жизни изменился. Даже великая княгиня взбодрилась и всю проявляла инициативу.

После гибели мужа отношение Елизаветы Федоровны к детям изменилось в лучшую сторону. Мария Павловна пишет, что *«тетя Элла стала гораздо более терпимой по отношению к нам и многое нам прощала, а потому у нас установились довольно доверительные отношения. И все же я никогда не была*

с ней искренней. Я чувствовала, что мы не сходимся с ней во взглядах. Я восхищалась ею, но не хотела быть на нее похожей. Мне казалось, что она отгораживается от жизни, а я хотела глубже узнать ее.

Ей не нравились мои манеры; она считала, что современным девушкам недостает той застенчивой робости, которая главным образом и придает очарование юным особам. По ее убеждению, меня следовало воспитывать так же, как это было принято во времена ее детства и юности. Она никак не хотела понять, что с той поры минуло много лет и мы принадлежим к разным поколениям.

Я внешне подчинялась ее требованиям, выполняла ее пожелания, но в душе подсмеивалась над всем этим.

Даже в стиле одежды мне приходилось следовать ее вкусам. Когда мне еще не было пятнадцати, она заставила меня носить высокую прическу, как у австрийской эрцгерцогини времен ее молодости: волосы зачесаны назад, а длинная пепельная коса узлом уложена на затылке»¹⁰⁰.

Мария в детстве отличалась некоторой неповоротливостью, и великая княгиня Елизавета Федоровна считала, что ей недостает грации. Дмитрий же наоборот всегда был хорошо сложен, строен, изящен в движениях и более весел и жизнерадостен, чем его сестра. Поэтому великая княгиня была более благосклонна к нему, чем к Марии. К тому же он был озорным и драчливым, а Мария — не по возрасту задумчивой, и тетя с укором поглядывала на нее.

«Я действительно уже вышла из детства, — пишет Мария Павловна о том времени. — Я наблюдала и подмечала все, что происходило вокруг, пыталась самостоятельно разобраться в сумятице своих мыслей и еще не вполне сформировавшихся представлений. Тетя боролась с этой моей склонностью, как

и прежде дядя; он часто твердил нам, что для него мы всегда будем оставаться детьми. Тетя следовала тому же принципу. Она никогда не говорила с нами о семейных делах или о политике, не делилась своими планами и замыслами. Мы всегда о всем узнавали последними, обычно из разговоров окружавших нас лиц. Когда она наконец решалась посвятить нас во что-либо и выяснялось, что мы уже в курсе этого, она бывала очень недовольна.

Неведение, в котором она держала нас, было частью ее воспитательной системы, но такое положение раздражало нас, подогревало наше любопытство, учило изворотливости. Мы очень хорошо знали, как угодить ей, а потому делали вид, что нам ничего не известно. Это позволяло поддерживать хорошие отношения, а ей было гарантировано спокойствие. Кроме того, нас забавляло, что, отправляя нас спать в девять вечера, она тешила себя мыслью, что мы так и будем оставаться розовощекими детьми, игривыми и простодушными».

Осенью 1905 года брат с сестрой переехали в Кремль в Николаевский дворец. Однако после опубликования царского манифеста от 17 октября в Москве усилилось революционное движение. Перестали работать почта, телеграф и телефон, а Николаевский дворец освещался лишь потому, что в Кремле была своя электростанция. Однако провизии и воды не доставало даже в Кремле. Теперь ворота Кремля были наглухо закрыты. Пройти можно было только днем, да и то по специальным пропускам. По вечерам в Кремле не зажигали освещения, в том числе и люстры в Николаевском дворце, а все лампы в комнатах ставили под столы, чтобы снаружи свет не был виден.

Поэтому при первой же возможности дети и Елизавета Федоровна переехали в Царское Село. Снача-

ла они жили в Александровском дворце вместе с царской семьей, а потом переехали в боковое помещение Большого Екатерининского дворца. Весной 1906 года Марии исполнилось 16 лет, она была признана совершеннолетней и отправилась на первый бал в своей жизни.

«Это было большим событием, — вспоминает Мария Павловна о своем первом бале. — Я стала готовиться к нему задолго. Тетя сама занялась моим туалетом. Она приготовила для меня платье. Оно было из полупрозрачной вуали на розовом чехле. К нему я прикрепила букетик ландышей. Помню, что втайне я считала это платье слишком тяжелым и не очень подходящим для первого бала, я бы предпочла простой белый шелк, но тетю не интересовало мое мнение.

Брат сопровождал меня. Он был одет в морскую форму младшего офицера. Император и императрица повели нас на празднества, которые начались в шесть вечера и продолжались до часу ночи. Сначала был обед, потом — ужин.

Вечер длился долго, очень долго, но мне показалось, что он пролетел быстро, ведь было так весело! Домой мы вернулись с мадемуазель Элен и генералом Леймингом. Я чувствовала себя усталой, подол платья изорван, прическа совсем растрепалась, но цветы и ленты котильона, перевязанные вокруг рук, были реальными доказательствами моего успеха».

Однажды Марии попала телеграмма за подписью принцессы Ирены, жены прусского принца Генриха, сестры Елизаветы Федоровны. В ней говорилось, что шведская кронпринцесса хочет видеть последние фотографии Марии, и они должны быть незамедлительно доставлены в Стокгольм. Шестнадцатилетняя девушка быстро смекнула, что речь идет о ее замужестве с принцем Вильгельмом, вто-

рым сыном кронпринца Густава и Виктории Баденской, подруги детства тети Эллы.

И вот состоялась встреча с принцем. Об этом событии пусть расскажет сама Мария Павловна: *«В четьре, как было назначено, я без всякого воодушевления спустилась в гостиную и нашла тетю Эллу одну. Наполняя чайник для заварки, она, избегая моего взгляда, заметила, как бы между прочим, что гостем будет юный шведский принц Вильгельм, второй сын ее подруги детства кронпринцессы Швеции. Он путешествует инкогнито, сказала она, чтобы посмотреть страну.*

Я усмехнулась про себя. Ее сообщение не взволновало меня, и когда через несколько минут двери открылись и вошел юный принц, я взглянула на него с холодным любопытством.

У него была привлекательная внешность, он даже был изящен, красивые серые глаза опущены густыми ресницами. Он был несколько узкоплеч и, казалось, слегка сутулился. Мы уселись за стол и вели светскую беседу. В основном говорили тетя и принц. Поскольку ко мне никто не обращался, я сидела молча...

На следующее утро тетя Элла позвала меня в свою гостиную. Я поцеловала ей руку и ждала, что она скажет; мы сидели напротив друг друга.

“Послушай, — начала она, глядя мимо меня и нервно комкая в руке носовой платок с черной каймой, — мне надо серьезно поговорить с тобой, и я хочу, чтобы ты хорошенько подумала, прежде чем ответить”.

Ее лицо покраснело от сдерживаемого волнения, и она с трудом подбирала слова.

“Принц Вильгельм приехал, чтобы познакомиться с тобой. Ты ему понравилась, и он хочет знать, согласишься бы ты выйти за него замуж...”

Я испытала состояние шока. Хотя я была воспитана с представлением о том, что вынуждена буду выйти замуж из соображений политики, я никак не ожидала такой внезапности...

“Но, тетюшка, — с трудом выговорила я, — я ведь совсем его не знаю. Он только что приехал. Как я могу дать вам ответ”»¹⁰¹.

В конце концов тетя Элла уломала девушку. Наш любимый Скотт написал по сему поводу: *«Разумеется, с политической точки зрения для Петербурга это был блестящий ход — наконец-то породниться с королевским домом Швеции, страны хоть и небольшой, но расположенной близко к России и обладающей сравнительно сильной армией, что делало ее немаловажным фактором на политической арене»¹⁰².*

Типичный взгляд со шведской точки зрения. Шведская армия была хороша лишь для обороны страны. Принц Вильгельм мог наследовать престол лишь после смерти своего деда Оскара II, своего отца Густава и своего старшего брата Густава. Вероятность всего этого была крайне невелика, и действительно, Вильгельм так и умер в 1965 году в чине принца.

Породистость шведской династии была весьма относительна. На момент помолвки королем был Оскар II, дед которого и основатель династии Карл XIV Юхан в молодые годы был гасконским конюхом и звался Жаном Батистом Бернадотом. Он пошел во французскую армию и быстро сделал карьеру. Женат он был на дочери марсельского лавочника Эжени Дезире Клари. Правда, у нее было одно преимущество — до свадьбы Эжени имела роман с генералом Бонапартом. Вот от этой славной парочки и пошла династия шведских королей.

Свадьба Марии и Вильгельма состоялась 20 апреля 1908 года в Екатерининском дворце в Царском

Селе. К этому времени Оскар II умер, и на бракосочетание Густав V Адольф прибыл в двух ипостасях — отца жениха и короля Швеции. Венчание происходило дважды: первый раз по православному, а второй раз — по лютеранскому обряду.

Затем молодые отправились в Швецию. Их прибытие в Стокгольм было обставлено очень торжественно. Новобрачные прибыли на военном корабле. Весь город был украшен шведскими и русскими флагами. По городу молодых провезли кортежем в сопровождении шведской гвардейской кавалерии в голубых формах и блестящих шлемах, с военной музыкой и национальными гимнами в портале королевского дворца. На Марии Павловне было боа шведских цветов — синее с желтым, которое она заказала в Париже.

Стаффан Скотт пишет: *«Мария Павловна, а ныне шведская принцесса Мария и герцогиня Сёдерманландская, прославилась своими проказами. В герцогском дворце Оук Хилл на острове Юргорден в центральном Стокгольме, дворце, построенном специально для молодой четы, она скатывалась с лестницы на серебряном подносе»*¹⁰³.

Мария Павловна попросила мужа научить ее управлять яхтой средних размеров и с большим удовольствием простаивала у руля целые часы.

Поздней осенью 1908 года Мария узнала о своей беременности. Муж покинул ее и увлекся службой на корабле — он был офицером шведского военно-морского флота. *«Праздность и одиночество угнетали меня, — вспоминает Мария Павловна. — Я занималась вышиванием, пыталась читать, но, поскольку образование мое было весьма поверхностным, из чтения я ничего не извлекала. Я не была приучена к серьезным книгам и систематическому изучению выбранной темы».*

8 мая 1909 года у Марии родился сын Леннарт, которому король присвоил титул графа Бернадота.

Скарედные шведы оставили русскую княгиню без денег. Мария Павловна пишет, что *«по условиям брачного контракта я должна была нести все расходы по ведению нашего домашнего хозяйства; я не хотела трогать свой капитал, но пришлось, в определенной степени существенно помог отец, который сделал мне ценный рождественский подарок...»*

Наше положение обязывало жить нас на широкую ногу, и все мои деньги шли на хозяйственные нужды, так что на личные расходы у меня практически ничего не оставалось. Я никогда не могла, к примеру, приехав в Париж, покупать платья в лучших домах моды. Я покупала готовую одежду в магазине “Галери Лафайет” и носила готовую обувь».

В чопорной Швеции Марии Павловне было отчаянно скучно, и, воспользовавшись отсутствием контроля, к которому она привыкла в России, она развлекалась, как могла. *«Живой темперамент не позволял мне долго выдерживать придворный этикет, и это его [короля Густава VI] забавляло, — вспоминает Мария Павловна. — С ним я всегда чувствовала себя свободно. Мы испытывали друг к другу полное доверие. Иногда он брал меня на охоту на оленей, никто из женщин, кроме меня, в этом не участвовал. Во время поездок на поезде в его вагоне я играла в бридж с седобородыми пожилыми мужчинами и радовалась даже небольшому выигрышу. Зимой я входила в круг лиц, которые ежедневно играли с ним в теннис на замечательных закрытых кортах Стокгольма...»*

В другой раз я его [короля] пригласила прокатиться в моей двухколесной коляске, запряженной американской рысистой лошастью, очень быстрой, но трудно управляемой, особенно в условиях города. На главной улице она понесла, закусив удила, и мас-

са народа имела возможность лицезреть своего короля в котелке набекрень и меня, утратившую свой величественный вид, пока мы оба неистово тянули вожжи, силясь остановить лошадь»¹⁰⁴.

В Стокгольме Мария Павловна, ко всеобщему недоумению, училась в Академии прикладных искусств. Она также играла в хоккей с мячом в команде кронпринцессы Мартагеты.

Сразу после замужества Марии ее брат Дмитрий поступил в Конную гвардию. После смерти великого князя Сергея Александровича Дмитрий получил от его вдовы Елизаветы Федоровны дворец на Невском проспекте, у самого Аничкова моста.

Зимой 1911/1912 года молодую чету — Марию и Вильгельма — отправили в длительное путешествие в надежде, что прохладные отношения супругов перерастут в более сердечные. Им поручили представлять Швецию на коронации сиамского короля. Но и путешествие не помогло. Наоборот, в Азии Мария Павловна была предоставлена сама себе. За ней не без успеха ухаживал охотник на диких зверей герцог Монпансье, а также сам король Сиама. Как далеко зашли посягательства сиамского короля — история от нас утаила, зато в объятиях французского герцога она поняла, как много потеряла в своем безрадостном браке, и по возвращении домой пропасть между супругами оказалась еще глубже.

Весной 1912 года в Стокгольме проходили Олимпийские игры. В составе русской команды был и великий князь Дмитрий Павлович. Он приехал со своими лошадьми и конюхами и поселился у сестры на Дубовом холме. Когда начались игры, Мария и Дмитрий целые дни проводили на стадионе — прекрасном сооружении, выстроенном для Олимпиады. Русская команда, за исключением финских участников, никак не проявила себя ни в одном виде спор-

та, и офицеры, хотя все они были замечательными конниками, не завоевали ни одной награды.

Брат и сестра весело провели два месяца. Но вот Дмитрий уехал в Россию, а Вильгельм отправился в плавание на крейсере. Со скуки Мария уехала в Париж к отцу. Там она впервые высказала желание развестись с принцем. Но и отец, и мачеха Марию не поддержали. Полгода спустя она неожиданно получила помощь со стороны свекрови — шведской королевы Виктории.

К этому времени пятидесятилетняя королева проживала на Кипре. По прибытии невестки она познакомила ее со своим врачом Акселем Мунте. Тот быстро вник в ситуацию и предложил королеве написать письма мужу, что у Марии Павловны имеются явные симптомы почечной болезни и ей противопоказано жить в холодном климате.

С этого времени Мария всю холодную половину года проводила на Кипре, где для нее сняли виллу. Ну а с Кипра княгиня систематически наведывалась в Неаполь, Рим, Карлсруэ, Мюнхен и т. д.

Сын Леннарт остался в Швеции, но «княгиню-сорвиголову» это не особенно огорчало.

В 1913 году Мария Павловна отправилась на торжества по случаю 300-летия правления династии Романовых. В Кремле ее встретил брат Дмитрий. *«Он служил в конно-гвардейском полку в Петербурге и вел довольно независимую жизнь. Я была поражена, увидев его таким повзрослевшим, таким уверенным в себе в том же самом дворце, где всего несколько лет назад он носился в синей фланелевой блузе. Теперь это был лихой офицер, гонящийся по извилистым московским улицам на автомобиле в сто лошадиных сил»*¹⁰⁵.

В декабре 1913 года шведский двор официально объявил о расторжении брака Марии и Вильгельма.

Принц Вильгельм вторично так и не женился, но позже сожительствовал с француженкой Жанной Трамкур. Он стал поэтом рода Бернадотов — вполне профессионально писал стихи и путевые заметки. Сын Леннарт остался жить в Швеции.

Конец 1913-го — начало 1914 года Мария Павловна провела в путешествиях: Берлин, Париж... В марте она отправилась на лечение в Италию, а оттуда в Грецию. В Греции, родной стране ее матери, она раньше никогда не бывала, и Марию приятно удивило, как много людей помнят и любят ее мать. Мария посетила остров Корфу, где родилась ее мать.

В апреле 1913 года Мария Павловна на яхте, принадлежавшей русскому военно-морскому флоту, отплыла в Крым, задержавшись на два дня в Константинополе, по ее словам, *«самом замечательном городе, где я была»*.

Лето Мария Павловна провела в Царском Селе с тетей Эллой, а ее отец Павел Александрович с женой жили неподалеку, *«обживали только что построенный дом и были бесконечно счастливы — особенно мой отец — снова быть на родине. И тетя, и отец устраивали много званных обедов, приемов, пикников»*.

По поводу ее брака Николай II издал два указа — Сенату и Синоду, и 15 июля 1914 года она получила и русский документ о разводе.

Глава 17

«АВГУСТЕЙШИЙ УБИВЕЦ»

После объявления войны Мария Павловна осталась в России. 4 августа 1914 года Дмитрий Павлович вместе со своим полком уехал на фронт. Понятно, что под пушки и шрапнель начальство посылать

его и не думало, и великий князь большей частью околачивался в штабах, вне досягаемости огня германской полевой артиллерии.

Мария Павловна осталась в Царском Селе одна. Ей опять стало скучно, и она решила отправиться на войну сестрой милосердия. Но для этого надо было получить согласие императрицы Александры Федоровны, и Мария Павловна отправилась в Петергоф. *«К моему удивлению, императрица благосклонно отнеслась к этой просьбе, — пишет княгиня. — И я немедленно вернулась в Петербург, чтобы приступить к обучению. Поскольку еще не существовало курсов медицинских сестер при обществе Красного Креста, была достигнута договоренность, что я стану получать практические навыки в одной из городских больниц. Каждое утро я приходила туда, а вечером посещала лекции практикующих врачей. Так как я была единственной обучающейся, со мной занимались индивидуально, и я все быстро осваивала».*

И вот княгиня в униформе сестры милосердия едет в санитарном поезде в Восточную Пруссию.

Увы, немцы разгромили армию Самсонова, и, не пробыв и двух недель в прифронтовой полосе, Мария Павловна возвращается в Петербург. *«Я поняла, — пишет Мария Павловна, — как бы мне ни нравилась моя работа на фронте, мне там не место. Мое присутствие на передовой доставляло много беспокойства командованию и в решающие моменты отвлекало его от более важных дел. Мне очень не хотелось оставлять Дмитрия, но я понимала, что так будет лучше. Мое отделение Красного Креста устроило большой госпиталь в тылу, и меня назначили старшей медсестрой»¹⁰⁶.*

В 1915 году Дмитрий Павлович находился при Ставке Верховного главнокомандующего великого

князя Николая Николаевича. Когда Николай II решил сам стать главнокомандующим и сместить дядю, Дмитрий отправился в Царское Село и пытался уговорить царя от столь опрометчивого шага. Николай принял Дмитрия в своем кабинете. Они поиграли в бильярд, а затем состоялся трудный разговор. Император в основном молчал, и к концу разговора Дмитрий был уверен, что уговорил его. Царь не только не выразил неудовольствия, но и поблагодарил великого князя за преданность и откровенность. Прежде чем вернуться на половину императрицы, они молча обнялись. Рассказывая об этом эпизоде, Дмитрий говорил, что они никогда прежде не были так близки. В тот вечер он вышел из Александровского дворца с чувством радостного и глубокого удовлетворения.

А два дня спустя Николай II принял на себя командование армией. Дмитрий же, находившийся еще в Петрограде, узнал об этом из газет. Император назначил Дмитрия своим адъютантом. Но великий князь оставался в этой должности недолго.

В Москве проходил съезд земства и городских советов — организаций с множеством ответвлений. Съезд принял политическую резолюцию, в которой в достаточно деликатной форме говорилось о трудностях, которые испытывает Россия, и об отсутствии тесного контакта между правительством и народом. В ней подчеркивалась необходимость принятия срочных мер — прежде всего назначение кабинета министров, который будет пользоваться доверием народа, и новый созыв Думы.

Николай II написал резкую телеграмму, отказываясь принять делегацию с этой резолюцией. Он передал ее лично Дмитрию Павловичу и приказал отправить. Дмитрий же, зная содержание телеграммы, не отправил ее. Он понимал, что необоснованная

вспышка императора вызовет слишком серьезные последствия. Но на этот раз дерзость великого князя не прошла безнаказанно. Его вместе с адъютантом Дрентельном, с которым он советовался, на время перевели из Главного штаба.

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 года во дворце князя Ф.Ф. Юсупова был убит Григорий Распутин. Каноническая версия убийства Гришки подробно описана в воспоминаниях Феликса Юсупова и растиражирована в десятках книг, пьес и кинофильмов. Согласно его версии, сошлись три хороших человека — великий князь Дмитрий Павлович, внук Александра II; князь Ф.Ф. Юсупов, первый богач России, женатый на племяннице Николая II Ирине, и В.М. Пуришкевич, лидер крайне правых в Государственной думе, и решили избавить Россию от Распутина. К делу были привлечены два безмолвных статиста — доктор Лазоверт и поручик Сухотин.

Юсупову удалось ночью тайно заманить Распутина к себе во дворец, якобы для знакомства с женой Ириной. На самом же деле Ирина находилась в Крыму с матерью Феликса. Распутина Феликс повел в подвальную комнату, где был накрыт роскошный стол. Там хозяин угостил гостя пирожными, которые Лазоверт начинил цианистым калием. Запивал пирожные Распутин отравленной мадерой. Тем не менее, никаких последствий отравления заметно не было. Юсупову пришлось выстрелить из револьвера Распутину в сердце. Оставив Распутина лежать в подвале, Юсупов поднялся к остальным заговорщикам.

Юсупов писал в мемуарах: *«Выполняя наш план, Дмитрий, Сухотин и доктор должны были сделать вид, что увезли Распутина домой, на случай, если тайная полиция все же за нами следила. Для этого Сухотин должен был выдать себя за “старца”, на-*

дев его шубу, и уехать с Дмитрием и доктором в открытой машине Пуришкевича. Они должны были вернуться на Мойку в закрытой машине великого князя, чтобы забрать труп и увезти его на Петровский остров.

Мы с Пуришкевичем остались на Мойке. Ожидая возвращения друзей, говорили о будущем нашей родины, навсегда освобожденной от своего злого гения. Могли ли мы предвидеть, что те, кому смерть Распутина развяжет руки, не захотят или не сумеют использовать этот благоприятный момент? [Запомним последнюю фразу, она нам еще пригодится.]

Пока шел разговор, меня вдруг охватило смутное беспокойство, и неодолимая сила подтолкнула спуститься в подвал, где осталось тело...

Потом случилось невероятное. Внезапным и сильным движением Распутин вскочил на ноги, с пеной у рта. Он был ужасен. Дикий вопль раздался под сводами, его руки конвульсивно хватили воздух. Потом он бросился на меня; его пальцы пытались сжать мое горло, как клещи впивались в мои плечи. Его глаза вылезали из орбит, кровь текла изо рта. Низким и хриплым голосом Распутин все время звал меня по имени.

Ничто не может передать ужас, охвативший меня. Я старался освободиться из его объятий, но был как в тисках. Между нами началась кошмарная борьба»¹⁰⁷.

С трудом освободившись, Юсупов кинулся наверх по лестнице, зовя Пуришкевича. Распутину удалось выбежать во двор дворца, где его четыре выстрелами свалил Пуришкевич.

На выстрелы прибежал городской, он узнал князя и спросил: «Ваше сиятельство, здесь стреляли. Что случилось?» Юсупов ответил: «Ничего серьезного, глупость. У меня вечером было небольшое со-

брание; один из моих товарищей, немного перепил, забавлялся стрельбой и напрасно всех переполошил. Ничего не случилось, все в порядке».

Через какое-то время городской вернулся, и тут Пуришкевича прорвало:

— Ты слышал разговоры о Распутине? О том, кто замышлял гибель нашей родины, царя и солдат, твоих братьев. Тот самый, кто нас предавал немцам, слышал?

Городовой, не понимавший, чего от него хотят, молчал с тупым видом.

— А знаешь, кто я? — продолжал Пуришкевич. — Перед тобой Владимир Митрофанович Пуришкевич, член Думы. Выстрелы, которые ты слышал, убили Распутина. Если ты любишь родину и царя, ты сохранишь молчание.

Городовой ушел, сильно удивленный.

Вскоре великий князь Дмитрий Павлович, Сухотин и Лазоверт вернулись в закрытом автомобиле, чтобы увезти тело Распутина. Тело и шубу погрузили в машину, довели до Малой Невки и сбросили под лед. Позже, при вскрытии тела, обнаружилось, что легкие Распутина были заполнены водой, то есть смерть его наступила от утопления, а не от огнестрельных ран или отравления.

Вот такая-то версия и стала канонической. Благородные патриоты, морщась, по-дилетантски убивают злодея. Все сие очень красиво, но мало правдоподобно. Начнем с того, что благородные джентльмены надругались над подвыпившим Распутиным («опустили», говоря на блатном языке), а затем профессионально оскостили его. Об этом писал один из наиболее информированных наших историков Н.Н. Яковлев¹⁰⁸, видимо, единственный из всех допущенный к акту вскрытия Распутина. Кстати, сам этот акт до сих пор не опубликован.

Вряд ли подходила для приманки Распутина Ирина Юсупова, племянница Николая II. Царица лично следила за передвижением своих родственников, и Распутин мог легко узнать о пребывании Ирины в Крыму. Великий князь Николай Михайлович, французский посол Морис Палеолог и ряд других историков утверждают, что на вечеринке у Юсупова присутствовали две дамы.

Секретарь Распутина Арон Симанович писал¹⁰⁹: *«Дальнейшие подробности потом сообщила присутствовавшая при убийстве и тоже стрелявшая двоюродная сестра Юсупова.*

Участниками заговора были великий князь Дмитрий Павлович, оба сына великого князя Александра Михайловича (братья жены Юсупова) и Пуришкевич. Отец Юсупова и бывший министр внутренних дел Хвостов ожидали результатов убийства в другой части дворца. В убийстве Распутина принимали участие двоюродная сестра Юсупова и танцовщица Вера Коралли. Один из шуринов Юсупова находился спрятанным за портьерами в передней. При входе Распутина он выстрелил в него и попал ему в глаз. В упавшего Распутина стреляли уже все, только Вера Коралли отказалась и кричала: я не хочу стрелять».

Братья жены Юсупова — князья императорской крови Андрей и Федор, дети великого князя Александра Михайловича, правнуки императора Николая I. В своих воспоминаниях Ф.Ф. Юсупов выгораживает родственников, утверждая, что Федор был в ту ночь с 16-го на 17-е во дворце великого князя Александра Михайловича, хотя и знал о заговоре.

К сожалению, нам так никогда и не узнать всех деталей происшедшего в ночь с 16 на 17 декабря во дворце на Мойке. Если, конечно, не найдутся какие-либо секретные документы в архивах президента

и ФСБ. А пока остается констатировать, что самым красивым и «киношным» вариантом убийства была версия Юсупова, а самым логическим и простым вариантом — версия Симановича. В Распутина беспорядочно стреляли все. Не было никаких пирожных и мадеры с цианистым калием. А кто не верит, пусть сам попробует такое пирожное.

Но, думаю, важнее, не кто и сколько раз выстрелил в Распутина, а зачем в него стреляли? У власти по-прежнему оставался некомпетентный человек, доверявший только своей жене. А Александра была целиком в плену у «темных сил». Живы остались и Вырубова, и Симанович, и Рубинштейн, и прочие «темные силы». Ни Юсупов, ни Дмитрий Павлович не были такими дураками, чтобы не понимать этого. Наконец, родители Юсупова и старые великие князя Александр Михайлович и Павел Александрович были в курсе подготовки покушения. Они разве не понимали ситуацию? И ведь действительно, с убийством Распутина бардак в управлении страной не кончился и ничего не изменилось. Те, кому было выгодно, уже стали готовить царице новых «святых людей».

А что ждало самих участников убийства Распутина? Великий князь Николай Михайлович утверждал, что царица потребовала немедленного бессудного расстрела убийц Распутина, и лишь Протопопов уговорил ее дожидаться приезда Николая II. А пока по приказанию царицы генерал Максимович в нарушение всех законов арестовал Дмитрия Павловича и Ф.Ф. Юсупова во дворце великого князя. Убийцы Распутина знали, что им грозит смерть или, в лучшем случае, пожизненная ссылка в места не столь отдаленные.

Ссылка на Персидский фронт, возможно, спасла жизнь Дмитрию Павловичу. После Февральской

революции Временное правительство предложило великому князю вернуться в Петроград, но он благоразумно отказался. Летом 1917 года в русских частях в Персии начался развал. Дмитрий Павлович на всякий случай перебрался в Тегеран, где поселился у английского посла Марлинга. Там великий князь поступил на службу в Британские экспедиционные силы в Месопотамии и получил чин капитана.

Но вот война закончилась, и Дмитрий Павлович засобирался в Европу. Путь его лежал через Бомбей, и на корабле по дороге в Англию великий князь заболел тифом. За ним ухаживал его старый русский денщик. Добравшись, наконец, до Англии, Дмитрий Павлович оказался материально обеспеченным, так как его дворец в Петрограде на углу Невского проспекта и Фонтанки продали, а Временное правительство позволило вывезти капиталы столь популярного великого князя.

Тем не менее в Англии Дмитрий Павлович подал прошение о вступлении в королевскую конную гвардию, но получил отказ.

Тогда Дмитрий отправился в Берлин. Там он встретился с генерал-майором Василием Бискупским, с которым они вместе служили в лейб-гвардейском конном полку. Бискупский предложил Дмитрию стать... императором. Позже великий князь будет оправдываться, что он, мол, не хотел и т. д. Тем не менее в 1920 году первым претендентом на российский трон стал именно великий князь Дмитрий Павлович.

Об этом свидетельствуют не только эмигрантские мемуары, но и донесения агентов ОГПУ. Вот, к примеру, документ от 14 мая 1921 года: *«...крайняя правая часть безоговорочно признавала законным наследником русского престола В[еликого] кн[язя]*

Дм. Романова, тактикой своей избрала открытую проповедь восстановления монархического строя и дома Романовых в России, открытую борьбу со всеми инакомыслящими, до террора включительно в отношении наиболее независимых»¹¹⁰.

В качестве кандидата на русский престол Дмитрия хотели видеть вдовствующая императрица Мария Федоровна и великий князь Николай Николаевич. Однако вскоре авантюрист Бискупский «переменил лошадь» и сделал ставку на великого князя Кирилла Владимировича. В конце концов, и сам Дмитрий Павлович в 1924 году признал «царя Кириюху».

Мария Павловна вспоминала: *«Весной 1920 года, еще в Лондоне, сначала Дмитрий, а потом Путьятин купили себе мотоциклы с коляской. В Париже они обзавелись “Ситроеном”, Путьятин гонял на нем по улицам и за городом. К машине он относился как к скаковой лошади, выжимая из нее последние силы. Даже более капитальная машина вряд ли вынесла бы такое обращение, и через три-четыре месяца несчастный автомобиль приходил в негодность, он верещал и скрипел, как старая кофейная мельница. Убедившись, что к дальнейшей службе машина неспособна, он покупал новую и обращался с ней точно так же. С грехом пополам я привыкла к его езде, зато Дмитрий, нечасто позволявший себе это удовольствие, испытывал мучения, когда за руль брался Путьятин. Мы сидели сзади, нервно хватаясь за подушки, когда нас мотало из стороны в сторону, а машина летела себе, не разбирая дороги»¹¹¹.*

Однако Дмитрий Павлович скучал, кочевал с места на место и проживал сезоны в Париже, Лондоне, Монте-Карло, Ницце, Биаррице, Довиле и некоторых других местах, что, в конце концов, тоже надо-

едало. Первые годы эмиграции он еще занимался спортом и особенно любил игру в поло на лошадях, но после того, как однажды упал с лошади и повредил себе позвоночник, эту игру бросил. Затем он увлекся гоняньем голубей, суть которого заключалось в том, кто выше загонит своего голубя. Но и это великому князю вскоре наскучило. Сидеть дома тоже было скучно, и он таскался по барам, кабаре и ресторанам, иногда просиживая там часами за разговорами со случайными знакомыми. Самым трудным временем для Дмитрия была ночь, его мучила бессонница, и до трех-четырёх часов утра он не мог заснуть.

В Париже в 1923 году Дмитрий Павлович имел любовную связь с покупательницей продукции его сестры, королевой моды Коко Шанель. В Биаррице Дмитрий Павлович познакомился с красивой американкой, наследницей огромного состояния Одри Эмери. Она была младше великого князя на 12 лет. Дмитрий Павлович женился на Одри 1926 году, когда ей было 22 года, а ему 34. Свадьба состоялась 8 (21) октября в Биаррице. На ней присутствовали Мария Павловна, княгиня Палей, родственники невесты, одним из свидетелей на свадьбе был американский посол Херик.

Забавно, что Одри решила принять православие. По сему поводу Мария Павловна писала: *«Я даже не представляла, насколько это окажется трудным делом. Наши батюшки не знали английского языка, только некоторые кое-как говорили по-французски, и Одри не могла их понять. Наконец отыскался юный выученик Парижской православной семинарии, который, сказали мне, немного знал по-английски. Времени оставалось совсем мало, и я поручила ему наставлять Одри, даже не повидав его и не переговорив. Разумеется, я тоже должна была при-*

существовать на уроках, которые имели место у меня в конторе. Никогда не забуду первое занятие. Юный семинарист пришел в сопровождении священника. Оба сели рядышком против Одри, а она заняла мое место за столом. И оба заговорили одновременно — священник на плохоньком французском, а семинарист не очень внятно по-английски. Настроение было самое истовое. Посерьезневшая Одри озадаченно переводила взгляд с одного на другого, пытаясь понять смысл сказанного. Понять что-либо было трудно даже мне, а уж она, конечно, не поняла ни слова. Поверх их голов я порою ловила ее растерянный взгляд. Я недолго терпела эту пытку. Даваясь от смеха, я поспешила уйти, пока она не успела этого заметить».

Ну, так или иначе, а Одри получила православное имя Анна. Император Кирилл расщедрился и дал ей титул светлейшей княгини Ильинской. Ильинское — деревня под Москвой, где в имение родителей родился великий князь Дмитрий Павлович.

После свадьбы молодые уехали в Англию.

Мария Павловна тяжело переживала женитьбу Дмитрия: *«После женитьбы брата я долго чувствовала себя совершенно потерянной, словно лишилась чего-то жизненно важного в себе самой. Не скажу, чтобы это было чувство одиночества, потому что я привыкла подолгу бывать в разлуке с ним; это была пустота, которую нечем было заполнить. В каком-то смысле я видела в нем своего сиамского близнеца, нераздельного со мною. Я нисколько не ревновала его к жене, просто я не могла осознать, что в их жизни я уже лицо постороннее и мое участие в ней скромно».*

Матильда Кшесинская писала о своей встрече с Дмитрием Павловичем и Одри: *«Мы познакомились с ней [Одри. — А.Ш.] вскоре после их свадьбы,*

состоявшейся в Монте-Карло, в “Отель де Пари”, где они в то время жили. На следующий сезон они сняли виллу в Каннах, и мы часто бывали у них на обедах. Они представляли собой такую красивую и гармоничную пару, что смотреть на них было одно удовольствие».

В 1927 году супруги переехали в Лондон. Там 28 января 1928 году у Дмитрия и Одри родился сын. В память о деде его назвали Павлом, а по-английски — Полом. Крестным отцом малыша стал князь Владимир Голицын, а крестной матерью — Мария Павловна. *«У Дмитрия родился сын, мальчик родился на чужбине. Россию он будет знать только по нашим воспоминаниям»*, — с сожалением пишет Мария Павловна.

На деньги жены Дмитрий купил древний замок «Бамениль» недалеко от французского города Дьепп. И замок, и окружающий его большой парк были удивительно красивы, но крайне запущены. Супруги пригласили архитектора и декоратора, которые вскоре предоставили проект реконструкции замка стоимостью в миллион долларов. Родители Эмери платить столько отказались. Дмитрию ничего не оставалось делать, как реконструировать небольшой дом привратника. Там он и жил с женой и сыном, а полуразрушенный замок так и остался предметом бахвальства княгини Ильинской.

Через несколько лет после рождения сына супруги фактически расстались. Формальный развод состоялся 6 декабря 1937 года, а через три месяца Эмери вышла замуж за грузинского князя Дмитрия Георгадзе. Что поделать, богатые янки так любили титулы, отсутствовавшие в «цитадели демократии».

Признав главенство «императора» Кирилла, Дмитрий Павлович не прекратил играть в политику. В 1932 году он вступил в партию младороссов.

Г.К. Граф писал: «...великий князь вошел в “Союз младороссов”, стал выступать на его собраниях, помещал статьи в “Бодрости”, устраивал совещания и съезды руководителей, давая средства на издание газеты, если их не хватало, и помогал самому Казем-Беку на жизнь и разъезды. Дмитрию Павловичу нравилась активность союза и что он вел борьбу против коммунизма и атаковывал “реакционные элементы эмиграции”. Эта работа увлекала великого князя, и он в ней участвовал более четырех лет. Теперь ему реже приходилось “убивать время”, и он чувствовал, что приносит пользу делу восстановления легитимной монархии, что, в конце концов, было делом династии»¹¹².

У младороссов Дмитрий Павлович руководил спортивным отделом и в 1935–1937 годах являлся председателем Главного совета Младоросской партии. На собрании 1-го района партии в младоросском доме в Париже 12 июня 1935 года он в своей речи заявил: «Большевиками был убит мой отец, мой двоюродный брат — наш Государь — и шестнадцать моих ближайших родственников. Но в нас нет чувства мести. Мы пойдем в Россию с открытой душой. Русское сердце все поймет и все простит». Речь он завершил кличем: «Ура Главе!» в честь фюрера синерубашечников Казем-Бека.

Осенью 1936 года Георгий Граф посетил замок «Бамениль» и провел у Дмитрия Павловича три или четыре дня. Вместе с Графом приехали Казем-Бек, Вильчковский, Оболенский и еще двое или трое из числа членов Высшего совета «Союза младороссов». Как только гости прибыли в «Бамениль», великий князь их сразу предупредил, что в светлое время суток он будет в здании замка, поскольку там нет искусственного освещения. В это время Дмитрий Павлович был занят прокладкой железнодорожных пу-

тей и электрификацией. Ему помогали двое его бывших сослуживцев по лейб-гвардейскому конному полку. Однако в остальное время великий князь был в полном распоряжении гостей.

Распорядок дня Дмитрия Павловича в «Бамениле» был следующий. Гости собирались к завтраку в 10 часов утра. Сам великий князь выходил только к 11 часам, быстро ел и торопился в замок, где его помощники уже давно работали. После завтрака гости шли гулять в парк. В полдень все должны были собираться в кабинете Дмитрия Павловича, и как только туда приходил сам хозяин (всегда очень пунктуально), то в кабинет подавалась первая легкая закуска, а в половине первого — вторая. Нагулявшись по парку, все ели с аппетитом и вели оживленные разговоры, но не на политические темы, а о чем придется — о красоте замка, о поездках или шутили друг с другом. Во время еды и за кофе разговоры также велись не политические, а шуточные, как это было принято в офицерских собраниях, что было правильным — чтобы не портить настроение и аппетит. В половине второго великий князь вставал и заявлял, что пора приниматься за работу в замке. Обычно он приглашал с собой Графа, «если ему не скучно». Графу скучно не было, наоборот, интересно.

По словам Графа, «занятия Дмитрия Павловича поездами были своего рода священнодействием. Никто не мог отрывать его от работы, и даже сын туда не допускался». Имея неплохой доход, великий князь мог себе позволить собрать редкую коллекцию моделей локомотивов, поездных составов и железнодорожного оборудования. Среди локомотивов были модели французские, английские, американские и немецкие. Дмитрий Павлович был членом английского и французского железнодорожных клу-

бов и через них узнавал обо всех новинках в этой области и выписывал их.

В двух огромных залах замка были расставлены длинные узкие деревянные столы, и по ним проложены рельсовые пути по всем правилам железнодорожной техники. Пространство между шпалами было засыпано желтым песком. Все пути были двухколейными и приводили к станциям с сигнальными стрелками, разъездными путями, водокачками и т. д. Станции освещались миниатюрными электрическими фонарями. Пути были проложены и по ровным местам, а где-то поднимались и спускались, проходили по виадукам и тоннелям. Все устройство было сделано аккуратно, прочно и красиво. Если на эти пути смотреть издали, то создавалась иллюзия настоящих путей с идущими по ним поездами. Это всегда вызывало восхищение гостей. Поскольку Дмитрий Павлович занимался электрификацией, то вдоль путей были установлены столбы-палочки, а между ними протягивалась прочная проволока.

Граф так описывал увлечение Дмитрия Павловича: *«Великий князь с увлечением и очень искусно работал сверлом, отвертками и острогубцами. Помощники были тут же и тоже работали напряженно и в полном молчании, только изредка слышались реплики и восклицания, если встречалось какое-либо затруднение. Перед окончанием работы великий князь продемонстрировал мне, как ходят его поезда и как он управляет ими из центрального пункта и зажигаются красные и зеленые огоньки семафора и опускаются шлагбаумы. Одновременно по путям ходило несколько составов по разным направлениям, они могли менять ход, останавливаться и переходить с одного пути на другой. Пассажирские составы освещались, и локомотивы*

имели фары, как настоящие. В полутемных залах это было замечательное зрелище. Дмитрий Павлович был чрезвычайно горд всем, им созданным. Он объяснял, что хотя это и забава, но на таких моделях можно изучать вообще движение поездов, причины столкновений и воспроизводить крушения. Этим и занимались железнодорожные клубы. Одним словом, это была полезная забава, и, хотя и дорогая, деньги вкладывались в нечто реальное, которое можно было реализовать»¹¹³.

Дмитрий Павлович с детства имел зачатки туберкулеза. В начале 1940 года состояние его здоровья сильно ухудшилось, и врачи положили его в горный санаторий для чахоточных в Давосе в Швейцарии. Однако умереть великому князю было суждено не от туберкулеза, а от уремии. Скончался Дмитрий Павлович 5 марта 1942 года. Из-за сильного снегопада, занесшего дороги, гроб с телом великого князя везли на саях, запряженных одной лошадью, а в похоронной процессии участвовало всего два человека.

После смерти княгини Марии Павловны в Констанце в Германии 13 декабря 1958 года ее сын Леннарт Бернадот похоронил ее в часовне своего замка «Майнау» на острове близ Констанцы, и по завещанию матери перезахоронил к ней ее брата Дмитрия, доставив его гроб из Швейцарии.

В эмиграции Дмитрия Павловича повсеместно преследовала тень убиенного Григория. В отличие от Юсупова, он никогда не рассказывал о том, что произошло в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года. Понятно, ему хотелось быть если не императором, то особой, приближенной к императору, а не знаменитым убийцей. Не исключено, что его тошнило от лживой версии Юсупова. Кроме того, Дмитрий боялся, что рано или поздно всплывут истинные подробности убийства Распутина.

Еще во время болезни отца сын Дмитрия Павловича Павел оказался всецело на попечении матери-американки. В 1940 году его увезли в США, где он получил американское гражданство под именем Пол Ильинский.

Пол Ильинский пошел служить в морскую пехоту и участвовал в Корейской войне, а после войны продолжил учебу в университете и получил степень бакалавра. Он оставался в запасе морской пехоты, постоянно возвращаясь на службу, и в конце концов дослужился до полковника.

Затем Ильинский решил посвятить свою жизнь фотографии и полгода работал практикантом в журнале «Лайф». Он переехал в Палм-Бич (штат Флорида) и стал там работать фотографом и фоторепортером, а потом стал работать в семейном предприятии. Затем Пол владел недвижимостью в Цинциннати (штат Огайо) и вернулся в Палм-Бич только в начале 1970-х годов. К 2000 году Пол Ильинский уже был на пенсии, но продолжал активно заниматься муниципальной политикой.

В 1949–1952 годах Пол Ильинский был женат на Мэри-Ивлин Пенс, а 1 октября 1952 года вторично женился на Анжелике Кауффман. По просьбе Пола она до брака приняла православие. Он нее Пол имеет четверых детей: Дмитрий родился в 1954 году, Паула — в 1956 году, Анна — в 1959 году и Майкл — 1960 году. Сейчас у него уже появилось много внуков.

Стаффан Скотт писал: *«Полковник Ильинский красноречиво и с восторгом рассказывает, что его могучий бородатый сын как две капли воды похож на предпоследнего царя Александра III.*

— Мои сыновья, конечно, отстоят еще на ступень дальше от русского наследия. Они живо интересуются нашим прошлым, но у них нет связей

с Европой. Да и у меня самого слишком много других дел»¹¹⁴.

Тем не менее создается впечатление, что бравый полковник и его американское потомство имеют определенные виды на русский престол.

Глава 18

БИЗНЕС-ЛЕДИ

Русская революция, как и половине «августейшего семейства», помогла Марии Павловне устроить свою личную жизнь. Володя Палей, ее сводный брат, познакомил ее с князем Сергеем Путятиным, сыном дворцового коменданта Царского Села. Мария Павловна пишет: *«Кто-то из наших друзей устраивал прием с катанием на санях по ночному парку, и мы с Путятиным оказались в одних санях. У нас начался легкий, необременительный роман, а неделю спустя, когда я вернулась в Псков, он удивил меня, появившись в госпитале по дороге в свой полк...*

Прошло много месяцев. Революция заставила меня искать убежище в относительном спокойствии Царского Села, он тоже нашел там укрытие, вынужденный уехать с фронта, где — из-за должности отца при дворе — его положение стало опасным. И теперь, когда мы оба стали, образно говоря, беженцами в Царском Селе, он часто навещал меня в доме моего отца. Наши отношения наладились, взаимная робость исчезла, и мы влеклись друг другом»¹¹⁵.

Тут хочется сделать два замечания. Во-первых, Путятины считают себя Рюриковичами и потомками князей Друцких. Родоначальник Путятиных Иван Семенович Путята известен с 1422 года, когда

великий князь литовский Витовт дал ему в имение деревню Слободку. Более древние предки Путятинных — Друцкие — явно «высосаны из пальца». Дело в том, что подлинных документов Галицко-Волынской Руси конца XIII — XIV веков практически не осталось. Кроме всего прочего, у литовцев вообще до XV века не было грамоты.

Любопытно другое — почему боевой офицер, да еще и князь, так долго отсиживался в тылу? Какая ему могла грозить опасность на фронте из-за отца весной 1917 года, то есть до Корниловского мятежа?

Одной из жертв большевиков считается Владимир Палей, но любопытно, что арестован он был еще летом 1917 года. Он написал «сатирические» стихи о Керенском. Кто-то положил оные стихи на стол Александру Федоровичу. Володю немедленно посадили.

В политике Мария Павловна разбиралась ужасно плохо, но какие-то вещи она схватывала точно, на уровне умного подростка.

6 сентября 1917 года в Петрограде состоялась свадьба Марии и Сергея. *«Большевистского переворота ждали каждую минуту, — вспоминает об этом времени княгиня. — Насколько я понимала, все были готовы радостно приветствовать его; никто больше не верил во Временное правительство. Керенский всем опротивел своими бесконечными речами, своей страстью к роскоши, своей позицией в отношении радикалов, своим лицемерием. Более того, никто не думал, что большевики смогут удержать бразды правления больше двух-трех месяцев; все считали, что их победа вызовет мощную реакцию, и тогда нам грозит диктатура.*

Пребывая в радужных иллюзиях, мы даже не предполагали, что нас ожидает, и не помышляли уехать из России. Да и как мы могли? На Западном

фронте все еще шла война; мы не могли бросить свою страну в военное время»¹¹⁶.

В октябре 1917 года Мария Павловна и Путятин решили забрать ее драгоценности, хранившиеся в Московском государственном банке. Там их и застала Октябрьская революция. Мария Павловна и наш храбрый офицер отсиделись в московском доме князей Юсуповых (самих хозяев дома не было). Затем Мария и Сергей вернулись в Петроград.

В июне 1918 года у Марии родился сын, названный Романом. В конце лета 1918 года супруги решили уехать на оккупированную немцами Украину. Вначале они надеялись на своего знакомого — бывшего кавалергарда, а ныне гетмана Скоропадского.

«Мы с двумя братьями уезжали первыми, — вспоминает Мария Павловна. — Старшие Путятинны должны были последовать за нами, как только мы прибудем в Киев и найдем жилье.

Мы решили не брать много багажа — лишь то, что можно нести в руках. Все вещи упаковали в три чемодана. Мои украшения, спрятанные в бутылки, начиненные драгоценностями пресс-папье и свечи отослали в Швейцарию, когда представилась такая возможность. Я продала несколько мелких украшений, чтобы обеспечить нас деньгами на поездку, и, кроме того, зашила в корсет и шляпку две или три броши. Мой дорожный костюм состоял из старого поношенного платья и дождевика. В последние годы Россия привыкла видеть меня в форме военной медсестры, и я надеялась, что в гражданской одежде меня никто не узнает.

В местном Совете мы получили разрешение на выезд и в последний момент решили попросить шведскую дипломатическую миссию выдать нам документ, подтверждающий мою личность, чтобы в случае необходимости предъявить его немцам.

Этот документ мы спрятали в куске мыла; таким же образом мы спрятали часть денег, а остальные рассовали по ручкам для перьев, изготовленным специально для этой цели. Все было готово»¹¹⁷.

Этот пассаж: «В последние годы Россия привыкла видеть меня в форме военной медсестры» — чисто императорский апломб.

С помощью германских офицеров супругам вместе с братом Сергея Алеком удалось добраться до Киева.

«Муж встретил на улице старую знакомую, которая пригласила нас к себе. В тот день я тоже всем восторгалась, как слепой, который неожиданно увидел свет. Все казалось новым и замечательным — парикмахерская, где мне помыли и завили волосы, дивная кондитерская, где я, как школьница, съела двенадцать пирожных сразу. Господи, какой чудесный был день!

Мы с вещами отправились в дом нашей знакомой. На следующий день, услышав, что есть возможность отправить посылку в Петроград, я купила мешок белой муки для отца. Потом я узнала, что отец его получил.

Началась нереальная, походная жизнь, в которой не было ни стабильности, ни настоящего мира. Немцы спасли Киев, но в то же время завоевали его. Украинское правительство издавало указы, принимало решения, однако все понимали, что само его существование зависит от немцев, которые использовали его в качестве посредника между жителями города и собой»¹¹⁸.

У Марии Павловны было очень хорошо развито чувство опасности, и она уговорила мужа уехать на юг — в Одессу. Алек Путятин остался в Киеве.

В первых числах ноября 1918 года Мария вновь почувствовала опасность и вместе с мужем бежала в Румынию. Тут интуиция не подвела княгиню: еще

через две недели рухнула Германская империя, и немецкие войска драпанули с Украины.

В Бухаресте Марию Павловну радушно встретили королева Мария и ее муж Фердинанд I. *«Прознав о скудности моего гардероба, королева поделилась со мной лишним, и ее личная портниха подогнала по моей фигуре длинноватые и широковатые платья, — пишет Мария Павловна. — Еще мне перепали туфли, чулки и белье. Совсем другой человек глядел на меня теперь из зеркала, я едва признавала его. Путятину досталось несколько костюмов от короля».*

В начале апреля 1919 года королева Мария решила отправиться в Париж и предложила чете Путятиных ехать вместе. Однако румынский кабинет министров запротестовал. Марию Павловну там почему-то считали великой русской княгиней, которой она никогда не была в России. Посему из соображений «высокой политики» Марии и Сергею пришлось добираться до Парижа отдельно.

В своих воспоминаниях, написанных в 1927 году, Мария Павловна куда более откровенна, чем другие Романовы. Вот что она пишет о своем первом посещении православного храма на улице Дарю: *«Я знала, что почти все присутствующие были русские, но знакомых лиц не увидела. Старый священник, крестивший моих сводных сестер и многие годы наш духовник, узнал меня и украдкой кивнул. В то время даже среди людей нашего круга царила подозрительность, и многие, как и мы изгнанники, не спешили узнавать нас. С годами это прошло, а тогда все было несообразно, люди стали другими. В самом парижском воздухе была разлита враждебность»*¹¹⁹.

В июне 1919 года Мария Павловна с супругом отправляется в Лондон, где их ждал великий князь

Дмитрий Павлович: *«С вокзала Дмитрий повез нас в “Ритц”, где жил по приезде в Лондон. Он существовал тогда на деньги от продажи в 1917 году своего дворца в Петрограде»*¹²⁰.

Весной 1920 года в Париже, куда вернулась Мария, ее посетил брат бывшего мужа кронпринц Густав (будущий король Густав VI) с супругой Маргаретой. Последние передали Марии Павловне ее драгоценности: *«А драгоценности — они прибыли в том же виде, в каком были вывезены из России: в тайниках, предназначенных сбить большевиков с толку, когда они нагрянули в наш петроградский дом. Мы довольно искусно спрятали их в чернильницы, пресс-папье, в свечи вместо фитиля. Хорошо, что получившие на руки эту чепуху шведы поверили сказанному — что это-де ценно для меня. Я же изумилась, обнаружив их. Не без труда мы извлекли их из тайников и поместили в банк. Мы почти бедствовали в то время, и на драгоценности была наша единственная надежда»*¹²¹.

Мария Павловна вместе с Путятиним занялась продажей драгоценностей. Увы, французские и британские ювелиры точно знали все сколько-нибудь ценные коллекции, и если они появлялись на продажу, то ювелиры, по общему сговору, не перебивали друг у друга цену, и самые прекрасные вещи уходили крайне дешево. В конце концов, Марии Павловне удалось продать свои драгоценности знакомым почти за бесценок.

Интуиция толкнула Марию Павловну распечатать письмо, адресованное мужу, чего она обычно не делала. Там была страшная весть о смерти ее младшего сына Романа, скончавшегося на руках у свекрови.

Вскоре Путятини съехались с Дмитрием Павловичем и сняли дом в Париже. Однако это не решило

финансовых проблем всех троих. Мария Павловна вспоминала: *«Я никогда не носила при себе денег и не выписала ни одного чека. Я знала приблизительно цену драгоценностям и платьям, но не имела ни малейшего представления о том, сколько стоит хлеб, мясо и молоко».*

Летом 1921 года Мария Павловна впервые за много лет с согласия шведского короля Густава V встретила со своим сыном Леннартом. Произошло это на нейтральной территории в Копенгагене. За последующие семь лет жизни в Европе она видела сына еще два раза. Один раз они вместе были в Висбадене, откуда ездили на экскурсии, в том числе и в Дармштадт, где их принимал великий герцог Эрнест Гессен-Дармштадтский, у которого великий князь Кирилл Владимирович в самом начале XX века увел жену, — брат императрицы Александры Федоровны и Елизаветы Федоровны. Он был сам по себе интересным человеком, покровительствовал изящным искусствам и за это по сей день чтим в Германии. Во второй раз мать и сын встретились в Брюсселе, когда Леннарту было семнадцать лет. Мария Павловна была очень довольна его няней и результатами его воспитания, хотя и считала сына чересчур суровым.

Голландский принц-консорт обратился к Марии Павловне с предложением заключить брак между Леннартом и его дочерью Юлианой, но княгиня отказала, памятуя о своем печальном опыте брака по расчету.

В эмиграции значительная часть русских аристократов сидела на чемоданах, ожидая падения Советов со дня на день. Подобные персонажи жили за счет драгоценностей, картин и других культурных ценностей, вывезенных из России, причем в значительной части им лично не принадлежавших. Увы,

никто из нынешних либеральных деятелей культуры, стенающих о вывозе культурных ценностей большевиками в начале 1920-х годов, чтобы прокормить голодающее население, не удосужился посчитать, сколько ценностей было вывезено белоэмигрантами из России в 1918–1920 годах.

Однако многие наиболее дальновидные эмигранты уже в начале 1920-х годов попытались вписаться в жизнь стран Европы и Америки. Кто-то занялся бизнесом, Игорь Сикорский, Дмитрий Рябушинский и многие другие — техникой, кто-то попросту пошел в Иностранный легион или в парижские таксисты.

Ряд русских светских львиц решили заняться изготовлением и продажей модных женских вещей. Так, графиня Орлова-Давыдова открыла на бульваре Мальзерб в Париже русский Дом мод, специализировавшийся на ручной вязке и набойке шерстяных и шелковых тканей. Продукция этого Дома пользовалась большим спросом. Очень популярна, например, была ткань, имитировавшая старинную парчу. Об этом можно судить хотя бы по тому, что за 1922–1923 годы общая сумма жалованья мастериц, а на предприятии трудились исключительно эмигрантки из России, выросла со 100 тысяч франков до 320 тысяч. В 1925 году парижский модный журнал писал: *«Оригинальность их рисунков, вдохновленных старинными орнаментами русских, коптов, египтян, персов, китайцев, а также стойкость и яркость красителей позволили им достичь блестящего успеха у французских и иностранных клиентов»*. Ведущие парижские дома заказывали у графини ткани для своих изысканных коллекций.

Основательницей Дома моды «Имеди», где одевались дамы из высшего света Франции, Великобритании, Голландии, а также новоиспеченные амери-

канские миллионерши, была Анна Ильинична Воронцова-Дашкова, урожденная княжна Чавчавадзе. Начала она свою карьеру в мире моды в качестве светской манекенщицы у Коко Шанель: удивительно красивая и элегантная, она зарабатывала на жизнь тем, что появлялась в великосветских салонах, в театрах и на приемах в платьях от легендарной французской модельерши.

Другой знаменитой моделью была праправнучка поэта Жуковского графиня Мария Белевская, о которой один из современных авторов написал: «...олицетворявшая в глазах французов тип русской дворянки».

Маленькое замечание — мне всегда режут ухо холопские слюни о «голубой крови». Кто такая графиня Белевская? Явно Рюриковна, ведь в XV веке существовало удельное княжество со столицей в городе Белеве (ныне райцентр Тульской области). Однако Иван III согнал белевских князей с удела, а «его свирепый внук» — со свету. Так откуда взялись графы Белевские? Жил-был русский помещик Бунин, и прижил барин от турчанки сына, которому дал фамилию Жуковский. Последний стал известным потом, и уже с его дочкой Сашей переспал великий князь Алексей Александрович, тот самый, о котором острили еще в конце XIX века, что «в жизни Алексея главное место занимают верткие дамы и неуклюжие броненосцы». А в мае 1905 года ему всенародно был присвоен титул — князь Цусимский. У Саши Жуковской родился сын, названный в честь отца Алексеем, а в 1889 году Александр III дал мальчику титул графа Белевского. Новоиспеченный граф женился на Марии Трубецкой, и вот эта Мария и стала знаменитой парижской манекенщицей.

Не менее известной моделью стала Анна Носович, служившая в русском Доме моды «Миеб» в Па-

риже, основанном бывшей фрейлиной императрицы Александры Федоровны Бети Бузард.

Мария Ивановна Путятина, свекровь великой княгини Марии Павловны, завела в Париже шляпное дело под экзотическим названием «Шапка». Предприятие оказалось настолько успешным, что через некоторое время был открыт филиал в Лондоне. Успеху предприятия способствовало то, что ма-некенщицей номер один в «Шапке» выступала княгиня Трубецкая, чей титул привлекал клиентов.

О том, как Мария Павловна познакомилась с Коко Шанель, в ее мемуарах говорится крайне невнятно. Скорей всего, их познакомил Дмитрий. Замечу, связь с великим князем не сделала Коко ни на йоту более сентиментальной. Ее отношения с сестрой любовника основывались на жестком коммерческом расчете. Узнав, что Мария берется вышить блузу за сумму значительно меньшую, чем требовала другая мастерица, Коко тотчас сделала ей заказ. Через три месяца работа была выполнена. Коко была поражена качеством работы, а так как вышивка тогда входила в моду, Мария получила следующий, уже более объемный, заказ, а потом под вымышленным именем поступила на курсы машинной вышивки.

На свои первые гонорары Мария купила себе машинку, а затем сняла небольшое помещение, где могли бы разместиться ее помощницы. Эта новая работа стоила ей колоссальных сил. Она вспоминала, что от усталости, бывало, засыпала прямо за машинкой, не в силах добраться до дому. Но дело двигалось. Мария пригласила двух безработных русских девушек и послала их на курсы, которые окончила сама. Рядом с ее рабочим столом появились два новых. Свое маленькое ателье княгиня назвала «Китмир» — по имени собаки из персидского эпоса. Со-

трудничество с Шанель становилось все более масштабным.

А в это время Коко Шанель начала готовить к традиционному февральскому показу очередную весеннюю коллекцию. Она разрешила Марии Павловне самой придумать рисунки вышивок, выбрать ткани и нитки. Идеи и эскизы обсуждались совместно. Княгиня погрузилась в ранее совершенно не ведомую ей сферу жизни: училась работать с поставщиками, решала организационные и коммерческие вопросы. Бухгалтерскую работу взял на себя ее муж князь Путятин, служивший в частном банке.

Первый заказ Дом вышивки «Китмир» получил от Коко Шанель. Это была партия блузок, туник и пальто. Мария Павловна собственноручно расшила большую часть изделий, выполнив вышивки в серых тонах с красными вкраплениями. Эти модели стали гвоздем коллекции Шанель. После трехчасового дефиле клиенты бросились наперебой заказывать вышитые вещи. Дом вышивки «Китмир» теперь стал эксклюзивным поставщиком Дома моды «Шанель».

На «Китмир» посыпались заказы, с которыми Мария Павловна и ее работницы едва справлялись. Она вспоминала, что иногда спала прямо на полу в мастерской, подстелив вместо матраса шубу. Вероятно, многих организационных и производственных проблем можно было бы избежать, если бы Мария Павловна наняла опытных французских вышивальщиц. Но она, стремясь поддержать соотечественниц, набирала исключительно русских девушек-эмигранток, чем вызывала недовольство Коко, которая требовала от княгини «искоренить дух благотворительности, который нельзя путать с коммерцией». Хотя в целом отношения между ними до поры до времени были вполне дружескими. Шанель даже сама делала

Марии Павловне прическу и давала советы в выборе туалетов.

Дом вышивки «Китмир» ежегодно увеличивал и менял ассортимент. Мария Павловна внимательно следила за веяниями в мире моды и, почувствовав ослабление интереса к псевдорусскому историческому стилю, стала вводить в свои вышивки орнаменты персидской керамики, коптских тканей, китайского фарфора. Ее модели 1922 года были расшиты уже не только золотом и шелком, но и бисером, бусами, блестками. Успех новой коллекции был потрясающим. Шанель требовала все больше вышитых изделий. «Китмир» не справлялся с объемом работы. Некоторые клиентки, недовольные затягивающимися сроками, снимали свои заказы, а приказчицы Дома моды «Шанель» устраивали по этому поводу скандалы.

Тогда Мария Павловна решила расширить дело. В 1923 году «Китмир» переехал в трехэтажный особняк на улице Монтень. На первом этаже разместились контора и выставочный зал, на верхних трудились вышивальщицы, закройщицы и технологи. Мария Павловна впервые поступилась принципами и наняла нескольких француженок, поскольку несколько русских вышивальщиц, достигших больших успехов, ушли из «Китмира» и открыли собственное дело. Теперь в штате предприятия Марии Павловны насчитывалось более пятидесяти человек. Дом приобрел известность и за пределами Франции.

Однако успех таил в себе опасность, которую княгиня тогда еще не совсем понимала. Она была человеком творческим и бесконечно трудолюбивым, но аристократическое воспитание в ней плохо уживалось с коммерческой хваткой — тем, в чем была особенно сильна плебейка Шанель, пробившаяся на вершину мира моды фактически из грязи. Расшире-

ние дома «Китмир» не было подкреплено финансовыми успехами. Рост числа заказов не означал роста доходов. Мария Павловна в очередной раз попыталась поддержать свое дело за счет остатков фамильных драгоценностей. Теперь было продано украшение из крупных изумрудов. Деньги от продажи были вложены в некое голландское промышленное общество, которое не замедлило обанкротиться. «Китмир» от этой операции не получил ни франка.

С одной стороны, Дом вышивки Марии Павловны возник и расцвел во многом благодаря Коко Шанель, гарантировавшей заказы. С другой стороны, по условиям контракта «Китмир» не имел права копировать заказы Дома «Шанель» во Франции и сотрудничать с иными домами моды. Мария Павловна могла тиражировать лишь заграничные заказы. Этим воспользовались американцы, которые стали заказывать уже не только вышивку одежды, но и окончательную предпродажную подготовку, чем раньше «Китмир» не занимался. Американская эпопея началась с того, что некто Курзман, купивший у Марии Павловны несколько блузок, объявил себя импортером изделий «Китмира» в США. Вскоре он с гордостью прислал вырезку газетной рекламы с изображением императорской короны, инициалов княгини и ее полного титула. Мария Павловна была в шоке от американского стиля продвижения продукта. Сама она тщательно скрывала свой титул, поскольку считала, что торгует вышивками, а не царским происхождением.

Неприятности у Марии Павловны возникли после того, как Дом моды Жана Пату, один из главных конкурентов «Шанель», предложил заключить с «Китмиром» контракт. Княгиня честно рассказала об этом Коко Шанель. Та сделала вид, что рада расширению «Китмира», но составила список клиен-

тов, с кем русской фирме запрещалось сотрудничать. Дом Пату стоял в нем на первом месте. Отношения между Коко Шанель и Марией Павловной обострились. Коко обвинила княгиню в торговле секретами производства Дома «Шанель» и закрыла для нее двери своей студии, где когда-то вместе они обсуждали новые модели. Эксклюзивный контракт был потерян. Коко Шанель обратилась в другие дома вышивки, а «Китмир» обрел самостоятельность, с которой Мария Павловна, плохо разбиравшаяся в коммерции, справлялась плохо.

Однако поначалу дела пошли успешно. «Китмир» приобрел новых крупных заказчиков, и все они выдвигали свои требования. В следующем сезоне было создано более двухсот моделей на любой вкус. Заказов поступило так много, что они передавались русским ателье, находившимся в провинции. Теперь на Марию Павловну работали более ста вышивальщиц по всей Франции. Однако расширение производства на деле означало потерю единого стиля Дома. К тому же в 1923–1924 годах рынок изменился. Открытие Картером гробницы Тутанхамона породило моду на Египет. «Стиль рюс» ушел в прошлое.

«Китмиру» пришлось осваивать геометрические рисунки на египетские темы. Свой звездный час «Китмир» пережил в 1925 году, когда в Париже была организована всемирная выставка современного декоративного и прикладного искусства «Арт деко». Первоначально Мария Павловна не проявила особого интереса к этому мероприятию, но, узнав, что там будет павильон СССР, решила показать себя. К ее разочарованию, советская делегация привезла не только набивные ситцы с серпами, молотами и звездами, но и платья Ламановой с пуговицами, сделанными из хлебного мякиша, которые получили Гран-

при. Однако и творчество княгини не осталось незамеченным. «Китмир» получил золотую медаль и почетный диплом участника выставки, выписанный на имя... мсье Китмира.

Несмотря на успех, отмеченный ведущими парижскими модными журналами, финансовое положение Дома вышивки «Китмир» по-прежнему было нестабильным. Очередная финансовая афера Марии Павловны кончилась тем, что для погашения долгов она была вынуждена распродать остатки драгоценностей. Но в конце 1920-х годов прошла мода на вышивки, осваивать же новые сферы модного бизнеса княгиня не умела, а может быть, и не захотела. В 1928 году «Китмир» был поглощен французской фирмой вышивки «Фитель и Ирель».

Говоря о «Китмире», мы совсем забыли о муже нашей княгини Сергее Путятине. Одно время он работал в банке, но вскоре бросил и стал профессиональным плейбоем — любил автомобили, мотоциклы и упорно ждал падения советской власти. В конце концов, он стал лишним для нашей бизнес-леди. Мария Павловна писала: *«Жизнь вынужденного эмигранта, к тому же, как мы, перенесшего такие потрясения, представляет собой жесточайшее испытание. Она не знает пощады и безжалостно сметает с дороги отстающих и оробевших. Ее надо одолевать, стиснув зубы, по шажку, до последнего дыхания. По сравнению со своими товарищами и вообще людьми его положения мой муж вел вполне рассеянную жизнь; его никогда не припирали к стенке, он никогда не работал через силу. Свою семью он препоручил моим заботам; никаких определенных обязанностей у него не было, эмиграцию он воспринял как затянувшийся отпуск. Приятные ему люди, чьим обществом он дорожил и чье постоянное присутствие в доме я была вынуждена тер-*

петь, держались совершенно иных представлений о жизни, нежели мои. Их духовные запросы были скудны, в заботах о хлебе насущном главными для них были передышка и развлечение, в чем мой муж охотно составлял им компанию. Было совсем мало общего между мною и молодежью этого состава, с которой Путятин был заодно...

И наконец настал день, когда я поняла, что больше так не могу. Терпение мое истоцилось, ни на какие уступки я не пойду. Я пойду той единственной дорогой, которая выведет меня к сносной и достойной жизни в изгнании»¹²².

В 1923 году супруги развелись. Развод происходил в два этапа — в русской православной церкви и во французской мэрии. Гражданский брак расторгался медленно и трудно, но в конце концов все устроилось. *«Моя привязанность к его семье не поколебалась, — пишет Мария Павловна. — Они оставались на моем попечении еще годы. Пока Путятин не женился на американской девушке, мы время от времени дружески встречались».*

Под семьей Мария Павловна понимала не только мужа, но и его мать, и брата Алека. А насчет дружеских встреч — я думаю, тут пахнет политикой. Сергей и Алек Путятин вместе с Дмитрием Павловичем принимали активное участие в движении младороссов. Замечу, что и сама Мария Павловна тоже стала сторонницей Казем-Бека и неоднократно осуществляла пожертвования в пользу партии.

Любопытно, что 3 июня 1940 года Алек Путятин был арестован французской полицией за связь с младороссами и на несколько месяцев отправлен в концлагерь. Его брат Сергей уехал в США и женился на американке Ширли Маннинг. Князь Сергей Путятин умер в феврале 1966 года в городе Чарльстоне (штат Южная Каролина). Он на полгода пережил первого

мужа Марии Павловны принца Вильгельма, скончавшегося в июне 1965 года в своем поместье Стенхамар в Сёдерманланде.

После развала «Китмира» Мария Павловна взялась за перо. Вот как описывает это она сама: *«Зимой 1927 года, сразу после женитьбы брата, я сошлась с группой французов, увлекавшихся литературой и политикой. Встречались мы по-домашнему, и, к моему огромному удивлению, их увлекли мои истории. Они часами слушали рассказы о детстве и юности, расспрашивали о войне и революции. Они разговаривали со мной, и было одно удовольствие держать речь перед такими внимательными слушателями. Я в новом свете увидела свою жизнь, ее события представляли звенья одной цепочки, неким пунктиром в общем движении. Признаюсь, я не думала, что это имеет какое-то историческое значение, поскольку моя роль была незначительной, но обидно не оставить письменное свидетельство о делах и событиях, которым был очевидцем.*

Воображение готовно отозвалось. Вот тема, близкая мне во всех отношениях. Ободряемая друзьями, я села писать; у меня не было выбора, ничто уже не могло меня остановить. Из подернутого дымкой прошлого выплывали давно забытые картины, подробные и яркие...

Издатели шведского журнала, куда я поставляла статьи, досаждали мне просьбами написать для них воспоминания, но я неизменно отклоняла их предложение. Но однажды от издательского дома в Париж приехал агент и без посредников завел со мной этот разговор. Каким-то образом прослышав, что я начала писать мемуары, он был особенно настойчив и сразу предложил большие деньги за оконченные главы. Мне позарез была нужна примерно такая сумма, и я согласилась. Немедленно был вы-

писан чек, и я вручила ему свою необработанную даже писанину.

Этим дело не кончилось. Поскольку другого источника доходов не предвиделось, я подписала соглашение, по которому обязалась давать продолжение отдельными статьями, и за каждую они будут платить»¹²³.

Во время пребывания на Корсике, куда Марию Павловну уговорили приехать Феликс и Ирина Юсуповы, наша героиня сильно повредила лодыжку. Врача рядом не оказалось, и княгиня осталась хромой до конца жизни.

В сорокалетнем возрасте Мария Павловна отправилась пароходом в США, где прожила несколько лет, работая консультантом в фирме модной одежды «Бергдорф и Гудман». Она ездила по стране с лекциями, что в США было обычным способом подработать. Корпорация Херста послала ее корреспондентом в Германию.

В 1935 году Мария Павловна неожиданно увлеклась фотографией. Она занималась цветной фотографией, что в те годы было редкостью. Фотоискусство стало ее страстью.

Также Мария Павловна начала коллекционировать русские книги, и в Нью-Йорке ей посчастливилось купить книги, когда-то принадлежавшие ее отцу. Успех мемуаров возбудил в ней интерес к литературной деятельности, однако художественные произведения не получались.

В 1937 году Мария Павловна получила шведское подданство по ходатайству своего старого друга — шведского короля Густава Адольфа. На него подействовали рассказы Леннарта о бедствиях его матери и о внешнем виде ее паспорта, который можно было развернуть на два метра со всеми визами и прочими вклейками. В результате Мария Павлов-

на даже получила шведский дипломатический паспорт. Раньше, когда она бывала в Биаррице и получала приглашение в Испанию, испанской королеве приходилось присылать за ней личный автомобиль, чтобы избавить княгиню от паспортного контроля на границе.

Шведские журналисты время от времени брали у Марии Павловны — бывшей шведской принцессы — интервью, она читала им наизусть Яльмара Седерберга и Августа Стриндберга и жадно расспрашивала о своем сыне. А сын Марии Леннарт 11 марта 1932 года женился на простолюдинке Карин Насвондт.

После войны Мария Павловна переехала в Аргентину под предлогом того, что не может жить в стране, официально признавшей Советский Союз. В Буэнос-Айресе у нее была небольшая квартирка с садом, откуда она прогоняла соседских мопсов сочной русской бранью.

Теперь Мария Павловна посвятила все свое время живописи, и несколько картин ей даже удалось продать. Иногда в газетах публиковались статьи княгини об искусстве и дизайне. Однако ее материальное положение оставляло желать лучшего. Но когда с деньгами стало совсем плохо, неожиданно пришла помощь от короля Швеции.

В 1947–1948 годах Леннарт провел несколько месяцев в Буэнос-Айресе и наконец-то как следует познакомился со своей матерью, подробно расспросил ее о своем детстве и своих предках.

В 1949 году Мария Павловна впервые за тридцать лет встретила со своим первым мужем принцем Вильгельмом. Встретились они в доме у их сына в Майнау. Встреча не была запланирована и стала неожиданностью для обоих. Однако бывшие супруги стали общаться как старые друзья и даже поцеловались в щеку.

После войны Мария Павловна большую часть времени жила у своих знакомых в Европе. Ее охотно принимали — княгиня свободно говорила на нескольких языках, да к тому же была настоящей русской княгиней императорской крови.

Об этом периоде жизни Марии Павловны биограф династии Стаффан Скотт пишет: *«Визиты к сыну доставляли не только радость: к этому времени в ней развилась специфическая бестактность, свойственная пожилым дамам разных национальностей, но особо присущая зрелым русским дамам. В Марии Павловне эта черта сочеталась с великокняжеским воспитанием в традициях самодержавия, и семью сына она воспринимала как свою вотчину; столкновения с сыном, который собственной судьбой продемонстрировал не меньшее упрямство, были, надо думать, внушительными. У принца Леннарта хватало проблем с родней: поместье принца Вильгельма его гражданская жена Жанна Трамкур населила своими детьми, оттеснив Леннарта; а в Майнау то и дело появлялась мамаша и пыталась взять командование в свои руки»*¹²⁴.

Мария Павловна приезжала к сыну с целой кучей барахла, едва уместившегося в автомобиль. Тут была и шокирующая всех швейная машинка, и пишущая машинка, и фотоаппараты со множеством объективов, а также мольберты и чемоданы с одеждой. Ее комната в доме сына была так же набита, как и автомобиль.

В последние годы жизни Мария Павловна чувствовала себя плохо, у нее прогрессировал склероз, и супруга Леннарта ухаживала за ней. 13 декабря 1958 года княгиня умерла от воспаления легких. Случилось это в пограничном городке Констанц, совсем недалеко от Майнау. Леннарт велел поместить ее гроб в отдельный придел крипты в дворцовой

церкви Майнау, рядом с прахом брата Дмитрия, скончавшегося в годы войны, по просьбе Марии Павловны перенесенный сюда из Давоса.

Глава 19

СВАДЬБА ФЕЛИКСА И ИРИНЫ

Рассказ о княжне Ирине и ее муже Феликсе Юсупове я начну с родословной столь знатного аристократа, как князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон. Пора бы нашим интеллигентам-образованцам, наконец, понять, как при наших владыках писались родословные.

В феврале 1914 года дочь великого князя Александра Михайловича Ирина вышла замуж за князя Феликса Феликсовича Юсупова. Наши историки, я уж не говорю об обывателях, считают семейство Юсуповых самым богатым и знатным в России. Первое утверждение верно, а насчет второго можно и поспорить.

На Руси издавна были лишь две законные княжеские династии — Рюриковичи и Гедиминовичи. В допетровской Руси московские правители не имели наглости производить в князья безродных персонажей за любовные утехи или иные деяния. Но зато с удовольствием присваивали княжеский титул предводителям или, как сейчас бы сказали, «полевым командирам» сотни-другой кочевников, приходивших на службу в Москву. Бояре зло острили: «Придет татарин зимой, его жалуют шубой, а летом — князем».

Так на службу к молодому Ивану Грозному прибыл некий мурза Юсуф, назвавшийся ногайским ханом. Никакими документальными данными об этом Юсуфе историки не располагают, кроме того, что он

умер в 1556 году. Зато Ф.Ф. Юсупов в своих воспоминаниях возводит родословную Юсуфа непосредственно к пророку Мухаммеду.

Потомки Юсуфа крестились, обрусели и получили фамилию Юсуповы. От них-то и пошли несколько ветвей князей Юсуповых.

В конце XVI века в разрядных книгах упоминаются какие-то дворяне (боевые холопы) Сумароковы. От них и вели свою родословную несколько ветвей Сумароковых. Генерал от артиллерии Сергей Павлович Сумароков в августе 1856 году выдал свою дочь Елену за Феликса Николаевича Эльстона, и сразу же новоявленный зять императорским указом был возведен в графское достоинство с присвоением ему фамилии Сумароков. Хотя, как известно, на Руси, как и во всей Европе, жена принимала фамилию мужа, а не наоборот. Да и кто такой Николай Эльстон? Увы, это второй подпоручик Кижэ. Феликс Николаевич Эльстон был бастардом, то есть по-русски бастрюком, неизвестно кем и от кого прижитым. Сам Ф.Ф. Юсупов в эмиграции писал о нем коротко и неясно: *«Мой дед [по отцу] Феликс Эльстон умер задолго до женитьбы родителей. Его называли сыном прусского короля Фридриха-Вильгельма и графини Тизенгаузен»*. Понятно, что никаких достоверных данных, подтверждавших это, не было.

У Феликса и Елены Сумароковых родился сын Феликс. И вот Феликс Феликсович по примеру своего отца вступает в выгодный брак с Зинаидой, дочерью князя Николая Борисовича Юсупова. По законам Российской империи, вступая в брак, княжна теряла свой титул и принимала титул и фамилию мужа. Тем не менее, Николай Борисович обратился к царю с просьбой о передаче после своей смерти права наследования титула и имени Юсуповых своему зятю Ф.Ф. Сумарокову-Эльстону. Император Алек-

сандр III удовлетворил просьбу князя своим высочайшим указом от 10 июля 1885 года. Таким образом, после смерти князя Николая Юсупова (19 июля 1891 года) его зять получил право называться князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон с правом передачи титула по наследству старшему сыну.

Так будущий зять Александра Михайловича получил самую длинную в России фамилию Юсупов-Сумароков-Эльстон.

В 1883 году в семье Юсуповых родился первенец Николай. Затем три года подряд Зинаида рожала по младенцу мужского пола, но они сразу умирали. 11 (24) марта 1887 года Зинаида разрешилась еще одним мальчиком, которого по отцу и деду называли Феликсом. Чтобы не путать с отцом, впоследствии его будут звать Феликсом Феликсовичем младшим.

Неудачные роды у крайне впечатлительной матери сделали младшего сына ее кумиром.

Летом 1886 года в имении Архангельское при таинственных обстоятельствах умирает младшая сестра Зинаиды Татьяна Юсупова. По официальной версии, она утонула, купаясь в старице Москвы-реки. Однако в 1918 году окрестные крестьяне, разграбившие ее могилу, обнаружили вместе с ней останки младенца. Видимо, Татьяна, не будучи замужем, умерла при родах. Ходили слухи, что она была влюблена в какого-то Павла. Во всяком случае, после смерти Татьяны все страницы ее дневника, относившиеся к последним месяцам ее жизни, были вырваны.

В 1908 году в семье Юсуповых случилась новая трагедия. Весной у 28-летнего Николая Юсупова начался роман с девятнадцатилетней графиней Мариной Александровной Гейден. Однако графиня уже имела жениха — капитана конной гвардии графа Арвида Мантейфеля.

В апреле 1908 года графиня Гейден получила звание фрейлины при императорском дворе. 23 апреля состоялась свадьба Марины и Мантейфеля, а ночь накануне она провела с Николаем в отдельном кабинете фешенебельного ресторана на Невском.

После свадьбы молодые отбыли в Париж. Но спустя несколько дней Марина написала Николаю Юсупову письмо с просьбой приехать. Николай объявил матери, что желает послушать Шаляпина, гастролировавшего в Париже, и через двое суток поселился в уютном номере гостиницы «Meurice», заранее заказанном для него Мариной. Предусмотрительная Марина снимает там же еще один номер для своей матери. Мужу она объясняет, что хочет пожить несколько дней у мамы, ну а поселяется, естественно, у Николая.

Но вскоре влюбленным надоело сидеть взаперти в гостинице, и они начали посещать театры, выставки и дорогие рестораны. Лишь тогда туповатый Арвид заметил у себя ветвистые оленьи рога. Старик граф Эрнст Мантейфель потребовал от сына вызвать соблазнителя на дуэль.

В конце концов, Арвид вызвал Николая на дуэль. Однако секундантам удалось решить дело миром, благо, стреляться не желали обе стороны. Секунданты сочли повод для дуэли незначительным, и состоялось перемирие.

Марине пришлось с мужем отправиться в Петербург. Но тут вмешались господа офицеры конногвардейского полка и потребовали капитана Мантейфеля в Красное Село, где дислоцировался полк, для объяснений. Там суд чести полка вынес решение о необходимости дуэли. Командир полка Хусейн Келбани хан Нахичеванский представил дело на рассмотрение царю, и Николай II дал разрешение на поединок.

Мы еще в детстве из романов Дюма узнали, как сурово карались участники дуэлей при Луи XIII и Луи XIV. Согласно указу Петра Великого за дуэль полагалась смертная казнь. Наследники Петра за дуэль не казнили, но разжалование, ссылка или заключение в крепость на несколько месяцев, а то и лет было нормой. А тут наш святой царь буквально заставляет молодого человека идти на смерть или стать убийцей!

Теперь у Арвида не было выбора. Ранним утром 22 июня 1908 года противники прибыли на лужайку Крестовского острова в имени князя Белосельского. По решению полкового суда дуэль должна была состояться на пистолетах на расстоянии пятнадцати шагов, три выстрела каждый.

Отсчитав шаги, противники встали друг напротив друга. Раздалась команда «Стрелять!», и одновременно громыхнули два выстрела. Николай выстрелил вверх, а Мантейфель — в Юсупова. Николай получил смертельную рану в бок и скончался на месте дуэли.

Весь Петербург сочувствовал семье Юсуповых. На следующий после дуэли день на панихиду по Николаю прибыли большинство августейших особ, находившиеся в столице: греческая королева Ольга Константиновна, греческий принц Николай, великие княгини Мария Павловна, Елена Владимировна, Елизавета Маврикиевна, Мария Георгиевна, Ксения Александровна, великие князья Владимир Александрович, Константин Константинович, присутствовали и Николай, Георгий и Александр Михайловичи.

После смерти Николая Феликс остался единственным наследником огромного состояния Юсуповых. И сразу же за ним начали охоту дочери и маменьки не только в Москве и Петербурге, но и в Па-

риже и Лондоне. При этом ни дочек, ни мамочек не смущали слухи о «нетрадиционной ориентации» Феликса.

В своих воспоминаниях Ф.Ф. Юсупов пытается свести свои увлечения лишь к страсти переодеваться в женские платья. По его версии, к переодеванию его склонила «простая» девушка Поля, жившая в Петербурге недалеко от них. В ее крошечной квартире они и «проводили вечера в компании со студентами, артистами и веселыми девицами».

В отличие от родительского дома, «созданного для балов и приемов», «скромная Поленькина гостиная с самоваром, водкой и закуской означала свободу и веселье». Именно Поля первой предложила Феликсу переодеться в женское платье: «В два счета она одела и раскрасила меня так, что и родная мать не узнала бы». В таком необычном наряде Феликс вместе с братом и веселой компанией студентов впервые отправился слушать цыган. *«Прежде я не слышал цыган, — вспоминает Юсупов. — Вечер стал для меня открытием. Знал я, что хорошо поют, но не знал, что так чарующе. Понял я тех, кто разорвался на них. А еще я понял, что в женском платье могу явиться куда угодно... Поленька наряжала меня умело: все ее платья шли мне необычайно».*

Как писала Елизавета Красных, биограф семьи Юсуповых: *«Николай всячески поощрял переодевания брата. Так, вместе являлись они на маскарады в Париже, перед одним из которых переодетый Феликс покорило сердце короля Эдуарда VII. Николая это очень забавляло и в насмешку над чопорным «высшим обществом» он спровоцировал младшего брата попробовать себя певицей в кабаре “Аквариум” в Петербурге. Организовав двухнедельный ангажемент, Николай и Полина обеспечили Феликса платьем-хитом из тюля. Из всех воспоминаний*

современников только в воспоминаниях самого Феликса сохранилось описание этой авантюры, которая потом неоднократно ставилась ему в укор в подтверждение его извращенного вкуса и многократно цитировалась.

Первое выступление прошло блестяще, и азартные молодые Феликс, Николай и Поля, насмехаясь, перебирали многочисленные записки и цветы. Веселью сумасшедшей троицы не было предела, но трюк с переодеванием вскоре был раскрыт, и безвестная певица исчезла с афиш “Аквариума” после семи выступлений. Поведение детей возмутило родителей, но, несмотря на скандал дома, Николай и Феликс не отказывались от своего увлечения костюмированными балами. Во время одного из них Феликс, переодетый женщиной, был приглашен четыремя молодыми офицерами на ужин в известный петербургский ресторан “Медведь”. Устроившись в отдельном кабинете, под цыганскую музыку и шампанское один из разгоряченных офицеров сдернул маску с прекрасной незнакомки. Изловчившись, испугавшийся Феликс, оставив шубу, бросился бежать на улицу, на извозчике помчался на Поленькину квартиру: “И полетела ночью в ледяной мороз юная красавица в полуголом платье и бриллиантах в раскрытых санях. Кто бы мог подумать, что безумная красотка — сын достойнейших из родителей!”¹²⁵

По Петербургу циркулировали слухи о связи Феликса Юсупова с великим князем Дмитрием Павловичем, внуком императора Александра II. Какие-то намеки на сей счет проскальзывали и в письмах Феликса к матери. «Если портсигар не найдут, то надо сделать следствие, потому что я знаю на верное, что его найдут в доме. Вели осмотреть ванную. Вчера Дм. Павл. [великий князь Дмитрий

Павлович] *опять хотел сделать пи-пи в мою ванную и у нас из-за этого произошла драка. Может быть, в это время портсигар и завалился куда-нибудь*". В память об этом случае долгое время в переписке княгини Юсуповой с сыном Великого князя звали "Портсигар"¹²⁶.

С юных лет Феликс увлекался спиритизмом. Еще при жизни брата они с Николаем вызывали духов и, по признанию самого Феликса, «наблюдали вещи удивительные». Продолжалось это до тех пор, пока массивная «мраморная статуя не сдвинулась и рухнула» перед остолбеневшими братьями. И тогда братья дали друг другу обещание дать знак с «того света», когда один из них умрет первым, тому, кто останется жив. Обещание это вскоре забылось, но зимой 1908/1909 года этот случай вспомнился. В одном из своих краткосрочных посещений особняка на Мойке среди ночи неведомая сила подняла Феликса с постели и заставила пойти к комнате Николая, запертой со дня его смерти. *«Вдруг дверь открылась, — вспоминает Феликс. — На пороге стоял Николай. Лицо его сияло. Он тянул ко мне руки... Я бросился было навстречу, но дверь тихонько закрылась! Все исчезло»*.

Феликс был вхож в скандальную компанию Марии Головиной, более известной как Мунька. Видимо, Мунька и познакомила в 1909 году Феликса с Григорием Распутиным. Через 50 лет Феликс так описывал эту встречу: *«Открылась дверь из прихожей, и в залу мелкими шажками вошел Распутин. Он приблизился ко мне и сказал: "Здравствуй, голубчик". И потянулся, будто бы облобызать. Я невольно отпрянул. Распутин злобно улыбнулся и подплыл к барышне Г., потом к матери, не чинясь, прижал их к груди и расцеловал с видом отца и благодетеля. С первого взгляда что-то мне не понрави-*

лось в нем, даже оттолкнуло... Манеры его поражали. Он изображал непринужденность, но чувствовалось, что втайне стесняется, даже трусит».

Феликс признавал, что «странный субъект» произвел на него «неизгладимое впечатление», но, несмотря на все уговоры Муньки прислушиваться к словам Распутина, не пожелал продолжить с ним знакомство.

В 1908 году Феликс Юсупов несколько раз посетил царскую чету в Царском Селе. Николаю, а еще более Александре не нравились увлечения Феликса, но сказать об этом прямо не позволяли ни этикет, ни тогдашние приличия. Поэтому Александра Федоровна важно заявила:

— Всякий уважающий себя мужчина должен быть военным или придворным.

На что Феликс рискнул возразить:

— Военным быть не могу, потому что война мне отвратительна, а в придворные не гожусь, потому что люблю независимость и говорю то, что думаю. Я вижу свое призвание в разумном управлении имениями и многочисленными землями, заводами. Правильное управление всем — тоже своего рода служба Отечеству. А служу Отечеству — служу Царю!

Лицо царицы покрылось большими красными пятнами.

— А Царь и есть Отечество! — вскричала она.

В этот момент вошел Николай II, и Александра Федоровна заявила ему:

— Феликс — законченный революционер!

Как писал в своих воспоминаниях Юсупов: *«Государь ничего не ответил, да и сама императрица не могла не признать, что кому как не ей знать, что не все мужчины созданы для государственной службы».*

В конце концов, чтобы «не дразнить гусей», Феликса отправили в Лондон, где он поступил в Оксфордский университет. Но чтобы не быть связанным ученической дисциплиной, Феликс предпочел стать вольнослушателем.

В Лондоне Юсупов близко сошелся с семьей опального великого князя Михаила Михайловича. Феликс писал матери: *«Пишу тебе, только что вернувшись с завтрака от гр. Торби. Миш-Миш не было, он на охоте. После завтрака мы поехали на выставку русских художников. Очень интересная. Так было приятно поговорить по-русски. Дети гр. Торби говорят отвратительно, по-моему, это очень стыдно. Мальчик удивительно хорошо рисует и у него прямо страсть бегать по галереям... Гр. Торби в этот раз была гораздо любезнее и просила меня почаще приезжать и привозить товарищей. В следующий term [семестр (англ.)] она хочет устраивать танцевальное утро, чтобы обучать своих детей».*

Обратим внимание, сын пишет матери только о младшем двенадцатилетнем Михаиле, как-то забывая о пятнадцатилетней Надежде и восемнадцатилетней Анастасии. Между тем «танцевальные утра» устраивали совсем не для мальчика.

Прошло несколько недель, и Феликс вновь пишет маме: *«Завтракал у Lady Ripon с королем Португалии, Марией Павловной [великая княгиня Мария Павловна старшая], Еленой с мужем [великая княгиня Елена Владимировна и принц греческий Николай] и т. д. Елена мне сказала, что со всех сторон ей говорят, что мы помолвлены с Торби, но что пока не объявляют. Ждут, чтоб я окончил Оксфорд. Как глупо!»*

То, что последняя фраза лучше всего запоминается, юный Феликс догадался задолго до Штирлица.

Но маму-то не проведешь! И теперь честолюбивая Зинаида Николаевна грудью встала против романа сына с дочками Миш-Миша. Неперспективные невесты семье Юсуповых не нужны. А непутевого сына надо срочно женить, поскольку его поведение рождает все новые и новые сплетни и анекдоты. В Европе есть десятки принцесс без места, которые с радостью «выскочат» за самого богатого русского князя. Но они также бесперспективны и бедны, кроме того, в этом случае Феликс будет скорей всего жить в Европе вдали от матери.

Поэтому Зинаида Николаевна желала выдать сына за какую-нибудь из русских великих княжон. Естественно, речь не шла о тех, отцы которых попали в опалу, как бедный Миш-Миш. Но к 1910 году ситуация сложилась так, что свободных великих княжон практически не осталось. Правда, у самого царя было четыре дочери в возрасте от 16 до 9 лет. Но Николай II и Александра неприязненно относились к семье Юсуповых. Да и вообще, дочь императора выдать за князя со спорной родословной?..

И наконец, Зинаида Николаевна прекрасно знала, что Алиса Гессенская является носителем гемофилии, и не желала иметь внука-гемофилика.

В итоге, единственной кандидатурой оказалась пятнадцатилетняя Ирина, дочь великого князя Александра Михайловича и Ксении Александровны. По законам Российской империи ни Ирина, ни шестеро ее братьев не могли носить титула великих князей, а являлись лишь князьями (княжной) императорской крови. Тем не менее породниться с внучкой императора Александра III было крайне лестно для семьи Юсуповых.

С 1910 года сын и мать Юсуповы начинают сложную и многоходовую охоту на княжну Ирину. Ситуация облегчалась тем, что Юсуповы были хорошо

знакомы с Александром Михайловичем и его братьями. В юности Сандро был увлечен Зинаидой Николаевной. В Крыму у Юсуповых было три имения — в Кореизе, Коккозе¹²⁷ и Балаклаве. В Балаклаве Юсуповы практически не бывали, предпочитая Кореиз и Коккоз. Именно Кореиз был приобретен в 1867 году у князей Мещерских. Там был выстроен огромный красивый дворец и разбит роскошный сад, украшенный фонтанами и скульптурами в духе итальянского Возрождения. По воспоминаниям Феликса Юсупова младшего, *«количество статуй, им купленных, невозможно представить. Нимфы, наяды и богини показывались из-за всех кустов и баскетов: все было наполнено мифологией»*.

Имение выходило к морю, включало в себя виноградники, многочисленные хозяйственные постройки и т. д. Хозяин вложил в него большие деньги и по общему мнению имение Кореиз было самым богатым и ухоженным в Крыму имением после императорских.

Замечу, что Юсуповский дворец в Кореизе очень нравился Сталину, и он останавливался там не менее двух раз: в ходе Ялтинской конференции 1945 году и в 1947 году перед походом на крейсере «Молотов».

Имение Кореиз прилегало к имениям Ай-Тодор и Харакс, принадлежавшим великим князьям Александру и Георгию Михайловичам. Соседи часто посещали друг друга, причем не обязательно в экипажах, но и в ходе пеших прогулок.

Не только Михайловичи, но даже сам царь с семейством периодически наведывался к Юсуповым в Коккоз, расположенный в 17 километрах от моря, за горным массивом Яйла. Дворец в Коккозе, построенный по проекту знаменитого ялтинского архитектора Н.П. Краснова, отражал архитектурные

приемы Бахчисарайского дворца. Дворец и парк украшали многочисленные фонтаны, из которых до наших дней сохранился только один — «Голубой глаз». Кстати, так переводится слово «коккоз».

Семьи Александра Михайловича и Юсуповых сблизила неприязнь к царской чете и особенно к Александре Федоровне. Рост влияния при дворе Распутина сильно тревожил обе семьи. В январе 1912 года великая княгиня Ксения Александровна записала в дневнике: *«Все уже знают и говорят о нем и ужас какие вещи про него рассказывают, т. е. про А(ликс) и все, что делается в Царском. Юсуповы приехали к чаю — все тот же разговор — и в Аничкове вечером, и за обедом я рассказывала все слышанное. Чем все это кончится? Ужас!»*

В октябре 1910 года Феликс пишет матери: *«Забыл сказать, что у Torbi [графиня Торби — жена великого князя Михаила Михайловича] я видел последнюю фотографию дочери Ксении Александровны. Какая она красивая».* Действительно, в шестнадцать лет Ирина была чертовски хороша. Любопытно, что отвечает Зинаида Николаевна: *«Получила твое письмо после завтрака у Торби. Будь с ними очень осторожен, т. к. ты знаешь, почему тебя зовут. Я рада, что фотография И.А. [Ирины Александровны] тебе понравилась. Верь моему чувству. Я знаю, что говорю, когда хвалю ее».*

Между тем Сандро и Ксения прочили брак Ирины с каким-либо принцем, желательно наследственным. Слухи об этом доходили и до семейства Юсуповых и чрезвычайно волновали маму и сына. Основных претендентов на руку Ирины было двое — греческий принц Христофор, пятый сын короля Георга I и Ольги Константиновны, и принц Уэльский Альберт Эдвард. Последний кандидат был самым интересным для Александра Михайловича. Можно

только гадать, куда пошла бы мировая история, если бы в 1936 году Ирина Александровна взошла на британский престол вместе со своим мужем королем Эдуардом VIII. Но, увы, по разным обстоятельствам дело до брака Ирины с иностранным принцем так и не дошло.

Интересно, что Феликс, часто общаясь с Александром Михайловичем и его женой, не был лично знаком с Ириной. Кстати, Феликс и его мать довольно зло отзывались как о Сандро, так и о Ксении. Так, в начале октября 1911 года Феликс писал матери из Парижа: *«Из театра поехали ужинать в Caffe de Paris. Как раз перед нами сидел Александр Михайлович со своей дамой [В свете ходили слухи о любовнице-американке великого князя] и Ксения Александровна со своим англичанином [В свете ходили слухи о недвусмысленных отношениях великой княгини с неким англичанином господином F]. Это прямо непонятно, как можно так афишироваться. У Ксении вид ужасный, цвет кожи совсем земляной. Ее англичанин очень красив и замечательно симпатичен, а американка так себе, очень банальное лицо, но зато чудные белые зубы. Почти рядом с нами сидел Борис Владимирович [великий князь] с целым гаремом кокоток. Александр Михайлович на старости лет с ума спятил. Когда мы все вышли на улицу, он бросился на Дмитрия Павловича и меня, схватил нас за руки, и мы бешено начали крутиться на тротуаре при общем удивлении публики и прохожих»*¹²⁸.

В следующем 1912 году Феликс ехал в экспрессе «Санкт-Петербург — Париж» вместе с Александром Михайловичем, Ксенией и Ириной. Супруги были «удивительно любезны» за завтраками и обедами в вагоне-ресторане, однако Ирина там не показывалась. Сын немедленно написал о своем вояже матери

и получил ответ: *«Очень рада, что весело было ехать, но жалею, что она [Ирина] не была с Вами. По крайней мере познакомились бы раз и навсегда!»*

Следует заметить, что «охота» на Ирину не очень отвлекала Феликса от иных потех. О зиме 1912/1913 года он позже написал: *«Чуть не каждый вечер мы [вместе с великим князем Дмитрием Павловичем] уезжали в автомобиле в Петербург и веселились в ночных ресторанах у цыган. Приглашали поужинать в отдельном кабинете артистов и музыкантов. Частой нашей гостьей была Анна Павлова. Веселая ночь пролетала быстро, и возвращались мы только под утро»¹²⁹.*

А в марте 1913 года в салонах Петербурга заговорили о романе Феликса и Зои Стекл, дочери титулярного статского советника, камергера Александра Эдуардовича Стекла. Ситуация усугублялась еще и тем, что родители Зои дружили с великой княгиней Ксенией Александровной.

Между тем Феликсу удалось познакомиться с Ириной и даже завязать с ней переписку. Скандал с семейством Стекл не входил в планы Феликса и Зинаиды Николаевны из-за близости их к великой княгине Ксении Александровне. Поэтому Феликс был вынужден быть милым с семьей Стекл и не давать поводов для компрометирующих разговоров. Встречи с семьей Стекл были неминуемы из-за частых встреч с Ксенией Александровной и Александром Михайловичем, которые были с Феликсом «по-прежнему очень милы».

Чтобы выйти из щекотливого положения, Феликс вновь едет в Лондон. Тем временем Зинаида Николаевна зорко следит за семейством Александра Михайловича. Она сообщает сыну в Лондон, что великий князь Дмитрий Павлович начал слишком часто наносить визиты в семью Александра Михайло-

вича. Феликс принимает решение вернуться в Петербург через Крым.

Приехав в Петербург, Феликс быстро оценил сложившуюся ситуацию и написал матери в Москву: *«По приезде в Петербург сейчас же телеграфировал графине [графиня Комаровская — воспитательница великой княжны Ирины Александровны]. Назначили быть в 5 часов, остался полтора часа. Все по-старому, очень были рады меня видеть [родители Ирины]. Планы [на лето] еще не решены, может быть, едут в Англию, а может, Ирина поедет в Гатчину. Еще раз было сказано родителями, что, в принципе, не имеют ничего против, но что без согласия Бабушки [вдовствующей императрицы Марии Федоровны] ничего нельзя сделать, а Бабушка пока молчит. Говорят, что она выжидает, ее план таков. На ее второго сына [великого князя Михаила Александровича] поставили крест, на внука (сына ее старшего сына) рано или поздно тоже будет поставлен крест. Заместителем его может быть только мой лучший друг Д [великий князь Дмитрий Павлович]. Конечно, выгоднее быть в таком случае его женой, чем женой кого-нибудь другого».*

И Феликс, и его мать слишком хорошо воспитаны, а, кроме того, не исключено, что письмо могло попасть в руки жандармов. Поэтому стоит повнимательнее прочесть его и выудить суть: Юсуповы прекрасно понимают, что великий князь Михаил не может быть наследником, что цесаревич Алексей неизлечимо болен гемофилией. О царе нет ни слова, но в аристократических кругах давно уже считали, что «суший младенец» не может долго процарствовать. И в такой ситуации Феликс и Зинаида спешили сделать свою игру.

Вскоре состоялось объяснение соперников (любовников?), и Феликс пишет матери: *«С Дм. Павл.*

у нас по-прежнему дружеские отношения. Он мне откровенно рассказал про свое посещение со всеми подробностями, а также, что Мария Федоровна хочет, чтобы если Ир. вышла замуж за него, но он думает, что если Ир. его не любит, а любит меня, то противиться не будет».

Через много лет Феликс Юсупов так описал принятое в этом разговоре решение: *«Теперь решать предстояло Ирине. Мы с Дмитрием обещали друг другу никоим образом не влиять на решение ее».*

Наконец Феликс решает сыграть ва-банк и наносит визит Александру Михайловичу.

Юсупов прибыл в половине пятого, вся семья пила чай. Сначала побеседовали о погоде, о загранице и т. д. Когда дети ушли, Феликс прямо приступил к делу. Для начала он рассказал о ситуации с Зоей Стекл. Объяснения Юсупова были приняты супругами без возражений. И вот тогда-то Феликс спросил в лоб:

— Наши отношения с Ириной Александровной были исключительно дружеские. Но сейчас, по крайней мере, с моей стороны, они изменились. Если Ваши Высочества имеют в этом случае что-либо против, то не лучше ли сразу прервать все отношения?

Ксения страшно покраснела, но через секунду взяла себя в руки, и они вместе с мужем твердо заявили, что будут только рады, если все это случится. Немного подумав, Александр Михайлович добавил:

— Во всяком случае, не торопитесь, пусть Ирина хорошенько окрепнет и время нам покажет, если ваше чувство правда сильное или нет. Надо еще переговорить с императором и императрицей Марией Федоровной. В Лондоне, когда мы все там будем, то можно будет, не разглашая, решить этот вопрос в принципе.

На этом разговор был окончен. Великокняжеская чета тепло простилась с Феликсом.

Игра была слишком тонкая, чтобы спешить. И Феликс в очередной раз садится в поезд и отправляется в Лондон. Но, как всегда, он не мог на несколько дней не остановиться в Париже.

Вскоре Феликс получил важного союзника в своем сватовстве к Ирине. 28 июля 1913 года в Лондон прибыла великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра императрицы. Из письма Феликса к матери: *«Дорогая Мама, видел великую княгиню, которая в восторге быть в Лондоне. Я поехал ее встретить на вокзал, но опоздал на 5 минут, т. е. поезд пришел раньше, чем его ждали. Она отыскала какой-то удивительный поезд, приходящий в 7 1/2 утра. Когда я вернулся домой, то сейчас же ей телефоновал узнать, когда могу ее видеть. Она подошла к телефону и страшно смеялась и балаганила, видно, что она так довольна быть в Лондоне после стольких лет».*

Елизавета Федоровна с начала века была очень близка к семье Юсуповых. Но сейчас она была монахиня, и пристало ли настоятельнице женского монастыря разъезжать по Парижу, Лондону, «балаганить» и заниматься марьяжами?

Мать ответила сыну: *«Верю, насколько Елизавета Федоровна рада быть в Лондоне и как она этим наслаждается, забывая, что ей теперь все равно, где быть! Как все это преувеличено и фальшиво! Мне иногда ее глубоко жаль!»*

В середине июля 1913 года семья Александра Михайловича приезжает в Лондон. Феликс традиционно докладывает матери: *«Вчера завтракал в Ритце с родителями, Ириной и англичанином [близкий друг Ксении Александровны]. Очень странное впечатление производит этот господин. Он себя, по-моему, держит очень развязно, хотя довольно симпатичный. Во время завтрака он не-*

сколько раз напоминал великой княгине все то, что она должна была купить для Ирины. Он очень о ней заботился, но ей это неприятно, и за завтраком она все время краснела. После завтрака я их отвез в гостиницу, а вечером поехал с ними в театр, англичанин тоже был. Все очень странно. Великая княгиня все время с ним ездит вдвоем, и он у них все время сидит. Сегодня были с Ириной в музее. Много говорили. Она решила бесповоротно, даже если бабушка будет против, настоять на своем. У нее очень утомленный вид, и я думаю, что жизнь родителей не может не быть ей заметна».

Мать делает строгий выговор сыну: «Сейчас пришла твоя телеграмма, где ты говоришь, что вы были в театре и что все на Вас смотрели! По-моему, это глупое положение! Не имея согласия Бабушки, не показываться публично. Можно видеться сколько угодно, не ставить себя на положение женихов. Где находится Бабушка? Если она с тобой не познакомится теперь, то это очень дурной знак!»

Сын отвечает: «Только что вернулся от великой княгини Елизаветы Федоровны, которая уезжает завтра в Киль на неделю, затем в Россию... Мы с ней много говорили про меня. Она мне дала очень хорошие советы, за которые ей очень благодарен. С Ириной мы видимся каждый день и несколько раз в день. Вчера у меня был Александр Михайлович, посидел немного, а затем мы с ним поехали встречать Мими Игнатьеву, которая приехала на несколько дней. Мы с ним очень подружились, и у нас отношения совсем как между товарищами. Вчера обедали втроем: он, Ирина и я, затем поехали в оперу. Они все себя ведут, как будто все между нами решено, а вместе с тем Бабушка молчит. Великая княгиня Елизавета Федоровна ничего не могла узнать, только когда она спросила Марию Федоровну, скоро

ли Ксения Александровна уезжает, то та подмигнула многозначительно глазом и сказала: "Пусть останется подольше, это очень хорошо". Вот и все, что она могла узнать. Завтра мы все едем на целый день за город в моем автомобиле. *Toute la sainte famille* [все святое семейство (фр.)]. Ксения Александровна еще похудела и вид у нее отчаянный. Он [Александр Михайлович] совсем с ума сошел и с утра до поздней ночи танцует. Во вторник мы с ним даем большой ужин с танцами».

Действительно, в те годы великий князь Александр Михайлович сходил с ума по вошедшему в 1912 году в моду в Париже аргентинскому танцу танго. Николай II же считал сей танец аморальным и запретил его. На частных вечеринках в России все равно студенты и курсистки танцевали танго. Но за публичное исполнение этого танца где-нибудь на балу в Петербурге офицер мог с треском вылететь из полка, а то и вообще из армии без права ношения мундира. Лишь после отречения Николая II Александр Михайлович впервые открыто танцевал танго на балу в Киеве.

Замечу, что Зинаиду Николаевну, смотревшую сквозь пальцы на «нетрадиционные» похождения сына, крайне возмущало поведение Александра Михайловича и особенно его любовь к танго. В письме от 14 июля 1913 года наряду с наставлениями сыну в марьяжной игре Зинаида резко высказывается о будущем свате: «Я думаю, что может быть завтра, 3-го, ты как-нибудь встретишь Бабушку, а может быть, и нет, что также возможно! Вызвать тебя она не может, так как это было бы равносильно объявлению, но встретить, как будто случайно, было бы более чем естественно, и меня удивляет, что она не пожелала тебя видеть! Значит, у нее на душе все еще эта мысль не

улеглась, и она надеется, что, авось, переменится и будут новые впечатления. Это мне очень не нравится по отношению к тебе, и я советую об этом серьезно подумать. Мне тоже не нравятся товарищеские отношения с отцом. Это ни к чему. Он очень хитер и очень изменился к худшему за последние годы, так что я опять повторяю, будь осторожен и не выдавай зря, не доверяй ему чересчур! Все это очень грустно, но что же делать, приходится говорить печальную правду, когда ее видишь, а его я знаю насквозь и поперек! Ужин с танцами мне тоже не нравится! Во-первых, это эксплуатация твоего кармана, во-вторых, эти поганые танцы меня возмущают! (танго)... Говорят, что порядочные женщины в Лондоне не допускают этого безобразия у себя! Здесь, в Kurhaus, запрещено танцевать неприличные танцы полицией! Это какая-то болезнь, и я нахожу, что надо быть ненормальным, чтобы пускаться в пляс, как это делают "родители"! Великий князь Георгий Михайлович очень остроумно говорит, что новые танцы не что иное, как "хлыстовские радения"! Это, говорят, черт знает что! Мне обидно думать, что Ирину также привлекают туда, и нахожу, что пора отрезвиться. Жизнь не для того нам дана, чтобы превращать ее в какую-то вакханалию! Не ужасайся моим возмущением».

В свою очередь Сандро и Ксения осуждали поведение Феликса и не были уверены в правильности выбора Ирины.

Конец лета 1913 года семья Александра Михайловича провела в Ай-Тодоре. Вскоре туда примчался из Парижа через Петербург и Юсупов. В Ай-Тодоре Феликса принимали почти на правах жениха. Тем не менее 26 сентября после посещения нового Ливадийского дворца Ксения Александровна записала

в своем дневнике: «Обедали с Ириной в Ливадии *en famille* [по-семейному (фр.)]. Аликс все так же, но она обедала с нами, вид усталый. Много болтали. Сандро все рассказывал про Америку. Говорила с Аликс про Феликса — все спрашивает, уверены ли мы в нем — чего я, к сожалению, не могу сказать».

Но Феликс и Ирина были непреклонны и все время «выигрывали по очкам». В итоге через пять дней в дневнике Ксении появляется следующая запись: «Зинаида Юсупова и Феликс пили чай. Потом много говорили с ней втроем — выяснили наконец все обстоятельства, решили ничего не объявлять до зимы, когда все будем вместе и при Мама».

4 октября Ксения писала: «В 4 часа поехали в Ко-реиз к Юсуповым. Они ждали у старого дома под церковью. Смотрели его и любовались видом с балкона... Решили их завтра благословить, чтобы, по крайней мере, между нами было все ясно и кончено!»

Нетрудно представить, с какой тревогой ждали следующего дня Феликс и Ирина. Ведь до официальной помолвки еще оставалась вероятность отказа. Но все волнения оказались напрасны. 5 октября 1913 года после пятичасового чая семья Юсуповых прибыла в Ай-Тодор. Позже великая княгиня вспоминала: «Мы благословили детей. Благослови их Господь, и да пошлет Он им счастья. Было очень эмоционально — мы все целовались и прослезились».

Довольно странную позицию в этом вопросе заняла императорская чета. С одной стороны, Николай и Александра несколько раз высказывались в пользу брака Ирины и Феликса. Но 8 октября 1913 года во время чаепития в Ливадийском дворце, когда речь зашла об Ирине, императрица заявила Ксении Александровне: «Я слышала, что помолвка будет объявлена на днях. Но я бы ни за что не отдала свою дочь за него».

Такое двойственное отношение к браку легко объяснить. С одной стороны, Александра Федоровна крайне враждебно относилась к жизнелюбивым и красивым мужчинам, особенно когда они высказывали независимые мнения. Она давно ненавидела и Сандро, и Феликса. Причем в отношении Сандро у нее был и личный мотив, о котором мы поговорим позже. Но, с другой стороны, дом Романовых в 1900–1914 годах потрясли чуть ли не ежемесячные скандалы, учиняемые великими князьями и их метрессами.

Феликс Юсупов в качестве независимого миллионера мог выкинуть любое «коленце», и царская чета попыталась взять его под контроль, присвоив ему важный придворный чин, например камергера, или дав чин поручика кавалергардского полка. Но Феликс благоразумно увильнул от обоих предложений. Теперь единственным способом образумить Феликса без большого скандала оставалась женитьба.

6 декабря 1913 году Феликс прибыл в Копенгаген, где гостила вдовствующая императрица, а на следующий день он был приглашен на завтрак к Марии Федоровне. Сразу же после визита он описал свои впечатления Зинаиде Николаевне: *«Во дворце в гостиной, куда ввели меня, находились Вдовствующая Императрица и Великая княгиня Ксения с дочерью. Радость от встречи была написана на лицах у нас с Ириной. За обедом я то и дело ловил на себе изучающий взгляд Государыни. Затем она захотела поговорить со мной с глазу на глаз. В разговоре я почувствовал, что она вот-вот сдастся. Наконец, Государыня встала и сказала ласково: “Ничего не бойся, я с вами”»*.

Это было уже официальное благословение. Феликс и Ирина немедленно отправились в Петербург.

22 декабря 1913 года в домовая церковь Аничкова дворца состоялось обручение двадцатилетнего графа Феликса Сумарокова-Эльстон и восемнадцатилетней Ирины Александровны. Ксения Александровна в тот же вечер записала в дневнике: *«Очень эмоциональный день... В 4 часа съехались все на молебен — по случаю помолвки Бэби Рины [так в семье называли Ирину] — Юсуповы, Ольга, Татьяна [великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны], Диска [великая княгиня Виктория Федоровна, жена великого князя Кирилла Владимировича], Кирилл [великий князь Кирилл Владимирович], Ольга [великая княгиня Ольга Александровна], Петя [князь Петр Ольденбургский — муж великой княгини Ольги Александровны], Кутузовы. Даже Федор Алекс. [князь Федор Александрович, младший брат Ирины Александровны] пришел, к счастью — я так боялась, что он не появится (но такое грустное выражение лица, что мне хотелось плакать). Все наши люди в церкви — очень было хорошо. Дай им Бог счастья и любви. Не верится, что Ирина выходит замуж!»*

Свадьба была назначена на 9 (22) февраля 1914 года в той же домовая церковь Аничкова дворца.

Родители жениха тут же начали переделку своего великолепного дворца на Мойке, где должны были поселиться молодые. Феликс приказал сделать для своей семьи отдельный вход. Были роскошно отделаны спальня, будуар Ирины, мозаичный бассейн. Помимо того, Феликс распорядился в подвале левого крыла дома «устроить темную залу — столовую в ренессансном стиле». Через три года Феликс там накормит Распутина отравленными пирожными.

Задолго до венчания Ирина начала получать свадебные подарки. 4 февраля 1914 года Ксения Александровна записала в дневнике: *«Мама приез-*

жала и подарила Ирине чудную брошь — бриллианты и жемчуг. Мы потом тоже подарили Ирине подарки — сапфировое кольцо, мой собственный изумруд — кулон, брошку с рубинами и бриллиантами и тремя жемчужными кисточками и маленькое бриллиантовое кольцо. Я дала еще несколько изумрудов Ирине для диадемы, которую Феликс делает».

Николай II спросил Александра Михайловича:

— Что подарить на свадьбу твоему зятю? Не хочет ли он стать камергером при моем дворе?

На следующий день Сандро ответил Ники:

— Феликс сказал, что самым лучшим подарком от Его Величества будет дозволение ему сидеть в театре в Императорской ложе.

Николай засмеялся и согласился. Он был слишком хорошо воспитан, чтобы высказывать обиду после щелчка по носу.

В 2 часа дня 9 февраля 1914 года в домовая церковь Аничкова дворца состоялось венчание Феликса и Ирины. Императрица Мария Федоровна и Николай II были посаженными матерью и отцом. Император сказал невесте, что он никогда не видел ее такой красивой.

В начале шестого императорская чета покинула церемонию, а Ирина и Феликс посетили дворцы Александра Михайловича и князя Юсупова. В семь часов вечера молодоженов ждал отдельный вагон скорого поезда, который умчит их в свадебное путешествие.

Позже Феликс вспоминал: *«Наконец отъезд. Толпа родных и друзей на вокзале. И опять пожимания рук и поздравления. Наконец, последние поцелуи — и мы в вагоне. На горе цветов покоится черная песья морда: мой верный Панч возлежал на венках и букетах. Когда поезд тронулся, я заме-*

тил вдалеке на перроне одинокую фигуру Дмитрия».

Все были в восторге от этой пышной свадьбы, красавца-жениха и очаровательной невесты. Николай II записал в дневнике: *«Аликс и я с детьми поехали в город в Аничков на свадьбу Ирины и Феликса Юсупова. Все прошло очень хорошо. Народу было множество».*

Никто и не подозревал, что это была последняя торжественная свадьба в Российской империи.

Глава 20

ДИВИДЕНДЫ С УБИЙСТВА

Об убийстве Распутина я уже рассказал в главе, посвященной великому князю Дмитрию Павловичу. Здесь же замечу, что в эмиграции тень Распутина преследовала Феликса и Ирину еще больше, чем Дмитрия.

В 1919 году чета Юсуповых прибыла на остров Мальту вместе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. 30 мая Феликс, Ирина и ее братья Федор и Никита сели на пароход и отправились в Италию. Юсупов позже вспоминал: *«1 мая мы отшвартовались в Сиракузах и попали в самый разгар всеобщей стачки. Коммунисты устроили шествие с красными флагами. На стенах было намалевано: Да здравствует Ленин! Да здравствует Троцкий! От чего ушли, к тому и пришли. Настроение вмиг испортилось...»*

В Мессине пересели на паром и, переправившись через пролив, доехали до Рима благополучно. Новая забота — кончились лиры. К счастью, было с собой кое-что из ценностей. Почти все наши фамильные украшения остались в России, моя мать и Ирина спасли только

то, что имели при себе, уезжая в Крым. Я заложил Иринино брильянтовое кольцо. Теперь мы могли спокойно продолжать путешествие»¹³⁰.

В Париже ювелир Шоме принес Юсуповым мешочек с бриллиантами, остававшийся у него с того времени, когда он переделывал для Ирины старинные ожерелья. Это стало для Юсуповых приятным сюрпризом, поскольку об этих бриллиантах они совершенно забыли. Еще один сюрприз ждал Юсуповых — их автомобиль, простоявший в гараже пять лет. Теперь стало проще ездить из Франции в Италию и Англию, где находилось большинство родственников Юсуповых.

Ирина уехала проводить своего отца великого князя Александра Михайловича в его любимый Биарриц, а Феликс отправился в Лондон, чтобы найти там квартиру, ну а для начала остановился в отеле «Ритц». Так он неожиданно встретил великого князя Дмитрия Павловича. Замечу от себя, что «Ритц» — это самый дорогой отель в Европе, и даже представители лучших аристократических семейств Англии и Франции редко останавливались там.

Феликс нашел в Лондоне квартиру, а затем отправился... в Париж, а оттуда — в Биарриц.

Отдохнув несколько месяцев, Юсупов решил заняться благородным делом — помощью русским беженцам. Для этого нужно было организовать мастерские для трудоустройства эмигрантов, обеспечить военных бельем и теплой одеждой. Англичанка миссис Локк предоставила Феликсу для этих целей помещение в своем особняке на Белгвэй-сквер. Помогала и графиня Карлова, вдова герцога Джорджа Мекленбург-Стрелицкого. Это была умная и энергичная женщина, уважаемая всей русской колонией. Она сразу же взяла на себя управление мастер-

скими. Братья Ирины Федор и Никита, а также многие английские друзья пришли Юсупову на подмогу. И вскоре на Белгрэйв-сквер повалили не только безработные эмигранты, но те, кому просто приходилось туго.

Дело ширилось, но средств не прибавлялось. Деньги быстро таяли. Тогда Феликс поехал по промышленным городам Англии, где встретил сочувствие и понимание. Результат поездки превзошел все ожидания. Благотворительные вечера, устроенные с помощью друзей-англичан, также пополнили кассу. Самый большой доход принесла пьеса Толстого «Живой труп», сыгранная в Сент-Джеймском театре с Генри Эйнли в главной роли. А после спектакля великий артист обратился к публике с речью, призывая сограждан помочь русским беженцам, их недавним союзникам.

Но вот передо мной «Сводка Иностранного отдела ВЧК о русских разведывательных организациях в Берлине, их деятельности и агентуре» за 21 января 1922 года. Там говорится о белогвардейской разведывательной организации некоего Орлова (настоящая фамилия — Орлецкий). В сводке говорится: *«Орлов получает средства частью из Парижа и Варшавы от французского и польского Генштабов, частью от находящихся в Париже богатых русских эмигрантов, главным образом князя Юсупова-Сумарокова-Эльстон»*¹³¹.

Не могу вновь не вспомнить знаменитый «Союз Меча и Орла».

Само собой, Юсупов ни в письмах, ни в мемуарах ни разу не обмолвился о связях со шпионской сетью Орлова.

Убийство на Мойке преследовало Юсупова в Париже и в Лондоне: *«Во Франции моя скандальная известность стала причинять мне сильнейшие*

страдания. Куда ни пойду — провожают взглядами, шепчутся за спиной. Прежде, в Англии, такого не было. Англичане сдержанны и воспитаны.

Но хуже взглядов исподтишка на улице были бесцеремонные, неуместные или неприличные вопросы в гостиных. Одна хозяйка дома даже заявила при гостях: “Юсупов войдет в историю как полуангел-полуубийца!”»¹³²

В ноябре 1923 года Юсуповы отправились в Америку с целью более выгодно продать свои картины кисти Рембрандта. На набережной нью-йоркского порта их ждала толпа репортеров. «Тут, однако, пришли сказать, что американские власти противятся моей высадке, так как по американским законам убийцам въезд в Америку запрещен... Долго пришлось доказывать почтенным чиновникам, что я не профессионал»¹³³, — пишет Феликс в своих мемуарах.

В США «рембрандтов» Юсупов сумел продать за 225 тысяч долларов. (Огромная по тем временам сумма!)

Любопытно отношение Феликса и Ирины к императору Кириллу. Здесь очень важны нюансы, и посему я дам большую цитату: «В 1924 году два важных события посеяли смуту в эмигрантских умах. Первое — манифест великого князя Кирилла, царя двоюродного брата, провозгласившего себя императором всея Руси. Второе — раскол в русской церкви.

Политические игры великого князя Кирилла начались еще в 1917 году в России. И тогда позиция, им занятая, порицалась всеми патриотами и произвела невыгодное впечатление в Европе. И в 22-м году великий князь назвался хранителем трона, и вот теперь, в 24-м, провозгласил себя императором.

Поддержали его немногие. Большинство эмигрантов, начиная с императрицы Марии Федоровны и великого князя Николая, осудили его и будущим государем признать отказались.

Новость я услышал в Брюсселе. Генерал Врангель, у которого я обедал в тот день, не мог скрыть возмущения. Показал он мне один хранимый им документ. В 1919 году нашла его Белая армия в архивах города, покинутого большевиками. Это была программа большевистской пропаганды в Европе. Первым пунктом стояло провозглашение великого князя Кирилла императором всея Руси.

Узнав о намерениях великого князя, генерал Врангель послал ему копию документа и умолял не подыгрывать комиссарам. Ответа он не получил»¹³⁴.

В отличие от Дмитрия Павловича, Юсупов периодически вспоминал в высшем свете убийство Распутина, а в 1927 году решил на нем заработать и выпустил книгу «Конец Распутина». Книга имела большой успех и принесла автору круглую сумму.

Правая часть русской эмиграции ответила на книгу Юсупова злобной руганью. «Я и думать не мог, что распутинщина еще так сильна в иных умах, — пишет Феликс. — Люди эти устраивали сходки и голосили, заявляя, что книга моя — скандал, что оскорбил и память императора и семьи его, хотя упрек у критиков был ко мне один: что показал я истинное лицо “святого отца”».

Из-за этой книги Феликс поссорился с великим князем Дмитрием Павловичем. Книга послужила поводом для первого судебного скандала.

Матрена Соловьева, дочь Григория Распутина, подала в суд на Феликса и Дмитрия «иск с требованием компенсации в двадцать пять миллионов франков за нанесенный ей убийством моральный ущерб». Интересы Матрены защищал адвокат Мо-

рис Гарсон, а Феликса Юсупова — известный мэтр юриспруденции де Моро-Джаферри. Суд отказал Матрене с той мотивировкой, что «французский суд не имеет права судить внутренние дела Российской империи».

Надо ли говорить, сколь широко освещался французской и британской прессой такой пикантный процесс! Феликс Юсупов вошел во вкус судебных дразг и сразу после суда с Матреной начал судиться с рядом издателей газет, публиковавших статьи о процессе и событиях декабря 1916 года. Суд признал доказательства газетчиков недостаточными, и князь получил крупную сумму в качестве возмещения «морального ущерба».

В 1932 году германская телекомпания «Emelka» сняла первый в истории художественный фильм о Распутине. Юсупов мгновенно нанял адвокатов, и те пригрозили фирме судом, так как «представленные в фильме факты не соответствовали действительным». В итоге немцы испугались и выплатили Юсупову 2500 английских фунтов. Тут Феликс понял, что судиться с «киношниками» гораздо прибыльнее, чем с газетчиками.

В том же 1932 году Голливуд выпустил фильм «Распутин и императрица» в студии «Метро-Годвин-Майер». На всякий случай янки в фильме заменили имена и фамилии. Князь Феликс Юсупов стал прототипом князя Павла Чегодиева, а Ирина Александровна — его жены Наташи. Тем не менее Юсупов кинулся судиться. После почти двухлетнего процесса британский суд присудил Ирине Юсуповой в качестве моральной компенсации 25 тысяч английских фунтов (равносильно нынешним 500 тысячам долларов США), и судья требованием суда запретил дальнейший прокат фильма «Распутин и императрица»¹³⁵. А в августе 1934 года адвокаты

обеих сторон пришли к соглашению, по которому к присужденной сумме киностудия «Метро-Годвин-Майер» обязалась выплатить дополнительно 75 тысяч английских фунтов, то есть общая сумма составила 200–250 тысяч долларов США (в современном эквиваленте 2,5–3 миллиона долларов США). А Ирина Юсупова соглашалась на дальнейший прокат фильма при условии утверждения на экране, что фильм, как и главная героиня, является полным вымыслом.

Понятно, киностудия тоже не осталась внакладе. Такой бесплатной рекламы еще не знала ни одна голливудская лента.

Последний суд Юсуповых состоялся в 1965 году в Нью-Йорке. На сей раз супруги вымогали деньги от компании CBS, выпустившей телефильм «Если я должен умереть». Феликс и Ирина требовали полтора миллиона британских фунтов. Однако времена изменились, и суд отказал в иске княжеской чете.

Крайне любопытно отношение Юсупова к началу Великой Отечественной войны: *«Нападение Германии на советскую Россию оживило надежды многих эмигрантов. Первой их мыслью было: коммунистам конец.»*

Понятно, что немало русских встало на сторону наци. Решили, что можно возобновить борьбу с большевизмом, и завербовались в немецкую армию кто бойцом, кто — переводчиком.

Такое ж отношение к немцам было поначалу и в России. Стали приводить в исполнение секретный план: армию за армией сдавали почти без боя. И оккупационные войска население встречало хлебом-солью. Люди проклинали Коминтерн и в оккупантах видели освободителей.

Через несколько месяцев все изменилось. Немцы,

как всегда, совершили психологическую ошибку: были по отношению к русским жестоки. И в России их возненавидели еще пуще, чем большевиков»¹³⁶.

Такие мысли характерны для правой эмиграции. Они не только не знали, но и не хотели знать правду. Юсупову и К° не нужно было слушать сводки Информбюро, а достаточно было посмотреть военную кинохронику, выпущенную доктором Геббельсом. Я просмотрел десятки фильмов за 1939–1944 годы. Везде говорится о победах и эффектно представлено действие германского оружия. Но в хронике до 22 июня 1941 года и после — большая разница. Вначале показывается веселая прогулка по Европе, а затем — пусть успешная, но тяжелая и кровопролитная война. За первые три месяца войны на востоке вермахт потерял больше людей, танков и самолетов, чем за захват всей Европы в 1939–1941 годах. Феликс пишет в мемуарах о «секретном плане» советских генералов. Не дай Бог, попадут мемуары к нашим журналистам — любителям сенсаций, так те такое раскрутят!

Войну Юсуповы провели в Париже. Феликс был не очень рад, увидев «шерманы» на улицах французской столицы: *«...к бочке меда примешивалась ложка дегтя. Как только первая радость погасла, начались сцены, какие уж видели мы прежде немало. Толпа везде толпа. Бессмысленна и беспощадна. И во все века так было: вознесет, потом растопчет...»*

Начались массовые аресты, в основном по указке самочинных судей, сводивших личные счеты. Арестовали многих наших друзей, и освободить их было очень трудно. Немцев ненавидели так, что предателем называли и того, кто предал, и того, кто просто работал по профессии и зарабатывал на хлеб...

Как снег на голову свалился на Пьер-Герен шурин Дмитрий в форме офицера британского флота, посланный с миссией от адмиралтейства. От него узнали новости о теще и компании. Андрей женился вторым браком на шотландке. Федор болел и жил с матерью в Шотландии. Дмитрию, с тех пор как мы не виделись, тоже не поздоровилось, особенно в дюнкерские дни, когда вместе с английскими моряками участвовал он в эвакуации войск»¹³⁷.

В 1940-х — 1950-х годах чета Юсуповых проводила зиму в Париже, а лето в Биаррице. В 1952 году вышла первая книга воспоминаний Юсупова «До изгнания. 1887–1919 гг.». Она была написана по-французски. Вторая часть вышла через два года.

В начале 1966 года Феликс тяжело заболел. Тележурналист Кирман Тюнней и другие деятели СМИ еще настойчивее атаковали старого князя с тем, чтобы он хоть перед смертью рассказал правду об убийстве Распутина. Но Феликс упрямо молчал.

Князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон скончался в Париже 27 сентября 1967 года в возрасте 80 лет. Феликс был похоронен на кладбище Сен-Женевье де Буа рядом с матерью.

Жена ненадолго пережила мужа. В начале февраля 1970 года Ирина заболела гриппом и скончалась 26 февраля того же года в возрасте 74 лет. Похоронили ее рядом с мужем.

Единственная дочь Юсуповых Ирина вышла замуж за графа Николая Шереметева. По семейной традиции они имели только одну дочь, названную в честь бабушки Ксенией. (Дома же ее называли Пунькой.) В 1965 году Ксения вышла замуж за грека Илью Сфири. В 1968 году в семействе тоже родилась единственная дочь Татьяна, правнучка Феликса и Ирины и праправнучка императора Александра III.

Глава 21

ОЛЬДЕНБУРГСКАЯ ВЕТВЬ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Со времен Петра Великого династия Романовых породнилась со многими германскими княжескими родами¹³⁸. Одним из таких родов является Ольденбургский великогерцогский дом.

Ольденбург — Великое герцогство в Германии. Оно состояло из герцогства Ольденбург, княжеств Любек и Биркенфельд. Площадь Великого герцогства составляла 6423,5 квадратных километра. Оно граничило с прусской провинцией Ганновер, владениями города Бремена и Немецким морем.

Первым известным предком этого рода был упоминаемый в летописях за 1091 год Эгильмар, граф Леригау, умерший в 1108 году. Его сын стал графом Ольденбурга, находящегося на северо-западе Германии на побережье Северного моря.

Стремительное возвышение этой семьи началось в XV веке, когда потомок Эгильмара, граф Дитрих Счастливый (умер в 1440 году) женился на дочери герцога Герхарда VI Шлезвиг-Голштейнского, Хедвиге. Сам герцог Герхард был потомком датских королей и имел права на датский королевский престол. Эти права унаследовал его внук, сын Дитриха Счастливого, граф Христиан Ольденбургский (1426–1481). После пресечения королевской династии в Дании Христиан был в 1448 году выбран королем Дании, а в 1450 году стал королем Норвегии, а вскоре и герцогом Шлезвиг-Голштейна.

Так была основана королевская линия Ольденбургского дома. Графство же Ольденбург перешло к брату Христиана, а после смерти в 1667 году графа Антона Гюнтера стало владением Дании. Династия Ольденбургов разделялась на несколько линий.

Старшая королевская линия правила Данией более 400 лет, с 1448 по 1863 год, и пресеклась со смертью короля Фредерика VII. Средняя линия, основанная братом датского короля Фредерика II, герцогом Иоанном (умер в 1622 году) получила название Голштейн-Зонденбургской. В XVII веке она распалась на две ветви: Августенбургскую и Глюксбург-Бекскую. Один из представителей этой линии, принц Петр Голштейн-Бекский (1698–1775), стал российским генерал-фельдмаршалом.

Сначала принц Петр служил полковником в армии ландграфа Гессен-Кассельского. В 1734 году его мать обратилась к императрице Анне Иоанновне с просьбой о принятии сына на российскую службу. Принц с чином полковника был зачислен в русскую армию и получил под свое командование полк. Служил он под начальством графа Миниха и в 1738 году был произведен в генерал-майоры. В 1741–1743 годах Петр Голштейн-Бекский участвовал в войне со Швецией и в 1742 году стал генерал-поручиком. Императрица Елизавета Петровна в 1755 году пожаловала его в генерал-аншефы и назначила ревельским губернатором.

За время недолгого царствования императора Петра III принц вознесся на вершину славы. Он стал членом Государственного совета и в 1762 году — генерал-фельдмаршалом.

Императрица Екатерина II благосклонно отнеслась к принцу Петру, оставив его в должности ревельского губернатора. Фельдмаршал граф Миних так отзывался о принце Петре Голштейн-Бекском: «...крепкого и здорового сложения, справедливый и хороший полководец, служит охотно и добрый воин».

Потомок Петра Голштейн-Бекского в 1863 году унаследовал датский престол под именем короля Христиана IX. Сын Христиана Георг в 1862 году по-

лучил греческий королевский престол. Глюксбурги правили Грецией до свержения монархии в 1974 году. Мать последнего российского императора Николая II, императрица Мария Феодоровна, была дочерью короля Христиана IX.

Глюксбургская ветвь Ольденбургского дома в 1905 году вошла также и на норвежский престол, на котором, в лице короля Харальда V, находится и поныне. Сегодня Данией правит праправнучка Христиана IX, королева Маргрете II.

За средней Ольденбургской линией идет младшая Голштейн-Готторпская линия. Основателем ее был герцог Адольф (умер в 1586 году), сын короля Дании Фредерика I.

Эта ветвь владела землями в Голштинии, и столицей ее владений был город Киль. Герцоги Голштейн-Готторпские постоянно конфликтовали с Данией из-за своих владений. Они всегда были в династическом союзе со Швецией — противницей датских королей. Поражение короля Швеции Карла XII в Северной войне против России, создание Петром I Российской империи заставили племянника Карла XII, герцога Карла Фридриха Голштейн-Готторпского (1702–1739), бывшего также одним из наследников шведской короны, заключить союз с Россией.

В 1725 году Карл Фридрих женился на дочери императора Петра I цесаревне Анне Петровне. От этого брака у него был единственный сын Карл Петр Ульрих, ставший в 1741 году по повелению своей тетки императрицы Елизаветы Петровны наследником русского престола. Он был вывезен в Россию, принял православие, получил титул великого князя и стал зваться Петром Федоровичем.

Став императором, Петр III вызвал в Россию своего двоюродного дядю принца Георга Людвига (1719–1763). Он ранее служил в армии короля Прус-

сии Фридриха Великого в чине генерал-майора и был кавалером ордена Черного Орла. Во время Семилетней войны он воевал против России. В 1761 году принц Георг Людвиг уволился с прусской службы и вернулся в Голштинию. При Петре III началась стремительная карьера этого голштинского принца. Император присвоил ему титул императорского высочества и звание генерал-фельдмаршала. Во время переворота 1762 года Георг Людвиг был арестован и через несколько дней выслан в Германию. Впрочем, императрица Екатерина II милостиво обошлась с принцем (она приходилась ему племянницей), он был назначен штатгальтером Голштинии и получил 150 тысяч рублей.

После смерти Екатерины II на престол вступил ее сын Павел I. С тех пор и до 1917 года Россией правила Голштейн-Готторпская линия дома Ольденбургов, принявшая имя национальной династии Романовых.

Кроме русской линии существовала и младшая ветвь Голштейн-Готторпского дома. Ее родоначальником был принц Христиан Август. Дочь его Иоганна Елизавета (1720–1760) стала женой ангальтского князя и матерью русской императрицы Екатерины II. Сын же Христиана Августа принц Адольф Фредерик в 1751 году стал королем Швеции.

Однако Голштейн-Готторпы не долго царствовали в шведском королевстве. Внук Адольфа Фредерика, король Густав IV Адольф, втянув Швецию в войну против России в 1808 году, проиграл ее и потерял Финляндию. В марте 1809 года он был свергнут армией и выслан из страны. Шведским королем стал его бездетный дядя Карл XIII, после смерти которого в 1818 году на шведский престол вступил французский маршал Бернадот, его династия и ныне правит в Швеции.

Голштейн-Готторпы получили в управление в 1773 году также и графство Ольденбург, преобразованное в герцогство. Брат шведского короля Адольфа Фредерика, принц Фридрих Август (1711–1785), и стал первым правящим герцогом Ольденбурга. В 1773 году наследник российского престола цесаревич Павел Петрович, будущий Павел I, получил от Дании за свой отказ на право владения герцогством Шлезвиг-Голштейн графство Ольденбург. В свою очередь Павел передал это владение принцу Фридриху Августу, ставшему герцогом Ольденбургским. После Фридриха Августа герцогством правил его сын Вильгельм (умер в 1829 году), но так как он был недееспособным, регентом при нем стал его двоюродный брат принц Петр (1755–1829).

У Петра был брат Вильгельм Август (1753–1774). Оба они воспитывались при русском дворе под руководством императрицы Екатерины Великой. Принцы состояли на российской военной службе. Однако Вильгельм Август, служивший на флоте, трагически погиб, утонув в 1774 году в Ревельской бухте. Петр, служа в сухопутных войсках, был участником русско-турецкой войны 1787–1791 годов.

По прошествии революций и наполеоновских войн, сотрясавших Европу, в 1823 году принц Петр унаследовал Ольденбург, ставший с 1814 года Великим герцогством. Женат великий герцог был на принцессе Фридерике Вюртембергской (1765–1785), родной сестре императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I. От этого брака у Петра было двое сыновей — Павел Фридрих Август (1783–1853) и Петр Фридрих Георг (1784–1812). Оба брата получили образование в Лейпцигском университете.

Петр Фридрих Георг в России звался принцем Георгием Ольденбургским, он и стал основателем вет-

ви русских принцев Ольденбургских. С 1808 года он вместе с братом служил в русской армии в чине генерал-майора.

И вдруг за этого не слишком умного, не слишком красивого и очень бедного принца выдают замуж Екатерину Павловну, любимую сестру императора Александра I. Тут нам придется остановиться подольше, чтобы рассказать о подоплеке столь неравнородного брака.

25 июня 1807 года на плоту посреди пограничной реки Неман состоялась первая встреча Александра с Наполеоном. 8 июля Францией и Россией был заключен мир, названный по месту подписания Тильзитским. По этому миру Россия ничего не потеряла, а лишь приобрела Финляндию и Бессарабию. Но для немцев Тильзитский мир стал подлинной катастрофой. Русский император и его окружение лишены были права вмешиваться в германские дела, а Наполеон стал полновластным хозяином в Центральной Европе. Крайне было раздражено и британское правительство, решившее драться с Наполеоном до последнего солдата, разумеется, русского или немецкого. Английские дипломаты и разведчики в Петербурге получили указания любой ценой добиться расторжения Тильзитского мира.

В гостиных Петербурга и Москвы поползли разговоры о «позорном мире». Императрица Мария Федоровна и петербургская знать отказывались принимать французского посла Савари. И, как принято у нас на Руси, разговор о том, «как все плохо», незаметно переходил на тему «кто виноват», а затем, естественно, на «что делать». Кто виноват — было очевидно, что делать — тоже было ясно, благо, немного было знатных семей, не имевших дедов — участников переворотов 1725, 1740 и 1741 годов, отцов, при-

существовавших при геморроидальных коликах Петра III, и внуков, посетивших спальню Павла в Михайловском замке. Был, правда, не менее существенный вопрос — кто? Великий князь Константин был глуп, труслив и запутался в грязных сексуальных историях, что было само по себе еще терпимо, но взбалмошность и жестокость закрывали ему дорогу к престолу. Никто не хотел павловского правления в ухудшенном издании. Великие князья Николай и Михаил были еще детьми. Старшая дочь Павла Александра умерла в 17 лет, Елена и Мария уже были выданы замуж за германских князьков. Оставалась двадцатилетняя Екатерина.

Из донесения шведского посла графа Стединга в Стокгольм от 28 сентября 1807 года: *«Недовольство против императора все более возрастает и со всех сторон идут такие толки, что страшно слушать... Забвение долга доходит даже до утверждений, что вся мужская линия царствующей семьи должна быть исключена, и, поскольку императрица-мать, императрица Елизавета не обладают надлежащими качествами, на трон следует возвести великую княжну Екатерину».*

Аналогичную информацию посылала французская разведка в Париж. Из письма Наполеона к Савари от 16 сентября 1807 года: *«Надо быть крайне настороже в связи со всякими дурными слухами. Англичане насылают дьявола на континент. Они говорят, что русский император будет убит».*

А пока в Лондоне и Париже напряженно ждали развязки, Екатерина Павловна много танцевала на балах, где часто говорила о своих возвышенных чувствах к царственному брату. В промежутках между балами она занималась живописью и любовью. Это могло бы успокоить Александра, если бы в постели сестрицы не оказался... генерал Багратион.

Багратион с 1800 по 1811 год, будучи шефом лейб-гвардии егерского полка, отвечал за охрану царской семьи, находившейся в летние месяцы в Гатчине и Павловске. Поэтому великая княжна Екатерина знала генерала еще с детских лет. Инициатива сближения, несомненно, принадлежала Екатерине Павловне. Дело тут не только в этикете, который запрещал генералу первому начинать разговор с августейшими особами. Увы, наш храбрец был очень робок с женщинами и, говоря честно, глуповат. Впрочем, даже недостатки Багратиона становились достоинствами для заговора. Для переворота нужна была первая шпага государства, и Багратион мог ею стать для Екатерины Павловны, как генерал Буонапарте для Барраса и Жозефины Богарне, с той разницей, что Наполеон прикидывался простачком в политике, а князь Петр был им на самом деле.

Отношения Петра Ивановича и Екатерины Павловны начались с бесед о живописи в гостиной дворца в Павловске — резиденции вдовствующей императрицы. Екатерина дарила Петру Ивановичу картины своей кисти, а князь отвечал ей тем же. Перевести разговор с живописи на действия гвардейских полков в случае каких-либо государственных потрясений неудобно и неприлично. Зато завести разговор о штыках в постели — почему бы и нет?

Лишь в последний момент императору Александру удалось подавить заговор. Если верить мемуарам Савари, Наполеон через своего посла предупредил русского императора о заговоре и подготовке к покушению на его жизнь. Но нельзя исключить, что это предупреждение было продублировано русскими осведомителями.

Багратион был срочно отправлен в действующую армию в Финляндию, а Екатерину Павловну в при-

нудительном порядке выдали замуж за принца Петра Фридриха Георга (Георгия) Ольденбургского.

Сразу же после свадьбы молодые были сосланы в захолустье — в Тверь, куда принц был назначен губернатором.

Осенью 1812 года французы оставили Москву. Император Александр I торжествует. Почти одновременно с этим в Твери скончался принц Георгий Ольденбургский, и лишь теперь Александр может позволить себе выслать за границу «любимую сестру». Формально Екатерина едет на лечение в Германию. Там в 1816 году она вступает в брак с Вильгельмом Вюртембергским и становится Вюртембергской королевой. Но, увы, титул титулом, а площадь ее королевства была в 4,5 раза меньше площади нынешней Тверской области (84 и 19 тыс. кв. км). Королева Екатерина скончалась в 1819 году в своей столице — захудалом городке Штутгарте.

Младший сын принца Георгия Ольденбургского принц Петр Георгиевич (1812–1881) родился 14 августа 1812 года в Санкт-Петербурге и в младенчестве воспитывался при дворе императрицы Марии Федоровны. После второго брака матери (ставшего женой короля Вюртемберга) Петр с братом Александром (1810–1829) отправился в Германию в Штутгарт. После смерти матери Петр оказался в Ольденбурге у своего деда — великого герцога.

Молодой принц получил, кроме военного, также юридическое образование. Ему преподавали русскую историю, он свободно владел языками, знал греческий и латинский. В дальнейшем принц Петр Георгиевич получил ученую степень доктора права.

Когда Греция освободилась от османского влияния, встал вопрос о кандидатуре Петра Ольденбургского на греческий престол. Но королем эллинов ему стать не пришлось. Император Николай I в 1830

году вызвал племянника на службу в Россию. Числившийся еще от рождения в рядах лейб-гвардии Преображенского полка, принц в декабре 1830 года был назначен командиром батальона преображенцев. Затем он временно командовал и всем Преображенским полком.

В армии Петр Ольденбургский дослужился до чина генерала от инфантерии и в 1841 году перешел на гражданскую службу. В 1834 году он стал сенатором, в 1836 году — членом Государственного совета, в 1842 году — председателем Департамента гражданских и духовных дел. В 1841–1859 годах он являлся президентом Вольного экономического общества, а с 1860 года возглавлял Ведомство императрицы Марии. Император Николай I высоко оценил деятельность своего племянника и в 1845 году пожаловал ему титул императорского высочества. Благодаря попечению и заботам принца Петра было создано Училище правоведения, на нужды которого он пожертвовал один миллион рублей. В 1889 году, уже после смерти Петра Георгиевича, на Литейном проспекте в Санкт-Петербурге был установлен в его честь памятник.

От брака с принцессой Нассауской Терезией (1817–1871) принц Петр имел восьмерых детей и среди них дочь Александру Петровну (1838–1900), ставшую женой великого князя Николая Николаевича старшего, сына императора Николая I, и сыновей — принцев Николая (1840–1886), Александра (1844–1932), Георгия (1848–1871) и Константина (1850–1906).

Александр Петрович был участником русско-турецкой войны 1877–1878 годов, членом Государственного совета, председателем Общества трезвости, а в годы Первой мировой войны занимал должность руководителя всей санитарной и эвакуационной

службы армии. На этой должности он отличился жестоким подавлением мародерства в среде санитаров, что было настоящим бичом армии и наносило удар по ее престижу и моральному духу.

Заботами принца Александра Петровича в Петербурге был сооружен Народный дом императора Николая II. Под его руководством была создана климатическая станция в Гаграх.

После революции 1917 года принц Александр Петрович Ольденбургский вместе с семьей эмигрировал во Францию, где и умер в 1932 году. От брака с княгиней Евгенией Максимилиановной Романовской, герцогиней Лейхтенбергской (внучкой Николая I) Александр Петрович имел единственного сына — принца Петра Александровича (1868–1924). С 1901 года он был женат на дочери императора Александра III великой княгине Ольге Александровне. Брак этот был бездетным и неудачным. Супруги развелись в 1916 году.

До Первой мировой войны Петр Александрович в чине генерал-майора командовал полком стрелков Императорской фамилии. После февраля 1917 года он ушел в отставку и поселился в своем имении в Воронежской губернии, а с началом красного террора вместе с отцом и матерью бежал во Францию. Там он жил в Париже и на ферме под Байоной.

Принц занимался литературой и под псевдонимом «Петр Александров» публиковал рассказы из народного быта. Писатель Иван Бунин в эмиграции часто общался с принцем Ольденбургским и после его смерти от туберкулеза в 1924 году написал о нем очерк. С его кончиною русская линия Ольденбургского дома пресеклась.

Младший брат принца Александра, Константин Петрович Ольденбургский, в 1882 году женился морганатическим браком на княгине Агриппине

Джапаридзе (1855–1926). Его потомство получило титул графов фон Зарнекау.

В настоящее время Голштейн-Готторпская ветвь Ольденбургской династии существует в лице потомков великого герцога Павла Фридриха Августа, старшего брата основателя русской линии принца Георгия. Род Ольденбургов лютеранского вероисповедания. По законам семьи глава династии и его супруга носят титулы великого герцога и великой герцогини, а другие члены Дома титулуются герцогами и герцогинями Ольденбургскими с обращением «ваше высочество».

Павел Фридрих Август, как и его младший брат, долго жил в России и служил на русской службе. В 1811–1817 годах он занимал пост военного губернатора в Ревеле, а в 1829 году вступил на великогерцогский престол. Правление его пришлось на время революционного движения в Германии, когда жители многих германских государств требовали введения конституции, и великий герцог в 1848 году даровал ее своему государству, но после поражения революции пошел на сокращение прав парламента (ландтага). В 1852 году конституция была пересмотрена, и властные права великого герцога расширены.

Павел Фридрих Август был женат трижды и от своих браков оставил четверых детей. У него было два сына: Петр (1827–1900) и Антон Гюнтер Элимар (1844–1894). Последний в 1876 году заключил мorganатический брак с баронессой Наталией Фогель фон Фрезенгоф (1854–1937). Она была дочерью барона Густава Фрезенгофа и Александры Николаевны Гончаровой, сестры жены А.С. Пушкина Натальи Николаевны. Дети Антона Гюнтера Элимара получили титул графов Вельсбург.

После смерти в 1853 году великого герцога Павла Фридриха Августа его старший сын Петр взошел на

престол под именем Петра II. В его правление в 1867 году Ольденбург стал членом Северо-Германского союза, а в 1871 году вошел в состав Германской империи.

Супругой великого герцога Петра II была принцесса Елизавета Саксен-Альтенбургская (1826–1896). Ее сестра Александра стала женой великого князя Константина Николаевича — сына императора Николая I и генерал-адмирала.

Старший сын Петра II, Фридрих Август, в 1900 году стал последним правящим великим герцогом Ольденбурга. В 1918 году, во время ноябрьской революции, монархия в Ольденбурге, как и повсюду в Германии, прекратила свое существование. Многовековые династии лишились своих престолов и власти. Однако Веймарское правительство все же оставило за княжескими владетельными семьями их имущество.

Великий герцог Фридрих Август всегда дружелюбно относился к России и поддерживал связь с семейством Романовых. Являясь кавалером ордена Святого апостола Андрея Первозванного, великий герцог был причислен к русской армии, имел чин генерала и был августейшим шефом 67-го пехотного Тарутинского великого герцога Ольденбургского полка. В 1896 году он присутствовал на коронации императора Николая II и впоследствии довольно часто посещал Россию.

В 1903 году великий герцог Фридрих Август обратился с письмом к императору Николаю II с просьбой о разрешении некоторых проблем престолонаследия в Ольденбурге. Великий герцог просил императора передать свои права на Ольденбург в пользу династии Глюксбургов, следующей ветви Голштейнского дома. Николай II за себя и своих наследников передал права принцу Фридриху Ферди-

нанду Глюксбургскому (1855–1934). Правда, царь оговорил условия о том, что если род Глюксбургов пресечется, то Романовы вновь получают права на владения Ольденбургом. Титул герцога Ольденбургского остался в полном титуле «Государя Императора и Самодержца Всероссийского».

Фридрих Август был женат дважды. Первая его супруга Елизавета Анна, принцесса Прусская, умерла в 1895 году, оставив одну-единственную дочь Софию Шарлотту (1879–1964). Овдовев, великий герцог женился на дочери правящего великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха Франца II Елизавете (1869–1955).

Мекленбурги — единственная в Германии династия славянского происхождения. Ее основателем был князь славян-ободритов Никлот (середина XII века). Его потомки быстро онемечились и вошли в среду германских князей. Брак Фридриха Августа с Елизаветой Мекленбургской еще раз сблизил Ольденбургский дом с династией Романовых. Дело в том, что дочь императора Павла I, великая княжна Елена Павловна в 1799 году была выдана замуж за Фридриха Людвига, наследного герцога Мекленбург-Шверинского.

Ее правнучка Елизавета и стала великой герцогиней Ольденбургской. Кроме этой связи с Романовыми было еще и близкое родство: брат Елизаветы Фридрих Франц III Мекленбург-Шверинский был женат на внучке императора Николая I княжне Анастасии Михайловне, а сестра Мария стала супругой великого князя Владимира Александровича и получила в России имя великой княгини Марии Павловны Старшей.

Таким образом, их сын великий князь Кирилл Владимирович, провозгласивший себя в 1924 году в эмиграции главой династии Романовых, прихо-

дился двоюродным братом детям великого герцога Ольденбургского Фридриха Августа: Николаю (1897–1970), Ингеборге (1901–1996) и Альтбурге (1903–2001).

Наследному великому герцогу Николаю не пришлось уже вступить на престол. После смерти отца в 1931 году он стал главой Великогерцогского дома. Женат Николай был дважды. Но все дети родились от его первого брака с Еленой, принцессой Вальдек-Пирмонт (1899–1948). Она — дочь Фридриха, князя Вальдек-Пирмонтского, а ее брат — князь Иосиф Георг Вильгельм Адольф (женатый на младшей сестре Николая герцогине Альтбурге) был видным государственным деятелем Германии 1920-х — 1940-х годов и генералом.

У наследного великого герцога Николая и Елены было девять детей: Антон Гюнтер (родился в 1923 году), Рикса Елизавета Батильда (1924–1940), Петр (родился в 1926 году), Эйлика (родилась в 1928 году), Элимар (родился в 1934 году), Фридрих Август (родился в 1936 году), Альтбурга (родилась в 1938 году), Хуно (родился в 1940 году), Иоганн (родился в 1940 году).

Ныне главой Великогерцогского дома является его старший сын Антон Гюнтер. Он женат на принцессе Амелии (1923 года рождения), представительнице богатого княжеского рода Левенштейн-Верхейм-Фройденберг. Ее отец, князь Удо, являлся владельцем крупных земельных территорий в Бадене и Вюртемберге. У Антона Гюнтера двое детей: Христиан (родился в 1955 году) и Елена (родилась в 1953 году). Брат Антона Гюнтера, герцог Петр (родился в 1928 году) женат на родной сестре принцессы Амелии Гертруде Левенштейн-Верхейм-Фройденберг. У них трое сыновей.

В настоящее время династия Ольденбургов продолжает поддерживать родственные отношения

с потомками династии Романовых. Одна из дочерей великого герцога Николая — Эйлика — в 1950 году вышла замуж за Эмиха Кирилла (1926–1991), князя Лейнингенского. Он сын шестого князя Лейнингенского Фридриха Карла (1898–1946) и великой княгини Марии Кирилловны (1907–1951) — дочери великого князя Кирилла Владимировича. Лейнингенны принадлежат к княжеской фамилии, упоминаемой с конца XI века. Основателем этого рода был в 1080 году граф Эмих, участник первого крестового похода.

Брат герцогини Эйлики Ольденбургской, герцог Фридрих Август, в 1965 году женился на принцессе Марии Цецилии Прусской (родилась в 1942 году). Она — старшая дочь внука кайзера Вильгельма II, ныне покойного главы дома Гогенцоллернов, принца Луи Фердинанда I Прусского (1907–1994) и великой княгини Киры Кирилловны (1909–1967), второй дочери Кирилла Владимировича. В настоящее время, однако, и Эйлика, и ее брат Фридрих Август расторгли эти браки.

Герцог Фридрих Август в настоящее время женат вторым браком на принцессе Донате Прусской, вдове принца Луи-Фердинанда II Прусского (1944–1977), матери нынешнего главы Германского императорского и Прусского королевского домов принца Георга Фридриха Фердинанда (родился в 1976 году). У герцога Фридриха Августа остались дети — сын Павел Владимир и две дочери: Рикса (родилась в 1970 году) и Бибиана (родилась в 1974 году).

Последними детьми наследного великого герцога Николая были двое сыновей-близнецов, Герцгио Хуно и Иоганн, родившиеся в 1940 году. Герцог Хуно Ольденбургский в 1970 году женился на Фелиците Аните, графине Шверин фон Крозиг (родилась в 1941 году). У герцога Хуно две дочери — герцогини

ни Беатриса (родилась в 1971 году) и София (родилась в 1972 году).

В сентябре 1997 года, впервые после Октябрьской революции, Россию посетили члены Ольденбургского великогерцогского дома герцог Хуно с супругой герцогиней Фелицитой Анитой и племянником герцогом Константином (сын брата Хуно, герцога Иоганна).

Герцог и его близкие ознакомились с достопримечательностями Москвы, побывали на Бородинском поле, где в 1812 году сражались на стороне русских их предки принцы Ольденбургские.

Особенно запомнилось посещение высокими гостями Московского мемориального музея Российской императорской фамилии. Приятно поразило знание российской истории, которую проявил герцог Хуно. Он многое рассказал интересного о связях России и Германии, об отношениях Российского императорского дома и владетельных немецких династий. Гости из Ольденбурга живо и с интересом узнавали сегодняшнюю Россию.

Примечательно, что переводчиком во время этой встречи был молодой герцог Константин (родился в 1975 году), прекрасно говорящий по-русски.

Глава, посвященная герцогам Ольденбургским, имела бы узко академический интерес, если бы в России не появилась группа монархистов, выдвигающая Хуно претендентом на... русский престол. В частности, кандидатура Хуно поддерживается Всероссийским монархическим центром. Его лидеры считают, что со смертью в 1992 году великого князя Владимира Кирилловича императорский дом Романовых пресекся и права на российский престол перешли в Ольденбургский дом. Судя по всему, и сам Хуно не прочь стать императором Всероссийским. Во всяком случае, поклонники в Интернете

отмечают его классическую арийскую внешность в отличие от восточной колоритной физиономии его главного конкурента Гоши.

Глава 22

ПРИНЦ ДЛЯ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Помимо Хуно на российский престол претендует и принц Майкл Кентский.

Принц Майкл Кентский (полное имя Майкл Джордж Чарлз Франклин) — не просто «первый кузен королевы». Он — внучатый племянник Николая II Романова.

Майкл приходится прапраправнуком императору Николаю I и двоюродным братом королеве Великобритании Елизавете II. Майкл — внук английского короля Георга V, младший сын Георга, герцога Кентского, принца Великобритании (1902–1942), и принцессы Марины (1906–1968), дочери греческого королевича Николая (1872–1938) и княжны Елены Владимировны (1882–1957), сестры великого князя Кирилла Владимировича.

По линии своего деда Николая Греческого, сына княжны Ольги Константиновны (1851–1926) Майкл — праправнук второго сына русского императора Николая I, великого князя Константина Николаевича Романова (1827–1892). По линии своей бабки Елены Владимировны он — праправнук русского императора Александра II, соответственно, приходится троюродным братом княгине Марии Владимировне.

Принц относится к тем, кого британские СМИ называют «общежитскими», намекая на Кенсингтонский дворец, который давно носит название «общежития для второстепенных членов династии».

тии». В свое время во дворце — довольно мрачном и сыроватом здании — жила Диана Уэльская, здесь же скончалась младшая сестра королевы принцесса Маргарет. Майкл Кентский — самый яркий из «общезитских». Поселили его, первого кузена королевы, в Кенсингтоне исключительно из-за мезальянса.

Майкл Кентский женился по любви на Марии-Кристине Анне Агнесс Хедвиг Иде фон Райбниц, бывшей австрийской баронессе. Бывшей потому, что в первый раз она вышла замуж за британского банкира Томаса Тразубриджа. Британская пресса традиционно именуется Марию-Крестину «нахальной принцессой» за ее частые безапелляционные заявления. В свое время, в 1933 году, ее отец барон Гюнтер фон Рейбниц вступил в национал-социалистическую партию, а позже — в СС, где дослужился до чина штурмбанфюрера.

Принц Майкл родился в 1942 году. Дальнейшая его карьера традиционна для британской аристократической элиты — обучение в Итоне и Королевской военной академии в Сэндхерсте; служба в Западной Германии, Гонконге и на Кипре, в миротворческих частях ООН. Майкл в 1963 году вышел в отставку из 11-го Его Высочества принца Альберта кавалерийского полка, а потом подался в «джеймсы бонды» армейской разведки «Defence Intelligence Staff», хотя она не пользуется такой популярностью, как знаменитая «Интеллидженс сервис» или военно-морская разведка, разрекламированные в романах Яна Флеминга.

Разведке принц Майкл Кентский посвятил ровно 20 лет и вышел в отставку в звании майора. Разведуправление британской армии располагается в старом здании военного департамента на Уайтхолле. Если вспомнить, что разведка британской армии

в нынешнем виде была создана в 1964 году, то принц — ветеран, если не сказать патриарх шпионского ведомства.

Работа в военной разведке в начале 1960-х годов требовала от принца знания противника. И принц выучил русский язык — «язык предков». В одном из интервью он признался: «...меня учили не по Достоевскому и Толстому». То есть читать Мельникова-Печерского в оригинале принц не может (да и многие русские его тоже не читали!), но военную терминологию знает наизусть. Военная школа иностранных языков в Беконсфилде — хорошая школа. Правда, принц говорит, что его русский не пригодился на практике, так же как и умение прыгать с парашютом... Придется поверить старому разведчику на слово. А язык довел если не до Киева, то до... Фарнборо. Как-то, дело было в 1988 году, принц обратился к одному из советских военных, которые участвовали в знаменитом авиашоу, на русском языке и получил в ответ полные тактико-технические характеристики истребителя МиГ-29.

Как и большинство британских разведчиков высокого ранга, Майкл занимается бизнесом. В частности, он и его «консультационный бизнес» прямо завязаны на нефть (у принца интересы на Каспийском шельфе), газ и металлы.

Майкл Кентский и его брат герцог Эдуард Кентский — масоны, и к тому же «практикующие». Принц — Великий мастер Великой ложи Англии. В этой ложе объединена примерно треть всех британских вольных каменщиков. Напомню, что в мире сегодня около ста Великих лож. В Соединенном Королевстве по традиции существуют две Великие ложи — Англии и Шотландии. Современное масонство уже не скрывается в подземельях старинных

замков. На интернет-сайтах Великих лож можно найти всю интересующую информацию — от почтового адреса до доходов. Возможно, в масоны принца толкнула служба в разведке.

С 1992 года принц Майкл зачастил в Россию. То он едет в Мурманск, где его очень интересует отработанное топливо атомных подводных лодок. Вот в 1996 году принц едет в Крым на открытие мемориала британским войскам, осаждавшим в 1854–1855 годах Севастополь. Почему бы заодно не открыть мемориал в честь британских оккупационных войск, действовавших в Крыму в 1918–1919 годах?

Принц — заядлый автогонщик, и он пожелал участвовать в автопробеге «по бездорожью и разгильдяйству» — «навстречу 300-летию Санкт-Петербурга».

В конце 2005 года принца Майкла с супругой занесло в Ипатьевский монастырь под Костромой, где в начале 1613 года проживал Миша Романов с матушкой Марфой. Мария-Кристина заявила позже, что в монастыре пили много водки. И вот отец игумен пожаловался принцу, что в монастыре нет хорошего колокола. Майкл пообещал и за три месяца собрал деньги.

Процитирую сообщение Костромской гостелерадиокомпании от 3 мая 2006 года: *«Вчера с визитом в Костроме побывал принц Майкл Кентский. Дальний потомок Николая I сделал Костроме поистине царский подарок. По заказу принца в городе Тутаеве Ярославской области был отлит колокол “Царь Михаил”. Вчера его торжественно освятили в Ипатьевском монастыре. Восьмитонный красавец станет главным на звоннице Троицкого собора.*

Принц Майкл Кентский прибыл в Кострому на теплоходе “Академик Глушков”. Его королевское

высочество в Костроме в третий раз. Бывала здесь и его супруга Мария-Кристина.

В Ипатьевском монастыре принца встретили звоном колоколов. После приветственной речи архиепископа Костромского и Галичского Александра начался молебен и торжественный чин освящения колокола.

На благовест весом 500 пудов, или 8 с половиной тонн, нанесены изображения девяти святых, в том числе лик Ипатия Гангрского, в честь которого и назван монастырь. А название свое колокол получил в честь первого царя из династии Романовых. Именно в Ипатьевском монастыре Михаил Романов был венчан на царство. «Царь Михаил» отлит на колокольном заводе братьев Шуваловых в городе Тутаеве Ярославской области. Причем, по специальной «царской» технологии.

Николай Шувалов, директор колокольного завода (город Тутаев Ярославской области) рассказал: «После революции колокола перестали лить. Всех литейщиков перестреляли, пересажали, той преемственности уже не осталось. И нам пришлось по крупицам восстанавливать технологию старинного литья. Раньше форму делали из глины, теперь используют цемент, разные добавки — мы вернулись к старинной форме — к глине».

Литейщики использовали и специальный сплав, главные составляющие которого — медь и олово. По оценкам специалистов, цена такого колокола достигает 4 миллионов рублей. Право первого удара предоставлено главному благотворителю — принцу Кентскому. Как настоящий аристократ, принц выполняет приятную миссию, надев белые перчатки. Тянуть за 300-килограммовый язык ему помогает главный звонарь Ипатьевского монастыря».

Российская Академия бизнеса и правопорядка 29 мая 2007 года наградила принца Майкла Кентского орденом Петра Великого. Эта награда вручается за самоотверженность и высокие достижения в государственной, социальной, культурной, общественной и благотворительной деятельности, направленной на укрепление государства Российского. Награждение проходило в палатах Гранатного двора в Москве, где сегодня работает Школа дизайна госпожи В. Блумгрэн.

О поездках принца Кентского газета «Киевский телеграфъ» № 227 писала: *«Принц часто бывает “на Святой Руси”. Настолько часто, что его поездки напоминают пиар-кампанию. Майкла Кентского любят снимать фотографы в позе последнего из Романовых: может, помните старые советские фильмы с портретом помазанника Божия в полный рост? Так вот, принц удивительно похож на дедушку: та же аккуратно приглаженная борода, те же спокойные глаза, та же природная скромность, а также — выправка старого кавалериста. Майкл Кентский — мечта так называемых “сторонников Владимировичей”, той части русских монархистов, которые “ставят” на потомков Елены Владимировны, внучки Александра II, сестры самопровозглашенного императора Кирилла I. Оппоненты — сторонники “легитимной династии” — утверждают, что претензии принца на российский императорский престол лишены оснований, но отнюдь не беспочвенны».*

В отечественный Интернет просочились сведения о проекте «Майкл Кентский», разработанном британской разведкой в сотрудничестве с незабвенным Борисом Абрамовичем Березовским. Программа-минимум — завязывание связей с российским бизнесом и политической элитой. Ну а программа-

максимум — мы получим царя Майкла I или Михаила III — это уж имиджмейкеры Майкла решат.

«Несмотря на всю внешнюю неправдоподобность, так называемый проект “Майкл Кентский” с определенной точки зрения вполне обоснован и с большой долей вероятности может быть введен в действие. Нужно признать, что, в отличие от Гогенцоллернов, формальные права герцога Майкла на русский престол с точки зрения имперского права почти безупречны. Об этом рассказывает газета “Наше время”.

Неопределенность политической ситуации в России порождает множество так называемых псевдомонархических проектов. Идея монаршей власти в данном случае представляется многим как самый легкий выход из накопившихся противоречий. Однако существует ли сегодня такая личность, вокруг которой способна сплотиться нация?

Прямой родственник Николая II и царствующей королевы Елизаветы II — абсолютно вменяем, умен. Одним словом, вполне “профпригоден”. Более того, даже с точки зрения последовательного монархического легитимизма “приглашение” на русский престол члена иностранного владетельного дома в принципе возможно. Конечно, с условием принятия им православия. В Указе о престолонаследии и императорской фамилии 1796 года такая ситуация предусмотрена. Однако — по тому же российскому законодательству — права на престол лишаются члены семейств, участвовавших в заговорах против царствующих императоров»¹³⁹.

«В первую очередь стоит отметить, что главная задача получения первой очереди на трон является сугубо формальной. Во-первых, нынешние представители династии Романовых либо абсолютно далеки от России во всех смыслах, либо в силу возра-

ста и устаревших на сотню лет представлений о монархии просто неприемлемы в качестве современного сюзерена. Во-вторых, их финансовое положение не дает им возможности быть представителями ни сейчас, ни в будущем. Принц Кентский на данный момент является организатором, председателем или почетным членом более чем сотни различных военных, гуманитарных и общественных организаций. В-третьих, установившаяся репутация дома Романовых известна даже школьникам. Восстановить их репутацию после революций февраля и октября 1917 года невозможно никакими рекламными и информационными способами. Переговоры о смене очередности пройдут быстро и обоюдовыгодно, как ни цинично это может звучать»¹⁴⁰.

Принцу пошел восьмой десяток, но у него есть дети: сын Фредерик и дочь Габриэлла. Сын занят бизнесом, а дочь — бойфрендом индусом — модная экзотика, что ни говори.

Ну что ж, нашему народу не привыкать. Голосовал он «сердцем» за пьяного Ельцина, потом 31 декабря 1999 года Борис Николаевич устроил нам новогодний подарок и вытащил из колоды Владимира Владимировича. Тот сразу же стал народным любимцем и через 8 лет вытащил новую карту из колоды. Ну а вытащат из колоды валета Майкла — неужто не проголосуют? И будет на Руси Кентская династия.

Глава 23

«СВЕТЛЕЙШИЕ КНЯЗЬЯ ЮРЬЕВСКИЕ»

У императора Александра II наряду с законной супругой Марией Александровной, принцессой Максимилианой Гессен-Дармштадтской, имелась и «параллельная супруга» Екатерина Михайловна

Долгорукова, которая была на тридцать лет моложе императора.

У царя были основания острить, подобно его брату великому князю Николаю Николаевичу: «В Петербурге у меня жена казенная, а в Крыму — законная».

От Долгоруковой царь имел четверых детей: Георгия (1872), Ольгу (1873), Бориса (1876, умер младенцем) и Екатерину (1878).

22 мая 1880 года умерла «казенная» жена, и 6 июля того же года Александр II тайно венчался с Катей. В тот же день царь указом Правительствующему Сенату повелел *«присвоить ей имя княгини Юрьевской с титулом Светлейшей... Одновременно, — гласил указ, — Мы приказываем присвоить то же имя с тем же титулом нашим детям: сыну Нашему Георгию, дочерям Ольге и Екатерине, а также тем, которые могут родиться впоследствии. Мы жалуем их всеми правами, принадлежащими законным детям согласно ст. 14 Основных законов Империи и ст. 147 Учреждения Императорской Фамилии»*.

Царь собирался короновать императрицу Катю подобно тому, как Петр I короновал свою чухонку. Однако 1 марта 1881 года бомба народовольца Гриневского поставила точку в планах царя.

После смерти Александра II новый царь через несколько месяцев выставил светлейшую княгиню из Петербурга. В качестве отступного ей выплачивали по 100 тысяч рублей в год. Кроме того, Катя сумела при жизни Александра II нажать несколько миллионов за счет лоббирования железнодорожных магнатов и других «страждущих».

Ее сын князь Георгий Александрович Юрьевский служил в русской гвардии. Он женился на графине Александре Константиновне Зарнекау, дочери принца Константина Петровича Ольденбургского от

морганатического брака. Георгий Александрович умер в 1913 году.

Его сын Александр родился в 1900 году в Ницце. Видимо по части мужской мощи он пошел в деда — императора Александра II. В 56 лет он женился на швейцарке Урсуле Веер де Грюнек. У них в 1961 году в Сен-Галлен родился сын, названный Георгием, — правнук Александра II.

Старшая дочь Александра II и Екатерины Долгоуковой Ольга вышла замуж за графа Георга Меренбергского, который и сам был морганатическим сыном герцога Николая Нассауского. В этом браке родилось трое детей, из которых сын и дочь дожили до зрелого возраста и продолжили род.

Младшая морганатическая дочь Александра II Екатерина прожила долгую и сложную жизнь. Сначала она была замужем за князем Барятинским, от которого родила двоих сыновей — Андрея и Александра. Князь Барятинский был богатым помещиком и в прошлом имел длительную связь со знаменитой певицей Линой Кавальери. После женитьбы на Екатерине Юрьевской князь вроде бы расстался со своей любовницей, однако ненадолго, и Лина Кавальери вновь возникла в его жизни. У Екатерины хватило ума поступить по принципу «нападение — лучшая оборона». Она подружилась с певицей и часто с ней встречалась. Подруги и Барятинский частенько втроем появлялись в парижской Опере.

Князь Барятинский умер в 1910 году, когда ему минуло всего сорок лет, а Екатерина во время Первой мировой войны вышла замуж за князя Сергея Оболенского. Это была бурная любовная история на фоне войны. Екатерине стукнуло уже тридцать восемь лет, а Сергею было всего двадцать шесть. В годы Гражданской войны они пережили множество приключений,

когда ему приходилось переодеваться, чтобы спасти жизнь, а Екатерина порой оставалась в живых именно потому, что ее узнавали в лицо. Русский народ не забыл, что ее отец, царь Александр, дал ему свободу.

В 1922 году супруги разошлись. Екатерина Александровна зарабатывала себе на жизнь концертным пением, и одно время ей аккомпанировал молодой пианист Дмитрий Тёмкин. Позже он станет одним из самых знаменитых композиторов Голливуда. А Сергей Оболенский женился вторично на девушке из американского семейства Астор, у них родился сын Иван. Сам князь Сергей в годы Второй мировой войны сражался в американских войсках в звании полковника.

Скончалась Екатерина Александровна в 1959 году в Англии, в возрасте восьмидесяти одного года.

Из всех потомков Александра II и княгини Юрьевской лишь Георгий Александрович (Ганс Георг) претендует на российский престол. В Российской Федерации его поддерживает так называемое Александровское общество. О нем наши генеалоги пишут: «...как потомок мorganатического брака, права на престол не имеет». Но, увы, Анна и Елизавета ведь тоже были незаконными дочерьми Петра I, да к тому же их мать Екатерина так и не развелась со шведским трубачом Краузе.

Глава 24

БЫТЬ ЛИ НОВОМУ ИМПЕРАТОРУ?

Великий князь Владимир Кириллович, как уже говорилось, родился 30 августа 1917 года в городишке Борго в полуотделившейся Финляндии и до 1991 года никогда не был в России. Здесь и далее я буду ему и его потомкам давать великокняжеский титул,

хотя он был лишь правнуком императора Александра II и по законам Российской империи не мог носить великокняжеского титула. Но для удовольствия читателей приходится идти и на это. Пишут же в учебниках физики, что электрический ток течет «от плюса к минусу», хотя все знают, что электроны, создающие ток, движутся в противоположном направлении. Все привыкли к обоим штампам. Вспомним Геббельса — «чем чудовищнее ложь, тем больше ей верят».

Детство Владимира хорошо описано Георгием Графом: *«Впервые я его помню семилетним мальчиком. На моих глазах он вырос и превратился во взрослого человека. Перенесясь теперь к далеким временам его детства, я вижу его влезавшим из сада через окно в помещение Канцелярии в Кобурге. Тогда он был неизменно вооружен деревянным щитом и таким же мечом. Его “вооружение” сильно затрудняло его влезание, и приходилось ему помогать, но этого он очень не любил. Когда наконец “витязь” оказывался благополучно в Канцелярии, то без долгих объяснений подходил к моему столу и начинал рассматривать, что для него на нем было более интересно. Обычно этим бывали каучуковые печати. Я это предвидел и протягивал “витязю” чистый лист бумаги, который он молча хватал и быстро заполнял с обеих сторон канцелярскими печатями: “друккзахе”, “эйнгешрибен” и т. д. Одновременно начинали сыпаться вопросы: “Зачем вы ставите эти печати?”, “Что значит — друккзахе?” и т. д. и т. п. Эти вопросы сыпались так быстро, что я не успевал на них отвечать. Впрочем, “витязь” особенно и не претендовал на ответы. Насытившись прикладыванием печатей и осмотрев внимательно все, что могло быть еще интересного в комнате, “витязь” энер-*

гично хватал щит и меч, вылезал не без труда из окна и исчезал. Такие визиты повторялись если не ежедневно, то очень часто.

Тут же из окон Канцелярии иногда можно было наблюдать, как Владимир Кириллович пускал модель парового паровозика по рельсам, расположенным по всему саду. Это происходило при помощи отца. Паровоз, пройдя довольно далеко, останавливался, так как пары падали, и это не нравилось Владимиру Кирилловичу, так как прерывало его игру. Он любил все, что действовало надежно и без сложностей.

Владимир Кириллович очень любил играть со своей собакой Верденом, красивой большой немецкой овчаркой. Терпение у Вердена было большое, и он, видимо, и сам был не прочь поиграть с хозяином. Тот иногда сажал его в особую закрытую тележку и катал по саду. Как-то раз во время такой игры его кто-то позвал, и он забыл выпустить Вердена и убежал. Только через много часов его хватились и стали искать и нашли мирно спящим в тележке.

Я также помню Владимира Кирилловича съезжающим на большом подносе по широкой парадной лестнице со второго этажа виллы "Эдинбург". Это было давно, с тех пор прошло сорок лет, и за это время все страшно изменилось. Владимир Кириллович взрослый человек, и больше уже нет тех, которые создали его семью и были ее душой. От всего прежнего остались одни воспоминания. Родители не чаяли души в своем сыне, любили, ухаживали и делали для него все, что могли, лишь бы ему жилось хорошо и приятно. С раннего детства к нему была приставлена ученая няня-англичанка мисс Грегори, которая ухаживала за ним по всем правилам английского воспитания и старалась держать в строгости. Таким образом, с одной стороны сыпа-

лись ласки и удовольствия, а с другой — проявлялось разумное сдерживающее начало, которому родители подчинялись. Это создавало в известной степени равновесие. Во всяком случае маленький Владимир рос в атмосфере любви и обожания со стороны родителей и сестер. Да им как было не обожать единственного сына, последнего ребенка, на которого к тому же падало будущее семьи и династии. Да и ведь он был такой милый и хороший.

Когда Владимиру Кирилловичу пришло время учиться, то его учительницей стала Евгения Александровна Иогансон, чрезвычайно русская, несмотря на свою немецкую фамилию, которая доставляла ей немало огорчений. Она была очень хорошей и образованной учительницей. В молодости она окончила Бестужевские курсы в Петрограде, единственное высшее учебное заведение для девиц в России. В семью Виктории Федоровны она перешла от семьи графа Клейнмихель, в которой она учила дочерей и сына графини и с которой эмигрировала в Финляндию из Петрограда. В великокняжеской семье первоначально Евгения Александровна учила обеих княжон. Вести занятия в домашней обстановке вообще очень трудно. Они неизбежно нарушаются семейными событиями — то куда-то совершенно необходимо уехать, то кто-то приехал и его надо встречать, то празднуется семейный праздник или один из учеников почувствовал недомогание и т. д. и т. п. Но Евгения Александровна упорно воевала за предоставленные ей часы и неуклонно проводила свою программу. Она это делала с большим самоотвержением, иногда даже раздражая родителей и сердя учениц и ученика своей неуступчивостью и формализмом, но они вполне оценили эту настойчивость своей учительницы, уважали ее и любили.

Пока Владимир Кириллович был еще слишком мал, чтобы учиться, то Виктория Федоровна просила ее ежедневно в определенные часы играть с ним, чтобы с ызмальства дать ему практику русского языка. Ведь няня говорила с ним лишь по-английски, и вся семья чаще всего говорила между собою тоже на этом языке. Но учение велось только по-русски.

Сама Виктория Федоровна знала русский язык, но не так, чтобы ей было бы свободно на нем говорить, и поэтому она предпочитала говорить на других языках — английском, французском или немецком. Английский язык был ее родным языком, так как ведь ее отец был настоящим англичанином и она родилась и провела детство в Англии. Но когда ее отец переселился в Германию, ей пришлось основательно изучить немецкий язык, она его знала отлично.

В семье Кирилла Владимировича преобладал русский язык, но так как русское общество часто пользовалось французским языком, то много говорилось и по-французски. Но он безукоризненно говорил и по-английски и средне — по-немецки.

Владимир Кириллович начал регулярные занятия с учительницей, когда ему минуло шесть лет, и прошел с ней курс среднего образования к семнадцати годам»¹⁴¹.

Поскольку отец Владимира Кирилловича объявил себя императором, то в 7 лет Вова стал цесаревичем. К 16 годам он «получил домашнее образование и воспитание, основанное на православной вере и лучших патриотических традициях династии Романовых. Он слушал различные курсы, в том числе курс Академии Генерального штаба под руководством генерала Н. Головина, свободно владел английским, французским, испанским и немецким язы-

ками. Из юношеских увлечений Владимира Кирилловича стоит отметить большую любовь к технике. Он собирал действующие модели самолетов и кораблей, изучал устройство автомобиля»¹⁴².

Граф писал: «В 1933 г., 30 августа, наследнику цесаревичу и великому князю Владимиру Кирилловичу исполнилось шестнадцать лет. Это было его династическое совершеннолетие, то есть если бы обстоятельства того потребовали, то он, вступив на престол, мог бы самостоятельно исполнять свои обязанности царствующего Государя без регентства. Поэтому августейшие родители решили отпраздновать это событие особенно торжественно. Канцелярия сообщила об этом по всем представительствам, и на имя наследника цесаревича было получено большое количество поздравлений из всех стран.

На празднование в Сен-Бриак из Парижа приехали несколько делегаций от Государева совещания, округа Корпуса, «Союза младороссов» и отдельные лица. Кроме того, приехали великие князья Андрей Владимирович и Дмитрий Павлович. Последний с Казем-Беком представляли «Союз младороссов», А.А. Башмаков — Государево совещание, а генерал Олехнович — округ. На вилле торжественное богослужение и молебен служил протоирей о. Василий Тимофеев. После богослужения было принесение поздравлений, и все приехавшие были приглашены на «коктейль-парти» во внутреннем саду виллы.

К 1.30 Дмитрий Павлович пригласил царскую семью и всех гостей на завтрак в Динаре, в «Галликотель». А.А. Башмаков сказал приветственную речь наследнику цесаревичу, и тот сам на нее ответил. Это был первый раз в его жизни, когда ему пришлось выступать с речью в присутствии большого

числа людей. Конечно, речь заранее была заготовлена родителями и Владимир Кириллович ее знал наизусть. Но и с такой подготовкой далеко не все справились бы хорошо с произнесением речи, но Владимир Кириллович справился прекрасно. Он произносил речь не монотонно, а старался придавать выражение отдельным фразам. Этим он заслужил всеобщее одобрение.

Завтрак прошел при прекрасном настроении всех присутствующих, и августейшие родители были очень горды своим сыном. Среди присутствующих были Башмаков, князь Волконский, Олехнович, Шильдкнехт, Глебовский, Казем-Бек, Збышевский, Стефанович и князь Чавчавадзе и, конечно, я и моя семья.

Этот день закончился и совсем приятно для Владимира Кирилловича, так как когда он вернулся домой, то его там ждал большой сюрприз — Дмитрий Павлович подарил ему мотоцикл, правда с очень слабым мотором, но все же настоящий. Этот подарок у родителей вызвал некоторое неудовольствие из-за боязни, как бы сын не пострадал. Что же касается самого Владимира Кирилловича, то он был в восторге и сейчас же стал его пробовать.

В шестнадцать лет великий князь Владимир Кириллович был очень развитым, веселым и спортивным молодым человеком. На просторах Сен-Бриака он рос здоровым физически и под влиянием семьи и окружающих не по летам развитым. Но в то же время в нем немало было детского и простого, что доказывало чистоту его души. Хотя он никаких школ не посещал, но постоянно находился в обществе ровесников и из него вырабатывался человек, умевший находить подход к людям»¹⁴³.

Стоит сразу отметить, что великий князь был воспитан совершенно аполитично. Ему внушили, что он должен стать царем во что бы то ни стало. Иных убеждений у него не будет всю жизнь. Уже после Второй мировой войны Владимир Кириллович писал: «Обязанности главы Императорского Дома могут быть выражены известным девизом “Будь готов”». А с кем вступать в союз — с ультраправыми, марксистами, с младороссами, с Гитлером, Черчиллем, Ельциным — все равно, кто поманит пальчиком и пообещает шапку Мономаха.

Так и вспоминается диалог, написанный за двадцать лет до высочайшего «Будь готов»: *«Полесов молитвенно сложил руки.*

— *Ваше политическое кредо?*

— *Всегда!* — *восторженно ответил Полесов.*

— *Вы, надеюсь, кирилловец?*

— *Так точно.*

Полесов вытянулся в струну.

— *Россия вас не забудет!* — *рявкнул Остап*¹⁴⁴.

После войны Владимир Кириллович и его окружение будут всячески отпираться от связей с нацистами. Но как тогда понимать высказывание Графа, главного советника «Императорского Дома»: *«В те годы [1930-е. — А.Ш.] центром мировой политики все более и более становилась Германия, в которой Национал-социалистическая партия во главе с Гитлером выигрывала борьбу за власть и свергла слабую Веймарскую Демократическую Республику. Для нас исход этой борьбы был очень важен, так как мы, связанные через генерала Бискупского с национал-социалистическим движением, строили свои расчеты на него. До 1934 г. в немецком национал-социалистическом движении вся национальная молодая Германия видела вольное, здоровое и национальное движение, которое может принести оздо-*

рвление Германии, как фашизм оздоровил Италию под монархическим флагом. Так же думали и Государь, и Государыня. Так же думали и их ближайшие помощники. Главное же, отчего мы считали правильным искать в нем помощь, было то, что национал-социалистическое движение являлось противовесом интернациональному коммунизму и столкновение этих двух политических верований неизбежно. Мы надеялись, что в этой борьбе коммунизм погибнет, а его гибель очистит путь законной монархии»¹⁴⁵.

Самое любопытное, что сии воспоминания написаны в 1950-х годах.

В 1935 году Владимир Кириллович закончил курс домашнего образования, охвативший полный объем среднего образования. Поэтому встал вопрос о его дальнейшем образовании. Родители считали, что Владимир должен поступить в какой-нибудь университет. Однако в университет принимали только при наличии аттестата зрелости, а для его получения необходимо было сдать экзамен. Но где? Вся трудность заключалась в том, что при прохождении Владимиром курса наук его учителя не придерживались определенной программы какого-либо учебного заведения. Так, русская учительница придерживалась старых русских программ, а репетитор-немец — немецких. Во всяком случае, они не придерживались французских программ, так что не могло идти и речи, чтобы Владимир держал экзамены на французское «башо».

Выход из этого трудного положения нашелся — держать экзамены при Русско-французской гимназии Парижа, которая имела права среднего учебного заведения, и ее аттестаты признавались французскими высшими учебными заведениями. Но и там Владимиру было нелегко сдать экзамены,

так как гимназия придерживалась французских программ. Так или иначе, было решено, что великий князь будет держать экзамены в осеннюю сессию, в сентябре 1935 года.

Однако сдать экзамены за курс средней школы ему удалось лишь 26 октября 1936 года. Далее родители решили, что Вова будет учиться в Англии. *«Обычно дети высочайших особ, которые воспитывались в Англии, поступали в Оксфордский или Кембриджский университет, но это требовало больших расходов, которые Государь не мог нести. Да и, по отзывам, теперь Лондонский университет не отставал от Оксфорда и Кембриджа. Лондонский университет имел и то преимущество, что находился в Лондоне. Поэтому великий князь мог жить у своей тетки инфанты Беатрисы, которая жила в одном из дворянских коттеджей, так как ей пришлось временно покинуть Испанию из-за Гражданской войны, а инфант принимал в ней участие, конечно, на стороне генерала Франко. Пожить в Англии всегда привлекало Владимира Кирилловича, так как быт англичан ему был по душе и к тому же в Лондоне у него было несколько друзей детства по Сен-Бриаку»*¹⁴⁶.

И вот 27 сентября 1938 года Владимир Кириллович отправляется в Лондон. Однако долго учиться в Лондоне ему не пришлось. 12 октября умер «император» Кирилл. Теперь старшим в «Доме Романовых» становится Владимир Кириллович. Разумеется, речь идет о тех потомках Романовых, которые признавали царя Кирилла. Первым делом Владимир решил заняться... финансовыми вопросами.

«В последние годы главным источником существования Семьи была ежемесячная помощь, получаемая от королевы [румынской. — А.Ш.] Марии Викторией Федоровной. После ее смерти та же сум-

ма стала высылаться Кириллу Владимировичу. После смерти самой королевы, согласно ее воле, изложенной в завещании, та же сумма продолжала высылаться королем Карлом [Каролом II. — А.Ш.], значит, теперь, после смерти Кирилла Владимировича, положение опять изменилось — нет ни Виктории Федоровны, ни Кирилла Владимировича, ни королевы Марии, и мне представлялось, что Владимир Кириллович должен просить короля продолжать высылать ту же сумму до тех пор, пока он не закончит своего образования и не устроится как-то иначе. С этим все согласились, и Владимиру Кирилловичу предстояло написать королю в Бухарест.

Кроме этого ресурса у покойного Государя была надежда получить деньги, вложенные его покойной матерью великой княгиней Марией Павловной в один Мекленбургский банк. Хлопоты об этом были поручены адвокату Нидермиллеру, и он успешно их довел до конца, но смерть Государя принуждала теперь перевести права на наследство на Владимира Кирилловича, что опять займет немало времени. Таким образом, если оба эти источника окажутся реальными, то Владимир Кириллович сможет существовать и сохранить имущество в Сен-Бриаке. Что касалось вилл в Кобурге и Сен-Бриаке, то предполагалось, что Владимир Кириллович откажется в пользу сестер от виллы “Эдинбург”, а те — в его пользу от Сен-Бриака, то есть от виллы “Керр-Аргонид”. Великая княгиня Елена Владимировна считала, что в общем денежное положение Владимира Кирилловича удовлетворительно и пока никаких экстренных мер предпринимать не надо»¹⁴⁷.

После смерти Кирилла Владимировича главной интригой для русской эмиграции было — примет ли Владимир Кириллович императорский титул?

Граф писал: «Самому Кириллу Владимировичу подчас бывало нелегко носить императорский титул, каково же это было бы для Владимира Кирилловича, такого молодого. У него вся жизнь впереди, и невозможно предугадать, как она сложится в смысле зарабатывания на жизнь, сношений с другими высочайшими особами и с русскими. Ведь среди них одни были “признающие”, а другие — “непризнающие”. Без титула Владимиру Кирилловичу будет легче подходить к людям и легче вращаться среди молодежи.

Когда его отец принял императорский титул, то ему это было необходимо сделать, чтобы совсем определенно разрешить династический вопрос, чтобы не могло быть сомнения, что этот титул принадлежит ему одному. Но теперь этот вопрос был для всех ясен, и ни один из находящихся в живых членов императорской фамилии не мог бы серьезно оспаривать права Владимира Кирилловича на российский престол, ибо они юридически неоспоримы и соответствуют Основным законам Российской Империи о престолонаследии.

Единственно, что еще могло бы служить основанием для принятия Владимиром Кирилловичем императорского титула, — это желание поддержать шаг своего отца. Но это привело бы к установлению традиции, что каждый последующий глава династии, находясь в изгнании, принимал бы титул и это легло бы тяжелым грузом на будущие поколения династии. Во всяком случае, на мой взгляд, для Владимира Кирилловича пока что правильнее было бы императорского титула не принимать. А в будущем, в случае необходимости, это решение можно было бы пересмотреть. Но если он теперь примет титул, то как бы он его ни тяготил, в будущем от него отказаться нельзя без

ущерба для своего авторитета и монархического принципа.

Среди легитимистов крайне правого течения, и особенно среди членов Младоросской партии, существовало мнение, что Владимир Кириллович обязательно должен принять титул. Иначе это будет своего рода осуждением шага, сделанного его отцом. По этому поводу Казем-Бек имел со мной ряд дискуссий, но меня не убедил. Тем не менее он заставил всех младороссов принести присягу Владимиру Кирилловичу как “императору” и отдал это распоряжение до того, как сам Владимир Кириллович вынес свое решение. Поэтому младороссы в некоторых местах нашей периферии выполнили его приказ и принесли присягу “императору Владимиру Кирилловичу”. Когда же главный центр разослал другое распоряжение, то Казем-Бек стал негодовать, что я дискредитировал его авторитет, ибо он отдал свой приказ, руководствуясь монархической традицией преемственности. Поэтому он испрашивал разрешения в неофициальных случаях все же титуловать Владимира Кирилловича “величеством”. Это звучало уже настолько несерьезно, что Владимир Кириллович возмущился и приказал ответить Казем-Беку, что подобное решение не может быть дано.

Дяди Владимира Кирилловича и вообще все члены императорской фамилии были против принятия титула. Правда, Казем-Бек долго переубеждал Дмитрия Павловича и тот одно время склонялся в этом направлении, но потом сам убедился, что это не следовало делать. Генерал Бискупский был против титула, но не возражал бы, если бы он был принят»¹⁴⁸.

В конце октября 1938 года в Париже состоялось «семейное совещание» Романовых. 29 октября оно

собралось в гостинице «Лотти». На «совещании» присутствовали великие князья Борис и Андрей Владимировичи, Дмитрий Павлович и князья Всеволод Иоаннович и Гавриил Константинович. Когда все собрались, Андрей Владимирович пришел к Владимиру Кирилловичу и пригласил его на заседание. Когда Владимир вошел в зал, все присутствующие встали, и он со всеми поздоровался. Андрей Владимирович сказал приветственное слово, что все члены династии выражают Владимиру Кирилловичу как законному главе династии свою полную лояльность и готовность поддерживать его во всех начинаниях. Это обращение к главе династии было напечатано, и все его подписали.

В обращении говорилось: *«Права каждого из Членов Российского Императорского Дома точно определены Основными Государственными Законами Российской Империи и Учреждением об Императорской Фамилии и все нам хорошо известны, соблюдать их мы свято все обязаны особой присягой, почему вопрос о порядке наследия престола никогда не возбуждал в нашей среде ни малейших сомнений, а тем более разногласий. Всякое же отклонение от указанного в законе порядка мы отвергаем, как посягательство на незыблемость наших законов и семейные установления. В силу указанных выше законов мы признаем, что наследие Престола принадлежит по праву, в порядке первородства, сперва старшему из Членов Российского Императорского Дома, Великому князю Владимиру Кирилловичу... Далее, в порядке престолонаследия, Члены Императорского Дома идут по следующему старшинству, по праву первородства: Великий князь Борис Владимирович, Великий князь Андрей Владимирович, Великий князь Дмитрий Павлович, Князь Всеволод Иоаннович, Князь Гавриил Константинович,*

Князь Роман Петрович, Князь Андрей Александрович, Князь Никита Александрович, Князь Дмитрий Александрович, Князь Ростислав Александрович»¹⁴⁹.

Однако на «семейном совещании» присутствовали не все члены «семьи». Так, князь Роман Петрович и шесть князей Александровичей это обращение не подписали, сославшись на то, что их даже не пригласили на это совещание, так отчего же они будут подписывать обращение членов этого совещания. В итоге Владимир Кириллович стал не императором, а главой Российского императорского дома.

31 октября 1938 года в Сен-Бриаке великий князь Владимир Кириллович издал манифест, в котором говорилось: *«Мои незабвенные Родители завещали Мне любовь и жертвенное служение России и Русскому народу. Они указали Мне путь, по которому Я должен идти, чтобы завершить великое дело, Ими начатое, и Я, свято и благоговейно храня память о Них, неуклонно буду следовать Их указаниям, отдавая все Свои силы служению России... Преклоняя колени перед Всемогущим Богом, Я молю о ниспослании Мне сил на служение своему народу и верю, что все русские люди единодушно придут Мне на помощь в стремлении освободить Родину от страданий и унижения».*

Глава 25

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СТАНОВИТСЯ ПРОЛЕТАРИЕМ

Глава Императорского дома с самого начала стал вести себя как император. 23 ноября 1938 года в Сен-Бриак приехали великие князья Андрей Владимирович и Дмитрий Павлович с проектом постоянного «Семейного совета императорской фами-

лии». Дяди Владимира хотели ограничить его власть мнением семейного совета, председателем которого будет старший по возрасту и первородству, то есть великий князь Борис Владимирович, а управляющий делами — великий князь Андрей Владимирович, как любящий такую работу и юрист по образованию. В «Положении» имелась статья, гласящая, что все акты, приказы и распоряжения главы династии перед публикацией должны посылаться на контрассигнование председателя «Семейного совета». Без этого означенные акты должны почитаться не имеющими законной силы.

Владимир Кириллович подписал это «Положение», но в дальнейшем предпочел о нем забыть за исключением нескольких случаев. Так, князь Всеволод Иоаннович решил вступить в морганатический брак с леди Мэри Лигон и просил главу династии утвердить за его будущей женой фамилию и титул, им испрашиваемые. Мэри Лигон происходила из очень хорошей семьи, и мать Всеволода княгиня Елена Петровна, дочь сербского короля Петра, этот брак вполне одобряла. Эта просьба князя Всеволода как раз и подходила к компетенции «Семейного совета», который должен был бы это дело подготовить и представить на утверждение главы династии. Поэтому, согласно указанию Владимира Кирилловича, Г.К. Граф срочно переслал это дело управляющему делами «Семейного совета» великому князю Андрею Владимировичу. Тот сразу же ответил, что дело с просьбой князя Всеволода Иоанновича им получено и будет рассмотрено на ближайшем же заседании «Семейного совета».

Однако прошло две недели, но ответа не было. Князь Всеволод стал беспокоиться. Ему сообщили, что глава династии ждет заключения «Семейного совета» по этому вопросу, и заключение это ожидается со дня на день. Прошло еще две недели. Всево-

лод Иоаннович опять стал просить ускорить ответ, так как ему надо было выправлять паспорт для будущей жены. Граф все это время нажимал на великого князя Андрея Владимировича, требуя ускорить ответ. Тот отвечал, что написал всем членам «Семейного совета» и теперь ждет ответы. Так прошло два месяца. Всеволод Иоаннович окончательно разволновался, и Владимир Кириллович приказал Графу подготовить документ, нужный князю Всеволоду, подписал его и уже через день передал Всеволоду. А Андрей Владимирович так и не передал в «имперскую канцелярию» никакого «заключения» по этому вопросу.

Владимир Кириллович присвоил себе право назначать членов дома Романовых великими князьями. Замечу, что этого не смел делать ни один настоящий русский император — сыновья, дочери и внуки императора по мужской линии автоматически становились великими князьями в силу своего рождения.

И вот 15 марта 1939 года Владимир Кириллович пожаловал титул великого князя Гавриилу Константиновичу, правнуку Николая I, а далее объявил, что сей титул он будет давать князьям императорской крови «в личном порядке, считаясь с возрастным старшинством». Причем никакого «порядка» в этом вопросе установлено не было.

Естественно, что производство в чин бывших офицеров русской армии и флота шло в том же объеме, что и при императоре Кирилле. Так, Георгий Граф был произведен в контр-адмиралы.

Сейчас монархисты и «кирилловцы» с гордостью заявляют, что, мол, Гитлер еще в 1938 году предложил Владимиру Кирилловичу стать царем Украины, но тот гордо отказался. Увы, это обыкновенная кухонная сплетня.

На похоронах царя Кирилла в Кобурге кронпринц Вильгельм обратился к великому князю Дмитрию Павловичу (убийцу Распутина), и от имени германского правительства, заинтересованного знать мнение членов русской императорской династии, спросил, *«как бы они посмотрели на то, что в случае войны Германии с Советской Россией и захвата немцами русской Украины главе династии великому князю Владимиру Кирилловичу было бы предложено стать ее царем. Как подготовку к этому немцы считали бы важным, чтобы Владимир Кириллович женился на немецкой принцессе, например, на его дочери принцессе Цецилии, чтобы таким образом создавалась бы еще большая кровная связь между русской и германской династиями. Иначе говоря, члены германской династии получили бы наследственные права на русский престол. Кроме того, по словам кронпринца, немцы считали бы полезным, чтобы Владимир Кириллович закончил образование в немецком юнкерском училище в Потсдаме. Это было бы особенно удобно для него, так как он мог бы жить во дворце кронпринца. Кронпринц советовал Дмитрию Павловичу созвать “семейное совещание” для выяснения отношения династии к вышеуказанным вопросам и сообщить кронпринцу результаты этого совещания. На этом разговор кронпринца с Дмитрием Павловичем закончился. Это “семейное совещание” состоялось, но в составе лишь великих князей Бориса Владимировича, Андрея Владимировича и самого Дмитрия Павловича. Они пришли к заключению, что если таковое предложение будет сделано главе династии, то оно не может быть ими принято»*¹⁵⁰.

Эта версия рассказана в 1947 году писателем Константином фон Грюнвальдом Георгию Графу.

Подобные заявления иначе как бредом не назовешь. Гитлер и его окружение не только не давали никаких поручений кронпринцу Вильгельму, но даже не общались с ним. Да и вообще, к октябрю 1938 года руководство рейха не поднимало еще вопроса о Данцигском коридоре, а тут болтовня об «украинском царстве». Возможно, что пьяный Вильгельм попросту захотел пристроить засидевшуюся в девицах дочку и для важности чего-то сболтнул, а не менее пьяный Дмитрий Павлович добавил кое-что от себя.

Тем не менее 15 декабря 1938 года парижские вечерние газеты поместили на первой странице сенсационное объявление: *«Гитлер предложил корону Украины главе русской династии, великому князю Владимиру»*. Такое же объявление было пущено по электрической ленте на доме редакции «Пари Суар» на Шамп-Элизе.

16 декабря к Владимиру Кирилловичу, находившемуся в Париже, подъехали репортеры. Великому князю ничего не оставалось, как сказать, что Гитлер ему «короны Украины», да и вообще ничего не предлагал и не мог предложить, поскольку Украина находится не в его власти. Поэтому и он никак не мог реагировать на такое предложение. Однако репортеры были разочарованы таким несенсационным заявлением великого князя и попытались вытянуть из него что-то более сенсационное. Один из репортеров спросил: «Если Гитлер Вам еще не сделал такого предложения, то какой ответ Вы бы ему дали, если бы он Вам такое предложение сделал?» Владимиру Кирилловичу следовало бы заявить репортеру, что «когда Гитлер мне предложит корону Украины, тогда я и подумаю, что ответить». Но великий князь отмолчался.

Кто и зачем организовал газетную шумиху во-

круг «Украинского царства», неизвестно. Лично я думаю, что это сделали сами монархисты, желая привлечь внимание к персоне великого князя.

После решения финансовых вопросов и выпуска манифеста великий князь Владимир Кириллович позаботился об охране своей персоны.

4 ноября 1938 года в Сен-Бриак приехали генерал Левшин и полковник Хитрово *«по поводу проекта организации постоянной охраны главы династии в месте его жительства. Предполагалось, что в Сен-Бриаке всегда будут находиться девять бывших офицеров, которые будут нести постоянную охрану. Еженедельно будет происходить их смена, ведь они все работали в Париже и для поездки в Сен-Бриак должны брать отпуск, конечно, неоплачиваемый. Поездка на поезде и расходы на жизнь охраны в Сен-Бриаке должны были оплачиваться соответствующими полковыми объединениями.*

Ввиду того, что если уже такую охрану организовывать, то она должна быть всегда, когда Владимир Кириллович в Сен-Бриаке, и длиться, может быть, годами, то я считал, что число офицеров охраны должно быть значительно уменьшено. Поездки и оплата жизни девяти офицеров будут слишком дороги, и с задачей охраны смогут справиться и пять человек, и даже четыре...

В конце концов сговорились на пяти человеках и условились, что Владимир Кириллович будет выезжать с виллы без охраны, но предупреждать, куда он едет и когда приблизительно думает вернуться. А также было решено, что офицеры охраны виллы должны ее охранять, не стесняя Владимира Кирилловича. На этом и порешили. Через несколько дней охрана была установлена. Офицеры охраны стали меняться еженедельно.

Вопрос, нужна ли вообще охрана, был трудноразрешим. До тех пор мы жили добрых двенадцать лет в Сен-Бриаке, и никакой нужды в охране не было...

После смерти Государя и, надо думать, из-за шумихи, поднятой русскими вокруг молодого главы диктатуры, Центральное бюро "Сюрте Насьональ" в Париже дало указание своему отделу в Сен-Мало охранять Владимира Кирилловича»¹⁵¹.

Чтобы более не возвращаться к вопросу охраны Владимира Кирилловича, процитирую доктора исторических наук Петра Черкасова: «В 1946 году приказом министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова был создан Особый архив МВД, куда передали все трофейные архивы, обнаруженные Красной армией на территории Восточной и Центральной Европы. Там оказался и комплект документов французского происхождения. Через много лет автору этих строк довелось подробно изучить, среди прочих материалов, фонд Главного управления национальной безопасности ("Сюрте Насьональ") — всего 909 684 "дела", в том числе персональные досье на французских и иностранных граждан, включая тысячи русских эмигрантов во Франции.

Среди тех, кто удостоился пристального внимания французских спецслужб, оказался и "хранитель российского трона" великий князь Владимир Кириллович Романов (1917–1992). На обложке его досье за № 451 написано: "WLADIMIR CYRILLOVITCH DE RUSSIE, GRAND DUC (1937–1940)". Указанные даты означают год заведения и прекращения полицейского "дела". Впрочем, последнюю дату (1940 год) не следует принимать буквально, так как она лишь совпадает с эвакуацией архива из Парижа. Вполне вероятно, что негласное наблюдение за великим князем велось и в последующие годы...

Французская служба безопасности заинтересовалась двадцатилетним Владимиром Кирилловичем незадолго до смерти его отца.

Полицейское досье великого князя начинается с докладной записки префекта департамента Иль-э-Вилэн министру внутренних дел и директору “Сюрте Насьональ” от 12 июня 1937 года, в которой содержится информация об образе жизни и поведении Владимира Кирилловича. В записке говорится, что он проживает в Сен-Бриаке на вилле “Кер Аргонид” и “ведет очень уединенный образ жизни”. Великий князь обладает нансеновским паспортом, с которым совершает частые поездки за границу, особенно в Германию, а также в Румынию. “Его поведение, достоинство и порядочность не дают оснований к каким-либо неблагоприятным отзывам о нем, — отмечал префект. — Тем не менее он никогда не проявлял подлинных франкофильских чувств. В этих условиях, а также по причине отсутствия у него контактов в регионе, у меня не было возможности узнать его отношение к возможному вступлению в ряды французской армии”.

В Сюрте очень интересовались, не последует ли Владимир Кириллович примеру своего усопшего в октябре 1938 года родителя и не возложит ли на себя императорский титул?

В служебной полицейской записке от 23 ноября 1938 года отмечалось, что под давлением влиятельных монархистов — князя Горчакова, Александра Крупенского, Николая Маркова и генерала Нечволодова, “инспирируемых из Берлина”, — великий князь отказался воспринять звание “императора всероссийского”, ограничившись титулом “хранителя российского трона”. Подобное решение, по мнению аналитиков Сюрте, было продиктовано

стремлением объединить вокруг великого князя “как можно большее число русских патриотов”.

В Сюрте полагали, что определенные круги в нацистской Германии рассчитывают поставить юного великого князя во главе прогерманского Русского национального фронта, но этому якобы мешают отношения императорской семьи с просоветской партией младороссов, возглавляемой Александром Казем-Беком. “Из-за этого, — посчитали в Сюрте, — великий князь Дмитрий Павлович, вдохновитель «молодых русских», покинул ряды этой партии”. Данное обстоятельство, по мнению аналитиков Сюрте, должно было ослабить советское влияние, ощущаемое с некоторых пор в императорской фамилии.

Французская контрразведка подготовила для министра внутренних дел справку о Казем-Беке, с которым и связывалось это советское влияние. Казем-Бек, отмечалось в справке, “считается в кругах русской эмиграции агентом ГПУ”. Далее говорилось, что Казем-Бек тесно связан с бывшим царским военным атташе во Франции генералом А.А. Игнатьевым, перешедшим на советскую службу, а через своего заместителя по партии младороссов Григория Чапчикова — с неким Хомутовым, входящим в окружение великого князя Владимира Кирилловича. Казем-Бек, как утверждалось в справке, публично отстаивает правомерность для России советско-германского пакта, по которому ей были возвращены Прибалтика, Бессарабия и другие территории, составлявшие часть Российской империи.

По всей видимости, информация, сообщенная Сюрте относительно Казем-Бека, произвела должное впечатление на министра внутренних дел. Осенью 1939 года Сюрте получила приказ положить

конец деятельности младороссов и изъять всю партийную документацию, хранившуюся на квартире Казем-Бека в Париже. Впоследствии архив партии младороссов, включая переписку Казем-Бека с великим князем Дмитрием Павловичем, оказался в Москве вместе с другими документами Сюрте. В Москву же после войны перебрался и сам Александр Львович Казем-Бек, принявший советское гражданство.

В полицейском досье великого князя сохранилась записка Сюрте (от 5 января 1939 года) о связях с великим князем части украинской эмиграции, возглавляемой Андреем Мельником.

Постоянной заботой Сюрте стало выявление просоветских и прогерманских настроений в окружении Владимира Кирилловича. Подозрение в связях с НКВД пало даже на супругу одного из дядьев великого князя.

В досье содержится докладная записка инспектора мобильной полиции (подпись неразборчива) дивизионному комиссару 13-й региональной бригады (Ренн) от 10 февраля 1939 года, содержащая подробные сведения о ближайшем окружении Владимира Кирилловича на его вилле в Сен-Бриаке с указанием возраста и обязанностей того или иного лица. Из непосредственных помощников названы личный секретарь адмирал Гарольд (Густав) Граф (1885 г.р.) и второй секретарь Дмитрий Сенявин (1886 г.р.), друг великого князя. Четыре человека составляли охрану Владимира Кирилловича, находившуюся при нем (по два человека днем и ночью): Вольдемар Хельстовский (1877 г.р.), Анатолий Хельстовский (1917 г.р.), Михаил Говорухо-Отрок (1898 г.р.) и Вольдемар Раутман (1894 г.р.), по совместительству личный шофер великого князя»¹⁵².

В том же 1938 году преемственное признание сына великого князя Кирилла подтвердил и следующий глава Зарубежной Церкви митрополит Анастасий (Грибановский). Оба митрополита исходили из того, что русская эмиграция нуждается в монархическом вожде, тем более накануне назревавшей войны, и принцип первородства тут важнейший. Мол, нечего быть дотошными в столь смутные времена, ведь и до законов Павла I престолонаследие на Руси не имело строгих ограничительных условий.

Именно эта позиция руководства Русской Зарубежной Церкви стала первопричиной того, что после смерти великого князя Кирилла Владимировича подавляющая часть русской политической эмиграции признала права его сына, которому, в отличие от отца, «не в чем было каяться».

В самом начале декабря 1938 года Владимир Кириллович получил приглашение от своей тети инфанты Беатрисы срочно ехать в Лондон для обсуждения вопроса о его личном будущем.

Утром 9 декабря великий князь и Г.К. Граф поездом «Золотая стрела» выехали из Парижа в Лондон. Там их встретила сама инфанта и повезла к себе. Она по-прежнему жила в одном из дворцовых коттеджей Грингардена.

Инфанта объяснила, что посчитала своим долгом вызвать Владимира Кирилловича для обсуждения его будущего, поскольку ее сестра Виктория Федоровна завещала ей заботиться об ее сыне. Инфанта сообщила, что сестра обсуждала с ней вопрос, какое образование наиболее удовлетворило бы Владимира Кирилловича. При этом она высказала мысль, что, зная большую склонность ее сына к технике, она думала, что, может быть, ему было бы наиболее интересно изучать практически какую-либо

ее отрасль. Исходя из этого, инфанта советовала Владимиру Кирилловичу поступить на какой-нибудь завод студентом-практикантом. Что же касается университета, то она полагала, что великий князь мог бы его закончить позже, то есть после того, как получит какую-нибудь специальность по одной из отраслей техники.

Великому князю идея понравилась, и он выбрал авиационное производство. Инфанта обрадовалась, что Владимир так легко согласился. Оказалось, что она советовалась по этому вопросу с английским королем Георгом VI и королевой, и те одобрили эту идею. Более того, король обещал помочь великому князю устроиться на завод по его желанию.

Однако вопрос о работе на заводе решен не был, и Владимир Кириллович уехал в Париж. В январе 1939 года он посетил Берлин, где имел встречу с Зивертом — крупным функционером нацистской партии.

В Англию Владимир Кириллович вновь приехал лишь 28 февраля 1939 года. Работать на авиационном заводе русскому великому князю британские власти не разрешили, и он выбрал завод шарикоподшипников в городке Стенфорде. Там Владимир и проработал несколько месяцев студентом-практикантом под фамилией Михайлова (уж очень приятно было «косить» под Петра Великого). Периодически на недельку — две великий князь убывал отдохнуть в Сен-Бриак (благо, всё рядом). Помимо скромного жалованья студента-практиканта Михайлов получал солидную королевскую стипендию.

Однако в Европе вскоре запахло войной, и 7 августа 1939 года Михайлов покидает завод в Стенфорде и едет во Францию, чтобы снова стать там великим князем. Он очень ждет войны, которая должна принести ему корону.

Глава 26

МИРОВАЯ ВОЙНА

3 сентября 1939 года, в день объявления Францией и Англией войны Германии, великий князь Владимир Кириллович обратился с манифестом к русскому народу в качестве главы Российского императорского дома: *«Коммунизм не изменил своего существа: его целью по-прежнему остается разрушение современного мира со всей его вековой культурой. Большевизм обречен на неизбежную гибель, которая может наступить гораздо раньше, чем мы думаем. Время приближается... Быть может, в этом испытующем огне сгорит и кровавая коммунистическая власть»*. И далее всё в таком же духе. В манифесте нет ни слова с осуждением Германии или Англии и Франции. Прочитав его, человек, не знающий истории, решит, что 3 сентября СССР напал сразу на всю Западную Европу, включая Германию, Англию и Францию, дабы разрушить их «вековую культуру».

Тут стоит оговориться, что не все члены дома Романовых были настроены столь антисоветски и русофобски. Да, да, русофобски! СССР сохранял нейтралитет и в последующие полтора года делал все, чтобы не быть втянутым в войну, а Владимир Кириллович уже 3 сентября 1939 года мечтал, чтобы советская власть сгорела в огне войны вместе с десятками миллионов русских людей.

В связи с началом войны Г.К. Граф писал: *«Благодаря войне великий князь оказался изолирован от своих обеих сестер и в деловом отношении от генерала Бискупского. Переписка сразу же сократилась, и наша работа в эмиграции замерла, отпали вопросы о создании "Совета при главе династии" и создании организации денежного фонда. Моя от-*

ветственность за целостность великого князя увеличилась еще больше. Постоянно обдумывая этот вопрос, я продолжал считать, что во всех отношениях будет лучше, если великий князь пока останется жить в Сен-Бриаке...

В денежном отношении жизнь в Сен-Бриаке на своей вилле, в уединенном месте была значительно дешевле, чем в каком-нибудь большом центре. Мы вполне отдавали себе отчет, что с началом войны наши источники доходов могут прекратиться, раз они исходят не из Франции. Все будет зависеть от регулярности сообщений Франции с внешним миром.

Со всеми этими соображениями великий князь вполне соглашался и даже больше категорически заявил, что без крайней необходимости он Сен-Бриак не покинет. Тем не менее хотелось ему ехать жить к кому-либо из родственников, например в Испанию к инфанте, или в Румынию к королю Карлу, или в Англию, где уже жила вся семья великой княгини Ксении Александровны. Однако так как во время войны никогда нельзя было знать, что может случиться в ближайшем будущем, то великий князь заручился приглашением инфанты Беатрисы приехать к ней в случае необходимости. Она приглашала не только Владимира Кирилловича, но и меня, и мою семью. Поэтому я следил, чтобы все нужные документы у нас были выправлены.

Некоторые лица критиковали это решение, и посылались советы немедленно переехать в Испанию, Югославию или в Америку»¹⁵³.

30 ноября 1939 года началась советско-финская война. Как писал тот же Граф, глава династии, председатель РОВС и председатель Гвардейского объединения рассчитывали, «что столь неудачно ведущаяся война может привести к внутреннему перевороту, да и вообще политический момент для этого

был чрезвычайно удобен. После обсуждения этого вопроса с целым рядом русских военных эмигрантских авторитетов у нас в Сен-Бриаке явилась идея создать русский отряд добровольцев и его отправить через Финляндию на границу русской Карелии. Как мы думали, этот отряд мог бы поднять там восстание, пользуясь недовольством населения, или фельдмаршал Маннергейм мог бы его использовать в другом месте, но не для борьбы против русских войск, а для действия в тылу, то есть поднятия восстания против Советского правительства...

Полковник Хитрово, я и еще некоторые лица разработали проект создания русского добровольческого отряда с мотивировкой его значения, и после одобрения главы династии полковник Хитрово его передал финляндскому посланнику в Париже. Конечно, этот проект шел от имени великого князя [Владимира Кирилловича]. Посланник благодарил и сказал, что немедленно же его перешлет командирующему финляндской армией фельдмаршалу Маннергейму и сообщит ответ. Одновременно мы вызвали нашего представителя в Лондоне Н.Н. Грена, чтобы с ним обсудить вопрос, не мог ли бы он представить этот проект Черчиллю и просить помочь осуществлению его. Без такой помощи англичан или французов мы не могли снабдить отряд всем необходимым и отправить. Грен считал, что у него достаточно связей, чтобы дойти до Черчилля.

Теперь надо было ждать ответа от фельдмаршала Маннергейма. Он сравнительно скоро был получен. Фельдмаршал отклонил проект, так как основным принципом борьбы Финляндии против СССР являлась только оборона, а не стремление к увеличению территории за счет России, и невмешательство в свои внутренние дела. Поэтому

Маннергейм считал, что Финляндия не может содействовать каким-либо проектам, которые нарушают эти основные принципы. Для Финляндии было чрезвычайно важно держаться этих принципов, чтобы при мирных переговорах Советское правительство не могло бы обвинять ее в агрессии и стремлении свергнуть советскую власть. Если бы такие обвинения оно могло подтвердить фактами, то, несомненно, оно предъявило бы и еще более суровые условия мира»¹⁵⁴.

По случаю Нового, 1940-го года великий князь Владимир Кириллович направил из Сен-Бриака следующий манифест, адресованный русским беженцам: *«Я направляю сердечное приветствие всем русским по случаю наступившего Нового года, который должен принести большие перемены для нашей Родины.*

Прошедший год завершился абсолютно неоправданной агрессией, которую советские власти осуществили против мирного финского народа. Эта агрессия сопровождается варварскими актами по отношению к гражданскому населению, что усиливает отвращение, которое она внушает всему миру.

Эти власти столь же бесчеловечно обходятся и со своими собственными войсками, которые они принуждают воевать полураздетыми и полуголодными. В отсутствие хорошей организации и компетентного высшего командования эти солдаты обречены на гибель.

Русский народ не хочет войны с Финляндией. Он не желает, чтобы она была порабощена. Императорская власть в будущей России всегда будет уважать ее независимость.

Советское правительство, несущее гибель европейским народам, проливает кровь во имя мировой

революции. Но эта невинная кровь приведет к гибели [само] это правительство. Пришел час Божьего суда, чтобы нанести удар этому атеистическому правительству.

Я твердо верю, что в этом году рассеянные [по миру] русские преуспеют в деле освобождения их родины».

10 января 1940 года в Сен-Бриаке было созвано совещание по поводу переброски эмигрантских войск в Финляндию. В совещании приняли участие великий князь Владимир Кириллович, полковники Зайцев и Хитрово, а также князь А.Н. Волконский.

10 мая 1940 года германская армия начала наступление на западном фронте. 24 мая 1940 года в Сен-Бриак приехал великий князь Гавриил Константинович с женой и сестрой жены, прося убежища у Владимира Кирилловича, так как занятие Парижа немцами было неизбежно, и если бы французы стали сопротивляться, то оставаться в нем было очень опасно. Великий князь был очень рад помочь своему дяде, и семья Гавриила Константиновича разместилась на вилле.

22 июля 1940 года в Сен-Бриак вошла германская мотопехота, после чего Гавриил Константинович с женой вернулись в Париж.

Г.К. Граф писал: *«Местные оккупационные власти в этот период не обращали никакого внимания на великого князя и меня. Они не выделяли великого князя из среды других жителей и не сделали никакого жеста вежливости по отношению к нему. Например, комендант Динара, который выдавал разрешение на право пользования автомобилями и соответственно получение для этого газаolina в первый раз выдал таковое великому князю на короткий срок. Но когда я от имени великого князя второй раз обратился к нему, то он категорически*

отказал, сказав, что не видит основания, зачем великому князю надо ездить на автомобиле, раз он не работает. Также когда великий князь со мною поехал к коменданту Сен-Мало за разрешением кататься на своей лодке, и то только по нашей бухте, то комендант в резкой форме отказал. Он заявил, что не видит, почему должен делать для великого князя исключение только оттого, что он "великий князь". Одним словом, все коменданты нашего района, не исключая Сен-Бриака, не имели никакого желания замечать присутствие великого князя и выделять его из общей массы населения. Впрочем, мы этого и не добивались и даже были довольны этим, так как иначе французы стали бы коситься на великого князя, а мало ли еще как война могла повернуться.

Это был очень тягостный период. Пока было лето, то приятно было проводить время на пляже, но и тут появились ограничения. Скоро большая часть берега немцами была запрещена для пользования местными жителями, потому что во многих местах стали возводить разные фортификационные сооружения. Не желая подвергать себя неприятностям, мы сами ходили только на пляж Салинет, где немцы не запрещали бывать»¹⁵⁵.

Единственным источником, рассказывающим о пребывании Владимира Кирилловича в «оккупации», являются мемуары Графа, и я вновь обращусь к ним: «Когда лето кончилось и наступили дождливые и темные дни, великий князь все больше стал скучать. К тому же и сама жизнь становилась все труднее в смысле ограничений во многих продуктах и особенно в топливе. Уголь уже совсем не выдавали. Весь наш район сидел без угля. Но ведь уже не говоря про отопление, но и все наши плиты отапливались углем или дровами, газа в Сен-Бриаке не бы-

ло. Нам приходилось обходить фермеров и уговаривать их продать стволы деревьев, которые мы сами должны были распиливать на дрова. У фермеров мы покупали кур и уток и завели у себя куриное и утиное хозяйства. А для добывания продуктов вроде сахара, масла, риса, кофе и т. д. приходилось обращаться к “черной бирже”, но она была дорогая и пользоваться ею было рискованно. Поэтому великий князь был очень обрадован, когда в начале сентября получил приглашение от Э.Л. Нобеля и семьи Сенютовичей приехать гостить в их имение “Лангой” под Дьепом.

У Эмиля Людвиговича Нобеля там была первоклассная ферма, и он ни в каких продуктах не нуждался. К тому же, будучи шведским подданным, он сумел себя защитить от поползновений французских и немецких властей наложить руку на его ферму. Владимир Кириллович недолго раздумывал, быстро собрался и уехал в Париж, где соединился с Сенютовичами. Я его проводил до Парижа. 2 октября один офицер охраны вынужден был уехать в Париж, и остался один ротмистр Раутсман, который был вселен на виллу великого князя. 9 октября мы получили извещение, что Инженерный институт, в котором учился мой старший сын, начнет занятия, так что он срочно уехал в Париж. 10 октября вернулся из “Лангой” великий князь»¹⁵⁶.

Увы, Граф старательно обходит вопрос, почему Владимир Кириллович не уехал в Англию или Испанию. Ведь уже в конце мая стало очевидно, что французская армия потерпела полное поражение и оккупация Сен-Бриака неизбежна. Судя по тем же мемуарам, всё решили деньги. Теперь великий князь и его окружение могли беспрепятственно получать деньги от румынской королевской четы,

а также распоряжаться своими крупными вкладами в германских банках. *«Также теперь оказалось возможным сношение с Германией. Уже не говоря о том, что это давало возможность связей великого князя с сестрами, теперь можно было попытаться получить разрешение от немцев пользоваться ему своим капиталом, находящимся в немецком банке. Адвокат великого князя Н.Г. Нидермиллер этого старался добиться, что было очень нелегко...»*

23 ноября [1940 года] великий князь со мною поехал в Париж. Мы решили лично нажать на немцев по поводу перевода денег великого князя, так как нам все труднее и труднее было оборачиваться с деньгами. В Париже на вокзале нас встретил великий князь Гавриил Константинович с женой...

25 ноября великие князья Борис и Андрей Владимировичи и Гавриил Константинович с женами устроили завтрак у “Корнилова” и пригласили на него Владимира Кирилловича, меня и сына. Несмотря на трудности военного времени, завтрак был отличный и прошел в очень хорошем настроении, до известной степени семейном. Кроме Гавриила Константиновича, другие великие князья не сочувствовали немцам и очень жалели французов. Особенно был настроен против немцев Борис Владимирович.

В тот же день, в 6 часов вечера, Гавриил Константинович и княгиня устроили “коктейль-парту” у себя на квартире, чтобы познакомить Владимира Кирилловича с гражданским губернатором Парижа — немцем. Они считали, что в сумбурное время такое знакомство может принести пользу. “Парти” прошла довольно натянуто, и, видимо, немцы не знали, какого тона им следует держаться с великим князем»¹⁵⁷.

29 ноября Борис и Андрей Владимировичи пригласили Владимира Кирилловича и Г.К. Графа в кабаре «Шахерезада». Это было излюбленное место немецких летчиков и офицеров-подводников, поэтому кабаре контролировалось немцами. Немецкие офицеры, приезжая с воздушных баз и из Бреста на несколько дней в отпуск в Париж, шли в «Шахерезаду» повеселиться. Все они были одеты «с иголки» и увешены высшими боевыми орденами. Среди них можно было увидеть самых выдающихся «героев войны». Каждый из них совершил много боевых вылетов и сбил по несколько неприятельских самолетов, а офицеры-подводники потопили много пароходов и эскортирующих их военных кораблей.

2 декабря к Владимиру Кирилловичу явился некий Жеребков, который сообщил, что немцы, видимо, гестапо, его назначают заведующим делами русской эмиграции, проживавшей во Франции (по-немецки «лейтером» эмиграции), по примеру того, как в Берлине назначен генерал Бискупский. Жеребков показал великому князю рекомендательное письмо, по его словам, от его дяди — генерала и писателя Краснова, проживавшего в Германии. Жеребков был исключительно любезен и предложил Владимиру Кирилловичу свое полное содействие, если он в чем-либо нуждается. Граф не преминул воспользоваться этим и сказал Жеребкову, что великий князь в Сен-Бриаке сильно страдает от нехватки угля для отопления, а также неплохо было бы, чтобы местные власти выдали разрешение на получение газа для автомобиля. Жеребков пообещал заняться этими вопросами.

6 февраля 1941 года Граф увидел входящих на виллу в Сен-Бриаке двух офицеров СС. Он был испуган, когда старший из них спросил: «Вы секретарь гросс-фюрста Владимира? Ваша фамилия Граф».

Тот ответил утвердительно. Тогда эсэсовец объяснил свой приход: «Мы получили приказание заехать в Сен-Бриак, чтобы достать для гросс-фюрста пятнадцать мешков угля».

Из мемуаров Графа: «25 марта 1941 г. в Сен-Бриак приехал бывший адмирал И.А. Кононов на пути в Брест. Он сообщил, что ему удалось создать предприятие по подъему затонувших кораблей и немцы поручили ему подъем французских кораблей, которые затонули в гаванях и на рейде Бреста во время бомбардировок англичан. Кононову уже удалось поднять 3 подлодки и 2 парохода. В свое предприятие он берет на службу главным образом бывших русских морских офицеров и русских водолазов. Кононов был настроен очень оптимистично в смысле развития своего предприятия и больших заработков, а также он был настроен и очень пронемецки и предрекал немцам господство над Европой. Во всяком случае, было замечательно, что, благодаря созданному Кононовым предприятию, некоторое число русских получит заработок»¹⁵⁸.

22 июня 1941 года немцы в профилактических целях арестовали множество русских эмигрантов, среди которых был и Г.К. Граф, но вскоре почти всех их отпустили. Никто из семейства Романовых задержан не был.

Владимир Кириллович по-прежнему жил в Сен-Бриаке. 3 июля 1941 года к нему пришел германский военный губернатор с двумя офицерами. О чем они говорили, неизвестно. И великокняжеская семья, и ее окружение сделали все, чтобы скрыть свои отношения с фашистами. Но зачем же в 1951 году оправдывался Граф: «Я спрашиваю, кто может поставить в упрек возглавителям легитимного [монархического. — А.Ш.] движения, что они искали поддержки в борьбе против советской власти у воз-

главителей Германии? Какая другая страна в тот период готова была бороться против советской власти и содействовать восстановлению законной монархии? Такой другой страны не было. Поэтому нельзя не признать, что избранное легитимным движением направление было правильным. Расчеты его руководителей не осуществлялись только благодаря заблуждению безумца Гитлера. Будь во главе германского правительства здравомыслящий человек, результаты войны были бы другие, в России не было бы коммунизма, а она вернулась бы на свой исторический путь, царствовал бы император Владимир Кириллович, и русский народ благоденствовал бы»¹⁵⁹.

Думаю, комментировать сей пассаж просто грешно.

Современные монархисты лезут из кожи вон, чтобы оправдать действия Владимира Кирилловича в ходе Второй мировой войны. Вот, к примеру, пассаж: *«Используя знакомство с германскими кадровыми офицерами из аристократической среды (командующим военным округом г. Сен-Мало генералом фон Аулоком и др.), многие из которых, кстати, были настроены антинацистски, Владимир Кириллович сумел существенно облегчить участь советских военнопленных, содержавшихся в концентрационных лагерях в г. Сен-Мало и на острове Джерсей. Великий князь оставил об этом воспоминания: “В самый разгар войны я вдруг узнал, что русские пленные содержатся частью на материке, а частью на прибрежных английских островах, оккупированных немцами, и что положение их довольно трудное. Другие военнопленные получали через Красный Крест помощь от своих правительств, посылки и письма из дома, а русским помощи было ждать неоткуда. Известно, какое отно-*

шение было к ним в России, всех их априори считали предателями, перебежавшими на сторону врага, так что можно себе представить, в каком бедственном положении оказались эти несчастные люди. Поскольку у меня был контакт с несколькими офицерами, мне с их помощью удалось немного помочь им. Когда я поднял этот вопрос, они проверили, и, насколько мне известно, положение наших пленных немного облегчилось. Они работали, главным образом, на строительстве укреплений. Тех, которые были на островах, я никогда не видел, а с некоторыми из работавших на материке потом несколько раз встречался, и мы разговаривали, они рассказывали мне про свою жизнь. Очень большой помощи, конечно, оказать им было невозможно, но даже то немногое, что удалось сделать, было для них светлым моментом в их печальном положении, когда они узнали, что хотя бы кто-то заинтересовался ими. Что с ними произошло потом, я не знаю. Когда после начала перестройки открылась возможность переписки и я стал получать невероятное количество писем из России, я всегда надеялся, что кто-нибудь из них уцелел и напишет мне, но боюсь, что нет, потому что все, кто был возвращен, попадали в лагеря и очень многие погибали”.

Помощь Великого князя заключалась в посылке в концлагеря продуктов питания, игрушек и сладостей для детей, в устройении Богослужений, для чего из Парижа приглашался священник о. Иоанн Григор-Клочко»¹⁶⁰.

Опять что-то вспоминается «Союз Меча и Орла»: «В случае удачи — почет! Не вышло — мое дело шестнадцатое. Помогал детям — и дело с концом». Ну а если серьезно? С какого перепугу немцы решили устраивать концлагеря для советских военнопленных на берегу Ла-Манша, да и на островах, названия

которых великий князь и выговаривать не хочет? Может, затем, чтобы тем легче было в Англию драпануть?

Но в Англию никто не драпал, потому что там были не просто военнопленные, а лишь те, кто захотел сотрудничать с фашистами и добровольно вступил в военно-строительные отряды и подразделения береговой обороны.

Мало кто знает, что летом 1940 года германские части высадились на Нормандских островах, принадлежавших Англии. Эти небольшие острова находятся у западного входа в пролив Ла-Манш на расстоянии от 20 до 50 километров от французского побережья.

К концу 1940 года немцы оценили стратегическое положение Нормандских островов и на трех из них — Гернси, Джерси и Олдерней — начали сооружение береговых батарей, вошедших в систему «Атлантического вала». Руководил работами капитан 1 ранга Мирус.

Уже в марте 1941 года на Нормандские острова был переброшен 604-й дивизион морской артиллерии. В мае 1941 года были введены в строй первые три береговые батареи: «Страсбург» (четыре 22-сантиметровые пушки) на острове Гернси, «Лотарингия» (четыре 15-сантиметровые пушки) на острове Джерси и «Эльзас» (три 17-сантиметровые пушки) на острове Олдерней.

Всего на трех островах немцы в 1941–1943 годах построили 16 батарей, вооруженных трофейными и старыми германскими орудиями.

Любопытно, что в апреле 1942 года на острове Гернси была введена в строй 30,5-сантиметровая береговая батарея «Нина», переименованная в августе того же года в «Мирус». Пушки для батареи были использованы с линкора «Александр III», уг-

нанного в ноябре 1920 года Врангелем в Бизерту. А вот противодесантную оборону острова Гернси, как и других Нормандских островов, осуществляли 7,62-сантиметровые пушки Ф.К.39(г), то есть наши родные Ф-22УСВ. А обслуживали Ф-22УСВ бывшие советские военнопленные, которые теперь именовались «хиви», то есть добровольные помощники вермахта.

Батареи на Нормандских островах здорово населили нашим союзничкам и капитулировали лишь 8 мая 1945 года! То-то Владимир Кириллович отпирается — на островах, мол, не был, ни с кем не знался.

До весны 1944 года Владимир Кириллович спокойно прожил в Сен-Бриаке, а затем ненадолго переехал в Париж, где остановился в доме Людвиг Нобеля. После высадки союзников в Нормандии в июне 1944 года великий князь отправился в Германию в замок «Аморбах» к своей старшей сестре Марии Кирилловне.

Бегство Владимира Кирилловича в Германию угодливые промонархистские историки объясняют тем, что, мол, немцы заставили. Может, его еще и под конвоем увезли? Во всяком случае, из Сен-Бриака свое барахло великий князь увозил на нескольких автомобилях.

Гитлер не пошел на сотрудничество с Владимиром Кирилловичем не из-за отказа великого князя, а из-за того, что не воспринимал его всерьез. А главное, фюрер вообще не желал создавать на территории СССР какое-нибудь русское гособразование, даже полностью зависимое от рейха. Посему немцы не знали, что делать с Владимиром Кирилловичем, а при отступлении в 1944 году германскому командованию было явно не до главы Императорского дома. Другой вопрос, что «глава» боялся встречи с союзными войсками не менее, чем с Крас-

ной армией, о чем свидетельствует его дальнейшее поведение.

В апреле 1945 года Владимир Кириллович решил, что надо уносить ноги из замка «Аморбах». Понятно, что встреча с частями Красной армии не входила в его планы. Но чего же проще — отправиться к американцам или англичанам. Однако у великого князя были основания думать, что и союзники взыщут с него за связи с нацистами.

Поздним вечером 2 мая 1945 года начальнику пограничной полиции Лихтенштейна сообщили, что к границе приближается военная колонна. По обе стороны шоссе двигались группы вооруженных пехотинцев, а по дороге медленно шли автомобили. Все призывы остановиться были тщетны, и начальник погранполиции приказал своим людям дать несколько предупредительных выстрелов. После этого головной автомобиль остановился, и оттуда выпрыгнул офицер с криком: «Не стреляйте, не стреляйте, здесь русский генерал!» Затем из машины вышел и сам генерал, отрекомендовавшийся как Борис Алексеевич Хольмстон-Смысловский, бывший генерал гвардейского полка его императорского величества, ныне командующий Первой русской национальной армией. Его подчиненные стояли навтытяжку, ожидая приказов. Над ними колыхался трехцветный бело-сине-красный флаг Российской империи, а в машине, в центре колонны, сидел великий князь Владимир Кириллович. Озадаченный полицейский побежал звонить своему командиру.

С остатками своего войска Смысловский двинулся к Фельдкирху, самому западному городу Австрии. Здесь он встретил великого князя Владимира Кирилловича, которого сопровождал советник Сергей Войцеховский. Смысловский согласился, чтобы великий князь перешел границу вместе с ним.

В 11 часов вечера колонна вступила на землю Лихтенштейна. Хотя люди генерала Смысловского шли как военное формирование, у них был строжайший приказ ни в коем случае не открывать огня, и можно представить себе, какие неприятные минуты они пережили, оказавшись под дулами винтовок пограничников.

В ту же ночь вошедшие в Лихтенштейн солдаты были разоружены, и оружие перевезли в Вадуц (позже его утопили в Боденском озере, на дне которого оно, вероятно, покоится до сих пор). В группе Смысловского было 494 человека: 462 мужчины, 30 женщин и двое детей. Правительство Лихтенштейна отказало в убежище лишь великому князю и его свите; их на следующий день вернули в Австрию.

Лишь спустя несколько месяцев Владимиру Кирилловичу удалось бежать в Испанию, где он поселился у своей тети инфанты Беатрисы. Как видим, нашлось только одно государство — франкистская Испания, где сумел укрыться глава Российского императорского дома. Показать во Франции наш «глава» рискнул лишь в 1954 году, в разгар «холодной войны», когда Запад уже сотрудничал со многими нацистскими военными и разведчиками.

Глава 27

БРАЧНЫЕ ХЛОПОТЫ «КИРИЛЛОВЦЕВ»

В конце 1940-х годов в Испании Владимир Кириллович не только сохранил, но и усилил свои связи с той частью эмиграции второй волны, которая с оружием в руках воевала против Красной армии, то есть с власовцами, хиви и т. п.

По версии монархистов, в 1946 году к Владимиру Кирилловичу обратился от имени Испанского королевского дома инфант Фернандо принц Баварский в связи с намеченной свадьбой его дочери инфанты Мерседес и брата княгини Леониды Георгиевны князя Ираклия с запросом, можно ли считать этот брак равнородным. В ответ глава Российского Императорского дома «восстановил историческую правду» и своим Актом от 5 декабря 1946 года признал царственное достоинство дома Багратионов. Вскоре великий князь познакомился со своей будущей супругой Леонидой Георгиевной Багратион-Мухранской. Они обвенчались 11 августа 1948 года в Лозанне (Швейцария).

Великий князь Андрей Владимирович, приехавший познакомиться с женой своего царственного племянника, сразу же сказал ей: *«Больше гадостей, чем говорили про императрицу, никто, никогда и ни о ком не говорил. Поэтому, что бы тебе ни делали, что бы о тебе ни говорили, не обращай внимания. Исполни свой долг, помогай Владимиру»*¹⁶¹.

Возникает вопрос, как мог какой-то Фернандо говорить от имени Испанского Королевского дома? Какой он инфант (то есть наследник престола в Испании)? После смерти в 1941 году короля Альфонса XIII наследником престола стал его сын дон Хуан граф Барселонский, проживавший в эмиграции в Швейцарии. В 1955 году дон Хуан приехал в Испанию, а после смерти Франко в 1975 году стал королем Хуаном Карлосом I. Так что Фернандо Баварский никого не представлял, кроме самого себя, и был голозадым эмигрантом, не имевшим отношения ни к Испании, ни к Баварии.

Так кто же такие Багратионы и какое к ним отношение имеет мадам Леонида?

В конце X века царь Картли Баграт III (975–1014) сумел объединить грузинские княжества в единое го-

сударство. С XI века по 1212 год этим государством правила династия Багратидов. Происхождение династии и ее конец вызывают много споров, порождаемых националистической идеологией и сиюминутными политическими выгодами.

Так, армяне и ряд западных историков считают, что грузинские Багратиды происходят от армянских Багратидов, а конкретно от Васана Багратуни, в середине VIII века бежавшего из Армении в город Тайк, спасаясь от нашествия арабов.

Естественно, что грузинские историки не желают признавать такое родство и выводят родословную Багратидов кто от ассирийских владык, а кто и от самого Ноя.

В 980 году Баграт III захватил Абхазское царство. Позднее, к 1010 году, к царству были присоединены Кахетия и Эрети, где властвовали кахетинские цари. Таким образом, за политическими границами царства оставался Тифлисский эмират, находившийся в руках эмиров — вассалов арабского эмирата.

При царе Давиде IV (1089–1125) государство Багратидов достигло наибольшего размера. В 1122 году его войска разгромили Тифлисский эмират. Сам город Тифлис был взят и стал столицей государства Багратидов.

Внук Давида IV Георгий III (1156–1184) не имел сыновей, а имел лишь дочь Тамару. Заручившись поддержкой духовенства и феодалов, он еще при своей жизни, в 1178 году, возвел ее в царское достоинство. Таким образом, царица Тамара, самостоятельно правившая с 1184 по 1213 год, стала последним монархом из династии Багратидов. Хотя в дальнейшем осетинские правители без всяких на то оснований присвоили себе фамилию Багратионов.

А теперь давайте возьмем монографию знаменитого русского генеалога П.Н. Петрова, автора двух-

томной «Истории родов русского дворянства», изданной в Петербурге в 1886 году, который, естественно, не мог знать о склоках монархистов в конце XX века: *«Находя возможным прямее допустить происхождение дошедших до наших дней Багратионов от Осетинских владетелей, мы разделяем роды князей Багратионов на самостоятельные ветви: Имеретинскую, Мухранскую, Багратионов-Давидовых и просто Багратионов — и думаем теперь обозреть последних.*

Происхождение их мы только ведем от царя карталинского Исесей, принявшего ислам с новым мусульманским именем Али-Кули-хана, умершего в 1727 г. От брака его с кахетинской царевной Еленой родились четыре сына, из которых второй — Александр — был русской службы полковником и родоначальником русского рода князей Багратионов, теперь существующих; тогда как со смертью князя Петра Романовича старшая линия рода Багратионов прекратилась. Князь Александр Исесеевич Багратион оставил двух сыновей: младшего — Кирилла и старшего — Ивана Александровича, отца: 1) героя отечественной войны, князя Петра Ивановича, генерала от инфантерии, умершего 7 сентября 1812 года, 47 лет от роду, от раны, полученной при Бородине, и 2) Романа Ивановича, сын которого — князь Петр Романович, бывший последним остзейским губернатором, умер в январе 1876 года»¹⁶².

Таким образом, все ныне существующие представители фамилии Багратионов, в лучшем случае, потомки Али-Кули-хана.

Несколько слов стоит сказать о присоединении Грузии (точнее, ее части — царства Картли) к России.

11 января 1798 года умер царь Ираклий II, и на престол Картли (Карталинии) и Кахетии вступил

Георгий XII. Однако через год он серьезно заболел и обратился с письмом к императору Павлу I, в котором заявлял, что грузинский народ желает навсегда вступить в подданство России.

Манифест о присоединении Грузии был подписан 18 декабря 1800 года, а 28 декабря скончался Георгий XII.

Манифест умалчивал о династических правах династии Багратидов, и поэтому царевич Давид после смерти отца отправил в Петербург своих послов Авалова и Палавандова, чтобы те выяснили, кого из царевичей российский император назначит правителем Картлии и Кахетии.

Император Александр I передал вопрос на усмотрение Государственного совета, который «не нашел возможным сохранить звание царя» в Картлии и Кахетии. Поэтому 12 сентября 1801 года Александр I издал новый «Манифест об учреждении внутреннего управления Грузии», в котором говорилось: *«Вникая в положение ваше и видя, что посредство и присутствие войск российских в Грузии и донныне одно удерживает пролитие крови нам единоверных и конечную гибель, уготованную вам от хищных и неверных сопредельных вам народов, желали мы испытать еще, нет ли возможности восстановить первое правление под покровительством нашим и сохранить вас в спокойствии и в безопасности. Но ближайшие по сему исследования наконец убедили нас, что разные части народа грузинскаго, равно драгоценным нам по человечеству, праведно страшатся гонения и мести того, кто из искателей достоинства царского мог бы достигнуть его власти... А посему, избрав нашего генерал-лейтенанта Кнорринга быть главноуправляющим среди вас, дали мы ему полныя наставления открыть сие правление особенным от имянн нашего объявлением...»*¹⁶³.

Дед Леонида генерал-майор князь Александр Ираклиевич Багратион-Мухранский не был потомком ни царя Ираклия II, ни Георгия XII. Он был убит 20 октября 1918 года большевиками в Пятигорске. Сын Александра Ираклиевича Георгий женился на Елене Злотницкой, польской еврейке. От этого брака 23 сентября (6 октября) 1914 года родилась Леонида Георгиевна.

29 октября 1934 года Леонида вышла замуж за американского еврея миллионера Сампера Мура Кирби и родила от него дочь Хэлен. Любопытно, что до брака с Леонидой Кирби был женат на дочери банкира еврея Яннеля (Якова) Шиффа, столь щедро субсидировавшего с 1904 по 1917 год террористов — эсеров и большевиков. 19 ноября 1937 года Леонида развелась с Кирби.

Зарубежная Православная Церковь решительно выступила против брака великого князя Кирилла Владимировича с разведенкой миссис Кирби. Поэтому Владимир Кириллович и Леонида Георгиевна выехали из Испании в Швейцарию и в новостильной греческой церкви обвенчались 11 августа 1948 года (когда у православных еще был Успенский пост и по церковным канонам венчание не совершается).

В марте 1970 года в Лондоне председатель Высшего монархического совета Георгий Маврикиевич Кньюпфер опубликовал «Осведомительное Сообщение». Вот что там было сказано: *«...Печальны были и обстоятельства, при которых женился Великий Князь. Не только генерал Франко, но и все родственники Главы Династии были в ужасе от брака с неравнородной и разведенной. По настоянию Августейших родственников, наш Синод отдал распоряжение, чтобы наши священники не венчали бы их. Тогда Великий Князь и госпожа Кирби спешно уехали в Лозанну и там, во время поста, венчались*

в греческой церкви, нарушая этим каноны также и тем, что поблизости были и наши церкви (имеется в виду русские православные храмы)...»¹⁶⁴.

Даже если предположить, что Багратионы-Мухранские имеют какое-то отношение к давным-давно царствовавшему роду Багратидов, то все равно нельзя признать этот брак равнородным, «*ибо при буквальном истолковании статей 36 и 188 Основных Законов равнородным считается принадлежность к царствующему, а не царствовавшему Дому — в данном случае грузинскому, давно вошедшему в число подданных русского царя. (В сходном положении были многочисленные дворяне — потомки царствовавшего рода Рюриковичей, которые равнородными не считались.) На соответствующее постановление в отношении всех “владельческих кавказских семей” (по поводу претензий других лиц) указывал в своих воспоминаниях долголетний начальник канцелярии Министерства Императорского Двора А.А. Мосолов.*

Показательно, что и сенатор Карево, не предполагая в 1922 году, кого наследник Великого Князя Кирилла изберет себе в супруги, приводил брак Княжны Императорской Крови Татьяны Константиновны с князем Багратионом Мухранским как пример разрешенного брака “с лицом, не имеющим собственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому”. Именно поэтому от Татьяны Константиновны было взято отречение от прав наследования Престола. (Позже “Походная канцелярия Великого Князя Владимира Кирилловича” попыталась умалчивать об этом морганатическом браке)»¹⁶⁵.

Возможно, кто-то из читателей удивится, чего это автор копается в такой ерунде, кто, мол, был

прапрадедом невесты, состояла ли она ранее в браке, венчалась ли в русской или униатской церкви и т. д. Да, действительно, для подавляющего большинства граждан Российской Федерации эти мелочи не имеют серьезного значения при выборе супруга или супруги.

Но, с другой стороны, именно на этих мелочах и зиждется легитимность монарха в Европе уже более тысячи лет.

23 декабря 1953 года в Мадриде у Владимира Кирилловича и Леониды родилась дочь Мария. Больше детей у них не было. Родители присвоили дочери титул великой княжны, хотя она приходилась по отцу праправнучкой царя Александра II. Позже Владимир Кириллович заявил, что *«вряд ли можно предположить, что кто-либо из здравствующих до сей поры Князей ИМПЕРАТОРСКОЙ крови, принимая во внимание их возраст, сможет вступить в новый равнородный брак и тем более иметь потомство, которое стало бы обладать правом престолонаследия... Ввиду вышеизложенного, в согласии с Государственными Основными Законами Российской Империи, наследование Престола, по смерти всех мужеских Членов ИМПЕРАТОРСКОГО Дома, неминуемо перейдет в женское поколение нашей Семьи. ...единственной, кто может иметь правомочное потомство, является в настоящее время Первородная дочь Моя Ее ИМПЕРАТОРСКОЕ Высочество Государыня Великая Княжна Мария Владимировна... Я объявляю, что в случае Моей кончины Моя Дочь Государыня Великая Княжна Мария Владимировна становится Блестительницей Российского ИМПЕРАТОРСКОГО Престола... Когда же право наследия Престола, после кончины последнего из мужеских Представителей Династии, неизбежно перейдет в женскую линию, тогда Госу-*

дарыня Великая Княжна Мария Владимировна, Блюстительница Престола, станет Главой ИМПЕРАТОРСКОГО Дома Романовых»¹⁶⁶.

Но князя Всеволод Иоаннович, Роман Петрович и Андрей Александрович «в качестве представителей трех ветвей Российского Императорского дома» заявили протест: *«Мы заявляем, что семейное положение Супруги Князя Владимира Кирилловича одинаково с тем, которое имеют Супруги других Князей Крови Императорской, и мы не признаем за ней права именоваться “великой княгиней”, так же, как мы не признаем именованья “великой княжной” дочери Князя Владимира Кирилловича... Мы считаем, что провозглашение Княжны Марии Владимировны будущей “блюстительницей Российского Престола” является неосновательным и совершенно произвольным поступком» (апрель 1970 г.).*

«Сегодня уже действительно не осталось агнатов Династии, отвечающих всем требованиям Основных Законов к бракам. Однако непонятно, на каком основании женский потомок “кирилловской” линии, основанной на целой веренице неправильных браков, — по сей день утверждает, что право на Престол остается у нее.

Как можно видеть, претенденты из “кирилловской” ветви постоянно применяют к себе одни критерии, к другим ветвям Романовых — другие, выбирая те аргументы, которые “доказательны” в сложившихся условиях. Так, раньше, при наличии мужских членов в своей линии, они применяли только принцип мужского первородства, считая его главным и отмечая строгие требования законности своих браков. Теперь же, после пресечения своего мужского потомства, используют субсидиарный принцип женской линии, уже не считая главным

принцип мужского первородства, — а строгими требованиями к бракам побивают лишь других. Однако даже “ближестоящей к последне-царствовавшему” Марию Владимировну считать нельзя, ибо ни ее отец, ни дед, ни прадед не царствовали (“Император Кирилл I” использовал этот самозванный титул лишь для эмигрантов, иностранцам же представлялся как Великий Князь)»¹⁶⁷.

22 сентября 1976 года великая княжна Мария Владимировна вступила в равнородный брак с принцем Францем-Вильгельмом Прусским. Поскольку великой княжне предстояло возглавить династию Романовых, перед свадьбой было заключено и юридически оформлено династическое соглашение, по которому принц Франц-Вильгельм принимал православие и переходил в состав Российского императорского дома с именем Михаила Павловича и титулом великого князя. Он обязался воспитывать родившихся в этом браке детей в православной вере. Статус великого князя Михаила Павловича определялся положениями 6-й статьи Основных Законов Российской Империи.

Это официальная версия «кирилловцев». Замечу, что принц Франц-Вильгельм родился в 1943 году и является правнуком кайзера Вильгельма II по линии его младшего сына Иоахима.

На замужество Марии и явление нового великого князя Михаила Павловича князья императорской крови ответили довольно резким заявлением: *«Мы — члены Императорской Фамилии, родившиеся до отречения от Престола Императора Николая Второго, протестуем против самовольного поступка Князя Владимира Кирилловича, который присвоил мужу своей дочери Марии Владимировны, Принцу Францу-Вильгельму Прусскому, незаконный титул Русского Великого Князя.*

Мы также протестуем против решения Князя Владимира Кирилловича, провозгласившего свою дочь единственной наследницей Престола, предвидя начало новой Династии Гогенцоллерн-Романовых.

Такие намерения мы считаем посягательством на права членов Рода Романовых, судьбу которых мы обязаны оберегать.

Князь Роман Павлович, Князь Андрей Александрович,

Князь Димитрий Александрович, Князь Ростислав Александрович,

Князь Василий Александрович.

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ¹⁶⁸. Председатель Объединения Членов Рода Романовых.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА РЕВНИТЕЛЕЙ, г. Сидней, Австралия»¹⁶⁹.

13 марта 1981 года в Мадриде у Франца-Вильгельма и его жены Марии родился сын Георгий, которому немедленно был дан титул «Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь».

Против подобного самозванства выступили и архиепископ Зарубежной Церкви Антоний Женевский и Западноевропейский, и все Объединение Членов Рода Романовых:

«...счастливое событие в Королевском Прусском Доме не касается ОБЪЕДИНЕНИЯ ЧЛЕНОВ РОДА РОМАНОВЫХ, так как новорожденный Принц НЕ принадлежит ни ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ ФАМИЛИИ, ни ДОМУ РОМАНОВЫХ».

Как известно, раньше даже настоящие русские великие княжны, согласно статье 133 Основных законов, всегда принимали титулы и фамилии своих мужей-иностранцев, и только Мария Владимировна поступила наоборот — в нарушение этой статьи.

Позже ее брак был расторгнут. Начальник «кирилловской» Походной канцелярии винит в этом Франца-Вильгельма: *«Все было очень хорошо. Но потом, в общем, он имел какие-то притязания. Его по-человечески коробило то, что он на втором положении и так далее, дальнейшее супружество стало невозможным»*.

Теперь и Мария Владимировна стала разведенкой, а новоявленный православный Михаил Павлович вновь превратился в неправославного Франца-Вильгельма Прусского.

Русскому же народу в итоге достался «единственно легитимный» наследник престола Георгий Михайлович Гогенцоллерн.

После подобных метаморфоз семья Владимира Кирилловича стала терять своих сторонников. После объявления Марии Владимировны «Блюстительницей Престола» раскололись Высший монархический совет и «Российский Имперский Союз-Орден». Не осталась безучастной и Русская Зарубежная Церковь. Так, на III Всезарубежном Соборе, собравшемся в 1974 году, по оценке одного из «кирилловцев», «только два епископа из тринадцати, составлявших 3-й Собор, — вернопреданные Его Императорскому Высочеству»¹⁷⁰.

Однако и Владимир Кириллович в 1975 году сделал шокирующее «кирилловцев» заявление, лишившее его еще ряда активных сторонников: *«В России больше никогда не будет монархии, сам я в принципе за демократию и не имею ни малейших претензий на царский трон, даже если бы он мне принадлежал как последнему живущему Романову»*.

Неофевралистский этап у «кирилловичей» начался еще летом 1990 года, когда Владимир Кириллович выразил симпатии Генеральному секретарю

ЦК КПСС М.С. Горбачеву, а потом и его преемникам, установив с ними личный контакт в ходе поездки в СССР в ноябре 1991 года (письмо Б. Ельцину от 27.8.91: *«буду счастлив — наблюдая со вниманием за Вашими начинаниями — оказать вам поддержку от имени императорской семьи»*)¹⁷¹.

После этого даже архиепископ Антоний Лос-Анжелесский, редактор процитированной выше книги, изменил свое мнение о правах Владимира Кирилловича: *«...враги веры, оказывая почетный прием Великому Князю, делали это совсем не из уважения к нему как Главе Царственного Дома, но чтобы прикрыть им перед обманутым народом свои бесчисленные преступления, так же, как они пытаются прикрыться трехцветным флагом, нисколько не раскаяваясь и по-прежнему оставаясь врагами русского народа и православной веры.*

...Во всей русской истории никогда до сих пор не было случая, чтобы Глава Царственного Дома всенародно отрекся от законных и нравственных требований к русскому монарху, вступив в переговоры с разрушившими и вконец разорившими Великую Православную Россию. И даже предлагая им свое сотрудничество и поддержку. Не было случая, чтобы Глава Династии поддерживал единомышленников, уничтоживших и бесчеловечно замучивших 100 миллионов невинных русских людей, взорвавших святыню русского народа — Ипатьевский Дом (Ельцин), с выражением им благодарности за приглашение посетить Россию... Не менее печально, что по этому же пути своего Отца последовала дочь Великого Князя, Великая Княгиня Мария Владимировна, заявившая об этом в своем опубликованном обращении». «Поступок Великого Князя... противоречит основным требованиям русской мо-

нархии»; «он предает идею православной монархии, отрекаясь от нее и одновременно от права быть ее носителем». «Таким образом, сейчас нет законного наследника Русского Престола. Из живущих за границей членов Дома Романовых не осталось никого, кто по русским государственным законам имеет право наследовать Престол»¹⁷².

В 1980-е годы Владимир Кириллович с семьей обычно проводил зиму в Мадриде, а на лето уезжал в Сен-Бриак. Имела семья и квартиру в Париже. С тех пор, как Георгий пошел в школу, семья большей частью жила в Сен-Бриаке. Городок этот оказал своеобразную почесть великому князю. В 1986 году улицу, на которой находилась его вилла, городские власти переименовали в Великокняжескую (Chemin du Grand Duc). Владимир — второй великий князь, проживавший на этой улице, первым был его отец «император» Кирилл.

Стаффан Скотт хорошо рассказал о своем посещении виллы претендента: *«Я встретился с великим князем Владимиром весной 1987 года в его усадьбе Керр Аргонид в Сен-Бриаке. Случаю было угодно, чтобы это произошло в день семидесятилетия отречения последнего правящего государя, 15 марта (2 марта по ст. ст.). В этот день великого князя посетил Петр Колтыпин-Валловский, энергичный председатель Российского имперского союза-ордена. Это объединение американских монархистов, судя по всему, более активное, нежели его единомышленники в других странах; собственно, орден является результатом раскола предыдущей монархической организации.*

Великий князь Владимир отлично сохранился для своего возраста, приятен в общении и с достоинством осознает свое высокое положение. Всю свою взрослую жизнь он посвятил тому, чтобы

быть претендентом. В качестве главы династии он не принял ни французского, ни испанского гражданства и имеет французский документ лица без гражданства.

— Французские власти держат меня под наблюдением, но тактично и корректно.

Говоря на изысканном, чуть старомодном русском языке, он дипломатично отзывается о политике и разногласиях в семействе. Он носит все подобающие русскому царю титулы: император и самодержец Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая. Смысл в том, чтобы сохранить династию.

— Престол нельзя бросить на произвол судьбы, всем должно быть ясно, что он не пустует, — говорит Владимир. — Можно сказать, что мы живем по принципу скаутов: “Всегда готов!”

Когда он произносит эту фразу, я делаю вид, будто не знаю, что это также лозунг советских пионеров...

— В настоящее время бесполезно строить прогнозы, но я не вижу никаких серьезных препятствий в будущем для восстановления монархии в России, — говорит великий князь Владимир. — Если в России произойдут изменения, то очень возможно, что монархия возродится. Либо коммунизм, либо монархия — у России нет другого выбора.

Когда он выражается столь достойно, как истый государственный муж, великая княгиня Леонида время от времени вставляет более категорические замечания. Когда заходит разговор о династических распрях, она не столь дипломатична в выборе выражений, как ее супруг. Вне всякого сомнения, она принимает самое живое участие в этих раздорах: она охотно подсказывает мужу все подробности:

— Ты говорил, что монархия ближе всего русскому народу, что русский народ лучше всего понимает монархию, — напоминает она, и великий князь Владимир подтверждает ее слова.

В доме уютно, он обставлен по-европейски богато, но в нем много русских мелочей. Начищенный до блеска самовар в углу под иконой служит лишь украшением. Правда, в доме с утра до вечера пьют чай, но готовят его более современным способом. На стенах много семейных портретов, стоит несколько бюстов Александра III. А в коридоре довольно неожиданно висит портрет писателя Горького (которого Николай II исключил из императорской академии).

Огромный сад был когда-то любимым детищем матери Владимира Кирилловича, Виктории Федоровны. Сейчас он выглядит обжитым, но не педантично ухоженным.

Настороженное поведение великого князя Владимира — государственного мужа — перед журналистом пропадает, как только он заводит речь о технике. Еще в юности он увлекался автомобилями, моторами, мотоциклами. Он страстно и со знанием дела рассказывает о различных технических решениях конструкции вертолетных пропеллеров или о непредвиденных осложнениях при эксплуатации сверхсовременной приливной электростанции в окрестностях Сен-Бриака. Когда он обращается к сопровождавшим меня фотографам, переходя на английский, сразу слышно, что он вырос в доме, где родители говорили между собой по-английски: мать, внучка королевы Виктории, считала себя англичанкой, а не немкой.

Деятельность великого князя Владимира как претендента состоит в том, что он поддерживает связи с русскими монархистами. Я спрашиваю, где жи-

вет большинство его приверженцев, на что великая княгиня Леонида отвечает, что они разбросаны по всему миру. Председатель американских монархистов не говорит, сколько членов насчитывает его организация: верный признак, что число их не велико»¹⁷³.

После августа 1991 года Владимир Кириллович решил приехать в СССР. При этом, чтобы сохранить важность, он попросил администрацию Горбачева впустить его без визы. Горбачев между августом и декабрем 1991 года представлял собой политический труп и дал согласие, не глядя. И вот 5 ноября 1991 года начался первый после революции 1917 года визит главы Российского императорского дома на родину. Владимир Кириллович вместе с супругой Леонидой Георгиевной прибыл в Санкт-Петербург по приглашению мэра Собчака на торжества в честь возвращения городу его имени. Владимир и Леонида почтили память русских царей в Петропавловском соборе и жертв блокады Ленинграда на Пискаревском кладбище, поклонились Санкт-Петербургским святыням и осмотрели многие достопримечательности.

В Иоанновском монастыре на Карповке Владимир и Леонида встретились со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, с которым ранее великий князь переписывался. В этой первой после кончины в 1700 году патриарха Адриана беседе первосвятителя Русской православной церкви и «Русского государя» шла речь о возвращении под омофор Патриарха Московского и всея Руси отделившихся в свое время зарубежных русских юрисдикций. Владимир Кириллович рассказал Алексию II о своем стремлении помочь в исцелении заграничных расколов и о видении им возможных путей воссоединения.

В феврале 1992 года в Париже находился с визитом президент РФ Ельцин. В российском посольстве состоялась встреча действующего главы Российско-

го государства с главой Российского императорского дома. После этого все члены императорской семьи, не имевшие никакого иностранного гражданства и всегда жившие по документам русских беженцев, получили паспорта российских граждан. На обложках тех первых паспортов еще красовалось изображение герба СССР.

В апреле 1992 года Владимир Кириллович отправился в США. Цель визита — получить финансовую поддержку у американских банкиров. Замечу, что его падчерица Хэлен (старшая дочь Леониды) долгие годы осуществляла связь между семейством великого князя и евреями-банкирами США. 21 апреля в ходе пресс-конференции в городе Майами (штат Флорида) Владимир Кириллович внезапно скончался от сердечного приступа:

И тут случился скандал — духовенство Зарубежной Церкви отказалось совершить над ним чин погребения во гроб. Иерархи были обижены на великого князя за его контакты с их главным конкурентом — московским патриархом Алексием II.

После резкого заявления архиепископа Антония супруга Владимира Кирилловича в свою очередь отреклась от Зарубежной Церкви: *«...после крайне неэтичного поведения ее иерархов во время погребения моего Августейшего Супруга, мне очень тяжело о ней говорить. В те трагические дни я очень оценила духовную поддержку со стороны Святейшего Патриарха Алексия II и теперь до конца своих дней я буду ему верна».*

И тут начались закулисные игры в Москве с участием президента и патриарха. Ельцин имел определенные виды на потомство Владимира Кирилловича, а Алексей захотел насолить Зарубежной Церкви. В итоге гроб с телом Владимира Кирилловича был доставлен в Россию.

29 апреля 1992 года в Исаакиевском соборе в Петербурге прошло отпевание главы Российского императорского дома, которое возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. В трогательном надгробном слове Алексий подчеркнул, какое сильное впечатление произвели на него «глубокая вера почившего, его любовь к России и ее народу». *«Да упокоит Господь душу новопреставленного раба Твоего Великого князя Владимира Кирилловича в обителях небесных, — провозгласил в конце проповеди Патриарх. — И дарует ему быть участником вечной радости в невечернем дне Царствия Христова!»*

Глава 28

МАРИЯ И ГЕОРГИЙ

По версии «кирилловцев», «с кончиной Великого Князя Владимира III Кирилловича угасла последняя мужская линия Дома Романовых и наследие Престола, в соответствии со статьей 30 Основных Законов Российской Империи, перешло в женскую линию к его Дочери. Великая Княгиня стала Главой Российского Императорского Дома (де-юре Императрицей Всероссийской) Марией I».

После смерти отца Мария живет то в Мадриде, то в Сен-Бриаке. Она относительно хорошо говорит по-русски.

С 1991 года Мария около сорока раз посещала Российскую Федерацию. Великая княгиня осуществила целый ряд благотворительных акций, оказала содействие представителям русского искусства, естественно, соответствующей политической ориентации. В 1994 году ее усилиями было совершено перенесение в родовую усыпальницу грузинских ца-

рей — Мцхету — праха князя Георгия Александровича и княгини Елены Сигизмундовны, а в 1995 году из Кобурга в Петропавловский собор Петербурга доставили останки императора Кирилла I и императрицы Виктории Феодоровны.

В последние годы Мария Владимировна вступила в тяжбу с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Она требует произвести официальную реабилитацию Николая II и его семьи, расстрелянных в Екатеринбурге в 1918 году. Верховный суд РФ отказал ей. На юридическом языке отказ звучит так: *«Умышленное убийство, пуская и имеющее политическую окраску, совершено лицами, не наделенными соответствующими судебными и административными полномочиями. Какого-то хотя бы формального обвинения властями Императору и членам его семьи предъявлено не было. В этой связи совершенное убийство с правовой точки зрения является общеуголовным преступлением».*

Честно говоря, формулировочка еще та! Но удивляться не приходится. У нас реабилитировали кронштадтских мятежников и отказали в реабилитации членам семьи Лаврентия Берия, которые потребовали снять с него обвинение в шпионаже в пользу Англии и других стран Запада.

Адвокаты Марии Владимировны не преминули едко высказаться: *«Если признать цареубийство не репрессией, а уголовным преступлением, значит, современное государство (российское) является преемником уголовников?»* Правда, адвокат тут же добавляет: *«Даже мы, монархисты, этого не говорим. Мы говорим, что государство совершало ошибки, и их необходимо признать».*

Политический обозреватель РИА «Новости» Петр Романов по сему поводу писал: *«Итак, теперь, когда и Верховный суд не посмел нарушить ради*

Марии Владимировны российское законодательство, современная Россия стала “преемником уголовников”? Или как? Именно с этой позицией Великая княгиня и ее адвокаты отправятся теперь в Международный суд? Еще до решения Верховного суда они обещали это сделать, если в России иск не удовлетворяют.

Кстати, потомки Николая II всячески отмечают предположения о том, что реабилитация — это только первый шаг к требованию о реституции царского имущества. Но где гарантия, что этого не произойдет? До революции Российский императорский дом обладал рангом госучреждения. В настоящее время императорский дом, хотя и находится формально в изгнании, все равно, как сообщает его официальный сайт, “продолжает существовать на своих незыблемых юридических основах”.(?)

Наконец, еще одна проблема. У РПЦ своя позиция, у Верховного суда — своя. Но есть еще и суд истории. Что значит для этого суда “политическая реабилитация” Николая II? Мы что, уже всерьез разобрались, какую роль сыграл последний монарх в ужасах Ходынки? Или в позорной русско-японской войне? В Кровавом воскресенье? В революции 1905 года? В первой мировой? В тех обстоятельствах, что спровоцировали Февраль 1917-го?

Завтра, не исключено, встанет вопрос о реабилитации и других членов царской семьи. О них мы знаем еще меньше. Между тем это были люди очень разные: истинные джентльмены и воры (один попался даже на краже фамильных бриллиантов), примерные мужья и любвеобильные гомосексуалисты, трудоголики и патологические бездельники. В семье встречались толковые военные, хорошие моряки, даже талантливые историки и поэты. К концу XIX века в среде Романовых не оказалось

лишь достойного государя, но именно в этом и заключался весь смысл существования династии.

У династии, вероятно, имелся шанс выжить, потеснившись на российском политическом Олимпе: согласиться царствовать, но не править. Многие европейские монархии прошли этот путь. Романовы не захотели»¹⁷⁴.

Ну что ж, немного упрощенное суждение, а иное и не может быть в прессе, но по сути все верно.

А пока Мария боролась за престол и за «бабки», подрос ее сын Георгий, которого монархисты из противоположного лагеря называют «Гошей», а его сторонников, бывших «кирилловцев», — «гошистами».

Георгий учился в начальной школе в Сен-Бриакке, затем в колледже Святого Станислава в Париже. С 1988 года жил в Мадриде, где посещал английскую школу для детей дипломатов.

Родной язык Георгия — французский, он в совершенстве владеет испанским и английским, несколько хуже знает русский.

В Россию Георгий впервые приехал в конце апреля 1992 года, сопровождая вместе с семьей в Петербург гроб с телом своего деда, великого князя Владимира Кирилловича. Вторично он посетил Россию в мае-июне 1992 года для участия в переносе тела деда из Александро-Невской лавры в великокняжескую усыпальницу Петропавловского собора, а затем побывал в Москве.

Мария Владимировна неоднократно заявляла, что образование Георгия будет продолжено в России. В конце 1996 — начале 1997 года в средствах массовой информации прозвучали сообщения о том, что Георгий вернется на родину уже в 1997 году.

Что-то произошло в отношениях к Марии и Георгию в «семье» Ельцина, о чем мы, видимо, никогда не узнаем. (В данном случае автор упоминает тер-

мин «семья» не в русском, а в сицилийском значении.)

В связи с достижением совершеннолетия в 1998 году Георгий решил принести «присягу на верность России и династии» в Костроме в Ипатьевском монастыре, куда в 1613 году приехали послы из Москвы уговаривать шестнадцатилетнего Михаила и его мать Марфу идти царствовать в Москву. И тут могли найтись персонажи, выступившие с аналогичной просьбой к Георгию и его матери Марии. Однако местный губернатор отказал Георгию под предлогом возникновения беспорядков в Костроме. Надо полагать, сие было сделано не без подсказки из Москвы.

Пришлось Георгию ехать принимать присягу в Иерусалим. На оном торжестве присутствовал патриарх Иерусалимский Диодор.

Замечу, что и сейчас Георгий ловко балансирует между различными патриархиями. Так, в Мадриде он периодически посещает как храм Св. Димитрия и Андрея, находящийся в ведении Константинопольской патриархии, так и церковь Рождества Христова под юрисдикцией Московского патриархата.

Не имея возможности получить высшее образование в РФ, Георгий окончил Оксфордский университет, затем несколько лет проработал в Еврокомиссии, в департаменте атомной энергии. Чем занимаются подобные департаменты и комиссии, нам хорошо известно. Они ищут ядерное оружие то в Ираке, то в Иране, то есть везде, где есть нефть, и страну надо взять под контроль США и НАТО. Потом выясняется, что никакого ядерного оружия там нет, но войска США и НАТО остаются. Имеется в виду Ирак, но подготовка к нападению на Иран продолжается.

Все учреждения в Евросоюзе, связанные с атомной энергетикой, перенапичканы агентами спец-

служб. Так что уместно предположить, что если он Гюго еще не стал кадровым разведчиком, то уже рассматривается как агент влияния.

Ну а чтобы автора не упрекнули в субъективном отношении к очередном претенденту на российский престол, я приведу почти полностью его интервью от 4 апреля 2006 года. Обозреватель «РВ» решил выяснить, что интересует современного представителя Императорской Династии, какие идеалы исповедует потомок Романовых.

«— Вы — современный молодой человек и в то же время наследник древней монархической династии. В каком качестве вам уютнее себя чувствовать?

— Мне кажется, неверно противопоставлять эти два качества. Ведь одно другому совсем не мешает. С одной стороны, я живу как многие мои сверстники, но при этом никогда не забываю о своем долге перед Россией. С другой стороны, когда мне приходится исполнять какие-либо официальные обязанности члена Российской императорской династии, я не перестаю ощущать себя современным человеком. У меня есть замечательный пример — мой предок Петр Великий. Он был могущественным монархом огромной страны, но не стеснялся черной работы и относился к людям, невзирая на их чины и положение в обществе, неизменно отдавая предпочтение уму и достоинству человека. Конечно, уютнее себя чувствовать, если у тебя меньше обязанностей. Но совсем без обязанностей жить нельзя, и у каждого человека свои обязанности. Признаюсь, что мне намного более приятно заниматься конкретной работой, которая может кому-то помочь, чем участвовать в долгих торжественных церемониях. Хотя замечу, что и это иногда необходимо.

— Хотелось бы подробнее узнать о вашей деловой карьере?

— После Оксфорда я хотел ознакомиться с деятельностью европейских деловых структур, чтобы лучше понять тенденции, которые будут определять дальнейшее развитие Европы. Сначала работал в Европарламенте, потом помощником вице-президента Еврокомиссии и комиссара по транспорту и энергетике господина де Паласио в Брюсселе. Ныне я занимаюсь проблемами атомной энергетики и безопасности ядерного производства в Европейской комиссии в Люксембурге. По делам работы уже несколько раз приезжал в Санкт-Петербург и Москву. Сейчас хочу ближе познакомиться с вопросами, касающимися частного предпринимательства. Уверен, что приобретенный опыт смогу использовать на службе России.

— Помогает ли вам титул великого князя в решении профессиональных проблем?

— До революции звание члена династии, тем более наследника, естественно, в большой степени предопределяло род занятий. Но при этом каждый из Романовых проходил все ступеньки служебной лестницы. Мой прадед Кирилл Владимирович, несмотря на свой титул, начал свою карьеру с мичманского чина и дослужился до контр-адмирала. Дедушка — великий князь Владимир Кириллович — чтобы узнать лучше жизнь рабочих, работал на заводе в Англии под фамилией Михайлов. Те, кто трудился рядом с ним, даже не знали, что он глава Российского императорского дома. Сегодня, в эпоху Интернета и телевидения, сохранить инкогнито уже намного сложнее. Думаю, в настоящее время во всем мире просто немыслимо рассчитывать, что титул сможет способствовать блестящей карьере. На самом деле все определяют деловые качества, образование, опыт. Более того, если раньше титул давал определенные привилегии, то теперь он влечет за собой только дополнительные требования к его обла-

дателю и большую ответственность. Я не могу позволить, чтобы мое положение влияло на человеческие и деловые отношения.

— Вы только начинаете свою карьеру и пока не занимаете ключевых постов в мировых концернах. Не снижает ли это авторитет великого князя как представителя одной из старейших династий?

— По-моему, наоборот. Я уже ссылался на пример своих предков. Скромность и труд никого не могут унижить.

Как это ни парадоксально, социалистическая система, которая декларировала приоритет интересов трудящихся, на практике уничтожила уважение к труду, гордость за свое положение в любом сословии. Появилось понятие непрестижных профессий, люди начали стыдиться того, чем гордились их предки. Когда они порывали с традиционным укладом и семейными традициями, им казалось, что они вырываются наверх, а на деле они оказывались лишенными своих исконных корней, появлялось чувство неудовлетворения, нереализованности. Я твердо убежден, что любая работа, если ты выполняешь ее честно, не может быть унижительной.

— Каковы ваши обязанности как великого князя в Российском императорском доме?

— В шестнадцать лет, достигнув династического совершеннолетия, в Иерусалиме у Гроба Господня я принес присягу на верность Отечеству и моей матери великой княгине Марии Владимировне, которая является главой Российского императорского дома. Согласно нашей династической традиции, только она имеет право принимать окончательные решения по всем важнейшим вопросам, только она официально объявляет позицию династии. Все остальные члены Императорского дома, независимо от возраста или степени родства, обязаны подчиняться ее авторитету.

Большую роль в жизни нашей семьи до самого последнего времени играла моя бабушка великая княгиня Леонида Георгиевна. Но сейчас бабушке уже 91 год, и состояние здоровья не позволяет ей в полной мере сохранять былую работоспособность. Но она продолжает очень живо интересоваться всем, что происходит на Родине. Еще один ныне здравствующий член Императорского дома — княгиня Екатерина Иоанновна, которой исполнилось 90 лет, проживает в Уругвае. Так что сейчас только двое — мама и я — могут активно исполнять свое служение во имя Отечества.

— Вы получили серьезное европейское образование. Хотелось бы узнать, какое влияние на ваше восприятие мира оказала русская культура, литература, музыка?

— С детства меня воспитывали на основе русской культуры. Жизнь в изгнании побуждает особенно дорожить всем, что позволяет ощутить близость с Родиной. Иногда человек, живущий в родной среде, не до конца осознает, какую ценность имеет национальная культура. Есть даже русская поговорка: «Что имеем, не храним, потерявши, плачем». Вот мы и постарались не потерять последнее, что осталось после революции — сознание нашего долга и любовь к Отечеству и его духовным основам. Русская культура чрезвычайно богата. Она очень самобытна и в то же время не замкнута в себе. Не случайно произведения Пушкина, Достоевского, Толстого, музыка Чайковского, Рахманинова вызывают восхищение у людей всех национальностей и культур. Каждый, кто смог понять и оценить их творчество, уже не будет относиться к окружающему миру цинично и бессовестно.

— Вы очень хорошо говорите по-русски, а какими еще языками владеете?

— Спасибо за комплимент. Но сам чувствую, что иногда делаю ошибки, поэтому приходится брать уроки у преподавателей. К сожалению, не хватает повседневной практики. Но родным языком я считаю русский и не сомневаюсь, что, когда мы вернемся в Россию, окончательно избавлюсь от ошибок. Что касается других европейских языков, то когда мы жили во Франции и я учился в начальной школе, то с одноклассниками говорил по-французски, потом в Мадриде в колледже общался с друзьями на испанском языке, а в Оксфорде — на английском. Так что все эти языки для меня вполне живые и привычные.

— В чем, на ваш взгляд, отличие европейского образования от российского?

— Конечно, я обсуждал этот вопрос с моими сверстниками из России. Европейское образование имеет много достоинств, но у российского, на мой взгляд, есть очевидные преимущества — оно более фундаментально и широко. Поэтому тот, кто хочет учиться, легко может стать классным специалистом. Нужно отдать должное — в СССР, несмотря ни на что, сохранялся должный уровень образования. Я знаю, что сейчас в России идет образовательная реформа. Слышал, что при этом берутся за основу иностранные модели, и из-за этого уровень подготовки снижается. Никто не спорит, что реформы нужны. Но прежде чем что-то отменять и перенимать другое, надо хорошенько подумать, стоит ли это делать и в каких формах. А то можно потерять достигнутое трудом поколений русских педагогов и ученых, а взамен взять в качестве нового то, что уже начали выкидывать на свалку в Европе. Не следует думать, что иностранное лучше отечественного только в силу своего импортного происхождения.

— Хотелось бы, чтобы вы поделились своими самыми яркими детскими впечатлениями.

— Самые яркие впечатления раннего детства связаны с образом дедушки — великого князя Владимира Кирилловича. Он очень многому научил меня, хотя тогда я этого до конца не мог осознать и только недавно стал понимать. Но именно он заложил основы моей личности.

Когда мне было одиннадцать лет, дедушка умер. Мы провожали его в последний путь в Россию. Его отпевал в Исаакиевском соборе Святейший Патриарх Алексей II.

Это были незабываемые события, вызывавшие очень сложные чувства, которые трудно описать. Но самое главное навсегда останется в сердце — мы ощутили искреннюю любовь нашего народа, сострадание и поддержку. Когда сталкиваешься с чьей-то злобой, с клеветой, с агрессией, достаточно вспомнить лица и слова простых, добрых, отзывчивых людей, чтобы любое огорчение бесследно прошло. Были и другие впечатления, которые врезались в память, уже печальные и неприятные. Меня поразило, как иногда грубо и высокомерно относились иные носители власти к простым людям. Когда кто-то к нам хотел подойти, их отталкивали, на них кричали. С этим ничего нельзя было поделать. Милиция не могла понять, насколько нам это неприятно. Наверное, все эти чиновники и милиционеры были убеждены, что так они проявляют уважение к почетным гостям, что иначе быть не должно. Я сказал тогда маме, что, если когда-нибудь получу возможность, первым делом я постараюсь изменить это отношение к людям.

— Что в России привлекает ваше наибольшее внимание и интерес?

— Несмотря на десятилетия государственного атеизма, очевиден религиозный подъем. Остается высокий интеллектуальный потенциал. Большое

внимание уделяется обеспечению обороноспособности страны. Мне всегда интересно обсудить эти темы с соотечественниками, узнать их мнение и обменяться соображениями о перспективах. Когда я бываю в храмах, когда общаюсь с военными, с учеными, сердце наполняется гордостью за Россию.

Когда живешь в изгнании, при посещении Родины всегда хочется видеть только хорошее. Тем не менее я знаю и о серьезных проблемах, стоящих перед нашим государством. Меня потрясло то, что случилось с солдатом А. Сычевым, которому ампутировали ноги. Это ужасно! Государство и общество должны бороться с такими явлениями беспощадно. Нужно возрождать многовековые традиции, и все постепенно встанет на свои места, ситуация нормализуется. Наша династия за 300 лет царствования немало сделала для укрепления военной мощи России. Думаю, мы можем помочь современному государству в деле укрепления боевого духа, в поддержании чувства долга, чести и достоинства воина.

— Вы часто бываете в России. Удалось ли во время этих визитов познакомиться с русскими сверстниками, каковы ваши впечатления о современной русской молодежи?

— Я общался с молодыми людьми в России и во время наших официальных визитов, и во время рабочих поездок. Общее впечатление очень хорошее и радостное. Новое поколение воспитано в новых условиях. Я вижу веру, энергию, интеллект нового российского поколения. Не сомневаюсь, что мы вернем России то, что она утратила в XX веке.

— Какие недостатки современной российской жизни бросаются в глаза?

— Раньше много лет души людей уродовала безбожная и бесчеловечная идеология тоталитарного режима. Сейчас этого нет. Однако появились другие

опасности. Грубый материализм, ложь, эгоизм, бездуховность и равнодушие проникают в общество под самыми разными личинами, но от этого не становятся менее отвратительными.

Думаю, особенно опасно отсутствие объединяющей национальной идеи. Российская империя всегда была одним из лидеров мировой цивилизации. Революция ввергла великую державу в мрачные времена дикости и варварства. Однако при коммунистах существовала общая идея, объединяющая многонациональную страну. Конечно, это была ложная, насажденная насильем идея, но она все-таки была. Когда произошло крушение СССР, в области идеологии образовался вакуум, в результате чего государство неизбежно слабеет и разрушается.

В августе 1991 года большинство людей объединил стихийный антикоммунизм. Когда обреченный режим рухнул, новой основы для единства предложено не было. За 15 лет произошли большие положительные сдвиги в народном сознании. Государственной властью за последние годы достигнуты важные успехи в преодолении экономических трудностей. Но в духовном отношении Россия еще находится на стадии поиска своего пути. На мой взгляд, духовный кризис еще не преодолен. Это основная, глобальная проблема, от которой зависит жизнь страны в целом.

Есть еще много других вещей, касающихся повседневной жизни большинства соотечественников. В России есть тысячи богатых людей, но бедных, просто нищих, — в десятки тысяч раз больше. Сегодня фактически нет среднего класса, на котором основывается жизнь любого европейского государства. Больно видеть бедность старшего поколения. Ужасают рост смертности, резкое снижение рождаемости.

Каждому человеку, так или иначе, приходится сталкиваться с произволом чиновников, с нарушением закона. Имеет место варварское отношение к природе, к памятникам истории и культуры. Сельское хозяйство подорвано насильственными экспериментами XX века. Можно назвать еще разные уродливые явления — наркомания, массовое распространение пошлости, деятельность тоталитарных сект...

Конечно, часть проблем носит общемировой характер, хотя многие, увы, типично отечественные. Но отчаяния быть не должно. Было бы удивительно, если бы после 70 лет коммунизма мы избежали бы временного упадка. Россия обязательно вернется на свой исторический путь, и ее граждане будут жить достойно¹⁷⁵.»

В завершение стоит добавить, что Георгий именуется себя цесаревичем и великим князем с титулом «Его Императорское Высочество Государь Наследник».

В 2008 году он был еще холост — мать никак не может подыскать достойной партии. Мария Владимировна желает для сына невесту «царственных кровей».

При поддержке властей Российской Федерации великая княгиня Мария Владимировна 19 декабря 2002 года создала у нас в стране некий орган власти — Канцелярию Главы Российского Императорского Дома Ее Императорского Величества Государыни Великой Княгини Марии Владимировны. Она «канцелярия» официально «*есть учреждение, осуществляющее документационное и организационное обеспечение деятельности Российского Императорского Дома и ведающее работой по исполнению Высочайших указаний.*

Исторически Канцелярия Е.И.В. является преемницей Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, существовавшей в Российской Империи

до революции 1917 года и воссозданных в условиях вынужденного пребывания Российского императорского дома за рубежом Канцелярии Блюстителя Государева Престола (1922–1924) — Канцелярии Его Императорского Величества (1924–1938) — Управления по делам Главы Российского Императорского Дома (1938–1941) — Секретариата Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Государя Великого Князя Владимира Кирилловича (1941–1944) — Собственной Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Государя Великого Князя Владимира Кирилловича Походной Канцелярии (1945–1992) и Собственной Канцелярии Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны (1992–2002).

Учредителем и Верховным Руководителем Канцелярии Е.И.В. является Глава Российского Императорского Дома.

Предметом деятельности Канцелярии Е.И.В. является организация всестороннего участия Российского Императорского Дома в общественной жизни России.

Целью деятельности Канцелярии Е.И.В. является содействие интеграции Российского Императорского Дома в общественную жизнь России».

Чтобы разобраться в этих мудреных фразах, попробуем представить на секунду, что группа частных лиц объявила госпожу Машу Пупкину президентом РФ и потребовала бы официально зарегистрировать ее канцелярию в качестве «некоммерческой организации». Риторический вопрос, власти разрешили бы регистрацию или, наоборот, за Машей Пупкиной и ее сподвижниками приехало бы ФСБ?

Выписка из Указа № 1/ОР2005:

«Божиею Милостию Мы Великая Княгиня Мария Владимировна Глава Российского Император-

ского Дома... Объявляем перечень лиц, имеющих официальные полномочия от Нас и обладающих правом, в пределах своей компетенции, выступать от Имени Российского Императорского Дома:

Думин Станислав Владимирович — герольдмейстер-управляющий Герольдией при Канцелярии Е.И.В.;

Закатов Александр Николаевич — личный секретарь Императорской Семьи, директор Канцелярии Е.И.В.;

Кирилин Александр Валентинович, генерал-майор — Председатель Кавалерской Думы Императорского Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца;

Президент Фонда Кавалерской Думы Императорского Военного Ордена Святителя Николая Чудотворца...» и еще четыре фамилии, плюс Шахов Михаил Григорьевич — начальник Управления Канцелярии Е.И.В. по вопросам безопасности.

Директор канцелярии Закатов Александр Николаевич с 2003 года член научного совета по изучению и охране культурного и природного наследия Российской академии наук.

Думин Станислав Владимирович — герольдмейстер-управляющий Герольдией при Канцелярии Е.И.В. Любопытно, что Думин совмещает работу в «имперской канцелярии» с должностью члена Геральдического совета при президенте РФ. Каково?!

О господине Шахове вообще ничего нет на сайте Российского императорского дома, в отличие от остальных членов канцелярии. Что, у нас уже существует имперский сыск?

Императрица Мария охотно раздает должности, титулы и ордена, в том числе ордена Андрея Первозванного, Александра Невского и другие. Но, пардон, эти ордена ввели и нынешние власти. Опять ри-

торический вопрос, если Маша Пупкина наладит производство оных орденов и начнет ими торговать, пардон, даровать, то это не вызовет нареканий правоохранительных органов?

Увы, мы сейчас знаем о том, что творится за кулисами в Кремле и на Старой площади, гораздо меньше, чем при Брежнев и Хрущеве. Причем, помимо тотальной секретности здесь играют роль еще два фактора. Во-первых, у власти находятся различные группировки, действующие довольно часто вразнобой, а во-вторых, даже члены одной «семьи» действуют способом проб и ошибок и постоянно меняют ориентацию. Население может видеть это лишь в многочисленных и бессистемных кадровых перестановках в верхах.

Судя по всему, какая-то группировка (семья) уже с 1997 года пытается разыграть карту Маша — Гоша. На это указывают слухи как внутри России, так и за рубежом.

Первый секретарь-координатор дополнительных программ Посольства США в России Дэн Сент-Росси и главный советник по политическим процессам известного американского Агентства Международного развития (USAID) Александр Соколовский на встрече с демократической общественностью России заявили, что американскому правительству известно о существовании в Кремле «заговора», целью которого является восстановление монархии в России в промежутке между 2008 и 2016 годами.

Согласно представленной информации еще полтора года назад не то в «вышке» (высшей школе КГБ, ныне Академия ФСБ), не то в Военно-дипломатической академии ГРУ Генштаба РФ, в так называемой «консерватории», одним из преподавателей был прочитан специальный курс лекций под названием «Проект “Россия”». Лекции довольно подроб-

но и аргументировано обосновывали возможность и необходимость восстановления монархии в России. Главный упор в лекциях делался на критику выборной системы как таковой. Причем, что одним из промежуточных этапов реализации плана восстановления монархии являлся этап отмены губернаторских выборов!

Нетрудно догадаться, что подобная информация исходит из разведывательных органов США, обладающих неплохими агентурными, а главное, техническими источниками информации. Главное же, что все предположения полностью соответствуют логике событий в РФ и здравому смыслу.

Россия впервые за тысячу лет осталась без государственной идеологии. Все лозунги времен перестройки — «Даешь свободу, гласность, правовое государство! Долой привилегии госаппаратчиков и т. д.» — сейчас могут вызвать лишь грустную улыбку.

Прошло 15 лет, и уже очевидно — западная модель либерального капитализма у нас не привилась ни в государственных структурах, ни в промышленности, ни в аграрном секторе, ни в отношениях между людьми.

Сейчас мало кто считает существующий строй справедливым, а олигархов — честными и порядочными людьми.

Рост цен на нефть и газ на мировом рынке позволяет правительству давать бодрые сводки о росте национального продукта, досрочно выплачивать займы и т. д. Но не стоит забывать, что львиная доля доходов от энергоносителей уплывает в зарубежные банки или уходит в карманы менее пяти процентов россиян. Причем, цены на энергоносители растут не только за рубежом, но и у нас, что, в свою очередь, увеличивает инфляцию, особенно скрытую.

Наконец, не стоит забывать, что 99 процентов военной техники, состоящей на вооружении в РФ, изготовлено до 1992 года. То же можно сказать и о гражданском транспорте, станочном парке заводов, системах связи и т. д. А это не египетские пирамиды. Гарантированный срок действия большинства изделий давно истек, а у остальных истекает в самое ближайшее время.

Ситуация в РФ напоминает «Сказку о попе и его работнике Балде», где роль попа исполняет власть. Пока все тихо, но сильный щелбан по лбу весьма близок. В переводе с пушкинского языка на ленинский — «низы не хотят, а верхи не могут».

В сложившейся ситуации реставрация монархии является возможным выходом для существующей власти. Тут она одним выстрелом убивает множество «зайцев» — появляется национальная идея, «верхи» получают законное основание для обеспечения «преемственности власти», «низы» получают объяснение, мол, либеральный эксперимент провалился, давайте возрождать Великую Россию, потерпите еще лет двадцать.

К великому сожалению, это не только мои предположения. Существуют неопровержимые факты. Зайдите в любой книжный магазин, и вы увидите десятки ультрамонархических изданий, в которых старательно искажается отечественная история. Все они хорошо оформлены, причем большинство из них не являются коммерческими изданиями, а субсидируются различными фондами.

Свыше 10 лет в РПЦ шла упорная борьба за канонизацию царского семейства. И, в конце концов, был достигнут компромисс. Их канонизировали в купе с другими церковными и государственными деятелями, убитыми советской властью. Но иконы иных невинно убиенных вы вряд ли найдете в на-

ших храмах, зато на центральном месте весят иконы с Николаем II.

Мало того, развернута широкая кампания за канонизацию... Гришки Распутина. В прошлом году с разрешения властей в Москве был организован крестный ход с иконами святого Григория.

Строго охраняемой государственной тайной являются суммы, потраченные на идентификацию и захоронение костей, предположительно принадлежавших царской семье. Там же, в Петропавловском соборе, были перезахоронены великие князья Владимир Кириллович и Кирилл Владимирович.

Наконец, после перезахоронения императрицы Марии Федоровны вроде бы власти заявили, что новых перезахоронений в Петропавловском соборе не планируется. Но вот неумные политиканы опять нашли в Свердловской области чьи-то кости. И опять новая чехарда с дорогостоящими экспертизами.

На каком основании тратятся большие государственные средства на промонархические фильмы типа «Сибирский цирюльник», которые к тому же не имеют коммерческого успеха?

Невольно вспоминается: «Если звезды зажигают, значит это кому-то нужно». Так кому и зачем нужно тратить миллиарды народных денег на эту оперетту?

Глава 29

НИКОЛАЙ РОМАНОВИЧ РОМАНОВ

В 1936 году князь Роман Петрович, сын великого князя Петра Николаевича, переехал из Франции в Италию. Выбор места проживания в значительной степени был обусловлен родством с королем Италии Виктором Эммануилом III (1869–1952). Королева

Елена приходилась Роману родной тетей, сестрой его матери Милицы. Внешнюю и внутреннюю политику определял Бенито Муссолини. Тем не менее король был достаточно популярен, и дуче с удовольствием уступал ему во второстепенных вопросах. Роман Петрович, равно как и его сыновья Николай и Дмитрий, вполне лояльно относились к фашизму, но в то же время это открыто не афишировали.

В 1917 году Роману был уже 21 год, и он хорошо помнил дворцы в Петербурге, в Знаменке и Стрельне, Дюльбер в Крыму. Возвращение в Россию для него было лишь делом времени. Сын Николай позже вспоминал о разговорах на тему, как бы починить крышу в огромной конюшне в Знаменке и т. п. Кстати, эти конюшни, а точнее, огромный дворец, до сих пор стоит без крыши.

В семье Романа Петровича говорили по-русски, и оба его сына прекрасно говорили на литературном русском языке начала XX века. Ну а на улице их ничем нельзя было отличить от итальянцев.

Семья Романа Петровича распространяла версию о том, что Муссолини в 1942 году предложил двадцатилетнему Николу Романовичу стать черногорским королем. По этой версии, с таким предложением в их дом внезапно явился министр королевского двора герцог Аквароне. Однако Роман Петрович и его сын отказались от престола. В интервью русской службе «Би-би-си», данном несколько месяцев назад, Николай Романович объяснял свой отказ антипатией к фашизму и тем, что он русский князь и «Черногория меня не интересуется». Замечу, что к 1942 году немцы были уже разбиты под Москвой, а Югославия охвачена партизанским движением, и значительная часть ее территории контролировалась партизанами Тито. Так что принимать черногорскую корону в такой ситуации было более чем рискованно.

Настораживает, что в интервью, посвященному этой теме, Николай Романович не приводит дату обращения к нему и никаких подробностей попыток восстановления монархии в Черногории.

В конце 1942 года итальянские части были вдребезги разбиты под Сталинградом, а 10 июля 1943 года западные союзники начали вторжение в Сицилию.

В ночь на 25 июля Бенито Муссолини был арестован по приказу короля. У власти оказались военные во главе с маршалом Бадольдо. В заговоре против дуче участвовал и папа Пий XII. Виктор Эммануил и Бадольдо лихорадочно пытались договориться с союзниками об условиях перемирия. А тем временем германские войска быстро двигались с севера Италии на юг.

Англо-американцы в принципе ничего не имели против сохранения власти Савойско-Кариньянской династии, но договоренности с СССР и другими странами антигитлеровской коалиции предусматривали только безоговорочную капитуляцию Италии. Кроме того, ряд союзных генералов считали, что чисто технически в Италии было бы удобнее заменить королевскую администрацию на англо-американскую военную администрацию, как это уже было сделано после захвата союзниками острова Сицилия.

Престарелый Виктор Эммануил смертельно боялся всех и вся — немцев, итальянских фашистов и коммунистов, а еще больше — американской «военной администрации». И тогда в окружении короля был придуман хитроумный план — отправить короля с семьей и министрами на итальянский остров Маддалена, находящийся вблизи пролива Бонифачо, разделяющего острова Корсика и Сардиния. Остров расположен в 2–3 километрах от Сардинии и в 18–20 километрах от Корсики. Таким образом,

небольшой курортный город Маддалена должен был стать столицей королевства Италия.

Из военно-морской базы Специя в ночь с 8 на 9 сентября 1943 года в порт Чивитавеккья, в 50 километрах от Рима, вышли эсминцы «Вивальди» и «Да Ноли», которые должны были забрать королевское семейство и доставить его на Маддалену.

Кроме того, в Маддалену должны были прибыть основные силы итальянского флота, базировавшегося на Специи. Итальянские военные и придворные рассудили, что король и министры на Маддалене будут недоступны как немцам, так и союзникам. Соответственно, англо-американцам придется признать королевскую власть, чтобы облегчить себе боевые действия на Апеннинском полуострове.

По ряду обстоятельств план переезда королевской четы на остров Маддалену сорвался. Виктору Эммануилу сильно повезло, поскольку немцы не успели узнать об отмене этой операции и были уверены, что король плывет на Маддалену на флагманском линкоре «Рома» в сопровождении еще двух линкоров, пяти крейсеров и восьми эсминцев.

9 сентября над итальянской эскадрой на высоте 5 километров пролетело одиннадцать бомбардировщиков Do-217. Вероятность попадания бомбы с такой высоты по кораблю, идущему со скоростью около 50 км/час, ничтожно мала. Но немцы на сей раз использовали управляемые бомбы SD-1400X «Фриц-Х». Двух бомб хватило, чтобы «Рома» переломился пополам и пошел на дно, унеся с собой 1253 члена экипажа, включая адмирала Бергамини.

Когда Виктор Эммануил узнал о судьбе «Ромы», его чуть не хватил кондратий. Забыв обо всех планах сохранения монархии, он в тот же день с королевой Еленой, переодевшись под обывателя, бежал в порт Бриндизи, где высадились американцы. Ко-

роля привели к генералу — главе союзной контрольной комиссии. Янки встретил Виктора Эммануила... в трусах и майке.

Ну а пока шло это представление, Роман Петрович вместе с сыновьями и бабушкой Милицей спрятались у папы Пия XII в Ватикане.

Осенью 1943 года американцы находились примерно в 200 километрах от Рима. Союзникам противостояли незначительные силы немцев, напомним, 80 процентов сил вермахта находилось на Восточном фронте. Но не зря карикатуристы нейтральных государств изображали союзные войска в виде улитки, ползущей по «итальянскому сапогу». В Рим янки вошли лишь в июне 1944 года.

Сразу после прихода американцев семейство Романа Николаевича выбралось из Ватикана, а двадцатидвухлетний Николай пошел на службу к американцам. Его пристроили чем-то вроде курьера при американском генерал-квартирмейстере.

2 июня 1946 года в ходе референдума большинство итальянцев проголосовало за республику, и через 16 дней была провозглашена Итальянская республика. Согласно XIII статье новой конституции было запрещено пребывание в стране бывшего короля. Виктор Эммануил и его родственники переехали в Египет. Туда же направилась и семья Романа Петровича. В начале 1950-х годов семейство вернулось в Рим.

Там 21 января 1952 года Николай Романович вступил в брак с 21-летней богатой итальянской графиней Свевой (Звевой) де ла Герардеска. Вскоре брат жены погиб в автокатастрофе, и тесть, только что понуждавший Николая Романовича поступить на службу, приказал ему уволиться и заменить погибшего шурина в качестве управляющего родовым именем.

Через четверть века имение наконец-то было продано, и в 1980-х годах князь Николай Романович стал свободным человеком, полностью посвятив себя делам дома Романовых.

От графини Свевы у Николая Романовича родились три дочери — Наталья (1952), Елизавета (1956) и Татьяна (1961). Все они вышли замуж за итальянцев. У Натальи и Елизаветы есть по сыну и дочери. Одни из зятьев Николая — процветающий адвокат и, в частности, вел дело о покушении на папу римского. Когда он в этой связи посетил Болгарию вместе со своей русской княжной, болгары поспешили показать ей статую Александра II, освободителя Болгарии, брата ее прапрадеда. Поистине история полна иронии.

Историк Стаффан Скотт встретился с Николаем Романовичем в маленькой альпийской деревне, где он вместе со своей итальянской семьей проводил зиму и лето. По мнению Скотта, у Николая Романовича есть *«несомненный художественный талант, как и у его отца и деда; в итальянском издательстве вышла с его собственными иллюстрациями фантастическая повесть, которую он написал двадцать лет назад. Речь в ней идет об одном причудливом, совершенно круглом судне, существовавшем в царском русском флоте, которое заблудилось и плывет в продолжение всего двадцатого века, не подозревая о том, что произошло в России.*

Не только русские приметы, но и все, связанное с морем, в книге абсолютно достоверно, поскольку Николай Романович одержим морем и мечтал стать морским офицером, “но в мое время в Италии для молодого русского эмигранта это было исключено, тем более, что я предпочел бы служить у союзников”...

Николай Романович — статный и живой мужчина за шестьдесят (теперь уже, естественно, ближе

к восьмидесяти), но на вид ему на двадцать лет меньше. У него резко очерченное лицо, вероятно, унаследованное от бабушки-черногорки. Хотя он держит в голове всю историю своего семейства, на всякий случай он также заложил ее в компьютер. Он завел “Макинтош” с жестким диском и собирает всю информацию о том, кто из рода Романовых когда и что делал...

Домашняя жизнь Николая Романовича по-итальянски бурная. Сам он делит нынешний род Романовых на две части: тех, кто получил русское воспитание, и всех прочих. Он не производит впечатления несчастного человека, но все же говорит с печалью в глазах:

— Я не знаю, где моя родина, и это грустно. Мы не занимаемся политикой, не думаем о будущем. Мы хотим по возможности сохранить русский характер.

В разговоре о разных членах династии Романовых Николай Романович столь же напоминает заинтересованного, но объективного историка, сколько члена семьи. Он не пытается скрыть свою неприязнь к великому князю Сергею Александровичу даже через восемьдесят лет после его жуткой смерти:

— Он был отвратительным дегенератом, злым извращенцем, позором семейства. Как говорится, в семье не без урода.

Но хотя Сергей Александрович был позором семейства, он не навлек на него или на Россию и десятой доли несчастий по сравнению с образцом добродетели Николаем II. О нем Николай Романович говорит:

— Нельзя отрицать его ошибки, многие из них имели катастрофические последствия. Но чем бы он себя ни запятнал, он искупил вину своим поведением после отречения и смертью в доме Ипатьева. За это время он приобрел совершенно иные человеческие масштабы.

Николай Романович мудро относится к собственному историческому наследию. Он искренне заинтересован в судьбе своих прославленных родичей, однако говорит:

— Я не монархист и не республиканец. Но в выборе из самодержавия и республики я предпочитаю республику. Нельзя обожествлять наследственную монархию. Она была продуктом своего времени и сменила период выборных монархов.

Так говорит образованный человек, который на примере своей семьи видел чудовищные последствия самодержавия. Когда я осторожно спрашиваю, правда ли, что члены рода Романовых сегодня ведут более здоровый образ жизни, чем когда они жили в роскоши и изобилии и были облечены властью, он смотрит на меня с недоумением, будто я задал риторический вопрос. Разумеется! Хотя бы то, что Романовым нельзя было иметь друзей вне семейства. Расстояние было непреодолимо. Об этом говорил даже его отец, который большую часть жизни провел на чужбине.

“Самодержавие” — ключевое слово в его рассуждениях. Оно изжило себя при Николае II и уже не могло существовать как форма правления»¹⁷⁶.

В 1989 году, после смерти великого князя Василия Александровича — председателя «Объединения (Ассоциации) членов Дома Романовых», это объединение возглавил Николай Романович. Члены объединения не признают прав на престол великой княгини Марии Владимировны, а ее сына Георгия Михайловича считают принадлежащим к дому Гогенцоллернов, а не Романовых. Николай Романович выступил инициатором съезда мужчин-Романовых в июне 1992 года в Париже. На съезде был создан Фонд помощи России, который возглавил его брат Дмитрий.

После смерти (8 апреля 1993 года) Тихона Куликовского Николай Романович считался российскими противниками кирилловской ветви «старшим в доме Романовых», но подорвал свой авторитет в этой среде своими республиканскими и ельцинистскими высказываниями. Называл себя сторонником Ельцина. Он выступает за президентскую республику, считает, что «Россия должна иметь границы, более или менее сходные с границами Советского Союза, бывшей Российской империи», и «форму организации, напоминающую Соединенные Штаты», что «нужно создать действительно федеративную республику с сильной центральной властью, но со строго ограниченными полномочиями». В интервью парижскому журналу «Пуан де вю» в 1992 году Николай Романович выразил уверенность в том, что «монархия в России не может быть восстановлена».

Николай Романович проживает в Риме и в 1993 году принял итальянское гражданство.

В августе 1997 года он заявил: *«Правительство Российской Федерации полностью отрицает существование “секретного документа” о том, что 15-летнему так называемому “Великому князю Георгию Михайловичу” дан особый статус “единственного наследника престола Романовых в России”.*

Члены Дома Романовых, проживающие в результате эмиграции в разных странах мира и объединенные в “Ассоциацию Дома Романовых”, приняли эти слухи и заявления в средствах массовой информации как “тест” со стороны сторонников княгини Марии Владимировны на предмет выяснить реакцию общественного мнения в России на подобный документ. Так называемый “Великий князь Георгий Михайлович”, единственный сын принца Франца-Вильгельма Прусского и княгини Марии Владимировны, является членом династии Гогенцоллер-

нов и никакого отношения к Романовым не имеет. Те, кто в России и за границей интересуется историей России и Дома Романовых, постоянно вводились в заблуждение матерью Георга и членами его семьи. В результате чего ребенок с 1991 года позировал в качестве “Великого князя Георгия Михайловича Романова”.

Семья Романовых сегодня разделена на четыре ветви, идущие от императора Николая Первого, скончавшегося в 1855 году. По “Семейному статусу Российской Империи”, который основан на “салическом” законе о престолонаследии, исключаящему женщин, в настоящее время я являюсь главой Дома Романовых, который сегодня представлен только князьями. Следовательно, княгиня Мария Владимировна по такому закону не может являться главой Дома, а ее сын, принц Георг Прусский, никак не может являться “наследником российского престола”.

Я хочу прежде всего подчеркнуть, что титул “Великого князя” или “Великой княгини” по “Статусу о престолонаследии” не может носить сегодня ни один член семьи Романовых. Только сын или дочь монарха или внук по мужской линии, являющиеся наследниками монарха, имеют на это право. Таких лиц в живых сегодня нет. Это как раз тот случай, который имел место с недавно почившим князем Владимиром Кирилловичем. Последним Великим князем был умерший в 1956 году Великий князь Андрей Владимирович, а последней Великой княгиней была Великая княгиня Ольга, скончавшаяся в 1960 году.

Меня всегда возмущали настойчивые попытки моей кузины Марии Владимировны получить от правительства России специальный статус на предстоящей церемонии захоронения останков трагически погибшей царской семьи в результате злодеяния в Екатеринбурге. В октябре 1995 года по-

сле одного особенно наглого заявления Марии Владимировны средствам массовой информации России я решил, что настало время разъяснить позицию членов Дома Романовых. Мое "Заявление" было передано президенту Борису Николаевичу Ельцину, а также многим министрам и ответственным членам правительства России. Копия "Заявления" была также передана Патриарху Московскому и всея Руси, а также ряду известных общественных деятелей России, Европы и США. Я получил от правительства Российской Федерации очень удовлетворительный ответ со всеми уверениями, что на предстоящей церемонии все члены Дома Романовых будут приняты одинаково. В то время мэром города Петербурга господин Анатолий Собчак также передал мне свои заверения специальным письмом.

Интерес к истории прошлого нашей страны и интерес к истории Дома Романовых — очень положительный факт. Период, когда в России на престоле была династия Романовых, должен изучаться, его нужно анализировать, что положительного и какие ошибки были сделаны во время этого правления, чтобы их не повторять в будущем. Если на предстоящей церемонии захоронения останков царской семьи особый статус будет предоставлен княгине Марии Владимировне и ее сыну принцу Георгу Прусскому, то все члены Дома Романовых в знак протеста откажутся принять участие в пародии на традиционную церемонию.

Члены Дома — Князя Романовы, которые на протяжении всей своей жизни в эмиграции хранили горячую любовь к своей стране и сохраняли семейные традиции, чьи матери принадлежали к историческим семьям России, а некоторые из князей сегодня являются правнуками Великой княгини Ксении (сестры Николая Второго, скончавшейся в эмиграции

в 1960 году под Лондоном), не могут быть проигнорированы. Если все же это произойдет, то Россия воздаст почести только наследникам Кирилла Владимировича, единственного Великого князя и близкого родственника императора (двоюродного брата), предавшего его. Кирилл Владимирович был человеком, который нацепил красную кокарду и повел полк в Таврический дворец предлагать свои услуги Временному правительству. Это был человек, который приложил все усилия, чтобы заставить Николая Второго подписать отречение. Если это не предательство, то что такое предательство?

Московские сторонники Марии Владимировны, внучки Кирилла, видят в ней, ошибочно, исторический символ династии Романовых. На самом деле она является очень неподходящим символом нашей семьи, символом предательства России. Это будет странный день восстановления утерянной славы России и заполнения идеологического вакуума, создавшегося в результате 75-летнего правления коммунистов. Странно оказывать особые почести принцу Георгу Прусскому, праправнуку кайзера Вильгельма Второго, который объявил войну России в 1914 году, это была война, которая стала ключевым актом, толкнувшим Россию к национальной катастрофе. Те, кто сегодня любит Россию, возмущены до глубины души действиями сторонников Марии Владимировны и ее сына, стремящихся дать им особый статус на предстоящей церемонии.

Я не буду здесь обсуждать проблему реставрации монархии в России, так как я твердо убежден, что страна к этому сегодня еще не готова. Сегодня это чисто теоретический вопрос. В настоящее время в России совсем другие проблемы, которые требуют национального согласия, и россияне не должны дать вводить себя в заблуждение пустыми идеями реста-

вращения монархии. Мое единственное желание — служить России и не позволить использовать Россию.

Князь Николай Романов»¹⁷⁷.

Брат Николая Дмитрий Романович Романов родился в Париже уже после революции — 17 мая 1926 года. Он вместе с семьей жил в Риме, прятался в Ватикане, а потом отправился в Египет. Там и началась деловая карьера Дмитрия. С согласия родителей он начал работать на ремонтном заводе Форда в Египте. Позже он с энтузиазмом рассказывал об экзамене на ученика: разобрать для ремонта и снова собрать мотор. Ему очень понравилось наблюдать, как оживают испорченные автомобили. И по сей день он сам чинит свою машину.

После свержения короля Фарука и начала гонений на европейцев Дмитрий Романович уехал из Египта, вернулся в Италию. Работал секретарем шефа судовой компании. В 1953 году он как турист впервые побывал в России.

В конце 1950-х годов Дмитрий отправился с приятелями на машине в Северную Европу. Предполагалось, что они на пароме переедут из Дании в Хельсинборг, но в Хелсингёре у приятеля жила знакомая датская семья фон Кауффманн (надо полагать, у семьи были немецкие корни). В семье Кауффманн была дочь Жанна. Когда приятели на машине отправились дальше на пароме через пролив Эресунд, Дмитрий остался в Хелсингёре. 21 января 1959 года он женился на 22-летней Жанне фон Кауффманн и прожил с ней до ее смерти в 1989 году. Детей у них не было.

После свадьбы с Жанной Дмитрий окончательно переехал в Копенгаген, выучил датский язык и поступил на службу в Датский коммерческий банк. Там он проработал более 30 лет, из которых несколько последних был начальником международного отдела банка. В этом ему помогло знание языков. Кро-

ме русского и датского Дмитрий Романович владеет немецким, французским, итальянским, английским и, вероятно, еще несколькими языками. Живя в Египте, он говорил по-арабски, но сейчас этот язык немного забыл.

Дмитрий Романович знаком с датским королевским домом и изредка бывает там. Когда в 1988 году исполнилось 60 лет со дня смерти вдовствующей императрицы Марии Федоровны, русские эмигранты решили это отметить. Но загвоздка была в том, что Мария Федоровна похоронена в усыпальнице датских королей, в кафедральном соборе в Роскилле, куда не допускаются посторонние. Поэтому князю Дмитрию Романовичу пришлось позвонить королеве Маргрете, которая тут же распорядилась разрешить русскую православную литургию в соборе в Роскилле.

Позже Дмитрий Романович станет главным инициатором из семейства Романовых по переносу останков Марии Федоровны в Петербург.

Вторым увлечением банкира Дмитрия Романова стала нумизматика. Однажды он обнаружил, что унаследовал от своих югославских родственников уникальную коллекцию орденов и медалей. После этого Дмитрий начал пристально изучать сей предмет и написал об этом три книги. Видимо, он ведущий в мире эксперт по черногорским орденам и медалям. Сейчас Дмитрий работает над книгой о сербских и югославских наградах, мечтает написать книгу о старых российских и советских, а также о наградах постсоветской России.

Стаффан Скотт писал: *«Что касается политических вопросов, тут Дмитрий Романович вежливо отчужден: при его работе нельзя обсуждать политику.*

— Но я не монархист. Я социалист, — говорит он совершенно откровенно, как может сказать только датский банкир.

С широтой мировоззрения, присущей космополитичному русскому князю, он объясняет, что в стране, подобной Дании, даже те, кого называют “консерваторами”, на самом деле социалисты. Называя себя социалистом, он имеет в виду, что стремится к порядку в обществе, что люди должны помогать друг другу и не оставлять без помощи тех, кто попал в беду, что у всех должны быть равные возможности»¹⁷⁸.

С 1973 года Дмитрий Романович входит в Объединение членов Дома Романовых, с 1989 года возглавляемое его старшим братом, князем Николаем Романовичем Романовым.

В июне 1992 года Дмитрий стал одним из основателей и председателем «Фонда Романовых для России». В 1993–1995 годах он пять раз приезжал в Россию. В июле 1998 года Дмитрий присутствовал на похоронах останков Николая II и его семьи в Санкт-Петербурге.

Противник реставрации монархии, Дмитрий считает, что в России «должен быть демократически избираемый президент».

С точки зрения легитимистов, законных прав на престол Дмитрий не имеет, так как его отец происходит от неравнородного брака,

Второй женой Дмитрия Романовича стала датская переводчица Доррит Ревентроу. Он обвенчался с ней в июле 1993 года в соборе в Костроме, в котором венчался на царство Михаил Романов.

В начале XXI века Дмитрий стал активно заниматься благотворительностью. Так, 18 июля 2005 года он приехал в Петербург с оборудованием и специальными тростями для инвалидов по зрению. Из репортажа Татьяны Колесниковой: «В детском саду номер 53 князя Дмитрия Романова встречают как старого знакомого. Полгода назад он уже был

здесь, подарил оборудование для занятий лечебной физкультурой. Сегодня привез напольные покрытия и специальные настенные конвекторы. Обычные напольные радиаторы слепым детям не подходят — можно обжечься.

Увидеть тех, кому предназначены подарки, Дмитрий Романов сегодня не смог: в здании детского сада ремонт, ребята на каникулах. Князь был разочарован — после своего прошлого визита встречи с незрячими детьми он ждал с особым чувством.

Дмитрий Романов говорит: “Тяжело думать, что эти детишки не только не видят, но и никогда не видели, и единственное, как они узнают мир — это трогать”.

Уже 13 лет князь Дмитрий Романов, праправнук Николая Первого, возглавляет гуманитарный фонд “Романовы для России”. Деньги на благотворительность собирают все члены семьи Романовых, а князь определяет, кому в первую очередь нужно помочь. О своей работе он говорит — это почетный долг потомка российских императоров.

Дмитрий Романов: “В моей жизни мне повезло, после того, как я окончил свою работу, я могу что-то сделать для других”¹⁷⁹.

15 мая 2006 года Дмитрий Романович вместе с женой Доррит прибыл в Симферополь — столицу республики Крым, чтобы вручить ветеранам Великой Отечественной войны слуховые протезы. А накануне посетил феодосийский интернат для слабослышащих детей и подарил его воспитанникам 80 современных аппаратов для улучшения слуха. На встрече он рассказал детям о царской России. Этот визит в Крым стал для князя третьим.

Наиболее крупным проектом в Российской Федерации, где участвует Дмитрий Романович, является возрождение храма Феодоровской иконы Божией

Матери, который находится в Санкт-Петербурге рядом с Московским вокзалом. Храм был воздвигнут в 1913 году, в год 300-летия династии Романовых. Там находилась одна из православных святынь — икона Божией Матери, которой инокиня Марфа (в миру — Ксения Романова) благословила своего сына Михаила Романова на царство. Долгое время она была семейной иконой династий Рюриковичей и Романовых. В тридцатые годы прошлого века церковь была закрыта, а полуразрушенное здание передали тресту «Союзмолоко». Все купола храма были уничтожены. В течение последующих 70 лет церковь полностью перепланировали внутри, здание обросло уродливыми пристройками.

В 1995 году указом президента Ельцина храм получил статус памятника культуры федерального значения. Общая сумма затрат на восстановление храма, по мнению специалистов, достигнет миллиарда рублей. Возрождение храма профинансировано федеральным (9,569 млн рублей — на производство первоочередных противоаварийных и ремонтно-реставрационных работ) и петербургским городским бюджетами (40 млн рублей на разработку научно-проектной документации), а также из внебюджетных средств ОАО «ВТБ» — 15 млн рублей на сегодняшний день, РАО «РЖД» — 1 млн рублей и решение имущественных и земельных отношений с частными структурами, находящимися на территории памятника.

Открытие храма после планируется к 2013 году — к его столетнему юбилею и к 400-летию воцарения Дома Романовых. Восстановление Феодоровской церкви будет проходить с применением новейших реставрационных и строительных технологий.

15 ноября 2006 года митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир предложил лидеру «Единой России» Борису Грызлову возглавить

Попечительский совет по возрождению храма Феодоровской иконы Божией Матери. Через год выборы в Думу, и Грызлов радостно согласился: *«Считаю, что это большое доверие, и я согласился с предложением. Думаю, что сам храм необходимо восстанавливать по многим причинам. Во-первых, чтобы замолить перед Богом те преступления, которые происходили в России в советский период времени, когда храмы разворовывались и уничтожались. Во-вторых, храм, который был создан в 1913 году при участии Российского Императора, увековечивал не просто 300-летие дома Романовых, а тем самым и 300-летие преодоления великой смуты в начале XVII века. Под патронажем партии “Единая Россия” мы восстановили праздник 4 ноября как раз как праздник, который также символизирует преодоление смуты и великую победу».*

Кроме Грызлова в Попечительский совет по возрождению храма вошли митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко, глава попечительского совета Фонда Андрея Первозванного Владимир Якунин, председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга Вадим Тюльпанов, председатель Комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций Сергей Попов, председатель правления ОАО «Банк ВТБ» Андрей Костин.

Дмитрию Романовичу предложили также войти в Попечительский совет. В июле 2007 года он посетил храм, подробно расспросил настоятеля отца Александра о сегодняшней работе, пообщался с журналистами о современной России. В частности, он рассказал: *«Я был рад, когда узнал, что могу лично чем-то помочь. Есть вещи, о которых говорят: “Это важнее”. Важно, чтобы был восстановлен*

этот храм. Россия, я уверен, станет такой, какой она должна быть, — могучей».

Судя по всему, по состоянию на начало 2008 года одна из кремлевских группировок решила делать ставку не на царевича Гошу, а на Николая и Дмитрия Романовых. Им сейчас 86 и 82 года соответственно. Как уже говорилось, у Николая есть три дочери, но все их мужья — итальянцы, и никаких оснований претендовать на престол у них нет. Дмитрий же вообще бездетен. Этим мероприятием группировка («семья») сразу убивает двух зайцев. Во-первых, дискредитирует царевича Гошу и императрицу Марию, а во-вторых, демонстрирует искреннее примирение «демократической» власти с династией Романовых.

4 ноября 2006 года в придуманный нашей властью праздник «единения» Дмитрий Романович единственный из всего семейства Романовых был принят Путиным.

В заключение рассказа о Дмитрие Романовиче я процитирую интервью, данное им в Петербурге:

«— Дмитрий Романович, где удалось побывать за пять дней вашего визита и какие мероприятия из вашей программы особенно запомнились?»

— Много где, сейчас уже все и не вспомнить. Но самые сильные впечатления остались от официальной церемонии возложения цветов к Медному всаднику и от парада кадетских корпусов. Медный всадник я и раньше видел, но оказаться перед ним не в качестве простого человека, а как одному из потомков Петра — для меня это очень важный момент в жизни. Это уже не я был, это был кто-то, кто представляет Семью! А на Дворцовой во время смотра кадетов все было просто феноменально — молодые ребята, у них жизнь начинается, они волновались, готовились к этому событию несколько недель,

переживали. Медный всадник — это история, прошлое России, а будущее ее прошагало во вторник по Дворцовой!

— Сейчас в нашем городе находитесь только вы с супругой и молодой потомок Романовых-Юрьевских, при том, что по миру раскидано около пятидесяти потомков царствовавшей в России семьи. Почему же в Петербурге собрали не всех представителей династии Романовых?

— Потому что живут далеко. Михаил Романов, например, в Австралии. Это же целое путешествие, и массу денег стоит! Вы учтите, что мы, наше поколение Романовых — пенсионеры, не всем по средствам сюда приехать. Многие Романовы живут в США, кто-то во Франции. Есть и еще одна причина — все немножко боятся путешествовать. Пугает атипичная пневмония — у всех же семьи, дети. Поэтому они выжидают.

— В конце девяностых Ельцин чуть было не объявил наследником российского престола одного из членов династии Гогенцоллернов — князя Георгия Михайловича, потомка великого князя Кирилла, предавшего, по мнению остальных Романовых, Николая Второго, подтолкнувшего его к отречению. Причина — элементарное незнание истории. И вообще, с Романовыми сейчас путаница — в России не понимают, кто есть кто. Существуют ли, допустим, великие князья, которые единственные могут взойти на престол? Вот вы — великий?

— Иногда меня так называют, это, конечно, приятно, но неправильно. Если подходить к вопросу с точки зрения всех законов, то великих князей сейчас больше не существует. Последняя великая княгиня — Ольга Александровна скончалась в 1960 году в Канаде, а последний великий князь — Андрей Владимирович в 1956-м в Париже. Кто-то может се-

бя так называть, но это уже их дело, каждый делает что хочет — у нас демократия.

— А нужна ли, по-вашему, России монархия?

— Говорить сейчас о монархии в России можно, конечно, но есть же президент, зачем нам монархия?

— Ну у нас, как всегда, все через край: вот и сейчас вам не кажется, что Путин — это практически царь?

— Когда мне задают такие вопросы, я обычно не отвечаю. Мой брат Николай часто говорит на подобные темы. А я воздерживаюсь от комментариев, потому что хочу, чтобы двери для гуманитарной помощи, которой занимается в России и в мире «Фонд Романовых», были открыты везде. Пусть русский народ сам решает, как ему лучше.

— В девяностые годы в России стало вдруг модным становиться дворянами. Даже Киркоров, у которого в предках сапожники и цирковые артисты, пробил для себя титул графа. Ваше отношение к новой знати?

— Снова я не могу ответить на ваш вопрос.

— Но просто по-человечески?

— Если это полезно для России, пожалуйста! Только кто вам дает право на титул, если ваша прабабушка или прадед его не носили? Лучше, наверное, вспомнить историю своей собственной семьи, такой, какая она есть, не важно, — Ивановых, Петровых или Романовых.

— Ваша супруга Доррит учит русский? И если да, то какие слова она произнесла первыми?

— Она нашла очень старую датско-русскую книгу — учебник. Прочла немного и обратилась ко мне с фразой «Я не знаю, где водка!» Ха-ха-ха! Я очень удивился, откуда она такое вычитала, а оказалось, что оттуда. Потом мы пришли на прием в русское

посольство в Копенгагене, она рассказала послу, что начала изучать русский и то же самое ему повторила: «Я не знаю, где водка». Он так хохотал! Но теперь она занимается по два часа в неделю и уже может немного говорить. Супруга считает, что это ей нужно, — мы все чаще бываем в России, и она хочет понимать людей. Для Доррит это будет уже шестой язык¹⁸⁰.»

Глава 30

ПОТОМКИ ВЕЛИКОГО ПЛЕЙБОЯ

25 марта (8 апреля) 1919 года вблизи Ялты бросил якорь британский дредноут «Мальборо». 28 марта (11 апреля) на его борт поднялась вдовствующая императрица Мария Федоровна. Понятно, что сия честь была оказана не бывшей русской императрице, а родной сестре британской королевы Александры. Кроме Марии на борт корабля поднялись великий князь Николай Николаевич, дочь императрицы Ксения с сыновьями Дмитрием, Ростиславом и Василием.

Два других сына Ксении и великого князя Александра Михайловича — Федор и Никита — покинули Ялту 17 апреля вместе с сестрой Ириной и ее мужем Феликсом Юсуповым. Все они ехали инкогнито под фамилией Эльф.

Рассказывая о сыновьях великого князя Александра Михайловича, я начну с остроумной, хотя и не совсем точной характеристики, данной им Е.В. Саблиным в 1937 году: *«Все никуда не годны, Андрей — блаженный; Федор — анархист в полном смысле слова и пьяница; Никита — мнит себя царем под эгидой вождя дальневосточных фашистов Вонсяцкого; Дмитрий — очень милый бездельник*

на содержании у богатых евреев; Ростислав и Василий — добрые малые, но никчемушные».

О «блаженном» Андрее известно очень мало. Сразу после эмиграции он 12 июня 1918 года женился на Елизавете Фридеричи. У нее это был второй брак, в первом Елизавета уже имела дочь. В девичестве она была графиней Сассо-Руффо. От Андрея Александровича Елизавета родила троих детей — Ксению, Михаила и Андрея.

Андрей с семьей жил в доме своей матери великой княгини Ксении Александровны. В 1940 году во время бомбардировки германской авиацией погибла Елизавета, и 21 сентября 1942 года Андрей Александрович вторично женился на 34-летней Надин Мак Дугал, дочери британского полковника. В 1951 году она стала называться светлейшей княгиней Романовой. В 1950 году у Надин и Андрея родилась дочь Ольга. Андрей Александрович до последних лет жил в Англии и там же умер в городке Провендер в 1981 году.

«Анархист» Федор 31 мая 1923 года женился на двадцатилетней Ирине Палей, дочери великого князя Павла Александровича от Ольги Пистолькорс. Супруги жили то в Англии, то во Франции. 4 мая 1924 года у них родился сын Михаил. Первоначально Федор работал шофером такси в Париже, затем стал архитектором.

22 июля 1936 года супруги разошлись. Больше Федор Александрович не женился. Умер он 39 ноября 1958 года в местечке Аскэн во Франции.

Ну а теперь перейдем к несостоявшемуся «царю» Никите. 19 февраля 1922 года он женился на подруге детства девятнадцатилетней графине Марии Илларионовне Воронцовой-Дашковой. В эмиграции Никита закончил Оксфордский университет. В отличие от старших братьев он активно участвовал в делах монархистов. Первое время Никита числил-

ся «кирилловцем». Так, в 1930 году он стал шефом Корпуса имени наследника цесаревича Алексея Николаевича. Это было полувоенное среднее учебное заведение для мальчиков-эмигрантов, существовавшее в Версале на средства Высшего монархического совета.

В январе 1932 года руководство Высшего монархического совета вдруг прозрело и заявило, что русским царем может стать лишь тот, кто рожден от православного отца и православной матери, то есть Кирилл Владимирович — император незаконный. У Никиты было «всё в ажуре» — по отцу он правнук Николая I, а по матери — внук Александра III. В 1932 году Никита заявил о непризнании Кирилла, за что был исключен последним из членов императорской фамилии. Не могу удержаться, чтобы опять не вспомнить «лысого и лохматого императоров». Тут два «императора» поссорились на всю оставшуюся жизнь.

В 1930-х годах «царь» Никита работал в парижских банках. В 1923 году у него родился сын Никита, а в 1929 году — Александр.

В конце войны Никита с семьей оказался в Германии в имении графини Тоуринг, сестры герцогини Гектской. Осенью 1945 года он перебрался во Францию в Пьер-Герен, где жил с семьей Феликс Юсупов.

Через год Никита с семьей отправился в США. Там он обосновался в Калифорнии и стал преподавать русский язык, как пишут наши историки, «в армейской военной школе». На самом деле сия лавочка называлась «Military Intelligens Service Language Sahool». Думаю, слово «интеледженс» не надо переводить. Никита работал в разведшколе в самое жаркое время «холодной войны».

Умер Никита Александрович 12 сентября (по другим источникам, 19 сентября) 1974 года в Каннах.

Четвертый сын Александра Михайловича «был милый бездельник» Дмитрий. Первое время в эмиграции он занимался виноделием и был секретарем фешенебельного лондонского клуба «Трэвеллерз». В 1935 году Дмитрий вступил в партию Младороссов, но к сентябрю 1939 года отошел от движения. В годы Второй мировой войны он служил в английском флоте и участвовал в эвакуации английских войск из Дюнкерка.

25 ноября 1931 года Дмитрий Александрович женился на девятнадцатилетней графине Марии Сергеевне Голенищевой-Кутузовой. 4 июля 1933 года у них родилась единственная дочь Надежда. После войны супруги жили в Лондоне. В 1947 году они развелись.

29 октября 1954 года Дмитрий Александрович женился вторично на англичанке Шейле Чисхольм. На сей раз супруга была старше его на три года, ей было 57 лет.

В 1979 году Дмитрий Александрович стал первым главой «Объединения членов Дома Романовых». Но, увы, в этой роли он побыл недолго — 7 июля 1980 года князь скончался в Лондоне.

Пятый сын Александра Михайловича — «добрый малый» Ростислав — в эмиграции жил последовательно в Англии, США и Франции. Он выбрал карьеру бухгалтера и стал высококвалифицированным и хорошо оплачиваемым специалистом.

Женат он был трижды. Первый раз 1 сентября 1928 года он женился на 23-летней княгине Александре Павловне Голицыной. У них в 1938 году родился сын Ростислав. В 1944 году супруги разошлись

Второй раз князь Ростислав женился 7 мая 1945 года на 22-летней англичанке Эллис Эйлкен, и 8 сентября того же года у них родился сын Николай. Эти

даты так и соблазняют меня посчитать, что Сталин в мае 1945 года закончил войну на западе, за три месяца успел перебросить войска на Дальний Восток и еще за месяц разгромил Японию, а князь Ростислав за эти же четыре месяца «сделал» сына. С новой женой Ростислав разошелся в 1947 году, но развод оформил лишь в 1952 году. В третий раз князь женился 19 ноября 1954 года на 49-летней Гедвиге, урожденной фон Чаппуис (Шаппюис).

Умер Ростислав 31 июля 1978 года во Франции в Каннах.

Наконец, шестой сын великого князя Александра Михайловича, тоже «добрый малый», Василий был последним мужчиной в роду Романовых, родившимся до революции. Маленький Василий рос при матери сначала в Дании, потом во Франции. Когда она обосновалась в Англии, мальчик пошел в английскую школу.

Около 1930 года Василий переехал в США и поступил в сельскохозяйственный университет в Сакраменто (штат Калифорния). 31 июля 1931 года он вступил в брак с 24-летней княжной Натальей Александровной Голицыной.

Дальнейшая жизнь Василия Александровича пошла «по-американски» — зигзагообразно. По окончании университета он несколько лет занимался научной работой в компании «Калифорния Пэкинг», производящей консервы «Дель Монте». Князь проводил эксперименты по выращиванию помидоров в теплицах и в воде.

Во время Второй мировой войны Василий служил в американской армии простым рабочим на судах у калифорнийского побережья, потом работал в рекламном отделе гостиницы, содержал птицеферму, что ему очень нравилось. Позже Василий работал виноторговцем и биржевым маклером.

После смерти брата Дмитрия князь Василий возглавил «Объединение членов Дома Романовых». Последние годы он с женой Натальей жил на небольшой вилле в 30 километрах к югу от Сан-Франциско, «в невероятной сельской идиллии с зеленью и огромными деревьями, дикими косулями и полуручными кошками, из которых двум позволялось заходить в дом».

Зимой 1989 года Василия посетил историк Стаффан Скотт. Князь *«был тяжело болен и слаб, но умом совершенно ясен...»*

Последнее время жена, которая умерла весной 1989 года, и дочь Марина держали его в курсе событий в России, поскольку сам он уже не мог читать. Все трое с большим удивлением узнали, что по улицам Москвы во время митингов носят русский трехцветный флаг, и с интересом расспрашивали меня, что показывают по шведскому телевидению о перестройке в СССР.

Только когда зашла речь о нынешнем претенденте, Василия Александровича покинуло его философское спокойствие, и он с чувством заметил, что Владимир Кириллович наделал много глупостей. Больше он ничего не сказал, но, как глава семейного союза, он многократно устно и письменно отказывался признать призывы Владимира Кирилловича к остальным членам рода»¹⁸¹.

Единственная дочь великого князя Александра Михайловича Ирина умерла в 1970 году.

Потомство шестерых сыновей великого князя Александра Михайловича стало иностранцами в полном смысле этого слова.

Михаил Андреевич Романов служил во время войны в английской морской авиации. Он вышел в отставку в Австралии и остался там, женат вторично, но детей нет. Он владеет фирмой по самолетному оборудованию.

Андрей Андреевич после войны переехал в США, называет себя Эндрю Романов и является американским гражданином. К нему мы еще вернемся. Он женат в третий раз, имеет троих сыновей — Алексея, Питера и Андрея.

Ксения Александровна вышла замуж за английского врача и живет на юге Франции.

Ольга Андреевна Романова, на тридцать лет младше своих сводных братьев, замужем за англичанином, у нее трое детей.

Андрей Андреевич учился в английской школе, а с началом войны поступил во флот. Высокие чиновники при английском дворе были крайне удивлены, что молодой русский князь не захотел быть офицером, а предпочел стать простым матросом. Он служил на британском военном корабле «Шеффилд» — флагмане конвоев в СССР, и первым из Романовых, через 25 лет после революции, вернулся в Россию, прибыв в Мурманск простым матросом.

По этому поводу Андрей Андреевич вспоминал: «Мы провели в Мурманске пять дней. Услышав мою фамилию и поняв, кто я такой, русские сказали: “Ну, это дело забытое”».

Затем князь Андрей Андреевич участвовал в высадке в Нормандии. Он вспоминал, как однажды утром, бреясь, выглянул в иллюминатор: по воде плыли трупы. Во время боя Андрей находился глубоко в трюме: «Я знал, что, если в нас попадет торпеда, у меня не будет ни малейшего шанса выбраться на поверхность. Там, на корабле, я понял суть жизни и смерти».

После войны Андрей Андреевич пошел работать практикантом на английскую ферму, чтобы получить профессию агронома. «Но я влюбился в жену хозяина, и мне пришлось оттуда убраться. Потом я работал в лесопитомнике», — вспоминает князь.

Вместе с двоюродным братом Никитой Никитичем Андрей в 1949 году приехал в США на грузовом корабле, везшем скаковых лошадей, голубей и восьмерых пассажиров. Два молодых русских князя, одетых в строгие черные костюмы и длинные пальто, пересекли на автобусе всю страну. В Калифорнии их ждал дядя князь Василий Александрович, обещавший о них позаботиться.

Сначала Андрей Андреевич вместе с дядей Василием работал в компании «Калифорния Пэкинг», откуда его хотели послать в сельскохозяйственный университет, но Андрей предпочел изучать криминологию в Калифорнийском университете. Затем он, как коренной американец, быстро менял профессию за профессией: работал во время каникул в пароходстве, был агентом по продаже недвижимости, дизайнером. Потом в течение шести лет работал столярком и плотником.

Еще в университете Андрей Андреевич женился. В этом браке родился сын Алексей. После развода Андрей женился вторично на Кэтлин Норрис, внучке известной писательницы. Кэтлин умерла в 1967 году от воспаления легких, и Андрей остался один с двумя сыновьями. Из-за этого он в 1972 году переехал в маленький городок Инвернесс в заповедной зоне к северу от Сан-Франциско. Городок окружали пологие зеленые холмы, сменяющиеся отвесными скалами, а вдоль Тихого океана тянулись бесконечные пляжи. Во время отлива тут кишмя кишели кулики и утки, иногда можно было встретить тюленей, лежащих на отмелях и с интересом наблюдавших за автомобилями, мчащимися по шоссе в 50 метрах от берега.

Андрей Андреевич переехал в Инвернесс во время классической калифорнийской эпохи хиппи и начал учиться живописи у художницы Инесс Ото-

рер, которая стала его третьей женой. У нее уже было четверо детей. *«Эндрю — художник-примитивист, — говорит о супруге Инесс. — У него нет формального образования, он пишет по интуиции, опирается на фантазию. Его искусство подсознательное и неаналитическое, но полное юмора».*

А вот мнение Стаффана Скотта: *«Картины Эндрю абсурдны, фантастичны и порой несколько непристойны. Зато сделанные им художественные фотографии, которые я видел, совершенно иные, классически строгие».*

Однако одним искусством семью не прокормишь, и Андрей Андреевич занялся ювелирным делом. Один его сын стал инженером-строителем, другой — автомехаником, третий владеет фирмой по производству балдахин.

Андрей Андреевич был членом гильдии художников в городе Пойнт Рейс Стейшн, которая имеет свою галерею. В ней как-то выставлялись советские художники, и в ответ Эндрю и Инесс получили приглашение весной 1990 года показать свои работы в Ленинграде.

Михаил Федорович Романов одно время работал в кино и рекламе, имел собственную фирму, а сейчас живет в поместье на юге Франции и женат на австрийке. У них есть сын, которого тоже зовут Михаилом.

Надежда Дмитриевна, дочь князя Дмитрия Александровича, была дважды замужем, у нее трое детей. Она живет в Канаде, в Британской Колумбии.

Ростислав Ростиславович, в прошлом бизнесмен и банкир в Иллинойсе, был женат один раз и имеет дочь. Он скончался в Лондоне в 1999 году.

Николай Ростиславович, родившийся в 1945 году, жив, женат и имеет детей.

Наиболее интересен из внуков великого князя Александра Михайловича историк Никита Ники-

тич Романов. Сейчас он живет в зажиточных кварталах на 66-й Восточной улице Манхэттена. Первые семь лет своей жизни он прожил в Париже, затем семья вернулась в Англию, где он и пошел в школу. После Второй мировой войны он в 1946–1947 годах служил в английской армии, а потом переехал к своему дяде князю Василию Александровичу в Калифорнию, где поступил в университет в Беркли и получил дипломы: магистра в 1956 году и доктора философии в 1960 году. Он преподавал историю в университете Сан-Франциско и вместе с Робертом Пейном написал очень интересную, пятисотстраничную биографию Ивана Грозного, опубликованную в Нью-Йорке в 1975 году.

Несколько раз Никита Никитич встречался с претендентом Владимиром Кирилловичем, в том числе у своей бабушки Ксении Александровны в Хэмптон-Корт, а также на церемонии, когда одна из двух русских эмигрантских православных церквей на Американском континенте причислила убитых Романовых к лику святых.

Никита Никитич долгое время общался с бывшим главой Временного правительства Александром Керенским, который жил в районе 90-й Восточной улицы в Нью-Йорке. Он мечтал вместе с Никитой Никитичем написать книгу, на титуле которой были бы указаны авторы: Александр Керенский и князь Романов.

Никита Никитич женат на американке Дженет Шонвальд, которая моложе его на десять лет. Он знает русский язык, говорит по-русски изысканно и аккуратно. А еще князь говорит по-японски и по-монгольски.

Раньше князь Никита Романов был английским подданным, но сейчас получил американское гражданство. Его отец Никита Александрович не имел

гражданства, и Никита Никитич вспоминает, как из-за этого сложно было путешествовать.

Никита Романов несколько раз побывал в России, посетил Москву, Петербург, Новгород, а в Крыму — Ялту и Ливадию. Историк Никита Романов со смехом вспоминает, как советский гид рассказывал о переговорах между Черчиллем, Рузвельтом и «советским представителем» — гиду не хотелось называть Сталина по имени. В Крыму Никита Никитич посетил и имение своего деда Ай-Тодор. Он встретил старика, который много десятилетий назад мальчиком играл с его отцом и «дядей Васей» — князем Василием Александровичем, которые угощали его шоколадом.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Когда я начинал эту книгу, многие меня спрашивали: «Кому нужен твой труд?» Действительно, опросите старшеклассников любой московской элитной школы или студентов любого ВУЗа, за исключением исторических факультетов, и быстро выяснится, что их знания о семействе Романовых более чем скудны. А что говорить о нашей глубинке?

Я ответил, что Романовы — это не только наше прошлое, но, увы, и наше будущее. Я утверждал, что в ближайшие десятилетия «манипуляции» с семейством Романовых не только не прекратятся, но и резко усилятся. Итак, давайте подведем итоги и попытаемся экстраполировать события на ближайшую перспективу.

К началу XX века семейство Романовых управляло Россией. Причем у нас не было самодержавия в западноевропейском смысле этого слова, когда монарх по своему произволу издавал законы, а позже управ-

лял в соответствии с ними. Пример классических самодержцев — французские короли от Луи XIII до Луи XVI. Они издавали довольно суровые, а иной раз и свирепые законы. Но когда очередной Луи нарушал закон, например, увеличивал подати на несколько су, парижский лавочник Планше лез в чулан и доставал старую аркебузу. А наутро Луи через окно в Лувре изволил лицезреть баррикады на улице.

У нас же цари Романовы-Голштейн-Готторпские правили на уровне восточных ханов, не считаясь с законами, выдуманнами ими же самими. Царь отдавал великим князьям управление не только армией и флотом в целом, но и родами войск — кавалерией, артиллерией, воздушными силами и т. д. Казенные заводы, а они давали не менее 80 процентов вооружений, также контролировались великими князьями.

Таким образом, за поражения в войнах 1904–1905 и 1914–1917 годов ответственность наряду с Николаем II разделили великие князья Алексей Александрович, Николай Николаевич-младший, Сергей Михайлович, Петр Николаевич, Александр Михайлович и другие.

Знаменитая поэтесса сказала: «От Николая страна ушла как от пустого места». То же самое можно сказать и о всех великих князьях.

В феврале–марте 1917 года царя Николая II не поддержал никто, кроме нескольких десятков (!) офицеров-монархистов. Ни родственники Романовы, ни командующие армиями и флотом, ни дворянство, ни духовенство... Ну а о рабочих и крестьянах и говорить не приходится.

Николай II отрекся в пользу брата Михаила. Тот по воле августейшего братца провел несколько лет в низших чинах, потом вынужден был уехать из страны и лишь в войну получил кавалерийскую ди-

визию. В течение всего царствования Николая Михайла был под тайным надзором охраны. Ну, чем не принц Филипп Эгалите? Но и Михаила никто не поддержал.

Наконец, мы помним, что в ходе Гражданской войны все без исключения белые (!) генералы не разрешали вступать в свои армии даже отдаленным родственникам семейства Романовых, даже носившим иные фамилии.

Оказавшись в эмиграции, часть членов семейства Романовых начала жить в свое удовольствие, как тот же Александр Михайлович, кто-то попытался адаптироваться в западную цивилизацию, как Мария Павловна младшая. Но, увы, значительная часть, как то: три брата Владимировичи, Николай Николаевич младший и Дмитрий Павлович, вели откровенно антисоветскую и русофобскую политику. Я утверждаю, что с декабря 1920 года антисоветизм равнялся русофобии. До этого были две стороны в конфликте — белые и красные, а после осталась только одна Россия — советская. Любая война с «совдепией», на которую призывали великие князья западные страны, США и Японию, встретила бы отпор всех народов Страны Советов. И это показали Халхин-Гол и Великая Отечественная война.

И всякая болтовня о злодеяниях Сталина — не более чем шулерство наших интеллигентов-наперсточников. Робеспьер, Баррас и Бонапарт тоже не были ангелами и не нравились многим французам, но вся нация в едином порыве дралась с кучкой эмигрантов, призвавших на помощь армии всей Европы.

Сталин при всех его недостатках вел имперскую политику, политику Петра и Екатерины Великих, и это признали даже многие из Романовых — внук Николая I великий князь Александр Михайлович и дочь Александра III великая княгиня Ольга.

То, что фашисты не пошли на полномасштабное использование членов семейства Романовых во Второй мировой войне, связано не с отказом августейших особ от сотрудничества, а с общей стратегией Гитлера. Он принципиально не желал делать ставку на титулованных особ как в самой Германии, так и в СССР. Планы в отношении герцога Виндзорского (бывшего короля Эдуарда VIII) — тема особая.

Немцы не пытались использовать в своих целях не только Романовых, но и грузинских деятелей, выдававших себя за Багратидов, и реальных потомков крымских ханов Гиреев, и другие династии, существовавшие когда-то на территории России. Гитлер считал опору на монархистов опасной и оказался прав: вспомним события 1943 года в Риме и 1944 года в Бухаресте.

А вот если бы Советскому Союзу пришлось воевать с западными союзниками, то тут августейшие особы оказались бы во главе их армий.

Подавляющее большинство Романовых оказались в 1940–1945 годах под властью германских и итальянских фашистов и прекрасно ладили с ними. Романовы в инициативном порядке устанавливали связи с власовцами и с офицерами иных частей, сформированных из предателей родины.

В период «холодной войны» большая часть Романовых отошла от политики. Политизированная же часть семейства оказалась практически в изоляции. И опять же не потому, что Романовы отказались сотрудничать с правительствами и спецслужбами США и стран НАТО, а потому, что последние не видели в них эффективного инструмента для воздействия на население СССР. Ставка была сделана на диссидентов и националистов всех мастей.

Между тем после войны в СССР о последних Романовых попросту забыли. Отчасти это было связа-

но с пропагандистской линией правительства. С конца 1930-х годов в нашей стране входят в моду исторические фильмы. В них давалась положительная оценка Александра Невского, Петра Великого, резко негативная — Павла I, Александра I. Екатерина Великая давалась в полутонах, как, например, в кинофильме «Адмирал Ушаков». А вот Николай II до середины 1960-х годов на экране просто не появляется. Романовы же в эмиграции появились лишь в кинофильме «Корона Российской империи» в виде симпатичных лысого и лохматого императоров.

Но вот грянула «перестройка». Политизированная часть потомков Романовых оживилась и начала интриговать. В России появилось Общество монархистов и даже какие-то мелкие партии.

У Ельцина и его семьи возникла идея использовать царевича Гошу и императрицу Марию для укрепления легитимности своей власти, а в перспективе для восстановления монархии в России, разумеется, при регентстве «всенародно избранного». Но что-то не сложилось. Что конкретно — дай Бог, узнают наши внуки.

Нынешняя власть не отказалась полностью от возможности реставрации монархии, но считает это запасным третьестепенным вариантом.

Основной же целью использования Романовых является укрепление легитимности нынешней власти и создание новой «русской идеологии».

После краха коммунистической идеологии нам какое-то время навязывали идеологию «демократии», «рыночной экономики», «правового государства» и т. п. Но сейчас слова «рыночник» и «демократ» являются у большинства населения ругательством, а термин «правовое государство» вызывает лишь грустную улыбку.

Теперь входит в моду новая терминология: «суверенная демократия» и «стабильность». Под последним имеется в виду то, что в начале 1980-х годов называлось «застоем». Возникла проблема и с праздниками. Старые праздники, типа 7 ноября, были отменены. Исключение представляет лишь 9 мая — его не отменили, но какое отношение Великая победа имеет к нынешней власти? Это Победа Сталина, равно как победа в Северной войне — победа Петра Великого, а победа в двух турецких войнах — победа Екатерины Великой. А что насчет меншиковых, шереметевых, потемкиных и жуковых, то они лишь дельные исполнители воли правителя России.

И вот у нас вводят праздник 4 ноября в честь событий 1612 года. А что произошло в тот день? Ах, да, капитулировал в Кремле небольшой польский гарнизон. Ну и что? 16–17 мая 1606 года в Москве было убито и взято в плен куда больше ляхов, чем 26 октября 1612 года (по старому стилю). Был убит Лжедмитрий I, да еще сколько знатных панов схватили в 1606 году — цвет Речи Посполитой, а в 1612 году — одни голозадые шляхтичи, да наемники без роду, без племени.

Ах, мол, после 1606 года Смута продолжалась. Ну, так и после 1612 года Смута продолжалась до декабря 1618 года, то есть еще шесть лет. И, замечу, вопреки вранью официальной пропаганды, Смута не пошла на убыль, а наоборот, приняла еще больший размах. Район боевых действий расширился от Астрахани на юге до Кольского полуострова на севере и от Пскова на западе до Среднего Поволжья на востоке. По моей оценке, в ходе боевых действий 1613–1618 годов на Руси было убито куда больше людей, чем с 1605 по 1612 год. Точных цифр нет, поскольку это не интересовало ни советских, ни «демократических» историков.

И 1612 год не был переломным в войне с поляками. 1 декабря 1618 года, когда было подписано Деулинское перемирие, королевич Владислав, он же русский царь Владислав I, стоял под Москвой с большим польским войском.

Так что, нравится нам или нет, но сдача польского гарнизона в Москве была лишь эпизодом (пусть даже очень важным) как русско-польской войны, так и Смуты в целом.

Это понимают даже не слишком хорошо разбирающиеся в истории наши правители. Кроме того, они не хотят ссориться с очень обидчивыми поляками, имеющими право вето как в Евросоюзе, так и в НАТО. Посему антипольский элемент из праздника 4 ноября исключается почти полностью. Тогда возникает естественный вопрос: а чего, собственно, празднуем? Ах, да! День народного единства! Народ, мол, 26 октября 1612 года сплотился. А вокруг кого? Минина и Пожарского? Нет, вокруг бояр Романовых!

Романовы поддерживали Гришку Отрепьева (их служилого дворянина), а позже Тушинского вора. Затем вся родня, включая Михаила, сидела в осаде вместе с поляками. И вот народ, взявший в плен поляков вместе с семейством Романовых, все, как один, сплачиваются вокруг Михаила и его вздорной мамыши.

Версия глуповатая, но, как любил говаривать доктор Геббельс, чем чудовищнее ложь, тем больше ей верят.

На ежегодные празднования 4 ноября тратятся миллиарды рублей, но сей праздник плохо приживается в народе. А почему бы вместо него или вместе с ним не праздновать восшествие Михаила на престол? Тем более что 2013 год, год 400-летия династии Романовых не за горами. А в России чем меньше

реальных успехов у власти, тем больше она празднует юбилеев. Вот у царя Николая сколько было грандиозных юбилеев — 1912 год, 1913 год! Некогда было заниматься тяжелой артиллерией, автомобилями, самолетами, решать аграрный вопрос и т. д. А Брежнев как любил отмечать юбилеи! Ленина бы удар хватил, если бы он увидел, как отмечали его юбилей в 1970 году! Зато русский язык обогатился новым глаголом — «остоюбилеило». Гарантирую, что наш словарный запас изрядно пополнится и в 2013 году.

К реанимации «Романовской идеи» нынешние власти подходят крайне осторожно. Вот, к примеру, в марте 2005 года Владимир Путин посетил город Кострому — район древних романовских вотчин и центр грандиозных торжеств 1913 года. В местной обители, в книге почетных гостей президент записал: «Ипатьевский монастырь занимает особое место в истории Отечества и Православия. С его возрождением будет связано и возрождение России» и устно добавил: «В знаменитом Ипатьевском монастыре... началась история... царского Дома Романовых, знаменовавшая собой конец Смутного времени». Тут же было принято решение о выделении 50 миллионов рублей из госбюджета на нужды монастыря.

По сему поводу газета «Итоги» (22 апреля 2007 года) писала: *«Учреждение нового государственного праздника — Дня народного единства в честь “окончания Смутного времени” — по логике вещей подталкивало государство к полномасштабному участию в торжествах по случаю 400-летия Дома Романовых. “С этих героических событий, — пояснил президент 4 ноября 2005 года, — началось духовное возрождение Отечества, началось становление державы — великой и суверенной”. Между прочим, нечто созвучное о событиях начала XVII века писал*

и Николай II в манифесте о праздновании 300-летия Дома Романовых в 1913 году: “Тесные пределы Московской Руси раздвинулись, и Империя Российская стала ныне в ряду первых держав мира”...

Как пояснили “Итогам” в костромской администрации, “с того дня, как был утвержден праздник 4 ноября, у нас открылось второе дыхание, и мы стали увязывать в докладных записках на имя президента юбилей Романовых с новым народным торжеством”.

Уже летом 2005 года в администрации Костромской области и общественном “Фонде 400-летия Дома Романовых” начали разработку проекта концепции и федеральной целевой программы с не очень лаконичным названием: “Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области и подготовка к празднованию 400-летия Дома Романовых и подвига Ивана Сусанина”.

Вот те на! Третье столетие отечественные историки спорят о том, был ли Сусанин на самом деле, а если был, то кто его зарубил — ляхи или запорожцы? У защитников «романовской» версии аргументов практически нет, кроме челобитной зятя Ивана Сусанина, некоего Богдана Собинина, написанной в 1619 году, то есть спустя шесть лет после предполагаемой гибели Сусанина. Никто тогда эту версию не проверял, Богдана просто наградили, благо, его челобитная хорошо вписывалась в текущую политику.

И вот Путин, явившись в Кострому, одним росчерком пера разрешает трехвековой спор историков.

Любопытно, что далее «Итоги» пишут о «Монархическом поясе» в РФ: *«Инициатива помпезного празднования 400-летнего юбилея царской династии Костромой отнюдь не ограничивается. В Волгоградской области по предложению Российского*

монархического общественного движения, администрации области и Волгоградского казачьего войска тоже учрежден “Общественный комитет по подготовке празднования 400-летия Дома Романовых”. По словам первого заместителя губернатора Юрия Сизова, “в 2013 году волгоградцам, как и всем россиянам, предстоит стать свидетелями и участниками исторического события общегосударственного значения — юбилейного празднования 400-летия царского Дома Романовых. Подготовка к этому начинается уже сейчас”.

В Екатеринбурге презентация некоммерческой общественной организации “Фонд 400-летия Дома Романовых” состоялась и вовсе три года назад. Позднее к юбилейным приготовлениям подключились Нижний Новгород и Санкт-Петербург. В апреле прошлого года глава Роскультуры Михаил Швыдкой сообщил журналистам, что в ходе его встречи с губернатором Нижнего Новгорода обсуждались вопросы подготовки к празднованию 400-летия народного ополчения и 400-летия Дома Романовых. “Эти темы, — сказал Михаил Ефимович, — будут очень важны для России, и обсуждать их надо уже сейчас”.

В руководстве Северной столицы, по информации “Итогов”, идею празднования круглой монархической даты разделяют полностью. Но все инициативы в Кремль на сей счет там просят на всякий случай отправлять от имени костромичей. Пока вся публичная деятельность по подготовке 400-летия в Санкт-Петербурге сводится к созданию попечительского совета по восстановлению храма в честь Феодоровской иконы Божией Матери, возведенного к 300-летнему юбилею Дома Романовых. Председатель попечительского совета не кто-нибудь, а спикер Госдумы и лидер “Единой России” Бо-

рис Грызлов. Члены совета — губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко и глава РАО “РЖД” Владимир Якунин. То есть идея достойно встретить юбилей всерьез увлекла российские верхи.

Помимо лоббистской работы по подготовке праздника в регионах под круглую дату будет создаваться инфраструктура для поддержки туристической деятельности, появятся новые рабочие места для местного населения, “связанного с традиционными промыслами”. Одним словом, дело выгодное. Почему же в Кремле просят провинциалов пока не беспокоить Владимира Путина просьбами насчет встречи юбилея на федеральном уровне?

По информации “Итогов”, в администрации президента посчитали, что погружение в историю нашему государству в последнее время удастся не очень хорошо, и кое-кто даже почувствовал в этих экспериментах потенциальную опасность. Говорят, что когда одному из главных идеологов вновь учрежденного “смутного праздника” передали аналитическую записку, принадлежащую перу известного российского историка, в которой тот изложил свою версию событий, происходивших 4 ноября почти 400 лет назад, в Кремле схватились за голову. Оно и понятно. Назвать гражданскую войну Днем народного единства, конечно, можно, но внятно объяснить согражданам, почему они должны ликовать и поздравлять друг друга в этот день, куда сложнее.

Отмечать на этом фоне еще и юбилей династии, чьи основатели успели послужить и Лжедмитрию, и Семибоярщине, и не очень популярному в учебниках истории польскому претенденту на русский трон принцу Владиславу, — это уже перебор в патриотическом воспитании. Не говоря о том, что история династии Романовых для одних кончилась Октябрьской революцией, а для других — Ипатьевским до-

мом. Российское общество до сих пор расколото на красных и белых. Какая уж тут пропаганда национальной идеи, когда вопросов больше, чем ответов?»

Внятных ответов Кремль пока давать не желает, но, как видим, по всей стране уже идет подготовка к юбилею, на который будут угроханы астрономические суммы из государственного бюджета.

Ну а для проведения грандиозного политического шоу, подготовка к которому уже начата, потребуются «свадебные генералы» из семейства Романовых.

В 2013 году Николаю и Дмитрию Романовым стукнет, соответственно, 91 и 87 лет, и им явно будет трудно исполнять роль «свадебных генералов». Но и они всего лишь внуки великих князей. А Гоша — правнук великого князя Кирилла, его родители и деды никогда не жили в России. Как он и другие потомки Романовых могут играть какую-то политическую роль у нас?

Да и чем нынешние Романовы отличаются, скажем, от князей Рюриковичей? Первые относятся к династии, не царствующей четыре поколения, а вторые — двадцать четыре поколения. Но какая тут разница перед историей?!

Ну а что касается эмоций, то трудно найти потомков независимых государей Рюриковичей, в роду которых были бы детоубийцы, мужеубийцы и отцеубийцы, как в Голштейн-Готторпской династии Романовых.

Почему какие-то мифические потомки Багратидов считаются царствующим родом, а наши славные князья Рюриковичи, создавшие великую Русь, — нет?

А в каком ужасном состоянии находится сейчас большинство могил князей Рюриковичей, строивших наши города и защищавших их от врагов! Почему же не привести в порядок известные могилы, не отыскать, пока не поздно, утерянные? Поход

к могилам князей Рюриковичей может стать живым уроком истории для школьников — от областных центров Твери, Смоленска, Рязани, Нижнего и Великого Новгорода до малых городов и поселков — Кашина, Дмитрова, Можайска, Звенигорода и десятков других. Это история нашей великой страны и одновременно малой родины.

Но, увы, внимание президента, губернаторов, иерархов церкви проходит почему-то мимо. Им гораздо важнее искать кости царя-неудачника, а также его родственников-эмигрантов, призывавших западные страны к крестовому походу на Россию. Поэтому-то сейчас Российская Федерация платит большие суммы Франции за содержание эмигрантского кладбища Сен-Женевьев-де-Буа.

С 1991 года наши либералы постоянно талдычат народу: надо брать пример с Запада. Так давайте в данном случае последуем их совету в отношении потомков свергнутых монархов. А таких, замечу, в Западной Европе сотни, если не тысячи. Но почему-то канцлер Германии или президент Франции не принимают официально людей только за то, что у него кто-то из предков был Гогенцоллерн или Бурбон.

Во Франции, к примеру, есть объединения Наполеонидов, Орлеанидов, Бурбонов. Их никто не запрещает. Они открыто участвуют в политической жизни Франции, но на тех же основаниях, что и остальные граждане республики.

Накануне Нового, 2008 года наше телевидение показало интервью с одним из потомков Наполеона. Он борется за пост мэра какого-то маленького городка, но при этом не требует себе никаких привилегий. Представим на секунду, что сей персонаж объявил бы себя «государем» или «императором» Франции. Его неминуемо бы ждала беседа с психиатром, а затем с представителем спецслужб, или наоборот.

Упаси, Господи, автор не против монархистов вообще или сторонников Романовых в частности. Наоборот, я первый за то, чтобы монархисты были представлены в Государственной думе. Семипроцентный барьер в Госдуму — это нож в спину демократам! Пусть Георгий или Мария Романовы организуют свою партию «кирилловцев» или «георгиевцев» и в установленном законом порядке попытаются прийти к власти.

Но, увы, эта компания избрала совсем другой путь — закулисных интриг и сделок с персонажами, обладающими деньгами и властью в России. Наша страна в любой момент может стать жертвой заговора нескольких человек, как это было в Беловежской пуще. Естественно, послушное власти большинство в Думе проголосует за что угодно. А далее пресса раскрутит за пару-тройку месяцев какого-нибудь Гошу или Наташу Консоло, дочь Петра Романова. Помните, как в 1996 году, за три месяца до выборов, рейтинг Ельцина был 5 процентов, а затем СМИ раскрутили рейтинг алкоголика до 55 процентов. Перед выборами Ельцин на трибуне плясал твист, а сразу после выборов слег на несколько месяцев на шунтирование сердца. Так что у нас за счет неразумных тетек и бабулек, солдат, студентов и прочих персонажей, принудительно согнанных на выборы, а также за счет махинаций по подсчету голосов можно выбрать хоть Коцея Бессмертного.

Повторяю, голосованием квалифицированного большинства в Думе и «всенародным референдумом» мы вполне можем получить монархию. Пока вероятность такого исхода невелика, но он вполне реален.

Не следует забывать и внешней угрозы, я имею в виду «вариант с японской марионеткой императором Пу И». Ну, — отмахнется вальяжный демо-

крат, — это когда было. Пардон, но как только в стране «третьего мира» появляется правительство, негодное США и НАТО, немедленно спецслужбы Запада достают из засаленной крапленой колоды потомка какого-нибудь шаха, шейха или султана. Так было с Ираком, Ираном, Афганистаном и т. д. Правда, посадить на престол такую марионетку у американцев пока не получилось, однако блефовать и дестабилизировать обстановку в стране-жертве пока удавалось.

Не пора бы нашему народу потребовать от правительства раз и навсегда прекратить интриги с Романовыми, которые не только осложняют политическую обстановку в стране, но и пожирают огромные государственные средства?

А что касается самих Романовых, то пусть вволю занимаются благотворительной, общественной и политической деятельностью, но только в качестве обыкновенных граждан, а не «государей» и «государынь».

Празднование же 400-летия Дома Романовых — это частное дело граждан монархистов, а государственный бюджет здесь явно ни при чем.

2007—2008 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Монархи Европы: судьбы династий / Ред.-сост. Н.В. Попов. М.: Республика, 1996. С. 401.**

² **Мэтры-историки постоянно забывают, что в XIV–XV веках не только Московское, но и другие большие русские княжества официально именовались «Великими».**

³ **У нас в художественной литературе и даже в трудах историков в ходу штамп — «древний боярский род». Это очень удобный термин, и я сам иногда, скрепя сердце, им пользуюсь. Но, чтобы не вводить в заблуждение читателя, следует пояснить — если любой законный сын князя Рюриковича с момента рождения становился князем, то боярство в русских княжествах не передавалось по наследству. С таким же успехом можно сказать — «древний генеральский род». Но если папа был генералом, то карьера его сына вполне может кончиться чином капитана — то убьют, то за пьянство со службы выгонят. Так и сын боярина вполне мог закончить свою карьеру в чине стольника или окольного. Боярин — это высший чин при дворе князя. Таким образом, под «боярским родом» следует понимать группу родственников, служивших при дворе князя, среди которых несколько человек получили боярство.**

⁴ **Родня Романовых по женской линии.**

⁵ **Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986. С. 322.**

⁶ **Прелестный денди (законодатель мод).**

⁷ **Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров; АСТ, 1999. С. 133–134.**

⁸ **Генерал-адъютант — должность в свите императора.**

⁹ **Когда в августейшей фамилии оказывались два персонажа с одинаковыми именем и отчеством, то их именовали «старший» и «младший».**

¹⁰ **Боханов А.Н. Романовы. Сердечные тайны. М.: АСТ-ПРЕСС, 2000. С. 280.**

¹¹ Собрание Указаний и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 6 марта 1917 г. № 54. Отдел Первый. Ст. 345. Об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия Верховной власти впредь до установления в Учредительном Собрании образа правления и новых основных законов Государства Российского.

¹² ГАРФ, ф. 601, оп. 1, ед. хр. 1263, л. 3.

¹³ Вечерний Донецк, № 171 (7843) от 21.11.2003.

¹⁴ Корсунова Т. Тайна последнего русского царя. Материалы сайта <http://mirotver.ru>

¹⁵ Скотт С. Романовы. Биография династии. М.: Захаров, 2006. С. 111.

¹⁶ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. С. 259.

¹⁷ Цит. по: Красных Е. Князь Феликс Юсупов: «За все благодарю...»: Биография. М.: Издательство РДЛ, 2003. С. 472–473.

¹⁸ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. С. 282–283.

¹⁹ Красных Е. Князь Феликс Юсупов: «За все благодарю...»: Биография. С. 478.

²⁰ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. С. 291–292.

²¹ Красных Е. Князь Феликс Юсупов: «За все благодарю...»: Биография. С. 525.

²² Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М.: Захаров, 2003. С. 385–386.

²³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 436. Л. 81. Копия.

²⁴ АВПРФ. Ф. 085. Оп. 7. П. 101. Д. 21. Л. 35–46. Рубинин — Литвинову. 11 октября 1924 г.

²⁵ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. С. 502–503.

²⁶ АВПРФ. Ф. 085. Оп. 2. П. 105а. Д. 85. Л. 27–28. Посланник М. Кобецкий — пер. зам. нарк. по ин. дел. М.М. Литвинову. 5 ноября 1928 г.

²⁷ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2004. С. 178.

²⁸ В дневниках упомянут мичман Розе. Возможно,

речь идет о Павле Яковлевиче Розенберге — мичмане военного времени. — Прим. автора.

²⁹ Куликовская-Романова О.Н. Царского рода. СПб.: Сатисъ, 2004. С. 165.

³⁰ Скотт С. Романовы. Биография династии. С. 118.

³¹ Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна Романова (1847–1928 гг.). Дневники. Письма. Воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 253.

³² Скотт. С. Романовы. Биография династии. С. 119–120.

³³ Там же. С. 120.

³⁴ Куликовская-Романова О.Н. Царского рода. С. 218, 222.

³⁵ Там же. С. 226–227.

³⁶ Там же. С. 139–141.

³⁷ Ольденберг С.С. Царствование Императора Николая II. Белград: Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической литературы, 1939. Т. 1. С. 32.

³⁸ Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. М.: Издательство историко-архивного института РГГУ, 1994. С. 54.

³⁹ ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 279. Л. 10–11.

⁴⁰ Совершенно секретно. Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сборник документов. М.: Институт российской истории РАН, 2001–2004. Т. I. С. 922.

⁴¹ Там же. Т. II. С. 313.

⁴² «Петроградская газета». 9 марта 1917 г.

⁴³ Граф Георгий (Гаральд) Карлович (1885–1966) — окончил в 1904 г. Морской корпус. В мировую войну был капитаном 2 ранга, командовал эсминцем «Новик». Его мать длительное время находилась в дружественных отношениях с великой княгиней Марией Павловной, что и предопределило его поступление в 1924 г. в секретари к великому князю Кириллу, впоследствии он до 1941 года был секретарем у Владимира Кирилловича.

⁴⁴ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. Воспоминания. С. 49–50.

⁴⁵ Там же. С. 81–82.

⁴⁶ Там же. С. 496–498.

⁴⁷ Там же. С. 92–94.

⁴⁸ (ст. 62 Основных Государственных Законов). 1889 Июн. 6 (6076); (1890 Дек. 19, Выс. утв. докл. Главноупр. Код. Отд. при Гос. Сов.); 1906 Апр. 23, собр. узак., 603, ст. 25.

⁴⁹ Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996. С. 269.

⁵⁰ Там же. С. 271.

⁵¹ Тальберг Н. Мысли старого монархиста // Русская жизнь. Сан-Франциско. 16 марта 1966 г.

⁵² Цит. по: Назаров М.В. Кто наследник Российского Престола? М.: Русская идея, 1996. С. 34.

⁵³ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 113.

⁵⁴ Латвия на грани эпох / Под ред. Л. Зиле, И. Даудиша, Э. Пелкауса. Рига: Автос, 1988. С. 27.

⁵⁵ Там же. С. 133.

⁵⁶ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 114.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 120–121.

⁵⁹ Там же. С. 121.

⁶⁰ Там же. С. 196–197.

⁶¹ Цит. по: Назаров М.В. Кто наследник Российского Престола? С. 36.

⁶² Там же.

⁶³ Ильин И. Письмо П.Н. Врангелю. Сан-Ремо. 1924. 4 октября // АГИВ. Кор. 150. Д. 40. Л. 467–469.

⁶⁴ Ильин И. Сводка «О положении». Май 1925 г. // АГИВ. Кор. 150. Д. 41. Л. 162–166.

⁶⁵ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. С. 413–416.

⁶⁶ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. Воспоминания. С. 204–205.

⁶⁷ Матильда Кшесинская. Воспоминания / Пер. с французского Л. Папилиной. Смоленск: Русич, 1998. С. 130–131.

- ⁶⁸ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. Воспоминания. С. 337–339.
- ⁶⁹ Матильда Кшесинская. Воспоминания. С. 318–319.
- ⁷⁰ Граф Г.К. на службе Императорскому Дому России. 1917–1941. Воспоминания. С. 330.
- ⁷¹ Матильда Кшесинская. Воспоминания. С. 233.
- ⁷² Там же. С. 321.
- ⁷³ Там же. С. 321–322.
- ⁷⁴ Там же. С. 322.
- ⁷⁵ Там же. С. 329.
- ⁷⁶ Там же. С. 330.
- ⁷⁷ Там же. С. 331–332.
- ⁷⁸ Там же. С. 332–333.
- ⁷⁹ По одним сведениям, он был чиновником, по другим — капитаном 1 ранга.
- ⁸⁰ Матильда Кшесинская. Воспоминания. С. 352.
- ⁸¹ Там же. С. 352–354.
- ⁸² Там же. С. 350–351.
- ⁸³ Там же. С. 390–391.
- ⁸⁴ Там же. С. 392.
- ⁸⁵ Там же. С. 393.
- ⁸⁶ Там же. С. 398–399.
- ⁸⁷ Там же. С. 400–401.
- ⁸⁸ По данным сайта <http://www.vvulf.ru/officiel/officiel-42-1.htm>
- ⁸⁹ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. С. 324–326.
- ⁹⁰ Название «лимитрофы» произошло от латинского слова «лимитрофус» (пограничный, питающий).
- ⁹¹ Ленин В.И. Сочинения. Т. XXIV. С. 545.
- ⁹² Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. С. 405–406.
- ⁹³ Там же. С. 407–410.
- ⁹⁴ Там же. С. 357.
- ⁹⁵ Там же. С. 495–497.
- ⁹⁶ Там же. С. 500.
- ⁹⁷ Там же. С. 524.
- ⁹⁸ Воспоминания Марии Павловны. С. 57–58.
- ⁹⁹ Там же. С. 61–62.

- ¹⁰⁰ Там же. С. 70–71.
- ¹⁰¹ Там же. С. 83–83.
- ¹⁰² Скотт С. Романовы. Биография династии. С. 156.
- ¹⁰³ Там же. С. 157.
- ¹⁰⁴ Воспоминания Марии Павловны. С. 118–119.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 134.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 162.
- ¹⁰⁷ Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах. М.: Захаров, 2007. С. 208–209.
- ¹⁰⁸ Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994.
- ¹⁰⁹ Симанович А. Распутин и евреи. Рим, 1924.
- ¹¹⁰ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы / Сост. И.И. Басик. М.: Гея, 1998. Т. I. Кн. 2. С. 36.
- ¹¹¹ Воспоминания Марии Павловны. С. 448.
- ¹¹² Граф Г.К. на службе Императорскому Дому России. 1917–1941. Воспоминания. С. 512.
- ¹¹³ Там же. С. 515.
- ¹¹⁴ Скотт С. Романовы. Биография династии. С. 189.
- ¹¹⁵ Воспоминания Марии Павловны. С. 269–270.
- ¹¹⁶ Там же. С. 282.
- ¹¹⁷ Там же. С. 301–302.
- ¹¹⁸ Там же. С. 316.
- ¹¹⁹ Там же. С. 363.
- ¹²⁰ Там же. С. 367.
- ¹²¹ Там же. С. 373–374.
- ¹²² Там же. С. 460–461.
- ¹²³ Там же. С. 488–489.
- ¹²⁴ Скотт С. Романовы. Биография династии. С. 172.
- ¹²⁵ Красных Е. Князь Феликс Юсупов: «За все благодарю...»: Биография. С. 80–81.
- ¹²⁶ Там же. С. 266.
- ¹²⁷ В настоящее время деревня Коккоз называется Соколиное.
- ¹²⁸ Цит. по: Красных Е. Князь Феликс Юсупов: «За все благодарю...» С. 241.
- ¹²⁹ Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах. С. 82.
- ¹³⁰ Там же. С. 261.

- ¹³¹ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы. Т. I. Кн. 2. С. 482.
- ¹³² Князь Феликс Юсупов. Мемуары. С. 286.
- ¹³³ Там же. С. 305.
- ¹³⁴ Там же. С. 315–316.
- ¹³⁵ Под этим названием фильм шел в Англии.
- ¹³⁶ Князь Феликс Юсупов. Мемуары. С. 403.
- ¹³⁷ Там же. С. 413–414.
- ¹³⁸ При написании главы были использованы материалы, подготовленные Историко-генеалогическим комитетом ВМЦ. (Материалы сайта <http://www.impermuseum.org>).
- ¹³⁹ Материалы сайта http://www.reakcia.ru/v_news/view/?49537
- ¹⁴⁰ Материалы сайта <http://www.princeofkent.ru/declare/index.shtml>
- ¹⁴¹ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 501–502.
- ¹⁴² Закатов А.Н. Великий князь — ровесник революции // Российские вести, 2007, 18–24 апреля.
- ¹⁴³ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 284–285.
- ¹⁴⁴ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: Советский писатель, 1948. С. 116.
- ¹⁴⁵ Граф. Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 292.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 307.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 342–343.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 343–344.
- ¹⁴⁹ Цит. по: Думин С.В. Романовы. Императорский Дом в изгнании. М., 1998. С. 199–200.
- ¹⁵⁰ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 345.
- ¹⁵¹ Там же. С. 350–351.
- ¹⁵² Черкасов П. Под колпаком «Сюрте» // Материалы сайта http://www.istrodina.com/rodina_articul.php?id=1611&n=53
- ¹⁵³ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. С. 403, 404.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 409.

¹⁵⁵ Там же. С. 416.

¹⁵⁶ Там же. С. 418.

¹⁵⁷ Там же. С. 417, 419.

¹⁵⁸ Там же. С. 427.

¹⁵⁹ Там же. С. 435–436.

¹⁶⁰ Закатов А.Н. Великий князь — ровесник революции // Российские вести, 2007, 18–24 апреля.

¹⁶¹ Закатов А.Н. Великий князь — ровесник революции // Российские вести, 2007, 18–24 апреля.

¹⁶² История родов русского дворянства / Сост. П.Н. Петров. В 2 кн. Кн. 1. М.: Современник, 1991. С. 415–416.

¹⁶³ Под стягом России. Сборник архивных документов / Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерова. М.: Русская книга, 1992. С. 260–261.

¹⁶⁴ Цит. по: Захаров В.А. Романовы вчера и сегодня. Великий Князь Владимир Александрович и его наследники. Материалы сайта http://www.monarchruss.org/index.php?option=com_content&task=view&id=36&Itemid=26

¹⁶⁵ Назаров М.В. Кто наследник российского престола? С. 47–48.

¹⁶⁶ Там же. С. 51–52.

¹⁶⁷ Там же. С. 52–53.

¹⁶⁸ Князь Василий Александрович являлся племянником императора Николая Александровича — сыном Его сестры Вел. Княгини Ксении Александровны и Вел. Кн. Александра Михайловича.

¹⁶⁹ Цит. по: Захаров В.А. Романовы вчера и сегодня. Великий Князь Владимир Александрович и его наследники. Материалы сайта http://www.monarchruss.org/index.php?option=com_content&task=view&id=36&Itemid=26

¹⁷⁰ Чухнов Н. Слишком вернопреданный // Знамя России, 1975, № 368.

¹⁷¹ Великий Князь Владимир Кириллович, Великая Княгиня Леонида Георгиевна. Россия в нашем сердце. СПб., 1995. С. 122.

¹⁷² Антоний, архиепископ Лос-Анджелесский. Великий Князь Владимир Кириллович и его посещение СССР

// Православный вестник Нью-Йоркской и Канадской епархий. Нью-Йорк, 1993, № 60/61.

¹⁷³ Скотт С. Романовы. Биография династии. С. 142–143.

¹⁷⁴ Материалы сайта <http://www.rian.ru/analyt-ics/20071108/87185094.html>

¹⁷⁵ Материалы сайта <http://monarhist-spb.narod.ru>

¹⁷⁶ Скотт С. Романовы. Биография династии. С. 230–234.

¹⁷⁷ Материалы сайта <http://www.hronos.km.ru/dokum/nasltdniki.html>

¹⁷⁸ Скотт С. Романовы. Биография династии. С. 237.

¹⁷⁹ Материалы сайта <http://www.Login.gorodovoy.spb.ru>

¹⁸⁰ Кравцов Р. Зачем России монархия, если есть президент? // «Комсомольская правда», 6 июня 2003 г.

¹⁸¹ Скотт С. Романовы. Биография династии. С. 263.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Боханов А.Н. Романовы. Сердечные тайны. М.: АСТ-ПРЕСС, 2000.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров; АСТ, 1999.

Великий князь Владимир Кириллович, великая княгиня Леонида Георгиевна. Россия в нашем сердце. СПб.: 1995.

Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996.

Волков С.В. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М.: Захаров, 2003.

Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2004.

Громова И.А. Последние Романовы. М.: Дрофа-Плюс, 2006.

Думин С.В. Романовы. Императорский Дом в изгнании. М.: 1998.

История родов русского дворянства /Сост. П.Н. Петров. В 2 кн. Кн. 1. М.: Современник, 1991.

Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах. М.: Захаров, 2007.

Красных Е. Князь Феликс Юсупов: «За все благодарю...»: Биография. М.: Издательство РДЛ, 2003.

Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна Романова (1847–1928 гг.). Дневники. Письма. Воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Куликовская-Романова О.Н. Царского рода. Тихон Николаевич Куликовский-Романов. 1917–1993. СПб.: САТИСЪ, 2004.

Латвия на грани эпох / Под ред. Л. Зиле, И. Даудиса, Э. Пелкауса. Рига: Автос, 1988.

Матильда Кшесинская. Воспоминания / Пер. с французского Л. Папилиной. Смоленск: Русич, 1998.

Монархи Европы: судьбы династий / Ред.-сост. Н.В. Попов. М.: Республика, 1996.

Назаров М.В. Кто наследник российского престола? М.: Русская идея, 1996.

Ольденберг С.С. Царствование Императора Николая II. Белград: Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической литературы, 1939.

Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. М.: Издательство историко-архивного института РГГУ, 1994.

Под стягом России. Сборник архивных документов / Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М.: Русская книга, 1992.

Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы / Сост. И.И. Басик. М.: Гея, 1998.

Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. I. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. / Составит. И.И. Басик, В.А. Авдеев, А.Т. Жадобин и др. М.: Гея, 1998.

Скотт С. Романовы. Биография династии. М.: Захаров, 2006.

Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986.

Совершенно секретно. Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сборник документов. М.: Институт российской истории РАН, 2001–2004.

Широкоград А.Б. Путь к трону: Историческое исследование. М.: Астрель; АСТ, 2002.

Широкоград А.Б. Тайная история России. История, которую мы не знали. М.: Вече, 2007.

Схема 1

Владимировичи

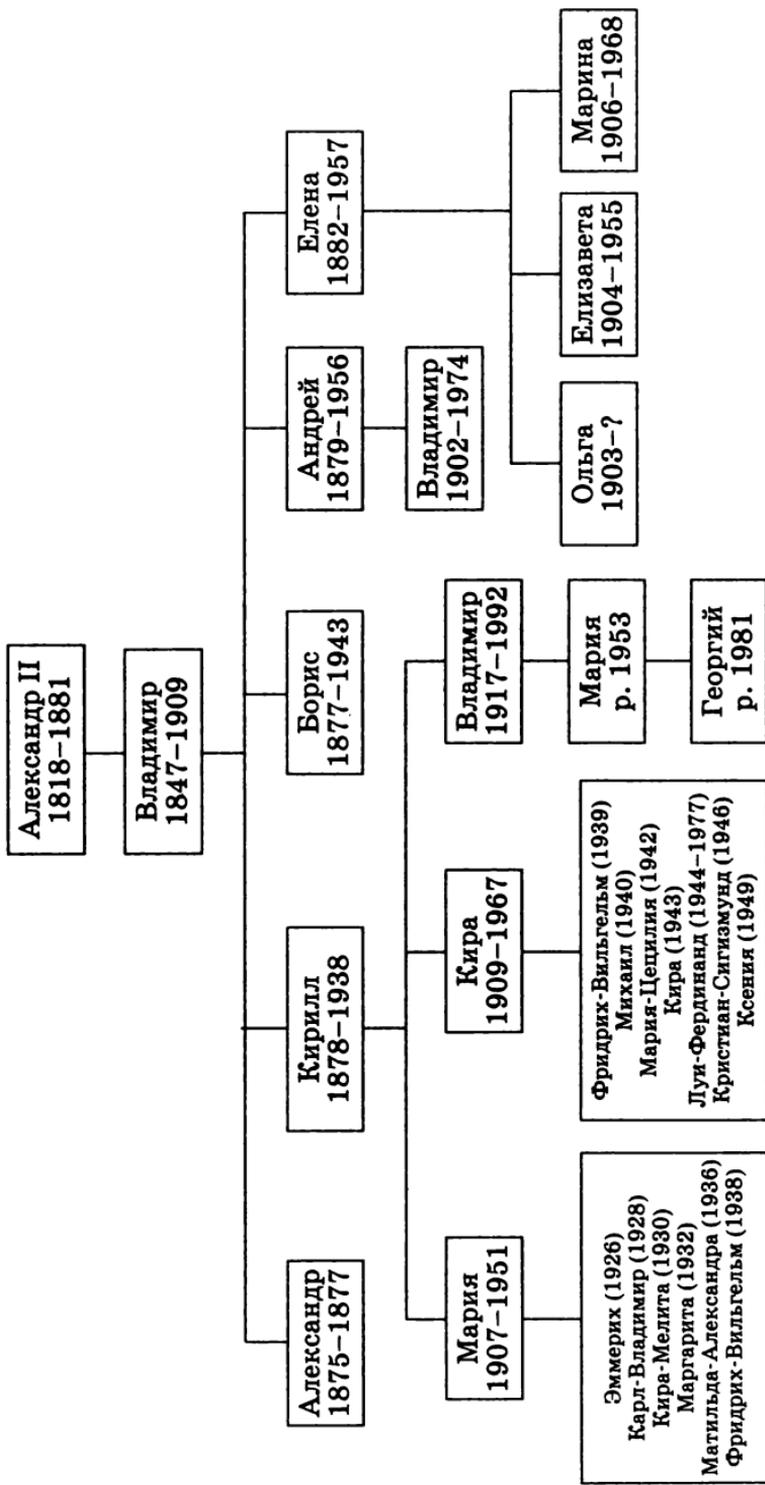

Схема 2

Павловичи

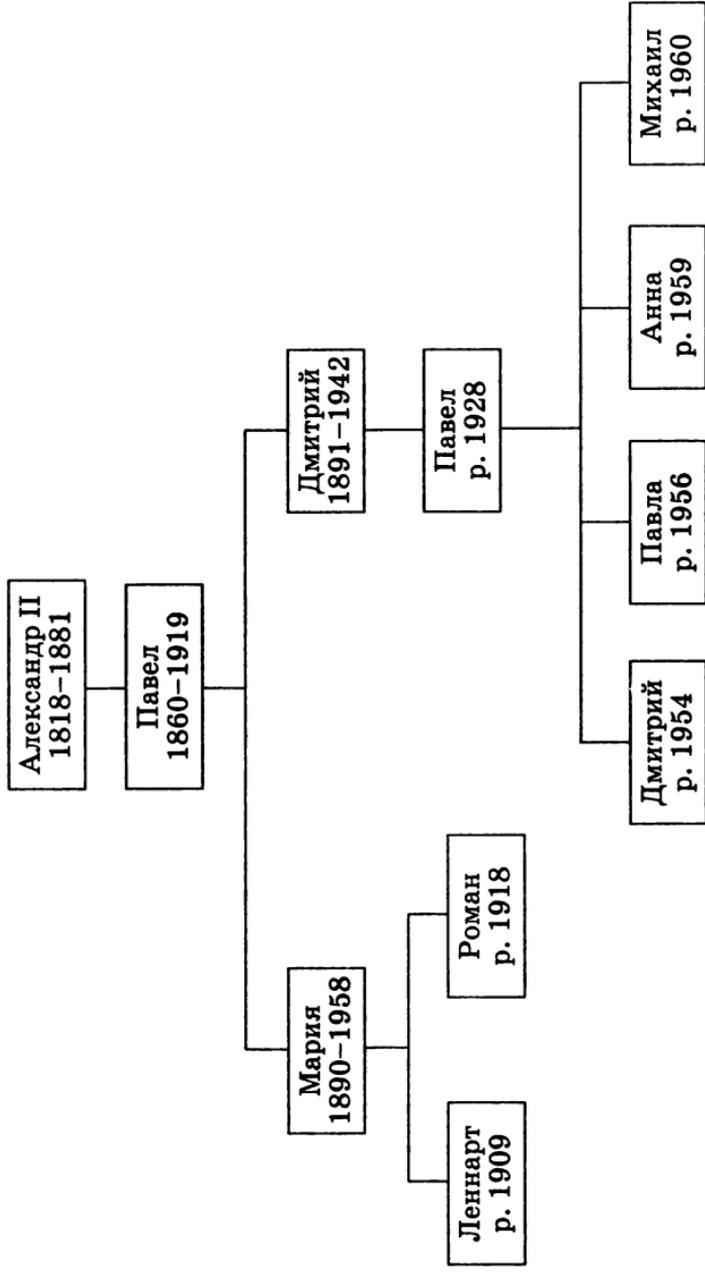
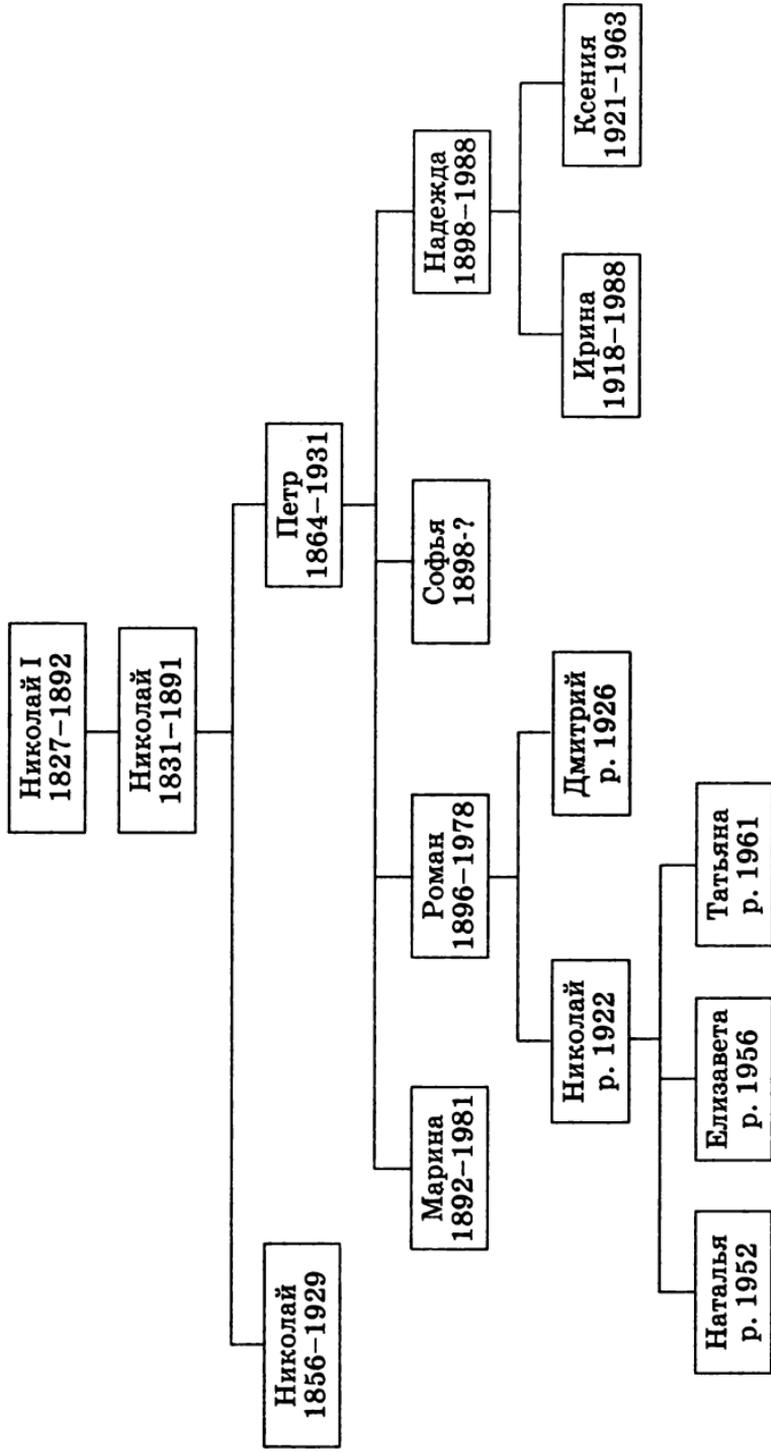

Схема 3

Николаевичи

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Широкоград. СУДЬБА ДИНАСТИИ

Глава 1. Династия Романовых — мифы и реальность	7
Глава 2. Александровичи	18
Глава 3. Константиновичи	22
Глава 4. Михайловичи	24
Глава 5. Николаевичи	36
Глава 6. Революция и Гражданская война	45
Глава 7. От Киева до Дюльбера	66
Глава 8. Мария Федоровна на родине	82
Глава 9. Младшая сестра императора	91
Глава 10. Великий князь Николай Николаевич	103
Глава 11. Император Кирилл	113
Глава 12. Великие комбинаторы при дворе кобургского императора	127
Глава 13. Будни Сен-Бриака	138
Глава 14. Великие князья Борис и Андрей Владимировичи	167
Глава 15. Великий князь Александр Михайлович	196
Глава 16. Дети опального князя	215
Глава 17. «Августейший убивец»	236
Глава 18. Бизнес-леди	254
Глава 19. Свадьба Феликса и Ирины	274
Глава 20. Дивиденды с убийства	299
Глава 21. Ольденбургская ветвь династии Романовых	308
Глава 22. Принц для «оранжевой революции»	325
Глава 23. «Светлейшие князья Юрьевские»	332
Глава 24. Быть ли новому императору?	335
Глава 25. Великий князь становится пролетарием	349
Глава 26. Мировая война	361
Глава 27. Брачные хлопоты «кирилловцев»	376
Глава 28. Мария и Георгий	394
Глава 29. Николай Романович Романов	413
Глава 30. Потомки великого плейбоя	434
Вместо заключения	444
Примечания	459
Список использованной литературы	468
Родословные схемы	471

Литературно-художественное издание

Широкоград Александр Борисович
СУДЬБА ДИНАСТИИ

Ведущий редактор *А. В. Варламов*
Художественный редактор *О. Н. Адашкина*
Технический редактор *Е. П. Кудиярова*
Корректор *И. Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Е. Л. Бондаревой*
Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

ISBN 978-5-17-058878-7

9 785170 588787

ISBN 978-5-17-058883-1

9 785170 588831

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск. Заказ 977.

ОАО «Полиграфкомбинат имени Я. Коласа».
ЛП № 02330/0056617 от 27.03.2004.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Издательство «АСТРЕЛЬ» представляет серию:

РОМАНОВЫ

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ

ИВАН V

ПЕТР ВЕЛИКИЙ (ист.иссл.)

ПЕТР II

ИОАНН АНТОНОВИЧ

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

(ист.иссл.)

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ.

Кн. 1,2, (ист.иссл.)

ПАВЕЛ I (ист.иссл.)

НИКОЛАЙ I

АЛЕКСАНДР III

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

ЦАРСКИЕ СУДЬБЫ

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ (кн.2)

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

ПЕТР ВЕЛИКИЙ. Кн. 1,2

ЕКАТЕРИНА I

АННА ИОАННОВНА

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

ПЕТР III

ПАВЕЛ I

АЛЕКСАНДР I

АЛЕКСАНДР II

НИКОЛАЙ II. Кн. 1,2

ПУТЬ К ТРОНУ

ИСТ.ПОРТРЕТЫ. Кн. 1,2

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Готовится к изданию:
ПРИНЦЕССЫ-ИМПЕРАТРИЦЫ

Издательство «АСТРЕЛЬ» представляет серию:

ВЕЛИКИЕ ВЛАСТИТЕЛИ

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ	ЧИНГИСХАН
ТАМЕРЛАН	ЦЕЗАРЬ
КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ	ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ
АТТИЛА	АВГУСТ ОКТАВИАН
НАПОЛЕОН	ГАННИБАЛ
КИР ВЕЛИКИЙ	РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ
КАРЛ ВЕЛИКИЙ	САЛАДИН
НАВУХОДОНОСОР	ТУТАНХАМОН
МИТРИДАТ	ВАЛТАСАР
ТУТМОС	ПЕРИКЛ
МАРК АВРЕЛИЙ	КСЕРКС
РОМУЛ	ОСМАН
ДАРИЙ	КРОМВЕЛЬ
ГАРОЛЬД ХРАБРЫЙ	ТРАЯН
ГЕНРИХ VIII	ПТОЛЕМЕЙ
ФРАНЦ-ИОСИФ	БАТЫЙ
КОНСТ. БАГРЯНОРОДНЫЙ	РАМСЕС
ФЕМИСТОКЛ	АДРИАН

Готовится к изданию:

ЮСТИНИАН

Издательство «АСТРЕЛЬ» представляет серию:

РУССКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

КУТУЗОВ

РУМЯНЦЕВ

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ

ЕРМОЛОВ

ВОРОТЫНСКИЙ

САЛТЫКОВ

СКОПИН-ШУЙСКИЙ

ГУРКО

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

СПИРИДОВ

СВЯТОСЛАВ

МАЛИНОВСКИЙ

ЧЕРНЯХОВСКИЙ

СУВОРОВ

НАХИМОВ

БАГРАТИОН

СЕНЯВИН

ТУХАЧЕВСКИЙ

РОКОССОВСКИЙ

КОНЕВ

ВАСИЛЕВСКИЙ

РЕПНИН

АДАШЕВ

МЕРЕЦКОВ

КОРНИЛОВ

ОЛЕГ

УШАКОВ

БРУСИЛОВ

ЖУКОВ

ЛАЗАРЕВ

СКОБЕЛЕВ

ГОЛИЦЫН

ДОЛГОРУКОВ

ПЛАТОВ

КУЗНЕЦОВ

МАКАРОВ

МУРАВЬЕВ-КАРСКИЙ

ШЕИН

РАЕВСКИЙ

Готовится к изданию:

ОКТАБРЬСКИЙ

НАШИ КНИГИ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

в Москве:

- м. Бауманская, ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. Бибирево, ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0
- м. Варшавская, Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. Домодедовская, ТК «Твой Дом», 23 км МКАД, т. 727-16-15
- м. Крылатское, Осенний б-р., 18, корп.1, т. 413-24-34 доб.31
- м. Кузьминки, Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. Павелецкая, ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. Парк Культуры, Зубовский б-р, 17, стр.1, т. 246-99-76
- м. Перово, ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. Петровско-Разумовская, ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. Преображенская площадь, ул. Большая Черкизовская, 2, к. 1, т. 161-43-11
- м. Сокол, ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, 76, к. 1, эт. 3, т. 781-40-76
- м. Сокольники, ул. Строминка, 14/1, т. 268-14-55
- м. Таганская, Б.Факельный пер., 3, стр.2, т. 911-21-07
- м. Тимирязевская, Дмитровское ш., 15, корп.1, т. 977-74-44
- м. Царицыно, ул. Лутанская, 7, корп.1, т. 322-28-22

в регионах:

- Архангельск, 103 квартал, Садовая ул., 18, т.(8182) 65-44-26
- Белгород, Хмельницкого пр., 132а, т.(0722) 31-48-39
- Владимир, ул. Дворянская, 10, т. (0922) 42-06-59
- Волгоград, Мира ул., 11, т.(8442) 33-13-19
- Екатеринбург, Малышева ул., 42, т.(3433) 76-68-39
- Киев, Льва Толстого ул., 11, т.(8-10-38-044) 230-25-74
- Краснодар, ул. Красная, 29, т.(8612) 62-75-38
- Красноярск, «ТК», Телевизионная ул., 1, стр.4, т.(3912) 45-87-22
- Липецк, Первомайская ул., 57, т.(0742) 22-27-16
- Н.Новгород, ТК «Шоколада», Белинского ул., 124, т.(8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, Космонавтов пр., 15, т.(8632) 35-95-99
- Самара, Ленина пр., 2, т.(8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140, т.(812) 277-29-50
- Санкт-Петербург, Савушкина ул., 141, ТЦ «Меркурий», т.(812) 333-32-64
- Тверь, Советская ул., 7, т.(0822) 34-53-11
- Челябинск, Ленина ул., 52, т.(3512) 63-46-43
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Книги издательской группы АСТ Вы можете также заказать и получить по почте
в любом уголке России.

Пишите: 107140, Москва, а/я 140. Звоните: (495) 744-29-17
ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ **наст**ОЯЩИЕ КНИГИ

В ходе революции и Гражданской войны более половины членов дома Романовых разными путями оказались за рубежом. Среди них были мать, родные сестры, дядя, двоюродные братья и племянники императора Николая II. Как сложились их судьбы? Кто и почему решил претендовать на корону Российской империи? В каких отношениях находились члены августейшей фамилии с эмиграцией? На чьей стороне были Романовы в годы Второй мировой войны? Кто из их потомков полностью адаптировался за рубежом? И, наконец, главный вопрос, на который отвечает данная книга: возможна ли в XXI веке реставрация монархии в России?

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-058883-1

9 785170 588831